ВЕСТНИК ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
СЕРИЯ: **ПРАВО**

У ч р е д и т е л ь:
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

Председатель – *Ю. Н. Старилов,* д-р юрид. наук, проф. Заместители председателя – *Ю. А. Бубнов*, д-р филос. наук, проф.; *Д. В. Костин*, д-р физ.-мат. наук, доц. Координатор – *Н. М. Близняков*, канд. физ.-мат. наук, доц.
Члены совета: *В. Г. Артюхов*, д-р биол. наук, проф.; *В. Н. Глазьев*, д-р ист. наук, проф.; *Д. А. Ендовицкий*, д-р экон. наук, проф.; *А. С. Кравец*, д-р филос. наук, проф.; *А. А. Кретов*, д-р филол. наук, проф.; *С. А. Куролап*, д-р геогр. наук, проф.; *А. Д. Савко*, д-р геол.-минерал. наук, проф.; *А. А. Сирота*, д-р техн. наук, проф.; *В. В. Тулупов*, д-р филол. наук, проф.; *С. А. Шабров*, д-р физ.-мат. наук, доц.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ:

Главный редактор – *Ю. Н. Старилов,* д-р юрид. наук, проф. Заместители главного редактора – *О. С. Рогачёва,* д-р юрид. наук, доц.; *Ю. Б. Носова,* канд. юрид. наук, доц. Ответственный секретарь – *О. Н. Шеменёва,* д-р юрид. наук, доц. Члены редколлегии: *А. И. Абдуллин*, д-р юрид. наук, проф. (Казанский (Приволжский) федеральный университет); *Ю. В. Агибалов,* канд. экон. наук, доц. (РАНХиГС при Президенте РФ, Воронежский филиал); *М. О. Баев,* д-р юрид. наук, проф.; *О. Ю. Бакаева*, д-р юрид. наук, проф. (Саратовская государственная юридическая академия); *О. В. Баулин,* д-р юрид. наук, проф.; *К. Беше-Головко*, доктор права, приглашенный профессор (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова); *П. Н. Бирюков,* д-р юрид. наук, проф.; *Т. М. Бялкина,* д-р юрид. наук, проф.; *А. Н. Вылегжанин*, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации); *Й. Деппе*, доктор права, международный эксперт GIZ (г. Эшборн, Германия); *Д. В. Зотов*, канд. юрид. наук, доц.; *Т. Д. Зражевская,* д-р юрид. наук, проф.; *С. Д. Князев,* д-р юрид. наук, проф. (Конституционный Суд, г. Санкт-Петербург); *С. Кодама*, доктор права, проф. (Университет Миэ, Япония); *Н. А. Лопашенко*, д-р юрид. наук, проф. (Саратовская государственная юридическая академия); *Е. Б. Лупарев*, д-р юрид. наук, проф. (Кубанский государственный университет); *Н. Л. Лютов*, д-р юрид. наук, доц. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)); *А. В. Малько,* д-р юрид. наук, проф. (Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)); *С. П. Матвеев*, д-р юрид. наук, доц.; *В. А. Мещеряков*, д-р юрид. наук, проф. (Центральный филиал Российского государственного университета правосудия); *Е. И. Носырева,* д-р юрид. наук, проф.; *К. К. Панько,* д-р юрид. наук, проф.; *С. В. Передерин,* д-р юрид. наук, проф.; *Р. А. Подопригора,* д-р юрид. наук, проф. (Конституционный Суд Республики Казахстан, г. Астана); *М. В. Сенцова (Карасёва),* д-р юрид. наук, проф.; *Ю. В. Сорокина,* д-р юрид. наук, проф.; *В. В. Трухачёв,* д-р юрид. наук, проф.; *Л. В. Туманова,* д-р юрид. наук, проф. (ТвГу, г. Тверь); *Н. А. Шишкин,* заместитель Генерального прокурора РФ, канд. юрид. наук; *Л. Этель*, д-р юрид. наук, проф., ректор Университета в г. Белосток (Польша)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия: Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-28322 от 08.06.2007

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата юридических наук, утвержденный ВАК

Журнал публикует основные результаты научно-исследовательской и научно-практической деятельности по отрасли науки – Юридические науки (группа научных специальностей – 5.1. Право; научные специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки; 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки; 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки; 5.1.4. Уголовно-правовые науки; 5.1.5. Международно-правовые науки)

Адрес редакции и издателя: 394018 Воронеж, Университетская пл., 1,
Воронежский государственный университет.
Редакция журнала «Вестник ВГУ. Серия: Право».
E-mail: vestnik_pravo@law.vsu.ru
Тел./факс: 8 (473) 255-07-19

© Воронежский государственный университет, 2025
© Оформление, оригинал-макет. Издательский дом ВГУ, 2025

PROCEEDINGS OF VORONEZH STATE UNIVERSITY
SERIES: **LAW**

F o u n d e r:

Federal State Budget Educational Institution
of Higher Education
«Voronezh State University»

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL:

Chairman – *Yu. N. Starilov*, dr of legal sciences, prof. Deputy chairmen – *Yu. A. Bubnov*, dr of philosophical sciences, prof.; *D. V. Kostin*, dr of physical and mathematical sciences, associate prof. Coordinator – *N. M. Bliznyakov*, cand. of physical and mathematical sciences, associate prof. Members of editorial board: *V. G. Artyukhov*, dr of biological sciences, prof.; *V. N. Glazyev*, dr of historical sciences, prof.; *D. A. Endovitsky*, dr of economics sciences, prof.; *A. S. Kravets*, dr of philosophical sciences, prof.; *A. A. Kretov*, dr of philological sciences, prof.; *S. A. Kurolap*, dr of geographical sciences, prof.; *A. D. Savko*, dr of geological and mineralogical sciences, prof.; *A. A. Sirota*, dr of technical sciences, prof.; *V. V. Tulupov*, dr of philological sciences, prof.; *S. A. Shabrov*, dr of physical and mathematical sciences, associate prof.

EDITORIAL COMMITTEE OF SERIES:

Editor in chief – *Yu. N. Starilov*, dr of legal sciences, prof. Deputy editors in chief – *O. S. Rogacheva*, dr of legal sciences, associate prof.; *Yu. B. Nosova,* cand. of legal sciences, associate prof. Executive secretary – *O. N. Shemeneva*, dr of legal sciences, associate prof. Members of editorial committee: *A. I. Abdullin*, dr of legal sciences, prof. (Kazan (Privolzhsky) Federal University); *Yu.V. Agibalov*, cand. of economic sciences, associate prof. (Voronezh branch of RANEPA); *M. O. Baev*, dr of legal sciences, prof.; *O. Yu. Bakaeva*, dr of legal sciences, prof. (Saratov State Law Academy); *O. V. Baulin*, dr of legal sciences, prof.; *K. Beshe-Golovko*, dr of law, visiting prof. (Moscow State University named after M. V. Lomonosov); *P. N. Birukov*, dr of legal sciences, prof.; *T. M. Byalkina*, dr of legal sciences, prof.; *A. N. Vylegzhanin*, dr of legal sciences, prof. (Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation); *J. Deppe*, dr of law, international expert GIZ (Eshborn, Germany); *D. V. Zotov,* cand. of legal sciences, associate prof.; *T. D. Zrazhevskaya*, dr of legal sciences, prof.; *S. D. Knyazev*, dr of legal sciences, prof. (Constitutional Court, St. Petersburg); *S. Kodama*, dr of law, prof. (University Mie, Japan); *N. A. Lopashenko*, dr of legal sciences, prof. (Saratov State Law Academy); *E. B. Luparev*, dr of legal sciences, prof. (Kuban State University); *N. L. Lyutov*, dr of legal sciences, associate prof. (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSUA)); *A. V. Malko,* dr of legal sciences, prof. (Volga Region Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)); *S. P. Matveev*, dr of legal sciences, associate prof.; *V. A. Meshcheryakov*, dr of legal sciences, prof. (Central branch of the Russian State University of Justice); *E. I. Nosyreva*, dr of legal sciences, prof.; *K. K. Panko*, dr of legal sciences, prof.; *S. V. Perederin*, dr of legal sciences, prof.; *R. A. Podoprigora*, dr of legal sciences, prof. (Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan, Astana); *M. V. Sentsova* (*Karaseva*), dr of legal sciences, prof.; *Yu. V. Sorokina*, dr of legal sciences, prof.; *V. V. Trukhachev*, dr of legal sciences, prof.; *L. V. Tumanova*, dr of legal sciences, prof. (Tver State University); *N. A. Shishkin*, deputy of General Prosecutor of the Russian Federation, cand. of legal sciences; *L. Etel*, dr of legal sciences, prof., rektor of the University in Bialystok (Poland)

Registrated by Federal Service for Supervisions of Mass Media and Cultural Heritage Protection. Registration certificate ПИ № ФС77-28322 of 08.06.2007

The journal is included in the List of Peer-reviewed Scientific Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Ministry of Education and Science

The journal publishes the main results of research and scientific and practical activities in the field of science – Legal sciences (group of scientific specialties – 5.1. Law; scientific specialties: 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences; 5.1.2. Public law (state legal) sciences; 5.1.3. Private law (civilistic) sciences; 5.1.4. Criminal law sciences; 5.1.5. International legal sciences)

Editorial committee address: 394018, Voronezh, Universitetskaya pl., 1
Voronezh State University.
Editorial committee of «Proceedings of VSU. Series law»
E-mail: vestnik_pravo@law.vsu.ru
Tel./fax: 8 (473) 255-07-19

© Voronezh State University, 2025
© Desing, original-model. Publishing house of the Voronezh State University, 2025

Вестник Воронежского государственного университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕРИЯ: ПРАВО
Издается с 2006 г.
Выходит 4 раза в год

Серия: Право. 2025. № 3 (62). Июль – сентябрь

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

Кирин А. В. Истоки российской доктрины публичного права 8

Кряжков В. А., Гавриленко Д. В. Традиционные семейные ценности в контексте репродуктивных прав человека в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект 22

Стрельников А. В. Двухуровневая система организации местного самоуправления в России: тенденции развития и перспективы 31

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Аистов А. Г. Актуальные проблемы истории развития саморегулирования в России 40

Левакин И. В. Диалектика правопонимания: от «идеи права» к ее объективации 49

Тонков Е. Е. Является ли установление нравственных императивов прерогативой государства: вопрос постфактум 59

ЦИФРОВОЕ ПРАВО. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

Лескина Э. И. Правовое регулирование индустрии аннотации данных как способ обеспечения качества данных 64

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Игнатьев А. А. Критерии разграничения возражения о зачете и встречного иска, направленного к зачету первоначального требования 72

Куницина О. А. Общая характеристика правовых основ статуса нотариуса в Российской Федерации 80

Маренков А. С. Недостатки языка гражданского процессуального закона (на примере норм, регулирующих особое производство) 87

Панфилов Г. П., Чибинов Д. В. Возмещение вреда, причиненного арбитром: только ли гражданский иск в уголовном деле? 96

Худошин А. С. Ограничение дееспособности гражданина: процессуальный аспект 102

Чистякова Ю. В. Правовые аспекты конвертации ценных бумаг в рамках редомициляции 111

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

Андреянова М. С. Доказывание по делам о восстановлении в родительских правах и отмене ограничения родительских прав гражданина 119

Дмитриева О. В. Ответственность родителей за вред, причиненный детьми: соотношение норм семейного и гражданского права 127

ТРУДОВОЕ ПРАВО. ПРАВО СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Зуева Н. Л. Правовая сущность компенсационной выплаты на уход за нетрудоспособными гражданами 134

Сенных Л. Н. Подводные камни пенсионного законодательства 142

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

Агамагомедова С. А. Обязательные требования: понятие, признаки и специфика использования в таможенном контроле 149

Гриценко В. В., Сазонова О. А. Документы стратегического планирования в публично-правовом регулировании в сфере миграции 157

Ефремов А. А. Адаптация экспериментального правового регулирования для достижения национальных целей развития Российской Федерации 164

Катаева О. В. Порядок пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации и публично-правовое регулирование миграционных процессов 173

Коротких А. Г. Административно-правовое регулирование через призму научных идей Ивана Александровича Галагана 178

Курашова М. М. Многообразие подходов к определению административной процедуры и их значение в российской правовой доктрине 185

Селионов И. В. Исполнительный надзор в исполнительном производстве 193

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Гриценко Д. В. Производство по делам об административных правонарушениях как способ формирования доказательственной базы по уголовному делу 202

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО. НАЛОГОВОЕ ПРАВО. БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

Красюков А. В. Прогрессивное налогообложение в России: виды и правовые последствия 208

Осипова А. В. Эволюция научных взглядов на правовую природу страховых взносов в Российской Федерации 215

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. КРИМИНАЛИСТИКА

Коробова А. С. Категория «общественный порядок» в уголовном законодательстве раннефеодальной Руси 224

Мельников Е. А. Квалифицированные виды побега: актуальные вопросы теории и практики 231

Трухачев В. В., Белоконь Г. Г. О необходимости изменения наименования главы 31 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против правосудия» и содержания ее отдельных норм 240

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Бирюкова В. П. Становление государственности Швейцарской Конфедерации: международно-правовой дискурс 249

УЧИТЕЛЯ И ИХ НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

Астафьев А. Ю. Вспоминая Юрия Васильевича Астафьева 255

ИНФОРМАЦИЯ

Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей 258

Proceedings of Voronezh State University

SCIENTIFIC JOURNAL

SERIES: LAW
First published in 2006
Published quarterly

Series: Law. 2025. № 3 (62). July – September

CONTENTS

STATE AUTHORITY. LEGISLATIVE PROCESS. CONSTITUTIONAL LAW. PUBLIC MANAGEMENT. LOCAL SELFGOVERNMENT

Kirin A. V. Origins of the Russian doctrine of public law 8

Kryazhkov V. A., Gavrilenko D. V. Traditional family values in the context of human reproductive rights in the Russian Federation: constitutional aspects 22

Strelnikov A. V. Two-tier system of local government organization in Russia: development trends and prospects 31

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Aistov A. G. Current issues in the history of self-regulation development in Russia 40

Levakin I. V. Dialectics of legal understanding: from the «idea of law» to its objectification 49

Tonkov E. E. Whether it is the prerogative of the state to establish moral imperatives: an ex post facto question..... 59

DIGITAL LAW. ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Leskina E. I. Legal support for the data annotation industry as a way to ensure data quality..... 64

CIVIL LAW AND PROCEDURE

Ignatyev A. A. Distinguishing criteria between a set-off objection and an set-off counterclaim 72

Kunitsina O. A. General characteristics of the legal basis for the status of a notarius in the Russian Federation..... 80

Marenkov A. S. Disadvantages of the language of the civil procedure law (on the example of the norms governing special proceedings) 87

Panfilov G. P., Chibinov D. V. Compensation for damages caused by an arbitrator: is a civil action in a criminal case only? 96

Khudoshin A. S. Restriction of citizen's legal capacity: procedural aspect 102

Chistiakova I. V. Legal aspects of securities conversion in respect of redomiciliation 111

FAMILY LAW

Andreyanova M. S. Proofing in civil cases for restoring parental rights and rescinding restrictions of parental rights 119

Dmitrieva O. V. Parental responsibility for harm caused by children: the relationship between the norms of family and civil law 127

LABOR LAW. SOCIAL SECURITY LAW

Zueva N. L. The legal nature of compensation payments for care of a disabled person 134

Sennykh L. N. Pitfalls of pension legislation 142

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCESS

Agamagomedova S. A. Mandatory requirements: concept, characteristics and specificity of use in customs control 149

Gritsenko V. V., Sazonova O. A. Documents of strategic planning in public legal regulation in migration sphere 157

Yefremov A. A. Adaptation of experimental legal regulation to achieve national goals of development of the Russian Federation 164

Kataeva O. V. The order of stay of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation and the public legal regulation of migration processes 173

Korotkikh A. G. Administrative and legal regulation through the prism of scientific ideas of Ivan Alexandrovich Galagan 178

Kurashova M. M. The variety of approaches to the definition of administrative procedure and their significance in the Russian legal doctrine 185

Selionov I. V. Enforcement supervision in enforcement proceedings 193

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY

Gritsenko D. V. Administrative offenses proceedings as a way of forming the evidence base in a criminal case 202

FINANCIAL LAW. TAX LAW. BUDGET LAW

Krasyukov A. V. Progressive taxation in Russia: types and legal consequences 208

Osipova A. V. Evolution of scientific views on the legal nature of insurance premiums in the Russian Federation 215

CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCESS, CRIMINALISTICS

Korobova A. S. Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia 224

Melnikov E. A. Qualified types of escape: current issues of theory and practice 231

Trukhachev V. V., Belokon G. G. On the need to change the name of Chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation «Crimes against justice» and the content of its individual norms 240

INTERNATIONAL LAW

Biriukova V. P. The Formation of the Statehood of the Swiss Confederation: International Legal Discourse 249

TEACHERS AND THEIR SCIENTIFIC LEGACY

Astafiev A. Yu. Remembering Yuri Vasilievich Astafyev 255

INFORMATION

Requirements for the submission, review and publication of scientific articles 260

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС. КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО. ПУБЛИЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

УДК 343.01
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/8-21

ИСТОКИ РОССИЙСКОЙ ДОКТРИНЫ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

А. В. Кирин
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ORIGINS OF THE RUSSIAN DOCTRINE OF PUBLIC LAW

A. V. Kirin
National Research University «Higher School of Economics»

Аннотация: в марте 2020 г. в Конституцию РФ были внесены давно ожидавшиеся юристами изменения, реабилитировавшие на конституционном уровне публичное право России после его политического запрета в СССР и практически 100-летнего официального «забвения» в отечественном правоведении (за исключением разве что международного публичного права). С учетом ставших общедоступными с 1990-х гг. научных и законодательных источников по истории и теории европейского и отечественного публичного права в статье на основе методологии диалектического, ретроспективного, системного, логического, формально-юридического и сравнительно-правового анализа исследуются и рассматриваются генезис, различные концепции и итоговая доктринальная модель публичного права и публично-правовой науки в Российской империи. При этом формулируется авторская научная гипотеза и обосновывается вывод о выборе и начале реализации отечественным правоведением к концу XIX в. собственной статутной многоотраслевой доктрины дореволюционного публичного права.
Ключевые слова: доктрина публичного права Российской империи, камералистика, наука о полиции, полицейское право, общественное право, полицейское государство, правовое государство, органы публичной власти, отрасли публичного права.

Abstract: in March 2020, long-awaited amendments by lawyers were introduced to the Constitution of the Russian Federation, rehabilitating Russian public law at the constitutional level after its political ban in the USSR and almost 100 years of official "oblivion" in domestic jurisprudence (with the exception, perhaps, of international public law). Taking into account scientific and legislative sources on the history and theory of European and domestic public law that have become publicly available since the 1990s, the article, based on the methodology of dialectical, retrospective, systemic, logical, formal-legal and comparative-legal analysis, examines and considers the genesis, various concepts and the final doctrinal model of public law and public-law science in the Russian Empire. At the same time, the author's scientific hypothesis is formulated and the conclusion is substantiated about the choice and beginning of the implementation by domestic jurisprudence of its own statutory multi-branch doctrine of pre-revolutionary public law by the end of the 19th century.
Key words: doctrine of public law of Russia, cameralistics, science of the police, police law, public law, police state, rule of law, public authorities, branches of public law.

Истоки публичного права

В силу сложной и неоднозначной истории появления и формирования в XIX в. отечественного публичного права его теория и система нуждаются в объективном изучении, осмыслении и оценке своих доктринальных корней и основ. В связи с этим в условиях возрождения в постсоветской Российской Федерации публично-правовой науки крайне актуальным и объективно востребованным (особенно после пополнения терминологии Конституции РФ понятием «публичная власть») является профессиональное

© Кирин А. В., 2025

исследование и обсуждение юридическим сообществом истоков публичного права России и формирования его доктрины.

Учитывая, что после долгого советского периода идеологического отторжения и официального запрета «классово-чуждого» полицейского (публичного) права, у российских правоведов только в постсоветские годы вновь появилась полноценная возможность изучения всего массива архивных документов, законодательных актов и научных трудов по истории развития европейского и российского полицейского (публичного) права, автором на основе этих источников и многолетних собственных исследований рассматриваются и оцениваются генезис и становление науки публичного права в правоведении Российской империи второй половины XIX – начала XX в., сначала на основе заимствованной прусско-французской теории «широкого» моноотраслевого полицейского (публичного) права, а потом уже в рамках поиска и выбора собственной отечественной доктрины публичного права и ее формирования в отечественном правоведении.

Как известно, во II в. н. э., в условиях расширения территорий и укрепления власти и системы органов Римской империи, римское право было разграничено на частное и публичное. *Частное право* регулировало имущественные отношения по вещным правам и обязательствам между частными лицами в их личных интересах. Его положения могли быть изменены соглашением сторон. *Публичное же право* регулировало отношения между государством и частными лицами в целях обеспечения общего публичного интереса. Его нормы, освобожденные от влияния религиозных догм и правил, содержали юридические обязанности, требования должного поведения и запреты, которые были обязательны для всех римских граждан и не могли быть изменены соглашением индивидуумов (частных лиц).

После распада в V в. н. э. Западной Римской империи публичное право уже не имело большого значения для последующего становления правовых систем многочисленных мелких «варварских» европейских государств. Поэтому в раннефеодальной средневековой Европе публичное право Рима достаточно быстро забывается, в то время как римское частное право заимствуется многими другими более поздними государствами.

Первые признаки возрождения правовых форм регулирования публичных отношений появились в позднем Средневековье в виде системы «полицейского» публичного управления. Наиболее активно тенденции развития публично-правовых правил организации полицейской деятельности проявились в германских землях в силу более широкого, чем на других европейских территориях, регламентирования различных сфер жизни людей и функционирования власти.

Начиная с конца XVII в. и весь XVIII в. «полицейская деятельность», как важнейшая форма организации управления государством, долгое время рассматривалась европейскими учеными не с точки зрения юриспруденции и задач определения для нее правовых границ, а в целях философско-исторического осмысления реализации патерналистской «идеи об общем благе».

Эта идея оформилась сначала в рамках философской и естественно-правовой теории Христиана фон Вольфа (1679–1754), сторонника просвещенной монархии. Тогда же в европейских странах получила развитие и так называемая *камеральная наука* (или камералистика). В начале XVIII в. во Франции и германских землях (прежде всего в Пруссии) камеральная наука именовалась также *учением о полиции*. Камералистика стала прообразом науки о государственной власти и управлении, отражавшей характерные для эпохи *абсолютизма* представления о закономерностях, правилах, формах и методах публичного управления в условиях неограниченной власти монархов.

В конце XVIII в., по мере трансформации общественного устройства и движения европейских монархий от абсолютизации власти к идеям *конституционализма*, правового государства и разделения властей, новое теоретическое осмысление этих процессов привело к выделению из общей камеральной науки двух самостоятельных научных направлений.

На смену камералистике в политической сфере пришла забытая в Средние века (не считая разве что Макиавелли) и быстро стала модной *политология* – наука о политической власти, закономерностях и особенностях развития политических отношений и процессов, функционирования политических институтов и систем, политического поведения и деятельности людей в различных цивилизационно-культурных и временных измерениях.

В юридической сфере вместо камералистики начало формироваться *полицейское право*. В отличие от политологии, полицейское (публичное) право стало исследовать исключительно юридические (законодательные и теоретические) основы системы и процедур организации и функционирования механизма государственной власти и внутреннего управления.

Генезис отечественного публичного права

Генерирование новых отраслей является исторически сложившимся объективным свойством права. После многовекового забвения римских традиций, публичное право возродилось в Европе конца XVIII в. в виде комплексной отрасли полицейского права, регулирующей практически все сложившиеся тогда публично-правовые отношения.

В абсолютных монархиях континентальной Европы субъекты полицейского (публичного) права по воле государей имели всеобъемлющие полномочия по обеспечению порядка и безопасности, а также по регулированию и контролю публичных отношений, выполняя и нормотворческие, и фискальные, и судебные функции. Такое государственное устройство, получившее наибольшее распространение в германских землях, в правоведении стало определяться термином «полицейское государство» (Polizeistaat). С учетом итогов Великой французской революции европейские ученые-полицеисты постепенно переориентировались на конституционную монархию с разделением властей в качестве образцового государства с верховенством закона. Такая модель отношений власти и общества позже получила название «правовое государство».

При этом вплоть до начала XIX в. полицейское право не имело своей общепризнанной доктрины и на практике было концептуально неупорядоченной единственной отраслью публично-правового регулирования в условиях доминирующего в Европе монархического устройства государств. Французская послереволюционная теория формирующегося публичного права основывалась на либеральной модели трех ветвей власти с разумным балансом интересов государства и прав личности при строгой регламентации, прежде всего, деятельности правительства и административных органов. Прусское же полицейское (публичное) право ориентировалось на сильную центральную власть монарха и правительства и строгую правовую регламентацию практически всех публичных отношений, включая права и обязанности граждан и государственных служащих, организацию и компетенцию центральных и местных административных органов, судебные и полицейские юрисдикционные процедуры, управление финансами и налогами, торговлей и народным хозяйством и т. д.

Именно прусскую модель «широкого» полицейского (публичного) права и управления заимствовали в начале XIX в. и дореволюционные ученые-полицеисты в России.

Основоположником доктрины прусского полицейского права авторитетный российский полицеист профессор Московского Императорского университета И. Т. Тарасов называл Генриха фон Берга (1765–1843), издавшего в 1799–1806 гг. семитомное «Руководство к изучению немецкого полицейского права» (в некоторых научных работах именуемое «Справочником германского полицейского права»)[1]. В этом фундаментальном труде была предпринята первая в Европе попытка концептуального осмысления, структурирования и научного анализа права (закона), полиции (органов управления) и юстиции (судебных органов) в их взаимосвязи при управлении всеми делами государства. По Бергу, задача власти заключалась в обеспечении «безопасности» и «благоустройства» в государстве. Меры по решению проблем безопасности Берг определял как *отрицательные* (в современном понимании это «правоохранение» и «государственное принуждение»), а меры по обеспечению «благоустроения» – *положительными* (в современном определении «позитивное» правовое регулирование и государственное управление). Позже, к середине XIX в. развитие теории прусского полицейского права, уже в контексте идеи формирования единого германского правового государства и преобразования широкого полицейского права в государственное публичное право, продолжили Роберт фон Моль, Отто Бэр, Карл фон Гербер и другие немецкие ученые[2].

[1] См.: *Тарасов И. Т.* Очерк науки полицейского права. М. : Печатня С. П. Яковлева, 1897. С. 104–107.

[2] Подробнее о генезисе отечественного публичного права и его отраслей на основе трансформации широкого полицейского права см.: Публичное право : учебник / В. А. Виноградов, А. О. Гаджиева, А. А. Ларичев [и др.] ; под ред. проф. В. А. Виноградова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Проспект, 2025. Глава 1 (автор – А. В. Кирин). С. 16–38 ; *Синюков В. Н.* Российская правовая система : введение в общую теорию.

Предмет взятой за образец в Российской империи начала XIX в. прусской модели полицейского (публичного) права формулировался отечественным правоведением не менее широко и неопределенно по предмету и задачам, чем в немецком оригинале, – как практически вся деятельность публичной власти в виде совокупности «государственных и общественных мер, направленных к споспешествованию интересам (материальным и духовным) народа». Однако из этой верно подмеченной оценки дореволюционного полицеиста В. Ф. Дерюжинского профессор Ю. П. Соловей делает, на наш взгляд, некорректный вывод, что «такой широкий круг объектов исследования не позволял науке полицейского права занять четко определенное место в юриспруденции»[3]. Однако, по мнению автора статьи, *именно эта модель максимально широкого по своему предмету полицейского права доктринально и составляла основу сформированной в тот период единой, комплексной моноотрасли публичного права.*

Несмотря на столь неконкретно определяемый тогда предмет европейского полицейского (публичного) права, гораздо более важным критерием оценки его значения была система норм и субъектов полицейского права (и прусского, и австрийского, и французского), охватывающая практически все сферы публичных отношений. Например, еще в дореволюционной Франции субъектами полицейской деятельности были и правительство, и городские парламенты, и комиссары шатле (окружных судов), и муниципалитеты. Как утверждал государственный и военный деятель наполеоновского периода Клод Мишо (1751–1835), «полицейское» управление государством опиралось на философию общественного блага и порядка, и его компетенция была практически неограниченной[4].

Фактически вплоть до реформ Александра II наука полицейского права в Российской империи была лишь отражением «широкой» прусской доктрины и не учитывала отечественной практики публично-правового регулирования. По вполне справедливой оценке дореволюционного, а позже и советского ученого-административиста Александра Федоровича Евтихиева, эта важнейшая для дореволюционного правоведения России «наука всегда ехала на запятках законодательства»[5].

Однако уже к середине XIX в. отдельные отечественные правоведы стали осознавать, что прямое заимствование жесткой «полицейской» модели публично-правовой регламентации всех сторон жизни людей и функционирования власти в преимущественно православной России не «прижилась».

Концепция общественного права В. Н. Лешкова

Первым из отечественных ученых-юристов, кто посягнул на чуждое российскому менталитету прусское (камеральное) понимание «полицейского государства», «полицейского управления» и «полицейского права», стал профессор и многолетний декан юридического факультета Московского императорского университета, убежденный русофил Василий Николаевич Лешков (1810–1881). В своих работах с начала 1840-х гг. он предлагал на основе вековых общинных традиций в России заменить отрасль и учебную дисциплину «полицейское право» на «общественное право».

Критически оценивая камеральные традиции и опыт западноевропейского полицейского (публичного) права и управления (изученные им в студенческие 1830-е гг. в Берлинском, Лейпцигском, Пражском и Венском университетах), В. Н. Лешков настаивал на том, что «не опека или патронатство государства над частными лицами, а взаимодействие частного с общим составляет задачу общественного права». Еще в 1843 г. ученый писал, что «явление этого предмета современно обществам и народам. На Западе общим древним его названием служило

М., 2010. 672 с. ; *Старилов Ю. Н.* Российское полицейское (административное) право : конец XIX – начало XX века : хрестоматия / сост. и вступит. ст. Ю. Н. Старилова. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. 624 с. ; *Его же.* Курс общего административного права : в 3 т. М. : НОРМА-ИНФРА М, 2002. Т. I: История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. 728 с. ; *Соловей Ю. П.* Российское полицейское право : история и современность // Государство и право. 1995. № 6. С. 75–85 ; *Кирин А. В.* Генезис института «маловажных проступков» в дореволюционном праве России // История государства и права. 2011. № 12 ; *Шульженко Ю. Л.* Первый отечественный учебник русского государственного права // Труды Ин-та государства и права РАН. 2020. № 4. С. 169–185 ; и др.

[3] *Соловей Ю. П.* Указ. соч. С. 75.

[4] См.: *Мишо Клод.* Полицейское управление во Франции при Старом режиме // Неприкосновенный запас. 2005. № 4 (42). С. 18–20.

[5] *Евтихиев А. Ф.* Основы советского административного права. Харьков : Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1925. С. 22.

греческое слово «полит*Ия*» и латинское «полиц*Ия*»; у нас же сначала обозначался этот предмет словом «благочиние», а потом словами «благоустройство» и «благочиние»[6]. Противопоставляя русское право иностранному, В. Н. Лешков считал, что «пора нам освобождаться от иноземных воззрений, пора нам самим разрабатывать и познавать свое настоящее и прошедшее … В Руси право и его понятие искони присущи самому народу; они не занесены к нему извне (из Италии, из Рима), они не навязаны ему чьей-нибудь волей, даже не даны той или другой властью, а в народе родились, им выработались, в нем существуют. Народ дорожит своими установлениями и защищает их, требуя ото всех соблюдения установлений *по старине*»[7]. Он ставил в вину русским ученым середины 1850-х гг. – сторонникам прусского полицейского права, то, что в их понимании деятельность государства была всеобъемлющей, влияя на жизнь как всего общества, так и отдельного человека. «Конечно, всё совершается в государстве, т. е. в пределах данной страны, но не всем государством, а тем более полицией…». Поэтому В. Н. Лешков считал, что полицейское право необоснованно широко трактует прерогативы правительства в сфере внутреннего управления государством и не учитывает широкий пласт российской управленческой действительности в виде опыта местной самоорганизации народа и общинного самоуправления.

Как утверждал В. Н. Лешков в своем важнейшем труде «Русский народ и государство: история русского общественного права до XVIII века» 1858 г., христианские государства (к которым он прежде всего относил Россию), «приводимые в движение идеями и управляемые убеждениями и понятиями права, заключают в себе всё богатство вещественного и духовного благосостояния, состоят из общества и народа и имеют три главных, основных интереса: *политический*, *гражданский* и *общественный*. *Политический интерес*, обнимая собою внешнюю самостоятельность государства и внутреннее государственное устройство, поддерживается и достигается посредством дипломатических сношений, войск, флотов, финансов, государственных законов и учреждений. *Интерес гражданский*, или собственно так называемый юридический, заключает в себе неприкосновенность имуществ, физическую безопасность лиц и обеспечение законности во взаимных их отношениях, что совершается посредством законов гражданского и уголовного права, с их производством. Наконец, к составу *интереса общественного* относим мы всё то, что не принадлежит ни одному правительству, ни одним частным лицам, но целым сословиям, общинам, всему населению, состоя в вещественном и духовном благосостоянии народа и совершаясь не одним правительством или частными лицами, а общинами, сословиями и всем народом. Это предмет *общественного права*»[8].

Формулируемая В. Н. Лешковым идея русского общественного права прямо противопоставлялась «всевластию полиции» в практике государственного управления, чрезмерной «опеке» населения со стороны чиновников и широкому вмешательству правительства во все стороны народной и общественной жизни. Ориентировалась эта концепция на развитие самодеятельных организаций народа и органов местного самоуправления как важнейших субъектов права и внутреннего управления в России.

Труд В. Н. Лешкова получил высокую оценку и публичную поддержку всех отечественных славянофилов. Решением отборочной комиссии Императорской академии наук ученый был представлен на получение Демидовской премии 1859 г. в номинации «Правоведение»[9]. В речи на заседании Академии 26 апреля 1859 г. основатель общества славянофилов, член-корреспондент Академии наук А. С. Хомяков заявил, что профессор Лешков достоин премии и заслужил «своим прекрасным трудом одинаковую благодарность юристов и историков». А журнал «Русская беседа» опубликовал большую хвалебную статью историка права профессора Императорского Московского университета И. Д. Беляева, по-

[6] *Лешков В. Н.* О Законах благоустройства и благочиния, или Что такое полиция? // Москвитянин. 1843. № 5. С. 83–108.

[7] *Лешков В. Н.* Русский народ и государство / сост., предисл., примеч. А. Д. Каплина ; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. С. 34–38.

[8] Там же. С. 22.

[9] Премия была учреждена 15 января 1831 г. промышленником и меценатом П. Н. Демидовым в целях «содействия преуспеянию наук, словесности и промышленности в своем отечестве» и присуждалась с 1832 по 1865 г. за достижения и выдающийся вклад в развитие наук. Право отбора лучших научных работ и присуждения наград П. Н. Демидов предоставил Императорской академии наук как «первенствующему ученому сословию в империи».

священную «небывалому в России» сочинению «трудолюбивого и даровитого» В. Н. Лешкова[10].

Однако русские правоведы-«западники» солидарно выступили с резкой критикой лешковской идеи «народного» права. Наиболее активным и ревностным противником выдвижения В. Н. Лешкова на премию был его современник и многолетний, менее удачный конкурент на деканство юридического факультета, «западник» профессор Б. Н. Чичерин. Помимо ущемленных амбиций от проигранного соперничества за место декана юридического факультета, у него был и личный научный интерес, так как теория общественного права Лешкова подрывала авторитет и научную значимость сочинения Б. Н. Чичерина «Областные учреждения России в XVII веке», за которое он в 1857 г. сам уже получил Демидовскую премию. Признавая право В. Н. Лешкова на собственное видение русского общественного права, Б. Н. Чичерин, тем не менее, язвительно-ревниво писал в своих воспоминаниях, что профессор Лешков был человек «добрый и обходительный», но «в голове у него была такая же каша, как и в его речи»; «под влиянием славянофильских идей, превратившихся в его мутной голове в невообразимый хаос, он изобрел собственную свою науку, общественное право»[11].

В отличие от эмоциональной и по сути бездоказательной критической позиции Б. Н. Чичерина, основанной на личной неприязни к коллеге, профессор юридического факультета и позже ректор Санкт-Петербургского университета И. Е. Андреевский накануне принятия Императорской академией наук решения о присуждении премии опубликовал аргументированную критическую рецензию «Разбор сочинения г. Лешкова, под заглавием: Русский народ и государство»[12]. Именно эта рецензия серьезностью своих научных доводов повлияла на решение академиков, отказавших профессору Лешкову в Демидовской премии.

Главная уязвимость исследований В. Н. Лешкова состояла в отсутствии доктринальной авторской позиции о статусе и месте в отечественной правовой системе предлагаемого им общественного права как альтернативы широкому (прусскому) полицейскому праву. Все его работы были посвящены преимущественно историческим, а не теоретическим аспектам «общественного права». Предложения и аргументы ученого основывались исключительно на отсылках к истории русского государства и права. Однако, не будучи профессиональным историком, В. Н. Лешков произвольно «конструировал» собственную модель генезиса «общинной государственности» России, выбирая исторические источники и примеры, соответствующие его либерально-русофильским предпочтениям. При этом теоретическому обоснованию общественного права было посвящено лишь короткое двадцатистраничное введение его главного труда «Русский народ и государство».

Спустя семь лет, в связи с отменой крепостного права и земской реформой 1864 г., В. Н. Лешков публикует 1 января 1865 г. в газете «День» концептуальную статью «Опыт теории земства и его земских учреждений, по Положению 1864 г.», где признает этот акт законодательной основой новой отрасли российской правовой системы, содержащей нормы «общественного права»[13]. В первой части этого труда ученый, в логике идей работы «Русский народ и государство», дает характеристику русского человека с его общинной ментальностью и исторически сложившимся объективным стремлением к соединению в общественные союзы – семейства, дворы, села, общины и т. д., как главных базовых субъектов общественного права. Во второй части статьи В. Н. Лешков комментирует и оценивает нормы Положения о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г., определяя этот акт как новый источник «особого, земского права, носящего еще название общественного». Оценивая Положение 1864 г. как актуальный и долгожданный для России закон в сравнении с собственной изначальной научной концепцией 1858 г., ученый изменил свои представления о самостоятельном статусе общественного права, рассматривая его уже не как альтернативу «широкому» прусскому полицейскому праву, а как

[10] См.: *Беляев И. Д.* Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. Соч. В. Лешкова // Русская беседа. 1858. № 4 (кн. 12, ч. 2). С. 35–72.

[11] *Чичерин Б. Н.* Воспоминания : в 2 т. / прим. С. В. Бахрушина. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2010. С. 34–38, 129.

[12] *Андреевский И. Е.* Разбор сочинения г. Лешкова, под заглавием: Русский народ и государство, сост. И. Е. Андреевским. М., 1859. 24 с.

[13] *Лешков В. Н.* Опыт теории земства и его земских учреждений, по «Положению» 1864 г. // День. 1865. 1 янв.

одну из важнейших отраслей постреформенной системы нового российского права (наряду с частным правом, государственным правом и уголовным правом). По мнению В. Н. Лешкова, этого периода гражданское (частное) право регулирует имущественные отношения между отдельными лицами; государственное право определяет устройство государства и деятельность верховной власти, т. е. монарха и правительства; общественное (земское) право регулирует непосредственную жизнь людей, соединенных в союзы – семьи, двора, села, города и т. д.; а уголовное право «обслуживает» все названные отрасли права.

Таким образом, в упомянутой статье 1865 г. *профессор В. Н. Лешков первым из отечественных правоведов интуитивно сформулировал научную гипотезу о фактическом образовании в ходе реформ Александра II многоотраслевого публичного права Российской империи*.

Парадоксальным образом отрицание современниками-западниками идей В. Н. Лешкова об общественном праве, земском самоуправлении и общинном народовластии совпало позже, уже в XX в., с позицией официальной советской историко-правовой науки. Лишь в 1987 г. исследователь дореволюционного права доцент юрфака Казанского госуниверситета И. А. Емельянова написала (и с ее оценкой вполне допустимо согласиться), что «концепция общественного права В. Н. Лешкова в идейно-политической плане опережала свое время», а «в научно-историческом плане концепции историков права славянофильского толка были намного ближе к реальной действительности, чем концепции западников…»[14].

Концепция публичного права И. Е. Андреевского

Тогда же прусскую публично-правовую теорию тотального доминирования государственных интересов в регламентации жизни общества пытался адаптировать к российской действительности идейный антагонист В. Н. Лешкова, профессор и будущий ректор Санкт-Петербургского университета «западник» Иван Ефимович Андреевский (1831–1891).

Концепция развития российской системы регулирования публично-правовых отношений И. Е. Андреевского принципиально отличалась от концепции «народного» общественного права В. Н. Лешкова, но была при этом основана не на эмоционально-ангажированной «общинной» предопределенности главной идеи (как у Лешкова), а на научно-обоснованной и нейтрально-взвешенной позиции о необходимости модернизации и адаптации европейской модели широкого полицейского права к реалиям реформирования государственного устройства и регулирования публично-правовых отношений в России начала 1860-х гг.

В отличие от категорического отрицания В. Н. Лешковым значимости для России прусской теории и практики «полицейского» права и управления, И. Е. Андреевский вплоть до реформ 1861–1864 гг. признавал авторитет прусской-австрийско-французской модели комплексного (моноотраслевого) полицейского (публичного) права. Однако под влиянием системных изменений публично-правовых отношений в Российской империи вследствие этих реформ его научная позиция также претерпела существенные изменения.

В своем капитальном труде «Полицейское право» в 2 томах (1865–1866) он отказался от модели «широкого» полицейского права и предложил рассматривать его как правовой механизм только «внутреннего управления» со стороны органов «исполнительной власти». Именно этот ученый первым из российских правоведов отказался от доминирования полицейского права в сфере публично-правовых отношений и сузил его предмет до уровня отрасли в системе будущего, более широкого по предмету регулирования и содержанию понятия «публичное право» (хотя и без использования этого термина). Как писал И. Е. Андреевский во втором издании учебника, «…большинство германских публицистов второй половины XVIII столетия, подобно учителю своему Вольфу, разделяли предрассудки меркантильных правительств… и не умели провести верную черту, далее которой не должна простираться полицейская деятельность правительства»[15].

При этом следуя ставшей традиционной за полвека для российских полицеистов прусской терминологии, название и систему этой новой отрасли формирующегося российского публич-

[14] *Емельянова И. А.* «Общественное право» В. Н. Лешкова // Правоведение. 1987. № 6. С. 72.

[15] *Андреевский И. Е.* Полицейское право // Соч. И. Андреевского, орд. проф. С.-Петерб. ун-та : в 2 т. СПб. : тип. Э. Праца, 1871–1873. Т. 2. 20. Введение и ч. 1, Полиция безопасности. 1871. С. 34–38, 69.

ного права И. Е. Андреевский «по привычке» сохранил как «полицейское право», а две части содержания учебника – как «полиция безопасности» и «полиция благосостояния». С названиями «административное право», а также «общей» и «особенной» частями отраслевые учебники начали издаваться только с конца 1880-х гг[16].

Кстати, в вопросе об ограничении предмета полицейского права только исполнительно-распорядительной деятельностью и административным принуждением с И. Е. Андреевским был согласен и его бывший научный антагонист В. Н. Лешков, который в 1873 г. опубликовал серьезную и в целом положительную рецензию на второе издание его 2-томного учебника[17] (несмотря на разгромную критику Андреевским главного труда самого Лешкова в рецензии 1859 г., лишившую тогда последнего Демидовской премии).

В значительной мере это было обусловлено влиянием результатов крестьянской, судебно-правовой и земской реформ 1861 и 1864 гг. на научную позицию обоих ученых, сближение и примирение их взглядов в критическом отношении к широкому прусскому полицейскому праву. Отмена крепостного права высвободила из экономической и юридической зависимости от помещиков миллионы крестьян с их семьями и существенно расширила права сельских общин и их органов, ограничив одновременно доминирующее влияние полиции в системе центральных и местных правительственных органов. Земская реформа и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г., лишили также многих полномочий полицейские органы как в сфере губернского, городского и уездного управления, так и в сфере юрисдикционной и квази-судебной деятельности на местном уровне.

В отличие от «исполнительной власти», «государственная власть» монарха и правительственных органов при нем составила для И. Е. Андреевского с учетом реформ отдельный отраслевой предмет изучения и рассмотрения, что нашло отражение в готовившемся им параллельно и изданном в 1866 г. первом отечественном учебнике «Русское государственное право». В учебнике (составившем единственный изданный из трех заявленных автором первый том «О Правительстве») ученый исследовал и рассмотрел современную ему систему государственного устройства Российской империи, прежде всего применительно к организации и деятельности субъектов государственной власти России.

Во введении были даны: определение понятия государственного права; содержание государственного права и его соотношение с другими государственными науками и частным правом, а также источники государственного права. Основное внимание в учебнике автор уделил верховной власти монарха и системе правительственных органов при нем. Раздел первый «О верховной государственной власти», с учетом норм Основных государственных законов Свода законов Российской империи, был посвящен: сущности верховной власти монарха; порядку преемства верховной власти и вступления на престол; внешним атрибутам верховной власти и «учреждениям» об Императорской фамилии в России. Во втором разделе «О законодательстве» рассматривались субъекты законодательной власти (прежде всего Император) и порядок законотворчества, включая: возбуждение и инициирование закона; составление проекта закона; рассмотрение проекта закона высшими установлениями (Государственным советом и Комитетом министров); утверждение проекта закона Императором; издание и обнародование закона; форма издания положительных законов; пространство силы положительного закона; порядок исполнение закона. Третий раздел «Об управлении» состоял из трех глав, посвященных организации системы управления общими государственными делами Российской империи, в рамках которой И. Е. Андреевский рассматривал высшие и центральные государственные установления (органы государственной власти и управления) и систему правительственных органов местного управления. В первой главе к высшим государственным установлениям на общегосударственном уровне ученый отнес Комитет министров, Комитеты Кавказский и Сибирский, Совет министров и Правительствующий сенат; к центральным государственным установлениям (органам) – министерства с ретроспективой развития этих важнейших функционально-отраслевых субъектов управления в России, на-

[16] См., например: *Тарасов И. Т.* Краткий очерк науки административного права : конспект лекций. Ярославль : Типо-литография Г. Фалька, 1888. XVIII. Т. 1. 386 с.

[17] См.: *Лешков В. Н.* Полицейское право г. Андреевского, профессора С.-Петерб. ун-та, Т. I. Полиция безопасности, 1871 г. Т. 2. Полиция благосостояния, 1873 г. М. : Унив. тип., ценз. 1873. 38 с.

чиная от приказов, а потом коллегий. Во второй главе этого раздела особое внимание было уделено подробному рассмотрению системы правительственных органов на уровне территориального и местного управления Российской империи того периода. Автор систематизировал эти органы по трем видовым группам. Первая группа – правительственные органы местного управления, действующие по общему учреждению (т.е. губернские и уездные органы государственного управления общей компетенции). Вторая группа – правительственные органы местного управления, действующие по особым учреждениям (т. е. местные правительственные органы территориальной компетенции по управлению Сибирью, Кавказом, землями войск казачьих, Бессарабской областью, а также органы управления городами). Третья группа – правительственные органы местного управления по отдельным ветвям государственного управления (т. е. местные правительственные органы отраслевой компетенции – военного управления, церковного управления, управления по делам народного просвещения, почтового управления, управления путей сообщения и т. д.). Кроме того, в этой же главе, с учетом норм «Положения о губернских и уездных земских учреждениях» 1864 г., И. Е. Андреевский дал характеристику органам земского и общественного управления, правда, еще без выделения их в самостоятельный институт или подотрасль муниципального (земского, общественного) права, что было сделано другими учеными (прежде всего, тем же В. Н. Лешковым в статье «Опыт теории земства…» в 1865 г.). В последнюю главу этого раздела учебника И. Е. Андреевский выделил институт государственной службы[18].

Такой новаторский методологический подход к рассмотрению предмета и системы субъектов государственного права стали использовать и другие дореволюционные, а позже и советские ученые. По мнению авторитетного государствоведа ИГП РАН Ю. Л. Шульженко, учебник И. Е. Андреевского «стал одной из отправных точек для всех последующих трудов в русском государственном праве»[19].

Кроме того, во введении к этому учебнику И. Е. Андреевский первым из дореволюционных правоведов дал определение понятию государства и его типов (форм), изложил генезис и этапы развития российского государства как субъекта права, а также представил во введениях к профильным главам историю развития основных государственно-правовых институтов России и зарубежных государств. Тем самым *этот ученый-юрист дал начало еще двум будущим важным отраслям отечественного правоведения – теории государства и права и истории государства и права*.

Таким образом, именно И. Е. Андреевский стал первым российским правоведом, кто уже вполне осознанно (в отличие от интуитивной гипотезы В. Н. Лешкова) выбрал и обосновал научный путь дифференциации «широкого» восприятия полицейского права как единой (комплексной) публично-правовой отрасли, на самостоятельные по предметам регулирования самостоятельные отрасли государственного и полицейского (т. е. будущего административного) права.

По мнению автора, *эта принципиально новая модель системы «предметного» отраслевого регулирования конкретных сфер публично-правовых отношений в результате и легла в основу отечественной доктрины публичного права Российской империи.*

Формирование новой системы российского права на основе доктрины многоотраслевого «статутного» публичного права

Последняя треть XIX в. стала в России завершающим этапом существования полицейского права как комплексной публично-правовой отрасли. Одновременно, на основе принятых в рамках реформ Александра II новых систематизированных законодательных актов (статутов) в публично-правовой сфере и Основных государственных законов Свода законов Российской империи начался активный процесс *генерирования, предметного обособления и развития новых самостоятельных публично-правовых отраслей*. Этот процесс ознаменовал начальный этап реализации собственной российской доктрины публичного права, инициированной профессором И. Е. Андреевским и поддержанной в плодотворной взаимной полемике его бывшим научным антагонистом профессором В. Н. Лешковым и другими учеными – современниками.

При этом справедливости ради отметим, что с учетом высказанной В. Н. Лешковым в статье

[18] См.: *Андреевский И. Е.* Русское государственное право. СПб. ; М. : М. О. Вольф, 1866. Т. 1. Введение, ч. 1. О правительстве. 496 с.

[19] *Шульженко Ю. Л.* Указ. соч. С. 169–185.

1865 г. научной гипотезы о новой системе российского права (в частно-правовой сфере – гражданского права, а в публично-правовой сфере – государственного, административно-полицейского, земского и уголовного) его следует считать полноценным соавтором доктринальной идеи И. Е. Андреевского о формировании многоотраслевой модели публично-правового регулирования в Российской империи.

В последней четверти XIX в. формирование в логике идей В. Н. Лешкова и И. Е. Андреевского собственной «разноотраслевой» системы публичного права и направлений его дальнейшего развития продолжили в своих работах представители более молодого поколения отечественных полицеистов: Николай Николаевич Белявский (1869–1927), Эдуард Николаевич Берендтс (1860–1930), Владимир Александрович Гаген (1874–1930), Владимир Федорович Дерюжинский (1861–1920), Аркадий Иванович Елистратов (1873–1955), Виктор Викторович Ивановский (1854–1926), Александр Михайлович Кулишер (1890–1942), Иван Трофимович Тарасов (1849–1929) и др.

При этом большинство из названных выше и других ученых ориентировалось на необходимость полной трансформации прусской доктрины «широкого» полицейского права в новую *многоотраслевую* доктрину публичного права. Отражая эту тенденцию генерирования новых публично-правовых отраслей на основе профильных законодательных актов российских реформ 1860–1870-х гг., В. В. Ивановский писал труды по полицейскому, государственному и административному праву; Э. Н. Берендтс – по государственному, административному и финансовому праву; В. Ф. Дерюжинский – по полицейскому праву, административной юстиции и праву социального обеспечения; А. И. Елистратов – по полицейскому, административному и уголовному праву; В. А. Гаген – по административному и трудовому праву; А. М. Кулишер – по конституционному (государственному) и административному праву. Самыми широкими научными интересами обладал И. Т. Тарасов, который публиковал работы и читал курсы по полицейскому, государственному, административному, финансовому, торговому, трудовому праву, развивал теорию публично-правовой ответственности, криминологии, оперативно-розыскной деятельности и теорию будущего акционерного (предпринимательского) права, а также исследовал правовые аспекты защиты гражданских прав женщин.

В период после реформ Александра II (крестьянской, судебной, цензурной, земской, городской, финансовой, военной и др.) в России, наряду с продолжением публикаций учебников традиционного широкого (прусского) полицейского права, одновременно издавались многочисленные учебники, монографии и статьи по формирующимся самостоятельным публично-правовым отраслям. Помимо ученых-«полицеистов», работы по новым для российского права предметам публичного регулирования начали писать тогда и первые профильные исследователи – «отраслевики».

Так, развивая доктринальную идею И. Е. Андреевского о выделении из «общего» полицейского права, обособлении и развитии базовой отрасли новой системы многоотраслевого российского публичного права, учебники *государственного права* с 1870 гг. издают А. Д. Градовский (в 3 т. – 1875, 1876, 1881 гг.), В. В. Сокольский (1890 г.), Н. М. Коркунов (в 2 т. – 1892, 1894 гг., с последующими переизданиями), Б. Н. Чичерин (1894 г.), А. В. Романович-Славатинский (1896 г.) и др. Автором первого «полного» курса русского государственного права во второй половине 1870-х гг. стал А. Д. Градовский, а его преемник по руководству кафедрой государственного права Санкт-Петербургского университета Н. М. Коркунов впервые в отечественном правоведении использовал системный подход при подготовке профильного отраслевого курса, структурировав его на «общую» и «особенную» части, выдержавшего семь дореволюционных переизданий. Общая часть его учебника описывала права и обязанности монарха, пределы гражданских свобод и личную свободу, воинскую повинность, веротерпимость, функционирование органов государственной власти, сословное деление и понятие о государственном единстве. Особенная часть детально излагала работу законодательной власти, правительства и системы его органов местного управления и органов самоуправления[20].

С учетом земской реформы 1864 г., но при отсутствии тогда в большинстве российских университетов самостоятельного курса *муни-*

[20] См.: *Коркунов Н. М.* Русское государственное право : пособие к лекциям. СПб. : Книж. магазин А. Ф. Цинзерлинга бывший Мелье и К°, 1892, 1893. Т. 1. Введение и общая часть. Т. 2. Особенная часть. 402 с.

ципального права вопросы регулирования земского и городского местного управления и самоуправления рассматривались в отдельных разделах учебников государственного права (тех же А. Д. Градовского, Н. М. Коркунова и др.), а отдельные профильные работы писали тот же В. Н. Лешков (1865, 1871 гг. и др.), а также А. И. Васильчиков (1869–1877 гг., В. П. Безобразов (1874 г.), Б. Б. Веселовский (1909 г.) и др.

В связи с подготовкой и утверждением в 1906 г. новой редакции Основных государственных законов Свода законов Российской империи выходят также первые научные работы и статьи по *конституционному праву* как новой важной составной части отрасли государственного права (С. А. фон Корф, С. А. Котляревский, Н. И. Лазаревский, С. А. Муромцев и др.).

После судебной реформы Александра II, с начала 1870-х гг. и вплоть до утверждения в 1903 г. первого кодифицированного Уголовного уложения Российской империи (в период тридцати лет работы над ним) активизировалось издание оригинальных учебников уголовного права – уже без прямой рецепции прусской уголовной науки и с учетом научных наработок отечественных ученых-полицеистов по концепции публично-правовой ответственности. Такие «актуализированные» учебные курсы русского *уголовного права* пишут и издают А. Ф. Бернер, Л. С. Белогриц-Котляревский, Л. Е. Владимиров, В. В. Есипов, П. Д. Калмыков, А. Ф. Кистяковский, А. В. Лохвицкий, Н. А. Неклюдов, В. Д. Набоков, С. В. Познышев, Н. Д. Сергеевский, Н. С. Таганцев, И. Я. Фойницкий, М. П. Чубинский и др.

На основе реализации Судебных уставов 1864 г. и с учетом исследования, осмысления и оценки судебной практики издаются также учебники по *судоустройству, судопроизводству* и *русскому уголовному процессу* как самостоятельной публично-правовой отрасли дореволюционного права (Д. Г. Тальберг, 1889; В. К. Случевский, 1910; И. Я. Фойницкий, 1910; С. В. Познышев, 1013; Н. Н. Розин, 1916).

В тот же период конца XIX в. – начала XX в. выходят в свет учебники *финансового права* В. А. Лебедева (1882–1885 гг.), И. У. Патлаевского (1885 г.), Д. М. Львова (1887 г.), И. Х. Озерова (1899–1900 гг.) и др.; курсы лекций по *публичному торговому праву* издают А. Г. Гусаков (1896 г.), Д. И. Азаревич (1897 г.), Е. А. Нефедьев (1900 г.), А. Ф. Федоров (1911 г.). Первый академический учебник по *трудовому праву* на основе своих предыдущих работ публикует в 1916 г. общепризнанный основатель этой отрасли права и юридической науки в России Л. С. Таль и т. д.

К началу XX в., с учетом продолжавшегося процесса формирования в российском праве и законодательстве отраслей государственного, земского (муниципального), финансового, трудового права, окончательным обособлением в самостоятельную отрасль уголовного права (которые изначально были частью единого «широкого» полицейского права), И. Т. Тарасов, В. В. Ивановский, Н. Н. Белявский, А. И. Елистратов и другие ведущие ученые-«полицеисты» пришли к выводу об окончательной трансформации предмета и содержания старого «широкого» полицейского права в «узкоотраслевое» административное право.

Именно *административное право* по «остаточному принципу» *стало в России единственным «законным наследником» полицейского права* как бывшей комплексной отрасли публичного права, которое к концу XIX в. сохранило в своих рамках по предмету регулирования *только исполнительно-распорядительную и административно-юрисдикционную сферы отношений*. При этом профильными учеными вплоть до 1917 г. использовались, как равнозначные или альтернативные, различные названия этой уже исключительно «управленческой» отрасли – и объективно устаревшее название «полицейское право», и «административное право», и «право внутреннего управления» (Н. Н. Белявский, 1915; Э. Н. Берендтс, 1898; В. А. Гаген, 1916; В. Ф. Дерюжинский, 1911; А. И. Елистратов, 1911; В. В. Ивановский, 1908; И. Т. Тарасов, 1888, 1897, 1908, 1910; П. Н. Шеймин 1891–1897).

Предмет и структуру этой отрасли в рамках формирующейся отечественной публично-правовой доктрины одним из первых (по аналогии с предложенной Н. М. Коркуновым структурой государственного права) конкретизировал И. Т. Тарасов. Несмотря на различные названия, ее систему в конце XIX – начале XX в. составили две части – Общая и Особенная. В Общей части рассматривались сущность, предмет, методы и формы исполнительно-распорядительной власти; понятие, соотношение и виды «положительных» и «отрицательных» мер государственного управления; понятие административной юстиции и жалобного производства; формы и методы контрольной и надзорной деятельности; вопросы государственной службы; поня-

тие и виды субъектов исполнительно-распорядительной деятельности. Особенная часть узкого полицейского (административного) права России была посвящена системе и компетенции органов исполнительной власти по конкретным направлениям (областям, отраслям) внутреннего государственного управления: в области безопасности, отраслях народного образования, средств сообщения, обращения (финансов и торговли), производства (промышленности), распределения (труда и заработной платы)[21].

Такой концептуальный предметно-методологический подход к содержанию и структурированию курсов двух важнейших отраслей на основе доктрины многоотраслевого публичного права Российской империи, к 1938–1940 гг. заимствовала и юридическая наука СССР, воспроизведя дореволюционную систему этих отраслей в учебниках уже советского государственного и административного права. Причем, если позже в постсоветский период государственное право было предметно расширено и преобразовано в конституционное (С. А. Авакьян, 2000, 2003, 2005, 2013, 2014, 2021; Е. И. Козлова, О. Е. Кутафин, 2001, … 2025; С. В. Васильева, В. А. Виноградов, Д. В. Мазаев, 2010; Б. С. Эбзеев, 2025 и др.), то в отношении второй важнейшей отрасли публичного права многие ученые-административисты до сих пор в своих учебниках продолжают концептуально воспроизводить традиционные дореволюционные и советские предмет и систему отраслевых курсов (Ю. И. Мигачев, Л. Л. Попов, С. В. Тихомиров, 2024; Н. Ю. Хаманева, 2013; Ю. А. Дмитриев, И. А. Полянский, Е. И. Трофимов, 2009, и др.).

В результате проведенного анализа истоков формирования во второй половине XIX в. доктрины публичного права Российской империи автору представляются достаточными основания для следующего вывода: *на основе концептуальной идеи И. Е. Андреевского конца 1860-х гг. о необходимости трансформации объективно чуждой для России прусской доктрины единого по предмету регулирования «широкого» полицейского (публичного) права к началу XX в. сформировалась и стала общепризнанной в юридической науке отечественная доктрина «статутного» многоотраслевого публичного права с предметным регулированием конкретных сфер публично-правовых отношений*.

Систему отечественного публичного права составили тогда следующие базовые отрасли:

– государственное право (дополненное в 1906 г. его предметно новым для России важнейшим институтом – конституционным правом);

– земское (муниципальное, общественное) право;

– административное право;

– уголовное право;

– финансовое право;

– судоустройственное право;

– процессуальное право.

Кроме того, в юридической науке Российской империи конца XIX – начала XX в. обсуждалось отнесение к публично-правовым отраслям также торгового права, трудового права, права социального обеспечения и некоторых других отраслей.

Что же касается международного публичного права, то эта самостоятельная специфическая сфера регулирования межгосударственных отношений с участием России сформировалась несколько позже, уже после Первой мировой войны, поэтому автором намеренно оставлена за рамками настоящей статьи и является предметом отдельного профессионального рассмотрении своих доктринальных истоков.

Библиографический список

Андреевский И. Е. Полицейское право // Соч. И. Андреевского, орд. проф. С.-Петерб. ун-та : в 2 т. СПб. : тип. Э. Праца, 1871–1873. Т. 2. 20. Введение и ч. 1, Полиция безопасности. 1871. 543 с.

Андреевский И. Е. Русское государственное право. СПб. ; М. : М. О. Вольф, 1866. Т. 1. Введение, ч. 1. О правительстве. 496 с.

Андреевский И. Е. Разбор сочинения г. Лешкова, под заглавием: Русский народ и государство, сост. И. Е. Андреевским. М., 1859. 24 с.

Беляев И. Д. Русский народ и государство. История русского общественного права до XVIII века. Соч. В. Лешкова // Русская беседа. 1858. № 4 (кн. 12, ч. 2). С. 35–72.

Евтихиев А. Ф. Основы советского административного права. Харьков : Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1925. 332 с.

Емельянова И. А. «Общественное право» В. Н. Лешкова // Правоведение. 1987. № 6. С. 72.

Кирин А. В. Генезис института «маловажных проступков» в дореволюционном праве России // История государства и права. 2011. № 12.

Коркунов Н. М. Русское государственное право : пособие к лекциям. СПб. : Книж. магазин А. Ф. Цинзерлинга бывший Мелье и К°, 1892, 1893. Т. 1.

[21] См.: *Тарасов И. Т.* Очерк науки полицейского права.

Введение и общая часть. Т. 2. Особенная часть. 402 с.

Лешков В. Н. О Законах благоустройства и благочиния, или Что такое полиция? // Москвитянин. 1843. № 5. С. 83–108.

Лешков В. Н. Русский народ и государство / сост., предисл., примеч. А. Д. Каплина ; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Ин-т рус. цивилизации, 2010. 688 с.

Лешков В. Н. Опыт теории земства и его земских учреждений, по «Положению» 1864 г. // День. 1865. 1 янв.

Лешков В. Н. Полицейское право г. Андреевского, профессора С.-Петерб. ун-та, Т. I. Полиция безопасности, 1871 г. Т. 2. Полиция благосостояния, 1873 г. М. : Унив. тип., ценз. 1873. 38 с.

Мишо Клод. Полицейское управление во Франции при Старом режиме // Неприкосновенный запас. 2005. № 4 (42). С. 18–20.

Публичное право : учебник / В. А. Виноградов, А. О. Гаджиева, А. А. Ларичев [и др.] ; под ред. проф. В. А. Виноградова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Проспект, 2025. Глава 1 (автор – А. В. Кирин). С. 16–38.

Синюков В. Н. Российская правовая система : введение в общую теорию. М., 2010. 672 с.

Соловей Ю. П. Российское полицейское право : история и современность // Государство и право. 1995. № 6. С. 75–85.

Старилов Ю. Н. Российское полицейское (административное) право : конец XIX – начало XX века : хрестоматия / сост. и вступит. ст. Ю. Н. Старилова. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. 624 с.

Старилов Ю. Н. Курс общего административного права : в 3 т. М. : НОРМА-ИНФРА М, 2002. Т. I: История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. 728 с.

Тарасов И. Т. Краткий очерк науки административного права : конспект лекций. Ярославль : Типолитография Г. Фалька, 1888. XVIII. Т. 1. 386 с.

Тарасов И. Т. Очерк науки полицейского права. М. : Печатня С. П. Яковлева, 1897. 702 с.

Чичерин Б. Н. Воспоминания : в 2 т. / прим. С. В. Бахрушина. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2010. 528 с.

Шульженко Ю. Л. Первый отечественный учебник русского государственного права // Труды Ин-та государства и права РАН. 2020. № 4. С. 169–185.

References

Andreevsky I. E. Police law / works of I. Andreevsky, ord. prof. St. Petersburg University. Vol. 1–2. St. Petersburg : type. E. Prats, 1871–1873. 2 v.; 20. Introduction and part 1. Security Police. 1871. 543 p.

Andreevsky I. E. Russian state law. Vol. 1. Introduction, part 1. On the government. St. Petersburg ; Moscow : M. O. Wolf, 1866. 496 p.

Andreevsky I. E. Analysis of the work of Mr. Leshkov, under the title : The Russian people and the state, compiled by I. E. Andreevsky. Moscow, 1859. 24 p.

Belyaev I. D. The Russian people and the state. History of Russian public law until the 18th century. Works by V. Leshkov // Russian conversation. 1858. No. 4 (book 12, part 2). P. 35–72.

Evtikhiev A. F. Fundamentals of Soviet administrative law. Kharkov : Legal publishing house of the People's Commissariat of Justice of the Ukrainian SSR, 1925. 332 p.

Emelyanova I. A. «Public Law» by V. N. Leshkov // Jurisprudence. 1987. No. 6. P. 72.

Kirin A. V. The genesis of the institute of «unimportant offenses» in the pre-revolutionary law of Russia // History of the State and Law. 2011. № 12.

Korkunov N. M. Russian state law. Lecture manual. V. 1. Introduction and general part. V. 2. Special part. St. Petersburg. Bookstore of A. F. Tsinzerling former Meslier and Co. 1892, 1893. 402 p.

Leshkov V. N. On the Laws of Improvement and Decency, or What is the Police? // Moskvityanin. 1843. No. 5. P. 83–108.

Leshkov V. N. The Russian people and the state / comp., preface, notes. A. D. Kaplina / Responsible. editor O.A. Platonov. Moscow : Institute of Russian Civilization, 2010. 688 p.

Leshkov V. N. Experience of the Theory of Zemstvo and its Zemstvo Institutions, According to the «Regulation» of 1864 // Day. 1865. January 1.

Leshkov V. N. Police Law of Mr. Andreevsky, Professor of the St. Petersburg University, T. I. Security Police, 1871 T. 2. Welfare Police, 1873.- Moscow : University type., censorship. 1873. 38 p.

Michaud Claude. Police Department in France under the Old Regime // Neprikosovenny zapas. 2005. No. 4 (42). P. 18-20.

Public Law : textbook / V. A. Vinogradov, A. O. Gadzhieva, A. A. Larichev [et al.] ; edited by prof. V. A. Vinogradov ; National research. University of Higher School of Economics. Moscow : Prospekt, 2025. Chapter 1 (A. V. Kirin). P. 16–38.

Sinyukov V. N. The Russian legal system : an Introduction to General theory. Moscow, 2010. 672 p.

Solovey Yu. P. Russian police law: history and modernity // State and law. 1995. No. 6. P. 75-85.

Starilov Yu. N. Russian police (administrative) law : Late 19th – early 20th century: Reader / Comp. and entire article by Yu. N. Starilov. Voronezh : Publishing House of Voronezh State University, 1999. 624 p.

Starilov Yu. N. Course of general administrative law. In 3 volumes. Volume I: History. Science. Subject. Norms. Subjects. Moscow : NORMA-INFRA M, 2002. 728 p.

Tarasov I. T. Brief outline of the science of administrative law: lecture notes. Volume 1. Yaroslavl : Typolithography of G. Falk, 1888. XVIII. 386 p.

Tarasov I. T. Essay on the Science of Police Law. Moscow : Pechatnya S. P. Yakovlev, 1897. 702 p.

Chicherin B. N. Memories. In 2 volumes / note S. V. Bakhrushin. Moscow : Sabashnikov Publishing House, 2010. 528 p.

Shulzhenko Yu. L. The First Domestic Textbook of Russian State Law // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2020. No. 4. P. 169–185.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Кирин А. В., доктор юридических наук, профессор Департамента публичного права, заслуженный юрист РФ, директор Института проблем административно-правового регулирования

E-mail: akirin@hse.ru

Поступила в редакцию: 24.07.2025

Для цитирования:

Кирин А. В. Истоки российской доктрины публичного права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 8–21. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/8-21

National Research University «Higher School of Economics»

Kirin A. V., Doctor of Law Sciences, Professor of the Department of Public Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Institute for Problems of Administrative and Legal Regulation

E-mail: akirin@hse.ru

Received: 24.07.2025

For citation:

Kirin A. V. Origins of the Russian Doctrine of Public Law // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 3 (62). P. 8–21. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/8-21

УДК 342.7
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/22-30

ТРАДИЦИОННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕПРОДУКТИВНЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В. А. Кряжков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Д. В. Гавриленко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

TRADITIONAL FAMILY VALUES IN THE CONTEXT OF HUMAN REPRODUCTIVE RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION: CONSTITUTIONAL ASPECTS

V. A. Kryazhkov

National Research University «Higher School of Economics»

D. V. Gavrilenko

Lomonosov Moscow State University

Аннотация: в статье анализируется соотношение традиционных семейных ценностей и репродуктивных прав. Фокус внимания исследователей сосредоточен на поиске баланса между указанными категориями и формулировании предложений по его достижению. В ходе исследования были рассмотрены вопросы правового закрепления традиционных семейных ценностей и репродуктивных прав, а также выявлены современные подходы по регулированию названных прав с учетом традиционных семейных ценностей. Авторы констатируют, что между традиционными семейными ценностями и репродуктивными правами существует ряд противоречий, которые приводят к непропорциональному ограничению последних. Данная ситуация может быть нивелирована путем предоставления полноценной возможности по реализации права каждого на репродуктивное самоопределение.
Ключевые слова: традиционные семейные ценности, репродуктивные права, правовое регулирование традиционных семейных ценностей и репродуктивных прав, право на репродуктивное самоопределение, баланс публичных и частных интересов.

Abstract: the article analyzes the correlation between traditional family values and reproductive rights. The focus of attention of the researchers is on finding a balance between these categories and formulating proposals to achieve it. In research authors examine the issues of legal consolidation of traditional family values and reproductive rights, as well as modern approaches to the regulation of these rights taking into account traditional family values that have an impact on reproductive rights. The authors state that there are a number of contradictions between traditional family values and reproductive rights, which lead to disproportionate restriction of the latter. This situation can be leveled by providing an opportunity to realize the right of everyone to reproductive self-determination.
Key words: traditional family values, reproductive rights, legal regulation of traditional family values and reproductive rights, the right to reproductive self-determination, balance of public and private interests.

© Кряжков В. А., Гавриленко Д. В., 2025

Законом Российской Федерации о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ[1] Конституция РФ была дополнена положениями социальной направленности – о защите семьи, материнства, отцовства и детства, семейном воспитании детей, признании брака как союза мужчины и женщины, сохранении традиционных семейных ценностей (ч. 4 ст. 67.1, ч. 1 ст. 72, ч. 1 ст. 114). Придание названным ценностям конституционного значения не может не влиять на осуществление прав и свобод человека и гражданина, в том числе репродуктивных прав. Данные права – естественные права человека[2], связанные с воспроизводством. Ключевым из них выступает право на репродуктивное самоопределение, т. е. возможность самостоятельно определять репродуктивное поведение. При этом публичные интересы в подобных случаях могут конкурировать с интересами частных лиц, реализующих указанные права. В каком соотношении находятся традиционные семейные ценности и репродуктивные права человека и как обеспечить их совмещение – предмет анализа настоящей статьи.

Понимание традиционных семейных ценностей

Традиционные семейные ценности, как следует из Конституции РФ, увязываются с пониманием того, что это – брак как союз мужчины и женщины, семья, материнство, отцовство и детство, семейное воспитание детей, равенство супругов. Характеризуя их, отметим несколько моментов.

Первое. В настоящее время наблюдается конкретизация конституционного содержания традиционных семейных ценностей. В частности, в федеральных документах стратегического планирования[3] к таковым относятся недопустимость отрицания естественного продолжения жизни, определение цели заключения брака – создание семьи, рождение и (или) совместное воспитание детей, сохранение долгосрочных семейных союзов. Дополняет этот процесс Конституционный Суд РФ. Он акцентирует внимание на том, что воспитание детей – преимущественная, если не исключительно, женская функция[4], а также видит предназначение семьи в рождении и воспитании детей, что, в свою очередь, обусловливает трактовку брака как союза мужчины и женщины[5].

Второе. Пока неясным остается аспект «традиционности» семейных ценностей. Это прежде всего связано с тем, что форматы организации семейной жизни постоянно эволюционируют. В досоветский период многими семьями практиковался контроль над рождаемостью[6], а «плодовитость» брака, хотя и имела место в связи с отсутствием противозачаточных средств, но была сопряжена с высокой детской смертностью[7]. В советский период в сфере брачно-семейных отношений на разных этапах имели место экспериментирование в вопросах гендерного порядка и дефамилизации (1918 – начало 1930-х гг.), усиление традиционалистских начал (1930 – середина 1950-х гг.), либерализация гендерной политики (середина 1950-х – конец 1980-х гг.) и от-

[1] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

[2] См.: *Абашидзе А. А.* Новое поколение прав человека : соматические права // Московский журнал международного права. 2009. № 1 (73). С. 69–82 ; *Крусс В. И.* Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении : к постановке проблемы // Государство и право. 2000. №°10. С. 43–50.

[3] См.: Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (п. 14) : утв. Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977 ; Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации до 2025 года (ч. III) : утв. распоряжением Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 35. Ст. 4811 ; Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года (ч. II,III) : утв. распоряжением Правительства РФ от 15 марта 2025 г. № 615-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 13. Ст. 1505.

[4] См.: По жалобе гражданина Милова Владимира Станиславовича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 3.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : определение Конституционного Суда РФ от 15 октября 2020 г. № 2375-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] См.: По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н. А. Алексеева, Я. Н. Евтушенко и Д. А. Исакова : постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 г. № 24-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 40. Ст. 5489.

[6] См.: *Пушкарева Н. Л.* Частная жизнь русской женщины в Древней Руси и Московии : невеста, жена, любовница. М., 2011. 216 с.

[7] См.: *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2003. 578 с.

ход от навязывания государственной идеологии регулирования брачно-семейных отношений (с конца 1980-х гг.)[8]. Исторический экскурс демонстрирует, что фактическая организация семейной жизни предшествующих периодов не соответствует современным установкам традиционных семейных ценностей, определенные унифицированные практики не были сформированы в общенациональном масштабе, что не позволяет говорить о единой «традиции».

Трудности просматриваются и в том, на кого распространяются и для кого признаются «традиционными» семейные ценности. Это обусловлено спецификой Российской Федерации: во-первых, ее многонациональностью и установлением гарантий защиты культурной самобытности всех народов и этнических общностей, сохранения этнокультурного многообразия (ч. 2 ст. 69 Конституции РФ); во-вторых, имеющимся разнообразием религиозных традиций у христиан, мусульман, иудеев и др., с которыми сообразуются брачно-семейные отношения[9]. Подобная ситуация не позволяет выделить общепризнанные традиционные семейные ценности, которые бы могли разделяться всеми без исключения, что согласуется с выводами Конституционного Суда РФ относительно того, что конституционные положения о браке как союзе мужчины и женщины и защите традиционных семейных ценностей «не могут расцениваться, толковаться и применяться как устанавливающие государственную или обязательную идеологию»[10].

Третье. Необходимо прояснить правовые свойства традиционных семейных ценностей. В отличие от норм права, ценности представляют собой предпочтительный, а не обязательный вариант поведения, носят оценочный и относительный характер[11]. Они важны как базовые ориентиры для общества и государства[12]. Принимая во внимание сказанное, полагаем, что традиционные семейные ценности – это блага, предпочитаемые варианты поведения, которые могут рассматриваться отдельными лицами как идеал организации семейной жизни, выступать в качестве принципов или правовых норм, если они получают воплощение в какой-либо из данных форм с помощью юридико-технических средств.

Правовое признание и закрепление репродуктивных прав

Репродуктивные права: право супружеских пар и отдельных лиц свободно принимать ответственное решение относительно количества своих детей, интервалов между их рождением и времени их рождения и располагать для этого необходимой информацией и средствами; право на достижение максимально высокого уровня сексуального и репродуктивного здоровья; право принимать решения в отношении воспроизводства потомства без какой бы то ни было дискриминации, принуждения и насилия и др. – закрепляются в международных документах как разновидность прав человека[13].

В развитие этих положений отдельные репродуктивные права непосредственно закрепляются в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[14]. К таковым относятся право на планирование семьи (ст. 51), право на вспомогательные репродуктивные технологии (ст. 55), право на искусственное прерывание беременности (ст. 56), право на репродуктивный выбор (репродуктивную самоидентифи-

[8] См.: *Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А.* Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 1 (3/4). С. 299–321.

[9] См.: *Кулиев Д. Т.* Межконфессиональные браки согласно исламскому праву : теория и практика : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 191 с.

[10] О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации : закл. Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 12. Ст. 1855.

[11] См.: *Шустров Д. Г.* Иерархия конституционных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6. С. 6–15.

[12] См.: *Нуссбергер А.* Прощание с универсальными конституционно-правовыми концепциями? Ответ на статью Сергея Белова // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. Т. 33. № 2 (159). С. 89–101.

[13] См.: Программа действий, принятая на Международной конференции ООН по народонаселению и развитию (Каир, 5–13 сентября 1994 г) : юбилейное издание по случаю 20-летия. Copyright : Фонд ООН в области народонаселения, 2014. С. 78–79 ; Пекинская декларация (15 сентября 1995 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[14] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 48. Ст. 6724.

кацию) (ст. 56), право на стерилизацию (ст. 57). Есть права, которые прямо не закрепляются, но допускаются (например, право на контрацепцию) или их содержание включается в отдельные нормы (например, право на репродуктивное здоровье) (ст. 52).

Конституция РФ не прописывает репродуктивные права[15]. Вместе с тем вполне обоснована позиция тех, кто утверждает, что данные права производны от ряда прав и свобод человека и гражданина, а также принципов, закрепленных в Конституции РФ[16], таких как:

– принцип равенства (ст. 19), позволяющий лицам совершать осознанный выбор, свободный от дискриминации по признаку пола;

– признание достоинства личности (ст. 21), выступающее основанием для реализации всех репродуктивных прав;

– право на личную свободу и неприкосновенность (ст. 22), которое служит основой для права на свободный репродуктивный выбор и планирование семьи;

– право на неприкосновенность частной жизни (ст. 23), не допускающее контроля со стороны общества и государства жизнедеятельности в личной и интимной сфере, если она не носит противоправного характера;

– право на получение информации (ст. 29), включающее и право на информацию о репродуктивном здоровье и репродуктивных правах;

– право на охрану здоровья (ст. 41) – условие, позволяющее достигать высшего стандарта репродуктивного здоровья;

– гарантирование государственной защиты прав и свобод, возможности каждому самостоятельно защищать свои права всеми законными способами (ст. 45), в том числе посредством судебной защиты (ст. 46), которое распространяется и на защиту репродуктивных прав.

Производность от конституционных прав, а также соответствие репродуктивных прав фундаментальным конституционным принципам и ценностям свидетельствуют об их конституционной природе[17]. Это, в свою очередь, обусловливает возможность защиты названных прав средствами конституционного правосудия, в том числе с использованием конституционной жалобы.

Современные подходы к регулированию репродуктивных прав с учетом традиционных семейных ценностей

Регулирование репродуктивных прав в Российской Федерации в новейшее время строится на сочетании нескольких подходов. При этом полагаем, что можно выделить три таких подхода: стимулирующий, восполняющий и ограничительный.

Под стимулирующим подходом к регулированию репродуктивных прав нами понимается принятие нормативных правовых актов, направленных на повышение рождаемости – важной составляющей традиционных семейных ценностей. Данный подход основывается на предоставлении материально-финансовых средств и начал применяться с 1993 г., но активное развитие получил с 2006 г. – с законодательным закреплением материнского капитала[18] (единовременная целевая выплата, которая изначально составляла 250 000 рублей и предназначалась матерям, родившим второго (третьего или последующего) ребенка с 1 января 2007 г.). По состоянию на 2025 г. выплата полагается за рождение первого (690 266 руб.), второго (912 162 руб., если не была получена выплата за первого ребенка) и последующих детей. Она может быть потрачена на улучшение жилищных условий, образование ребенка или накопительную часть пенсии одного из родителей.

[15] В некоторых странах репродуктивные права непосредственно закрепляются в основных законах. Например, Конституция Швейцарии устанавливает, что люди должны быть защищены от неправомерного использования репродуктивной медицины, запрещает использование суррогатного материнства, регулирует требования к процедуре ЭКО (ст. 119); в Конституции Словении закрепляется право на свободное принятие решения о рождении детей (ст. 55); Конституция Германии относит к конкурирующей законодательной компетенции искусственное оплодотворение, исследования и искусственное изменение наследственности (ст. 74. (1)); Конституция Португалии устанавливает гарантии права на планирование семьи и обязанность государства по регламентации правил помощи при родах (ст. 67); Конституция Франции признает гарантированную женщинам свободу прибегать к искусственному прерыванию беременности (ст. 34).

[16] См.: *Хазова О. А.* Репродуктивные права в России : пределы законодательного регулирования // Конституционное право : восточноевропейское обозрение. 2001. № 1 (34). С. 7.

[17] См.: *Должиков А. В.* «Рукописи не горят» : неписаные права в конституционном правосудии // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1 (98). С. 120–137.

[18] См.: О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : федер. закон от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1 (ч. I). Ст. 19.

В настоящее время получает распространение региональная финансовая поддержка в виде единовременных выплат (от 100 тыс. до 150 тыс. руб.) женщинам, родившим первого ребенка в возрасте от 18 до 25 лет[19] или обучающимся на очной форме, состоящим на учете в медицинских организациях по беременности[20]. Несмотря на то что названные выплаты официально преподносятся в качестве способа оказания помощи молодым женщинам, которые оказались в трудной жизненной ситуации[21], социологические опросы указывают на неоднозначное отношение россиян к подобным инициативам[22]. Это неудивительно: при поощрении рождения детей у лиц, которые только находятся в начале самостоятельного жизненного пути (для женщин с 18 лет и даже школьниц), трудно говорить об ответственном родительстве.

Важную роль в рассматриваемых отношениях играет Конституционный Суд РФ. Он исходит из того, что меры государственной политики по поддержке семей и беременных женщин направлены на решение задач улучшения демографической ситуации[23], повышения уровня рождаемости[24]. При этом Суд обращает внимание на дискрецию законодателя, которая позволяет ему самостоятельно определять категории граждан – получателей помощи, характер мер поддержки и размер данной помощи[25].

Восполняющий подход связан с преодолением пробелов правового регулирования репродуктивных прав судебными средствами на основе расширительного толкования нормативных предписаний, аналогии закона, конституционных принципов, ценностей и норм. Он нашел применение:

– для понимания положений, касающихся законодательного закрепления права на вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ). В частности, Конституционный Суд РФ вполне определенно высказался о допустимости применения постмортальной репродукции – вида ВРТ, которая предполагает использование криоконсервированного репродуктивного материала умерших лиц (взятого при их жизни или в первые часы после смерти) с целью зачатия и рождения детей после смерти одного или даже обоих биологических родителей[26];

– при восполнении пробела в правовом регулировании суррогатного материнства для одиноких мужчин. Суды общей юрисдикции исходя из того, что в действующем законодательстве отсутствуют какие-либо запреты относительно возможности для одинокого мужчины реализовать себя как отец с помощью методов искусственной репродукции, признавали право такого мужчины на отцовство над детьми, рожденными суррогатной матерью[27]. Конституционный

[19] См.: О внесении изменений в отдельные постановления Правительства Самарской области : постановление Правительства Самарской области от 24 октября 2024 г. № 766. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[20] См., например: Об установлении дополнительных мер социальной поддержки женщинам, обучающимся по очной форме обучения, состоящим на учете в медицинских организациях по беременности, молодым семьям при рождении третьего или последующего ребенка : закон Калужской области от 23 декабря 2024 г. № 582-ОЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[21] См.: В Госдуме поддержали идею о введении выплат для беременных школьниц // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2025/03/24/25383458.shtml (дата обращения: 05.05.2025).

[22] См.: *Дорофеева Е.* Мнения россиян по поводу выплат беременным школьницам в регионах разделились // Ведомости. 2025. 23 апр. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/04/23/1106059-mneniya-rossiyan-po-povodu-viplat-beremennim-shkolnitsam-razdelilis

[23] См.: По делу о проверке конституционности пункта 2 части 1 статьи 10 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с жалобой гражданки А. А. Дробковой : постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2022 г. № 56-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 1 (ч. III). .Ст. 496.

[24] См.: По делу о проверке конституционности положения части первой статьи 15 Федерального закона «О бюджете Фонда социального страхования Российской Федерации на 2002 год» в связи с жалобой гражданки Т. А. Баныкиной : постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2007 г. № 4-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 14. Ст. 1742.

[25] См.: По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 1 и статьи 2 Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» в связи с жалобами граждан А. С. Стах и Г. И. Хваловой : постановление Конституционного Суда РФ от 24 мая 2001 г. № 8-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 22. Ст. 2276.

[26] См.: По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» в связи с жалобой гражданки М. Ю. Щаниковой : постановление Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2025 г № 6-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 7. Ст. 694.

[27] См.: Решение Бабушкинского районного суда г. Москвы от 4 августа 2010 г. по делу № 2-2745/10;

Суд РФ уточнил, что эта практика может быть оправдана только необходимостью легализации правовой связи детей с их генетическими отцами, обеспечением названным детям родительского попечения[28];

– при решении вопроса о применении суррогатного материнства с использованием донорских ооцитов, донорской спермы или одновременном сочетании донорских материалов. В этих случаях генетическая связь между ребенком и потенциальными родителями может отсутствовать или иметься только с одним родителем. В данной ситуации, указал Верховный Суд РФ, происхождение ребенка устанавливается на основании медицинских и других документов, вследствие чего для родителей соответствующая запись акта о рождении является подтверждением в том числе генетического (биологического) происхождения ребенка от них. Суд отметил, что, так как ВРТ направлены на лечение бесплодия, один из родителей может не иметь действительного генетического родства с будущим ребенком, однако признается его родителем. Для осуществления программы ВРТ достаточно связи ребенка с одним из родителей[29]. Однако определением Конституционного Суда РФ от 13 мая 2025 г. № 1222-О[30] вопрос порядка использования донорского генетического материала был существенно уточнен: в цикле суррогатного материнства должны использоваться только половые клетки обоих потенциальных родителей.

Ограничительный подход в регулировании репродуктивных прав проявляется в установлении запретов и ограничений. Это особенно заметно в отношениях, связанных с предотвращением или прерыванием беременности.

Одним из проявлений такой практики стало введение в некоторых субъектах Российской Федерации запретов на склонение к абортам (Республика Мордовия, Калининградская, Тверская и Новгородская области и др.)[31]. Законы указанных субъектов с такими запретами идентичны не только по названию, но и содержанию. Они предусматривают, что под склонением к искусственному прерыванию беременности понимается «совершение действий с целью понуждения беременной женщины к искусственному прерыванию беременности путем уговоров, предложений, подкупа, обмана, выдвижения иных требований». Подобные действия влекут наложение административной ответственности.

Ограничением права на свободный репродуктивный выбор и планирование семьи выступают нормы федерального законодательства, предусматривающие запрет на размещение информации, пропагандирующей либо демонстрирующей отказ от деторождения (далее – запрет пропаганды чайлдфри)[32]. Данные ограничения распространяются, например, на владельцев сайтов и (или) страниц сайтов в Интернете, а также на средства массовой информации и рекламу. Для лиц, которые осуществляют пропаганду отказа от деторождения, предусматривается административная ответственность по ст. 6.21 Кодекса РФ об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ[33]. Цель этих установлений, по мысли их инициаторов, состоит в том, чтобы пресечь трансляцию идеологии бездетности как не совместимой с традиционными семейными ценностями (пояснительная записка к законопроекту № 724769-8).

Решение Дзержинского районного суда г. Санкт-Петербурга от 8 апреля 2020 г. по гражданскому делу № 2-980/2020 и др. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[28] См.: По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» в связи с запросом Конаковского городского суда Тверской области : постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2021 г. № 30-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 28 (ч. II). Ст. 5629.

[29] См.: Определение Верховного Суда РФ от 22 августа 2023 г. по делу 4-КГ23-41-К1. URL: https://www.advgazeta.ru/upload/medialibrary/979/ys3rlnbq7yx3c75zbvs1emhe8qtzv-169/Opredelenie-po-delu-_-4_KG23_41_K1.pdf (дата обращения: 05.02.2025)

[30] См.: . Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[31] См.: Закон Республики Мордовия от 7 августа 2023 г. № 58-З ; Закон Калининградской области от 29 ноября 2023 г. № 279 ; Областной закон Новгородской области от 18 декабря 2023 г. № 450-ОЗ ; Закон Тверской области от 9 ноября 2023 г. № 50-ЗО. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[32] См.: О внесении изменений в статьи 10.6 и 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 23 ноября 2024 г. № 411-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 48. Ст. 7218. Положения данного Закона о запрете распространения указанной информации конкретизируются приказом Роскомнадзора от 10 марта 2025 г. № 58. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 24.04.2025).

[33] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

Названные ограничения – запреты на склонение к искусственному прерыванию беременности и пропаганду чайлдфри, на наш взгляд, сомнительны с точки зрения их соответствия положениям Конституции РФ, поскольку:

– конфликтуют с основными правами и свободами человека и гражданина, такими как: на свободу и личную неприкосновенность (ч. 1 ст. 22), неприкосновенность частной жизни (ч. 1 ст. 23), свободу слова, свободный поиск, получение, передачу, производство и распространение информации (ч. 1, 4 ст. 29);

– не совмещаются с требованиями Конституции РФ об ограничении прав и свобод человека и гражданина (ч. 3 ст. 55), согласно которым такое ограничение допустимо только федеральным законом, но не законом субъекта Российской Федерации (в ситуации введения запрета на склонение к искусственному прерыванию беременности), а также исключительно в установленных этой нормой целях, в числе которых традиционные семейные ценности не значатся[34];

– происходит отход от принципа правовой определенности, ибо такие понятия, как «склонение», «пропаганда» и «демонстрация», относятся к субъективным категориям, и соответственно, из-за различного их восприятия лицо не может предвидеть последствия своих действий.

Таким образом, в настоящее время наблюдается сочетание приведенных выше подходов в регулировании репродуктивных прав. Стимулирующий подход начал применяться еще до законодательного закрепления традиционных семейных ценностей, поэтому можно говорить о том, что данный подход хотя и корреспондирует названным ценностям, но не является их непосредственным олицетворением. Восполняющий подход позитивно связан с активной деятельностью судебных органов, которые устраняют законодательные пробелы в регулировании новых вспомогательных репродуктивных технологий. Складывающийся ограничительный подход, имеющий конституционно-конфликтную окраску, оказывает наибольшее непосредственное влияние на репродуктивные права и направлен, по сути, на воспрепятствование свободной реализации этих прав.

Обеспечение баланса между традиционными семейными ценностями и репродуктивными правами человека

Проведенное исследование показывает, что между регулированием репродуктивных прав и традиционными семейными ценностями есть ряд противоречий, которые заключаются в первую очередь в придании традиционным семейным ценностям, по существу, силы общеобязательных предписаний. Это позволяет законодателю ограничивать репродуктивные права граждан с нарушением принципа пропорциональности. Вместе с тем такое понимание ценностей не согласуется с действительностью, не учитывает индивидуальные, национальные и религиозные убеждения. В результате гражданам предлагается некая система публично-допустимого мировоззрения, т. е., по сути, вопреки Конституции РФ (ч. 1–2 ст. 13), предпринимаются попытки создать государственную или обязательную идеологию.

Основополагающим принципом реализации репродуктивных прав является самостоятельность индивидуума в принятии решений. Человек в этом случае должен свободно, без какого-либо вмешательства определять свое поведение. Традиционные семейные ценности, которые становятся олицетворением государственных интересов по улучшению демографической политики, затрудняют возможность гражданам осуществлять самостоятельный и свободный выбор.

Для того чтобы избежать или предотвратить непропорциональные ограничения, организовать гармоничное сосуществование традиционных семейных ценностей и репродуктивных прав, в правовом регулировании было бы целесообразно исходить из того, что традиционные семейные ценности должны получать законодательное закрепление только в качестве предпочитаемых благ для отдельных индивидов, которые, согласно своим убеждениям, считают данный формат организации семейной жизни и репродуктивной самоидентификации наиболее приемлемым. Публичный интерес в виде повышения рождаемости и закрепления позитивных демографических тенденций, который яв-

[34] В этом случае необходимо обратить внимание на то, что традиционные семейные ценности во всех своих проявлениях – нравственные ориентиры, но защита нравственности как одно из оснований, позволяющих ограничивать права и свободы, возможна лишь при обнаружении прав и свобод, которые будут нарушены, если не будет оказана соответствующая защита конкретным конституционным ценностям (см.: *Лапаева В. В.* Типы правопонимания : правовая теория и практика. М., 2012. С. 484).

ляется составляющей государственной политики по сохранению традиционных семейных отношений, не должен сопрягаться с целью ограничения репродуктивных прав, направленных на препятствование рождению ребенка у конкретного индивида, а также связанных с ними прав на распространение информации и выражения мнения по вопросам рождения детей.

Полагаем, что достижение поставленных органами государственной власти целей возможно с использованием менее обременительных средств, таких как расширение программ государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства; усиление контроля за работой частных клиник, в которых осуществляются операции по искусственному прерыванию беременности; распространение средств контрацепции, в том числе через включение их в систему ОМС, повышение информированности медицинских специалистов о наиболее надежных методах контрацепции.

По нашему мнению, учет данных предложений при реформировании законодательства о репродуктивных правах позволит соблюсти необходимый баланс между публичными интересами, выражающимися в традиционных семейных ценностях, и названными правами человека.

Закрепление и защита традиционных семейных ценностей позволяют лицам, которые исповедуют подобные ценности, строить на их основании семейные отношения без вмешательства со стороны других лиц и общественных институтов. В то же время лицам, которые преследуют и усматривают в качестве предпочтительных иные форматы организации семейной жизни, должны быть предоставлены идентичные возможности и государственная защита. Вмешательство в частную жизнь, неотъемлемым элементом которой выступают репродуктивные права и установки, недопустимо, если не нарушен закон, а при необходимости балансирования данных прав в случае возникновения конфликта интересов следует учитывать их естественный характер и конституционную природу.

Литература

Абашидзе А. А. Новое поколение прав человека : соматические права // Московский журнал международного права. 2009. № 1 (73). С. 69–82.

Должиков А. В. «Рукописи не горят» : неписаные права в конституционном правосудии // Сравнительное конституционное обозрение. 2014. № 1 (98). С. 120–137.

Дорофеева Е. Мнения россиян по поводу выплат беременным школьницам в регионах разделились // Ведомости. 2025. 23 апр. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/04/23/1106059-mneniya-rossiyan-po-povodu-viplat-beremennim-shkolnitsam-razdelilis

Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 1 (3/4). С. 299–321.

Крусс В. И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении : к постановке проблемы // Государство и право. 2000. №°10. С. 43–50.

Кулиев Д. Т. Межконфессиональные браки согласно исламскому праву : теория и практика : дис. … канд. юрид. наук. М., 2023. 191 с.

Лапаева В. В. Типы правопонимания : правовая теория и практика. М., 2012. 484 с.

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 2003. 578 с.

Нуссбергер А. Прощание с универсальными конституционно-правовыми концепциями? Ответ на статью Сергея Белова // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. Т. 33. № 2 (159). С. 89–101.

Пушкарева Н. Л. Частная жизнь русской женщины в Древней Руси и Московии : невеста, жена, любовница. М., 2011. 216 с.

Хазова О. А. Репродуктивные права в России : пределы законодательного регулирования // Конституционное право : восточноевропейское обозрение. 2001. № 1 (34). С. 7.

Шустров Д. Г. Иерархия конституционных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6. С. 6–15.

References

Abashidze A. A. A new generation of human rights : somatic rights // Moscow Journal of International Law. 2009. No. 1 (73). P. 69–82.

Dolzhikov A. V. «Manuscripts do not burn» : unwritten rights in constitutional justice // Comparative constitutional review. 2014. No. 1 (98). P. 120–137.

Dorofeeva E. The opinions of Russians about payments to pregnant schoolgirls in the regions were divided // Vedomosti. 2025. April 23. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2025/04/23/1106059-mneniya-rossiyan-po-povodu-viplat-beremennim-shkolnitsam-razdelilis

Zdravomyslova E. A., Temkina A. A. State construction of gender in Soviet society // Journal of Social Policy Research. 2003. No. 1 (3/4). P. 299–321.

Kruss V. I. Personal («somatic») human rights in the constitutional and philosophical-legal dimension : to the formulation of the problem // State and law. 2000. No. 10. P. 43–50.

Kuliev D. T. Interfaith marriages according to Islamic law : theory and practice : cand. legal sci. dis. Moscow, 2023. 191 p.

Lapaeva V. V. Types of legal understanding : legal theory and practice. Moscow, 2012. 484 p.

Mironov B. N. Social history of Russia during the empire (XVIII – early XX century). St. Petersburg, 2003. 578 p.

Nussberger A. Farewell to universal constitutional legal concepts? Response to the article by Sergei Belov // Comparative Constitutional Review. 2024. Vol. 33. No. 2 (159). P. 89–101.

Pushkareva N. L. The private life of a Russian woman in Ancient Russia and Muscovy : bride, wife, mistress. Moscow, 2011. 216 p.

Khazova O. A. Reproductive rights in Russia : limits of legislative regulation // Constitutional law : Eastern European review. 2001. No. 1 (34). P. 7.

Shustrov D. G. Hierarchy of constitutional values // Constitutional and municipal law. 2013. No. 6. P. 6–15.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Кряжков В. А., доктор юридических наук, профессор, профессор-исследователь департамента публичного права факультета права, заслуженный юрист РФ

E-mail: vladimir-kryazhkov@yandex.ru

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Гавриленко Д. В., аспирант кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета, старший юрист благотворительного фонда помощи детям и взрослым с врожденными нарушениями иммунитета «ПОДСОЛНУХ»

E-mail: gavrilenko_daria@mail.ru

Поступила в редакцию: 07.08.2025

Для цитирования:

Кряжков В. А., Гавриленко Д. В. Традиционные семейные ценности в контексте репродуктивных прав человека в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 22–30. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/22-30

National Research University «Higher School of Economics»

Kryazhkov V. A., Doctor of Legal Sciences, Professor, Research Professor of the Public Law Department of the Faculty of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation

E-mail: vladimir-kryazhkov@yandex.ru

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Gavrilenko D. V., PhD student, Department of constitutional and municipal law, faculty of law, senior lawyer SUNFLOWER Charity Foundation Supporting Patient swith Immune System Disorders

E-mail: gavrilenko_daria@mail.ru

Received: 07.08.2025

For citation:

Kryazhkov V. A., Gavrilenko D. V. Traditional family values in the context of human reproductive rights in the Russian Federation: constitutional aspects // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 3 (62). P. 22–30. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/22-30

УДК 342
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/31-39

ДВУХУРОВНЕВАЯ СИСТЕМА ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. В. Стрельников

Воронежский государственный университет

TWO-TIER SYSTEM OF LOCAL GOVERNMENT ORGANIZATION IN RUSSIA: DEVELOPMENT TRENDS AND PROSPECTS

A. V. Strelnikov

Voronezh State University

Аннотация: анализируются проблемы, связанные с реформой территориальной организации местного самоуправления в России, и положения нового федерального законодательства, закрепляющие условия перехода на одноуровневую систему муниципальных образований; рассматриваются различные точки зрения ученых о возможных перспективах данного перехода, отмечаются спорные ситуации в субъектах РФ, в которых игнорируется мнение населения при принятии соответствующих решений; формулируются предложения по совершенствованию российского законодательства по данному вопросу.
Ключевые слова: муниципальная реформа, местное самоуправление, муниципальные образования, одноуровневая и двухуровневая системы, городские и сельские поселения, городские и муниципальные округа, непосредственное осуществление местного самоуправления.

Abstract: the problems related to the reform of the territorial organization of local self-government in Russia analyzes. The provisions of the new federal legislation that establish the conditions for the transition to a single-tier system of municipalities are analyzed, various points of view of scientists on the possible prospects for this transition are considered, controversial situations in the subjects of the Russian Federation are noted, in which the opinion of the population is ignored when making appropriate decisions, proposals are formulated to improve Russian legislation on this issue.
Key words: municipal reform, local self-government, municipalities, single-level and two-level systems, urban and rural settlements, urban and municipal districts, direct implementation of local self-government.

Местное самоуправление является важным инструментом развития демократического правового государства, представляя собой один из способов вовлечения граждан в процессы управления государством, позволяя местному сообществу осознать себя полноправным хозяином своей «малой родины», ответственным за собственное настоящее и будущее. Непосредственно через местное самоуправление как важнейший элемент политической системы общества граждане могут самостоятельно выражать свои интересы, решать местные проблемы.

Конституционные поправки 2020 г.[1], наряду с другими значимыми сферами жизни общества и государства, существенным образом затрону-

© Стрельников А. В., 2025

[1] См.: О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : закон Рос. Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

ли и местное самоуправление. В Основном законе страны было закреплено, что государственная власть и местное самоуправление образуют единую систему публичной власти в государстве (ст. 132 Конституции РФ)[2]. Этот важный тезис ранее существовал в конституционно-правовой науке. Данное сближение государственной и муниципальной власти практически стирает границы между ними, тем не менее, местное самоуправление сохраняет самостоятельность в пределах своих полномочий, а муниципальные органы не входят в систему органов государственной власти (ст. 12 Конституции РФ). Поэтому несмотря на схожесть имеются сущностные различия между этими институтами.

Исходя из новых конституционных положений некоторые ученые считают, что муниципальная реформа приобрела «централизаторскую» окраску[3] и, как утверждает Н. В. Винник, было фактически осуществлено закрепление «агентской модели» местного самоуправления, суть которой заключается в главенствующей роли государственных органов власти по отношению к органам местного самоуправления. В рамках данной модели местное самоуправление воспринимается как средство осуществления государством управленческих функций на местах, т. е. нацеленное на предоставление качественных услуг населению, а не его представительство[4].

Одним из важных аспектов «централизации» и концептуального сближения государственного и муниципального уровней власти в России является переход к одноуровневой модели организации местного самоуправления в России.

Т. Г. Гунина отмечает, что в мировой науке о местном самоуправлении всегда было два принципа формирования его территориальных единиц: «естественный» и «искусственный». Согласно первому – местное самоуправление должно осуществляться в границах естественных поселений (городских и сельских), т. е. местах компактного проживания населения, объединенных общими интересами в решении вопросов своего непосредственного жизнеобеспечения. Согласно второму – местное самоуправление осуществляется в искусственных единицах: чаще надпоселенческих, но бывает и подпоселенческих (как правило, на территориях больших городских агломераций)[5].

В России системный подход к местному самоуправлению стал проявляться при Екатерине Великой, когда в 1785 г. было издано Городовое положение, предоставившее некоторые властные полномочия городской думе, городской управе и городскому голове по решению ряда местных проблем, в основном хозяйственного направления. Можно сказать, что на более демократичных началах местное самоуправление целенаправленно создавалось в городах.

Затем в рамках либеральных реформ 1860-х гг. были приняты Положения о губернских и уездных земских учреждениях и Городовое положение. Местное самоуправление, таким образом, стало учреждаться на следующих территориях: губерния, город, уезд. Важно также отметить, что местное самоуправление не входило в систему государственной власти, оставаясь от него зависимым в административном аспекте.

В советском государстве институт местного самоуправления был заменен местными Советами, которые являлись нижним звеном единой вертикали органов государственной власти (вышестоящие Советы могли отменить решения нижестоящих Советов), хотя их основные функции были схожими. Депутаты в местные Советы избирались формально вполне демократично, хотя фактически выборным процессом управляли местные организации монопольно правящей КПСС, и не лояльные советской власти кандидаты не могли пройти. При этом местные Советы создавались практически во всех территориальных единицах: край (область), район, город, район в городе, поселок, село.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что «местная» власть формируется почти в

[2] См.: Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru

[3] См.: *Василькова Е. А.* Территориальная организация и новая управленческая модель местного самоуправления // Право и государство : теория и практика. 2024. № 6 (234). С. 197.

[4] См.: *Винник Н. В.* Перспективы развития территориальной организации местного самоуправления // Проблемы и перспективы развития местного самоуправления в Российской Федерации и зарубежных странах : сборник материалов Всерос. конф. с междунар. участием (Москва, 25–29 апреля 2022 г.) / под ред. Л. Т. Чихладзе, Е. Ю. Комлева. М. : Рос. ун-т дружбы народов (РУДН), 2022. С. 113.

[5] См.: *Гунина Т. Г.* Переход на одноуровневую систему муниципальных образований : последствия для местного самоуправления // Oeconomia et Jus. 2022. № 2. С. 62.

тех же территориальных границах (с учетом замены терминов: вместо губернии – край или область, вместо уезда – район), что и в Российской империи (исключая село и район в городе)[6].

Таким образом, в советский период российской государственности впервые сложилась и использовалась «многоуровневая» система организации местной власти: областной (краевой) – городской и районный – районный в городах, сельский, поселковый уровни. В принятой в 1993 г. Конституции РФ ст. 131 устанавливала, что местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 131)[7] в ст. 10 закрепил следующие виды муниципальных образований: городские и сельские поселения, муниципальные районы, муниципальные и городские округа, внутригородские территории городов федерального значения. При этом городские и сельские поселения одновременно являлись составными частями муниципального района, тем самым и формируя двухуровневую систему организации местного самоуправления в России.

Наличие такого вида муниципальных образований, как «внутригородской район» в городских округах с внутригородским делением нельзя назвать признаком, характеризующим российскую систему как «двухуровневую» в связи с незначительным распространением (в общей сложности на территории России таких городских округов было всего три). Этот способ организации местного самоуправления на территории городов практически не получил положительных оценок в научном сообществе и не продемонстрировал реальной эффективности на практике.

Так, в городском округе город Самара Самарской области (один из муниципалитетов, принявших двухуровневую модель организации местного самоуправления в городском округе) проводился опрос депутатов представительных органов внутригородских районов, руководителей местных ТОС, а также населения муниципального образования. Результаты анкетирования и опроса населения показали разительное несовпадение оценки гражданами работы созданных в результате реформы органов местного самоуправления и самооценки их деятельности со стороны самих депутатов: при том что сами депутаты в абсолютном своем большинстве (77,9 %) считали свою деятельность эффективной, также ее оценивало лишь 9 % населения. Очевидно, что декларируемых целей – приближения власти к народу – эта реформа не достигла. Эти выводы подтверждались и другими направлениями анализа, проведенного Комитетом по местному самоуправлению Самарской губернской думы – финансовой обеспеченностью внутригородских районов, переданными полномочиями, данными об обращениях граждан в различные уровни власти. На этом основании комитетом было рекомендовано признать реформу неэффективной, ликвидировать внутригородские районы с отдельными представительными органами и восстановить систему местного самоуправления, действовавшую в Самаре до 2015 г.[8]

Новый Федеральный закон от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – ФЗ № 33)[9] продолжил запущенный в ходе конституционной реформы 2020 г. переход к одноуровневой системе организации местного самоуправления в России, его ст. 9 определила три вида муниципальных образований:

1) городской округ;

2) муниципальный округ;

3) внутригородское муниципальное образование города федерального значения.

При этом ч. 7 ст. 9 ФЗ № 33 предусматривает возможность регионального законодателя сохранить двухуровневую систему организации местного самоуправления (поселения (сельские и городские) и муниципальные районы) и после вступления в силу ФЗ № 33. Сохранение двухуровневой системы должно быть обусловлено со-

[6] См.: *Упоров И. В.* Виды муниципальных образований в постсоветской России : историко-правовой контекст // Гуманитарный научный вестник. 2022. № 5. С. 181.

[7] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822.

[8] См.: *Матвеев М. Н.* Оценка реформы местного самоуправления с внутригородским делением Самары в 2015–2020 гг. сфо стороны ее участников и населения // Вестник Самар. ун-та. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 1. С. 64.

[9] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 12. Ст. 1200.

циально-экономическими, историческими, национальными и иными особенностями субъектов Российской Федерации.

В настоящий момент однозначно выступали и боролись за сохранение «поселенческого» уровня местного самоуправления только региональные власти Республик Татарстан и Башкортостан. Раис Татарстана Рустам Минниханов высказался против перехода от двухуровневой к одноуровневой системе местного самоуправления на XIX съезде Ассоциации «Совет муниципальных образований Республики Татарстан»: «Если у кого-то есть какие-то пожелания сделать другую систему, пусть попробуют: если она будет лучше, мы потом съездим, посмотрим, изучим опыт. Это тоже возможно, но как можно отдаляться от народа?» Рустам Минниханов призвал депутатов – курултай от Татарстана активнее защищать интересы региона по этому вопросу и выразил уверенность в необходимости сохранения сельских поселений[10].

При этом в других регионах России и до принятия ФЗ № 33 отмечалась тенденция по отказу от двухуровневой системы организации местного самоуправления. Преобразование муниципальных районов в городские округа являлось целенаправленной региональной политикой в Московской области с 2014 г., где за 5 лет городскими округами стали 25 из 36 муниципальных районов, а в 2019 г. завершился процесс преобразования в городские округа оставшихся муниципальных районов[11].

На территории Московской области преобразование муниципальных районов в городские округа с ликвидацией поселений обусловлено высоким уровнем урбанизации населения, а также плотностью и близким расположением населенных пунктов бывших муниципальных районов друг к другу, развитостью транспортной и другой инфраструктуры столичного региона. Опыт преобразования Домодедовского муниципального района в городской округ выявил высокую эффективность этой формы местного самоуправления. В рейтинге устойчивого развития городов Российской Федерации городской округ Домодедово занял 9-е место, среди городов с населением менее 250 тыс. человек по всей Российской Федерации – 1-е место[12].

При этом отказ от двухуровневой модели организации местного самоуправления начался с момента введения в 2019 г. нового вида муниципальных образований – муниципального округа.

В соответствии с положениями ст. 2 ФЗ № 131 под муниципальным округом понимается несколько объединенных общей территорией населенных пунктов, не являющихся муниципальными образованиями, в которых местное самоуправление осуществляется населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления, которые могут осуществлять отдельные государственные полномочия, передаваемые органам местного самоуправления федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации.

В соответствии с пояснительной запиской к проекту федерального закона, который ввел институт «муниципального округа» в ФЗ №131, основной целью создания нового вида муниципального образования является обеспечение вариативности подходов к осуществлению местного самоуправления с учетом особенностей территорий. Новый вид муниципального образования призван обеспечивать возможность консолидации представительских и административных ресурсов, в том числе на сельских территориях, а также оптимизировать расходы на содержание органов местного самоуправления посредством создания одноуровневой системы местного самоуправления там, где это целесообразно.

Однако в более сложных и менее обеспеченных, нежели Московская область, субъектах РФ, имеется и негативный опыт отказа от поселенческого уровня власти. Рассмотрим его на примере Псковской области.

В феврале 2023 г. на территории Псковской области началась масштабная реформа по преобразованию муниципальных районов Псковской области в муниципальные округа с ликвидацией городских и сельских поселений как самостоятельных муниципальных образований. Так, Законом Псковской области от 2 марта

[10] См.: Официальный сайт газеты «Коммерсантъ». URL: https://www.kommersant.ru/doc/7384349 (дата обращения: 16.05.2025).

[11] См.: *Карелин Е. Г.* Преобразование муниципальных районов Московской области в городские округа // Россия : тенденции и перспективы развития : ежегодник. Выпуск 14 / отв. ред. В. И. Герасимов. М. : ИНИОН РАН, 2019. Ч. 2. С. 839.

[12] См.: V.Domodedovo.info : сайт городского округа Домодедово. URL: https://vdomodedovo.info/novosti/domodedovo-zanjal-9-mesto-v-reitinge-gorodov-ustoichivogo-razvitija.html

2023 г. № 2347-ОЗ «О преобразовании муниципальных образований, входящих в состав муниципального образования "Печорский район"»[13] и Законом Псковской области от 2 марта 2023 г. № 2354-ОЗ «О преобразовании муниципальных образований, входящих в состав муниципального образования "Пыталовский район"»[14] муниципальные образования, входящие в Печорский и Пыталовский районы, были преобразованы путем объединения в соответствующие муниципальные округа. Аналогичные преобразования произошли в Красногородском, Локнянском, Невельском, Новоржевском, Опочецком и Струго-Красненскам районах. Усвятский, Дновский, Порховский, Плюсский и Бежаницкий районы 7 мая 2024 г. преобразованы в муниципальные округа. Соответствующие решения депутаты Псковского областного Собрания поддержали в ходе внеочередной сессии, состоявшейся 7 мая 2024 г.[15]

Наиболее драматичные события происходят по настоящий момент в ходе преобразования Гдовского муниципального района Псковской области.

С марта по июнь 2024 г. в Гдовском муниципальном районе велась кампания по получению согласия представительных органов сельских поселений – волостей по преобразованию Гдовского района в муниципальный округ. Длительное время против выдвинутой инициативы на общественных слушаниях выступали жители муниципалитетов, а также депутаты представительных органов двух сельских поселений – Полновской и Плесновской волостей (26 и 30 апреля 2024 г. соответственно).

Напомним, что в соответствии с ч. 3.1-1 ст. 13 ФЗ № 131 объединение всех поселений, входящих в состав муниципального района, осуществляется с согласия населения, выраженного представительными органами соответствующих поселений и муниципального района, и влечет наделение вновь образованного муниципального образования статусом муниципального округа. При этом, если население двух и более поселений не выразило в установленной форме своего согласия на объединение всех поселений, входящих в состав муниципального района, такое объединение не осуществляется.

С мая по июнь 2024 г., по сообщениям средств массовой информации, на депутатов представительных Полновской и Плесновской волостей оказывалось давление по склонению к поддержке преобразования района в округ[16]. Собрание депутатов Гдовского района Псковской области 7 июня 2024 г. назначило досрочные выборы главы района на 8 сентября 2024 г. (в связи с добровольной отставкой главы муниципального образования в марте 2024 г.), тем самым сняв вопрос преобразования района в округ.

Между тем в декабре 2024 г. после получения согласия представительного органа Полновской волости региональным законодателем был принят закон[17] о преобразовании Гдовского муниципального района в округ с ликвидацией всех поселений-волостей, муниципальных образований «второго» уровня. Принятый закон вступил в силу с 1 января 2025 г. и определил в ст. 4 порядок избрания первого главы муниципального округа – представительным органом из числа кандидатур, представленных конкурсной комиссией по результатам конкурса, ранее, как уже упоминалось, глава муниципального района избирался на муниципальных выборах.

В соответствии с ч. 5 ст. 34 ФЗ № 131-ФЗ структура органов местного самоуправления вновь образованного муниципального образования определяется населением на местном референдуме или представительным органом вновь образованного муниципального образования и закрепляется в уставе муниципального образования. При этом местный референдум по вопросу определения структуры органов местного самоуправления вновь образованного муниципального образования проводится в случае, если в течение одного месяца со дня вступления в силу закона субъекта Российской Федерации об установлении границ соответствующего муниципального образования с инициативой о проведении местного референдума выступила груп-

[13] См.: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru

[14] См.: Там же.

[15] См.: Официальный портал Псковского района Псковской области. URL: https://pskovrajon.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_825.html

[16] См.: Официальный сайт газеты «Гражданинъ». URL: https://gr60.ru/kak-gdovskij-kraj-vyshel-iz-okruzheniya/

[17] См.: О преобразовании муниципальных образований, входящих в состав Гдовского муниципального района Псковской области : закон Псковской области от 20 декабря 2024 г. № 2557-ОЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru

па жителей муниципального образования, обладающих избирательным правом.

С инициативой проведения местного референдума по вопросу определения структуры органов местного самоуправления Гдовского муниципального округа 3 февраля 2025 г. обратилась группа жителей Гдовского района, ходатайство было зарегистрировано в Избирательной комиссии Псковской области, по результатам рассмотрения ходатайства 17 февраля 2025 г. вынесено постановление[18] избирательной комиссией региона.

Избирательная комиссия Псковской области в своем решении отказала в регистрации инициативной группы по проведению местного референдума по вопросу определения структуры органов местного самоуправления Гдовского муниципального округа по довольно интересным основаниям.

Мотивируя свою позицию, избирательная комиссия указывает, что представленные документы были подписаны 37 членами инициативной группы местного референдума, между тем ч. 2 ст. 75 Закона Псковской области от 20 декабря 2024 г. № 2558-ОЗ «О местном референдуме в Псковской области»[19] установлено, что каждый гражданин Российской Федерации или группа граждан вправе образовать инициативную группу по проведению местного референдума в количестве тридцати человек.

Семь дополнительных граждан в инициативной группе стали причиной для отказа в регистрации инициативной группы, что, на наш взгляд, представляется чрезвычайно формальным подходом избирательной комиссии, не учитывающим основную цель установки минимальных требований к количеству граждан в инициативной группе по проведению местного референдума – демонстрация поддержки и заинтересованности жителей муниципального образования непосредственно выразить свою властную волю на референдуме (ч.3 ст. 3 Конституции РФ).

Решение Избирательной комиссии Псковской области в настоящий момент оспаривается по административному иску уполномоченных представителей инициативной группы в Псковском областном суде (административное дело № 3а-11/2025)[20].

Еще одним примером игнорирования мнения населения является ситуация в Красноярском крае. Региональные власти Красноярского края одними из первых выступили с предложением провести масштабную муниципальную реформу по переходу от муниципальных районов к округам, причем с рекордной скоростью. Стоит напомнить, что авторами проекта ФЗ № 33 выступили всего лишь двое парламентариев – депутат Госдумы Павел Крашенинников и сенатор Андрей Клишас. Последний как раз и представляет в Совете Федерации Красноярский край. Красноярский губернатор Михаил Котюков 6 мая провел совещание по реформе местного самоуправления (МСУ), выступив с соответствующей инициативой. Депутаты Законодательного собрания Красноярского края 15 мая одобрили во втором, окончательном чтении реформу региональной системы местного самоуправления (МСУ). Она предусматривает радикальное (с 472 до 39) сокращение числа муниципальных образований и переход на «губернаторскую» модель избрания их глав. Законопроект был вынесен на рассмотрение краевого парламента без предварительного обсуждения. Это вызвало недовольство и протесты со стороны местных жителей, недовольных упразднением своих муниципалитетов, но на итоговый результат никак не повлияло[21].

Подобное развитие событий, скорее всего, имеет общефедеральную тенденцию. По предварительной статистике на начало марта 2025 г. 18 регионов не собирались ничего менять, 26 – ждали федерального закона, чтобы начать изменения, 25 – готовы были применять новации

[18] См.: О рассмотрении ходатайства о регистрации инициативной группы по проведению местного референдума по вопросу определения структуры органов местного самоуправления, а также порядка избрания, полномочий и срока полномочий главы муниципального образования «Гдовский муниципальный округ» : постановление Избирательной комиссии Псковской области от 17 февраля 2025 г. № 113/521-7 // Официальный сайт Избирательной комиссии Псковской области (дата обращения: 17.02.2025).

[19] См.: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru

[20] См.: Официальный сайт Псковского областного суда. URL: https://oblsud-psk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=9571674&case_uid=ef871b3c-c0e9-4978-9f71-e1765b42c521&delo_id=41

[21] См.: Официальный сайт газеты «Коммерсантъ». URL: https://www.kommersant.ru/doc/7715935 (дата обращения: 16.05.2025).

частично. При этом в 20 субъектах РФ переход на одноуровневую модель МСУ уже произошел. Дело в том, что и прежняя редакция соответствующего закона этого не запрещала, хотя и не требовала категорических реформ[22].

Среди ряда ученых существует мнение, согласно которому отказ от двухуровневой модели организации местного самоуправления является негативным фактором. К примеру, Р. В. Бабун отмечал, что вместо формирования активных местных сообществ по мере укрупнения муниципалитетов выстраивается командно-административная система отношений населения и местной власти[23].

А. В. Пузанов подчеркивает, что распространенная тенденция касается трактовки доступа к МСУ в узком, «пассивном» смысле, лишь как возможность населения получить услугу. Однако даже если не учитывать отмеченный выше факт, что выигрыш в части эффективного предоставления услуг не вполне очевиден, в процессе укрупнения муниципалитетов игнорируется второй, «активный» аспект доступа к МСУ – возможность населения непосредственно участвовать в осуществлении местного самоуправления[24].

Представители другой точки зрения считают, что переход к одноуровневой модели организации местного самоуправления является положительным фактором. Так, С. В. Букалова и К. Г. Меркулова отмечают, что внедрение унифицированной двухуровневой системы территориальной организации местного самоуправления с самого начала показало несостоятельность подавляющего большинства сельских поселений. Процесс слияния поселений начался сразу же после их создания. Практически не имея собственных источников дохода, глубоко дотационные поселения передавали свои полномочия на районный уровень. Эта тенденция нашла свое законодательное оформление в резком сокращении закрепленных за поселенческим уровнем вопросов местного значения[25].

На наш взгляд, процесс отказа от поселенческого уровня муниципальной власти и переход к одноуровневой модели организации местного самоуправления носят преимущественно негативный характер.

Самый главный аргумент сторонников такой реформы – повышение уровня и качества администрирования, а также экономической и бюджетной составляющей на сельских территориях России. Полагаем, что неправильно смешивать модель организации местного самоуправления и бюджетную политику государства. Для повышения бюджетной обеспеченности сельских и городских поселений нет необходимости в их ликвидации и переносе финансового управления в «единый» общеокружной центр, для этого следует обратить внимание на распределение налоговых и иных доходов между публично-правовыми образованиями в Российской Федерации. Так, в настоящий момент в соответствии с ч. 2 ст. 61.5 Бюджетного кодекса РФ[26] в бюджеты сельских поселений подлежат зачислению налоговые доходы от налога на доходы физических лиц по нормативу 2 %, что является совершенно незначительной суммой.

Куда более важным негативным фактором проводимой муниципальной реформы выступает снижение роли граждан при осуществлении местного самоуправления, уход от принципов непосредственной демократии как высшей формы проявления воли народа, в сторону построения административно-хозяйственной вертикали «единой системы публичной власти», где именно контроль над муниципальными властями является приоритетом государства. Это выражается в создании единого центра управления крупными сельскими территориями России – в виде единственного главы, единственного представительного органа и единственного исполнительно-распорядительного органа муниципального образования – муниципального округа (возможность создания подразделений местной администрации в отдельных населенных

[22] См.: Официальный сайт издания «Независимая газета». URL: https://www.ng.ru/politics/2025-05-06/1_9248_experiment.html

[23] См.: *Бабун Р. В.* Местное самоуправление в современной России : проблемы и решения : монография. Saarbrucken : LAP LAMBERT Academic Publishing RU, 2016. С. 90.

[24] См.: *Пузанов А. С., Попов Р. А.* Оценка территориальной доступности местного самоуправления : экономико-географическое исследование // Муниципальное имущество : экономика, право, управление. 2017. № 3. С. 24.

[25] См.: *Букалова С. В., Меркулова К. Г.* Особенности нового этапа реформирования местного самоуправления в Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17, № 2. С. 62.

[26] См.: Бюджетный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31. Ст. 3823.

пунктах ситуацию не меняет). Это означает, что количество проводимых муниципальных выборов в России будет сокращено в разы в связи с ликвидацией «поселенческого» уровня власти. Аргумент о том, что в сельских населенных пунктах практически отсутствуют жители, которые желают участвовать в муниципальных выборах и (или) готовы принимать на себя административно-хозяйственные функции в местных администрациях, несостоятелен, поскольку внимание должно быть обращено не на наличие малого числа кандидатов на муниципальных выборах «поселенческого» уровня, а на отсутствие желания молодых людей оставаться, возвращаться и (или) переезжать на постоянное место жительства в сельские населенные пункты по причинам низкого уровня их социально-экономического, инфраструктурного, культурного развития. Ликвидация в них местной власти только усугубит эти тенденции.

Не менее значимый аспект муниципальной реформы – это физическое, географическое отдаление органов муниципальной власти от жителей сельских территорий России. Переход к одноуровневой модели организации местного самоуправления путем создания муниципальных округов предусматривает единый центр власти в административном центре вновь образованного округа, где будут находиться все органы местного самоуправления, по факту – в бывший «райцентр». Например, площадь небольшого Каменского муниципального района Воронежской области больше площади целого государства – Сингапура (999,17 и 778 км^2 соответственно). Площадь же Таймырского Долгано-Ненецкого района Красноярского края составляет 879 900 км^2, что больше территории Франции, Турции, Испании и Украины.

Как уже отмечалось, ч. 17 ст. 22 ФЗ № 33 предусмотрено, что в целях наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории, в структуре местной администрации в соответствии с критериями, установленными законом субъекта Российской Федерации, могут быть сформированы территориальные органы местной администрации. При этом указанный закон субъекта Российской Федерации в качестве одного из критериев формирования территориальных органов местной администрации должен предусматривать пешеходную доступность до административного центра муниципального образования или до территориальных органов местной администрации и обратно в течение рабочего дня для жителей всех населенных пунктов, входящих в состав муниципального образования. Это весьма размытый критерий, и могут возникать ситуации, при которых граждане будут вынуждены совершать длительные пешие переходы (при отсутствии личного транспорта) для посещения органов местного самоуправления, особенно в условиях частого отсутствии регулярных транспортных перевозок на сельских территориях.

В связи с этим полагаем необходимым внести изменения в законодательство, изложив в качестве одного из критериев формирования органов местной администрации пешеходную доступность до административного центра муниципального образования или до территориальных органов местной администрации и обратно, не превышающую трех часов для жителей всех населенных пунктов, входящих в состав муниципального образования.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в Российской Федерации переход к одноуровневой модели организации местного самоуправления в абсолютном большинстве субъектов России будет достаточно быстрым, за исключением, пожалуй, некоторых национальных республик, например, таких как как Татарстан, Башкортостан. То обстоятельство, что ФЗ № 33 не предусматривает при этом учета мнения жителей России, которое они бы могли выражать на местных референдумах, сходах, в иных формах непосредственной демократии по вопросу организации жизни на родной территории, а также буквально физическое отдаление муниципальной власти от жителей сельских населенных пунктов России не несут в себе повода для оптимизма при рассмотрении перспектив развития и процветания российского народа (в первую очередь) и государства (во вторую).

Библиографический список

Бабун Р. В. Местное самоуправление в современной России : проблемы и решения : монография. Saarbrucken : LAP LAMBERT Academic Publishing RU, 2016. 124 с.

Букалова С. В., Меркулова К. Г. Особенности нового этапа реформирования местного самоуправления в Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17, № 2. С. 54–70.

Василькова Е. А. Территориальная организация и новая управленческая модель местного само-

управления // Право и государство : теория и практика. 2024. № 6 (234). С. 197–198.

Винник Н. В. Перспективы развития территориальной организации местного самоуправления // Проблемы и перспективы развития местного самоуправления в Российской Федерации и зарубежных странах : сборник материалов Всерос. конф. с междунар. участием (Москва, 25–29 апреля 2022 г.) / под ред. Л. Т. Чихладзе, Е. Ю. Комлева. М. : Рос. ун-т дружбы народов (РУДН), 2022. С. 113–116.

Гунина Т. Г. Переход на одноуровневую систему муниципальных образований : последствия для местного самоуправления // Oeconomia et Jus. 2022. № 2. С. 61–72.

Карелин Е. Г. Преобразование муниципальных районов Московской области в городские округа // Россия : тенденции и перспективы развития : ежегодник. Выпуск 14 / отв. ред. В. И. Герасимов. М. : ИНИОН РАН, 2019. Ч. 2. С. 839–842.

Матвеев М. Н. Оценка реформы местного самоуправления с внутригородским делением Самары в 2015–2020 гг. со стороны ее участников и населения // Вестник Самар. ун-та. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 1. С. 61–65.

Пузанов А. С., Попов Р. А. Оценка территориальной доступности местного самоуправления : экономико-географическое исследование // Муниципальное имущество : экономика, право, управление. 2017. № 3. С. 24–30.

Упоров И. В. Виды муниципальных образований в постсоветской России : историко-правовой контекст // Гуманитарный научный вестник. 2022. № 5. С. 180–186.

References

Babun R. V. Local self-government in Modern Russia : problems and solutions : a monograph. Saarbrucken : LAP LAMBERT Academic Publishing RU, 2016. 124 p.

Bukalova S. V., Merkulova K. G. Features of the New Stage of Local Self-Government Reforms in the Russian Federation // Srednerusskiy Vestnik Obshchestvennykh Nauk. 2022. Vol. 17, No. 2. P. 54–70.

Vasilkova E. A. Territorial Organization and the New Management Model of Local Self-Government // Pravo i Gosudarstvo : Teoriya i Praktika. 2024. No. 6 (234). P. 197–198.

Vinnik N. V. Prospects for the development of the territorial organization of local self-government // Problems and prospects of development of local self-government in the Russian Federation and foreign countries : collection of materials of the All-Russian Conference with International with participation (Moscow, April 25–29, 2022) / ed. by L. T. Chikhladze, E. Y. Komleva. Moscow : Russian University of Friendship of Peoples (RUDN University), 2022. P. 113-116.

Gunina T. G. Transition to a One-Level System of Municipalities: Implications for Local Self-Government // Oeconomia et Jus. 2022. No. 2. P. 61–72.

Karelin E. G. Transformation of Municipal Districts in the Moscow Region into Urban Districts // Russia : Trends and Prospects of Development : Yearbook. Issue 14 / ed. by V. I. Gerasimov. Moscow : INION RAS, 2019. Part 2. P. 839–842.

Matveev M. N. Assessment of the reform of local self-government with the inner-city division of Samara in 2015–2020. on the part of its participants and the population // Bulletin of Samar. un-ta. History, pedagogy, philology. 2022. Vol. 28, No. 1. P. 61–65.

Puzanov A. S., Popov R. A. Assessment of the Territorial Accessibility of Local Self-Government : An Economic and Geographical Study // Municipal Property : Economics, Law, and Management. 2017. No. 3. P. 24–30.

Uporov I. V. Types of Municipalities in Post-Soviet Russia : Historical and Legal Context // Humanitarian Scientific Bulletin. 2022. No. 5. P. 180–186.

Воронежский государственный университет
Стрельников А. В., аспирант
E- mail: aleks2000voro@yandex.ru

Поступила в редакцию: 24.05.2025

Для цитирования:
Стрельников А. В. Двухуровневая система организации местного самоуправления в России : тенденции развития и перспективы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 31–39. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/31-39

Voronezh State University
Strelnikov A. V., Post-graduate Student
E-mail: aleks2000voro@yandex.ru

Received: 24.05.2025

For citation:
Strelnikov A. V. Two-tier system of local government organization in Russia: development trends and prospects // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 3 (62). P. 31–39. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/31-39

УДК 340.12
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/40-48

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ

А. Г. Аистов
Волгоградский государственный университет

CURRENT ISSUES IN THE HISTORY OF SELF-REGULATION DEVELOPMENT IN RUSSIA

A. G. Aistov
Volgograd State University

Аннотация: рассмотрены различные позиции ученых-правоведов по вопросу истории саморегулирования в России. Выявлены и проанализированы дискуссионные моменты, которые заключаются в изучении истории российского саморегулирования через призму современной модели саморегулирования, без учета контекста времени исторического периода, без разделения саморегулирования на социальное, экономическое и правовое явление, с установлением равенства между саморегулированием и саморегулируемыми организациями. В частности, на примере Иванской общины и иных артелей купцов XII–XV вв. продемонстрировано, что описанный выше подход приводит к спорной квалификации организаций в качестве прообразов современных саморегулируемых организаций, различному пониманию правовой природы и сущности саморегулирования и, как следствие, противоречивым заключениям об истории саморегулирования в России.
Ключевые слова: саморегулирование, социальное саморегулирование, экономическое саморегулирование, правовое саморегулирование, саморегулируемые организации, правовое регулирование, артель.

Abstract: this article examines various viewpoints of legal scholars regarding the history of self-regulation in Russia. The paper identifies and analyzes the contentious issues in studying the history of Russian self-regulation through the lens of the modern self-regulation model, without considering the historical context of the time period, without distinguishing self-regulation as a social, economic, or legal phenomenon, and by establishing equality between self-regulation and self-regulating organizations. In particular, using the example of the Ivanovo commune and other merchant artels of the 12th–15th centuries, it is demonstrated that the aforementioned approach leads to a controversial classification of these organizations as prototypes of modern self-regulating organizations, differing interpretations of the legal nature and essence of self-regulation, and, consequently, contradictory conclusions about the history of self-regulation in Russia.
Key words: self-regulation, social self-regulation, economic self-regulation, legal self-regulation, self-regulating organizations, legal regulation, artel.

Саморегулирование представляет собой одну из дискуссионных категорий современной российской правовой науки. Многие вопросы недостаточно проработаны, например, нет общего подхода к тому, что понимается под саморегулированием, какова история указанного явления, когда оно возникло, какие конкретные исторические этапы можно выделить, какие примеры можно считать проявлением, развитием или стагнацией саморегулирования и т. д.

По нашему мнению, саморегулирование может рассматриваться в трех различных аспектах, как социальная, экономическая и правовая категория. В зависимости от этого меняется взгляд и на вопросы, связанные с рассматриваемым явлением, в том числе и на его историю.

© Аистов А. Г., 2025

Нами уже было предложено понятие социального саморегулирования – это способность социальной группы создавать внутри себя порядок, основанный на правилах поведения, общих и единых для всех членов группы, а также способность поддерживать этот порядок, привлекать к ответственности за его нарушения и защищать его от внешних угроз[1].

Считаем необходимым добавить еще два качественных признака, а именно:

1) преследование такой социальной группой бессрочной, приоритетной цели;

2) отсутствие внешнего управления.

Первый признак является определяющим при разграничении понятий самоорганизации и саморегулирования.

По нашему мнению, самоорганизация в своей сущности – это объединение индивидов в социальную группу для решения конкретной поставленной задачи. Однако в случае если поставленная задача будет сложной, т. е. для ее решения понадобятся специальные знания и навыки, большое количество ресурсов, много времени и т. п., то самоорганизация может обрасти всеми признаками, которые присущи саморегулированию, кроме одного – бессрочной, приоритетной цели.

В рамках самоорганизации, после выполнения поставленной задачи или задач, если их несколько, развившаяся в ходе этого процесса система упраздняется.

Второй признак является значимым при разграничении саморегулирования и государственного регулирования, так как саморегулирование в качестве социального явления предполагает отсутствие отношений власти и подчинения. Регулирование осуществляется самостоятельно и исходит изнутри социальной группы.

П. В. Крючкова указывает, что в экономической практике под саморегулированием понимается коллективное регулирование определенных рынков и сфер самими экономическими агентами, без вмешательства государства[2].

Понятие саморегулирования как правовой категории отражено в положениях Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ «О саморегулируемых организациях». Под саморегулированием понимается самостоятельная и инициативная деятельность, которая осуществляется субъектами предпринимательской или профессиональной деятельности и содержанием которой являются разработка и установление стандартов и правил указанной деятельности, а также контроль за соблюдением требований указанных стандартов и правил, а саморегулируемыми организациями признаются некоммерческие организации, созданные в целях, предусмотренных указанным федеральным законом и другими федеральными законами, основанные на членстве, объединяющие субъектов предпринимательской деятельности исходя из единства отрасли производства товаров (работ, услуг) или рынка производственных товаров (работ, услуг) либо объединяющие субъектов профессиональной деятельности определенного вида[3].

Таким образом, современный законодатель Российской Федерации установил правовое понятие саморегулирования и форму его осуществления посредством саморегулируемых организаций.

Проанализируем взгляды ученых в области юриспруденции на историю саморегулирования в России.

Так, М. В. Саудаханов обращается к истории Древнего Рима, в котором получили свое начало коллективные образования некоммерческого характера, отмечая, что правовые основы статуса некоммерческих организаций, известные римским ученым, были реципированы и трансформированы в современное законодательство европейских государств, а для российского гражданского права указанная категория является относительно новой.

По мнению исследователя, параллели между некоммерческими организациями современной России можно провести с земскими учреждениями царской России, которые являлись первыми некоммерческими организациями в истории Отечества.

Деление всех юридических лиц на коммерческие и некоммерческие впервые было проведено с принятием 31 мая 1991 г. Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик, а с момента принятия Гражданского кодекса Российской Федерации начался новый этап раз-

[1] См.: *Аистов А. Г.* Саморегулирование : сущность и соотношение с государственным регулированием // Пролог: журнал о праве. 2024. № 3. С. 17–23.

[2] См.: *Крючкова П. В.* Саморегулирование как дискретная институциональная альтернатива регулирования рынков : дис. … д-ра экон. наук. М., 2006. 282 с.

[3] См.: О саморегулируемых организациях : федер. закон от 1 декабря 2007 г. № 315-ФЗ (в ред. от 02.07.2021).

вития некоммерческих организаций, в том числе саморегулируемых организаций.

М. В. Саудаханов указывает, что еще до принятия специального закона, посвященного саморегулируемым организациям, такие организации уже существовали на практике, например Российский союз автостраховщиков[4].

А. Ф. Алгазина отмечает, что отличительной чертой российского саморегулирования является трансформация модели добровольного саморегулирования в смешанную модель, сочетающую в себе как добровольное, так и обязательное саморегулирование.

Для признания каких-либо организаций прототипом современных саморегулируемых организаций А. Ф. Алгазина в качестве основного критерия использует цель их создания: регулирование деятельности субъектов профессиональной деятельности и наличие соответствующих данной цели полномочий.

Так, по мнению ученого, уже в XII–XV вв. на Руси можно отследить элементы саморегулирования при создании артелей, из которых наиболее влиятельной была Иванская община при церкви Иоанна Предтечи на Опоках, представлявшая собой объединение оптовых торговцев воском в Новгороде. Основными целями деятельности этой общины, по мнению А. Ф. Алгазиной, являлись защита общих интересов, товарищеское регулирование и поощрение торговли. Порядок управления Иванской общиной определялся уставом. Членами общины могли стать только те торговцы, которые уплатили вступительный взнос.

Автор обращается к трудам А. А. Бессолицына, который отмечает, что в Новгороде существовали десятки таких купеческих артелей, как Иванская община, отличающихся в основном реализуемыми товарами и территорией сбыта[5].

Таким образом, исследователь приходит к выводу, что первые корпоративные объединения, образованные по инициативе самих торговцев, обнаруживаются уже в период феодальной раздробленности Руси.

Относительно развития торговли и ремесел в Московской Руси исследователь отмечает, что в данный период значительной была роль государства в развитии предпринимательства, в связи с чем оно не получило особого развития в контексте рассматриваемого вопроса.

16 января 1721 г. Петром I был издан регламент Главного магистрата, в соответствии с которым всё городское население, за исключением иностранцев, дворян, духовенства и «подлых людей», разделялось на две гильдии. Первую гильдию составляли знатные купцы, банкиры, городские доктора и прочие, а вторую – низший класс городского населения, включая ремесленников.

Указом Петра I от 27 апреля 1722 г. было запрещено заниматься ремеслом без записи в цехи там, где они были организованы.

Таким образом, Петр I стал основоположником цеховой формы организации ремесленников в истории России, которую, по мнению ученого, можно рассматривать в качестве прообраза модели обязательного саморегулирования.

Следующий этап развития саморегулирования ученый связывает с учреждением адвокатуры, которая самостоятельно разрабатывала приемы адвокатской техники и правила адвокатской этики по причине отсутствия в России каких-либо традиций адвокатской деятельности.

Касательно советского периода истории России автор указывает, что, несмотря на фактическое отсутствие саморегулирования профессиональной деятельности, имели место примеры осуществления публичных полномочий субъектами, не входящими в систему органов государственной власти, например советскими профсоюзами с момента принятия постановления ЦИК и СНК РСФСР от 23 июня 1933 г.[6]

С. Б. Третьякова в своем диссертационном исследовании указывает на два основных периода формирования института саморегулирования в России – дореволюционный (с XII в. по 1917 г.) и современный (с 1993 г. по настоящее время).

Первый период включает в себя три этапа: «доправовой», «раннеправовой» и период правовой регламентации механизмов саморегулирования.

«Доправовой» период длился с XII в. по XVII в. В это время шло формирование «прообразов» саморегулируемых организаций в форме артелей купцов (торговцев), артелей пло-

[4] См.: *Саудаханов М. В.* Становление и генезис института саморегулирования в российской правовой системе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 4. С. 330–334.

[5] См.: *Бессолицын А. А.* История российского предпринимательства. М. : Маркет ДС, 2008. 245 с.

[6] См.: *Алгазина А. Ф.* История возникновения и развития саморегулирования в России // Правоприменение. 2017. Т. 1, № 3. С. 90–99.

щадных подьячих (корпорации профессиональных писцов).

Как указывает автор, проведенные учеными исследования свидетельствовали о том, что российские купцы вели торг не за общий счет, но признавали общую организацию торговли, связанную с распределением общих расходов и несением солидарной ответственности перед третьими лицами. Таким образом, исследователь делает вывод о публичном характере деятельности артелей, стоящих на страже общего интереса торговцев и потребителей, их товаров, работ, услуг, составлявших в то время основную массу населения. Российское государство в XII–XV вв. не основывалось на началах формирования гражданского общества и реализации демократических принципов, а преследовало в основном цель защиты своих собственных государственных интересов, которые не всегда совпадали с общественными. Потому выявлением и охраной публичных интересов в сфере торговли, в том числе отстаиванием позиций справедливости и нравственности, занимались артели, которые можно считать прообразом современных саморегулируемых организаций.

Основными предпосылками возникновения на этом этапе таких субъектов права, по мнению автора, являлись потребности в упорядочивании общественных отношений в не урегулированной правом сфере, что было продиктовано частными интересами торговцев и иных хозяйственных субъектов, желавших получать прибыль, а также общественным (публичным) интересом, который состоял в необходимости обеспечения регулируемого потребительного рынка товаров, работ и услуг.

«Раннеправовой» период длился с XVII в. по первую половину XIX в. и характеризовался частичной законодательной регламентацией саморегулирования, устанавливая правовое положение бирж, их контрольно-регулятивные функции и др. Также в этот период происходит развитие организационно-правовых форм, частично отвечающих характеристикам современных саморегулируемых организаций в виде биржевых комитетов и биржевых обществ, картелей, трестов, синдикатов и др.

Период правовой регламентации механизмов саморегулирования длился со второй половины XIX в. по 1917 г. и характеризовался унификацией основных идей и правил саморегулирования, которые были выработаны в предыдущие этапы, посредством принятия Таможенного устава 1892 г., Судебного устава 1864 г., и др. На основании этого автором сделан вывод о том, что российские саморегулируемые организации именно на этом этапе из социального явления перешли в явление социально-правовое, сформированное исторически из «добровольной необходимости» соблюдать так же добровольно сформированные регуляторы общественных отношений, которые, по сути, есть конгломерат публичных и частных интересов.

В советский период, по мнению ученого, развитие саморегулирования остановилось, так как оно воспринималось как качество самоуправления, которое, в свою очередь, рассматривалось как самоуправленческий потенциал государства[7].

Исходя из представленных выше точек зрения можно прийти к выводу, что авторы рассматривают историю саморегулирования в России через призму той правовой конструкции, которую установил современный законодатель, при этом в ряде случаев вычленяя из нее какой-либо из аспектов и возводя его в категорию главного признака саморегулирования. Также стоит отметить, что авторы занимаются поисками прообразов современных саморегулируемых организаций на различных этапах истории России, т. е. ставят знак равенства между саморегулируемыми организациями и саморегулированием.

Такой подход, на наш взгляд, имеет ряд существенных недостатков в связи с нижеследующим.

Так, М. В. Саудаханов связывает зарождение саморегулирования с появлением некоммерческих организаций, а главным критерием, который позволяет рассматривать организацию в качестве саморегулируемой, считает ее некоммерческий характер.

Исходя из этого следуют два вывода: 1) любая коммерческая организация не может быть квалифицирована в качестве саморегулируемой; 2) саморегулируемая организация является одной из форм некоммерческих организаций по своей правовой природе.

В силу того что автор обращается к опыту зарубежных стран по вопросу истории саморегулирования в России, необходимо обратить внимание на опыт США.

[7] См.: *Третьякова С. Б.* Саморегулируемые организации как субъекты российского права : дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. 200 с.

В США саморегулируемыми организациями могут быть как коммерческие организации, так и некоммерческие[8] ввиду того, что это не имеет определяющего значения для саморегулирования, так как главная отличительная характеристика и одновременно задача правового саморегулирования – регулирование определенных отраслей экономики и профессиональной деятельности без государственного управления посредством разработки и внедрения правил поведения, в том числе не имеющих аналогов в законодательстве.

Безусловно, в случае с некоммерческими саморегулируемыми организациями разработка и внедрение стандартов и правил предпринимательской и профессиональной деятельности – основная цель их создания и деятельности, в то время как для коммерческих саморегулируемых организаций такой целью является извлечение прибыли, в связи с чем можно поставить вопрос о конфликте интересов, однако такой же вопрос можно поставить и в отношении некоммерческих организаций.

Некоммерческие саморегулируемые организации с добровольным членством осуществляют рассматриваемую деятельность в основном для получения большей прибыли и преимуществ на рынке ее членами по отношению к тем экономическим субъектам, которые таким статусом не обладают.

В отношении саморегулируемых некоммерческих организаций с обязательным членством описанная ситуация сохраняется, только конкуренция уже осуществляется внутри самой организации[9].

Описанная ситуация в США обладает аналогичной актуальностью в контексте действующего законодательства Российской Федерации, так как членами саморегулируемой организации не могут быть субъекты, представляющие интересы потребителей. Когда саморегулируемая организация объединяет в себе только субъектов предпринимательской деятельности либо представителей определенной профессии, то на первый план выходит вопрос прибыли, причем для каждого из участников в отдельности.

В случае с коммерческой саморегулируемой организацией, на примере США, возможность такого конфликта интересов ниже, чем у некоммерческих, так как отсутствует иллюзия, что субъекты такой организации объединились не для получения прибыли или иных преимуществ на рынке, а исключительно в порыве альтруизма. В коммерческой саморегулируемой организации все стараются действовать как единое целое для получения общей прибыли, а инициатива осуществлять качественное регулирование гораздо выше, так как оно напрямую будет влиять на прибыль всех участников.

Более того, именно коммерческие организации в подавляющем большинстве внесли огромный вклад в развитие экономических отраслей государств всего мира в процессе осуществления социального и экономического саморегулирования. Ярким примером этого является Голландская Ост-Индская компания, которая первая в мире выпустила акции, разработала механизм дивидендов, основала биржу, на которой помимо товаров началась торговля ценными бумагами и т. д., т. е. стала не только создателем множества новых экономических отраслей, но и сама разработала, внедрила и обеспечила исполнение правил поведения для их регулирования, которые в последующем были облачены в правовую форму и стали регулироваться государством[10].

Таким образом, саморегулируемые организации по своей правовой природе не обязательно являются разновидностью некоммерческих организаций, а сам некоммерческий характер не является определяющим признаком, по которому возможно квалифицировать организацию в качестве саморегулируемой.

А. Ф. Алгазина, основываясь на том, что главным признаком саморегулируемой организации является цель ее создания, а именно: регулирование деятельности субъектов профессиональной деятельности и наличие соответствующих данной цели полномочий, – отнесла к таким организациям Иванскую общину при церкви Иоанна Предтечи на Опоках.

В 1127 г. князем Всеволодом Мстиславичем была заложена церковь Иоанна Предтечи на Опоках. Вокруг этой церкви произошло объединение богатейших купцов, которые вели опто-

[8] См.: *Кепов В. А., Ткачев П. А.* Обзор зарубежного опыта развития саморегулируемых организаций // Вестник С.-Петерб. ун-та Гос. противопожарной службы МЧС России. 2011. № 3. С. 79–84.

[9] См.: *Воронец А. С.* Саморегулирование в США // Век Качества 2010. № 2. С. 11.

[10] См.: Hourly History. The Dutch East India Company : a History From Beginning to End (The East India Companies). CreateSpace independent Publishing Platform, 2017. 42 p.

вую торговлю воском не только с другими русскими княжествами, но и с иностранными государствами. Именоваться они стали Иванской общиной или «Иваньское сто». Основными целями объединения в первую очередь были извлечение прибыли и защита купеческой собственности. Торговля в Средние века была очень рискованным занятием, потому что торговые пути, и сухопутные, и морские, проходили по территориям феодалов, которые часто совершали набеги на торговые караваны и суда, не говоря уже о набегах разбойников. Вооруженная охрана требовала огромных вложений, и далеко не каждый купец по отдельности мог себе ее позволить, более того, она должна была быть достаточно боеспособной, чтобы сопроводить груз и доставить оплату обратно. «Иваньское сто» заключало и исполняло договора, в том числе международные, а также устанавливала правила организации и деятельности внутри своей купеческой корпорации[11].

Вскоре после этого «Иваньскому сто» Князь Новгородский Всеволод Мстиславич даровал Устав. Согласно последнему, «Иваньское сто» получало монопольное право взвешивать и измерять не только весь воск, но и ряд других товаров, ввозимых на территорию Новгорода, и получать за это пошлину, участвовать в Совете Новгородской республики, осуществлять правосудие в торговом суде, членам общины предоставлялись льготы при найме вооруженной охраны для сопровождения товаров, а статус полноправного члена – «пошлый» купец – передавался по наследству. Основными обязанностями, которые князь возложил на «Иваньское сто», были содержание церкви Иоанна Предтечи на Опоках и ее духовенства, а также отчисление трети пошлины в городскую казну.

Таким образом, «Иваньское сто» до получения Устава от князя Всеволода Мстиславича являлось коммерческой организацией, а ее основными целями деятельности были извлечение прибыли и защита купеческой собственности. После получения Устава «Иваньское сто» получило публичную власть в виде сбора пошлин и отправления правосудия, а также частичное внешнее управление в виде тысяцкого старосты во главе[12] наряду с выборными старостами из членов купеческой гильдии, что сделало ее смешанной корпорацией, совмещающей в себе признаки коммерческой организации и органа государственной власти.

Следовательно, рассматриваемая организация является противоположностью современных саморегулируемых организаций в Российской Федерации, а значит, не является их прообразом, как полагает А. Ф. Алгазина, так как цель ее создания исследователем определена неверно.

Сложно согласиться и с позицией С. Б. Третьяковой, которая считает артели купцов прообразом современных саморегулируемых организаций.

Так, в контексте исследования купеческих артелей С. В. Пахман называл артель «юридическим союзом, с которым несколько лиц соединяют свои личные силы, а иногда и имущественные средства, с целью извлечения из данного предприятия общей прибыли»[13].

Профессор Э. Р. Верден в основу определения артели положил цель ее создания. Артель – «союз тружеников, соединившихся для известного производства или хозяйственного оборота»[14].

Исходя из этого как минимум дискуссионными, а на наш взгляд, ошибочными являются утверждения о том, что артели купцов вели торг не за общий счет, но признавали общую организацию торговли, связанную с распределением общих расходов и несением солидарной ответственности перед третьими лицами и, соответственно, служат прообразами современных саморегулируемых организаций. Также спорными являются и основные предпосылки возникновения указанных субъектов права, выделенные ученым.

По нашему мнению, такая организация торговли не имеет под собой экономического смысла. Вести торговлю не за общий счет, но распределять при этом общие расходы и нести солидарную ответственность перед третьими лицами в контексте Средних веков начиная с

[11] См.: *Андреев В. Ф.* Северный страж Руси : очерки истории средневекового Новгорода. 2-е изд., доп. и перераб. Л. : Лениздат, 1989. 192 с.

[12] См.: *Тихомиров Н. М.* О купеческих и ремесленных объединениях в Древней Руси (XI–XV века) // Вопросы истории. 1945. № 1. С. 22–33.

[13] *Пахман С. В.* Обычное гражданское право в России (юридические очерки). СПб., 1877. Т. 1. 250 с.

[14] Курс политической экономии / сост. Э. Вреден. 2-е изд., перераб. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1880. XV. 596 с.

XII в. – прямой путь в самые низшие сословия того времени.

Наиболее существенной ошибкой М. В. Саудаханова, А. Ф. Алгазиной и С. Б. Третьяковой в вопросе истории саморегулирования в России, на наш взгляд, является попытка перенести современную конструкцию саморегулируемых организаций на прошлые периоды истории России без учета их контекста.

Например, когда мы размышляем об артелях XII–XV вв., необходимо понимать, что впервые этот термин встречается в актах во второй половине XVII в. До того подобная форма, как ее называет А. А. Исаев, «форма общения», называлась складчиной, ватагой, дружиной, братчиной[15].

В юридической науке отсутствует единый подход к правовому содержанию понятия «артель». Н. В. Калачев[16], Ф. А. Щербина[17] и др. определяли «артель» по-разному в зависимости от точки зрения исследователя и выбранной им темы.

Однако единый подход к пониманию рассматриваемого понятия имеется у его источника – русского народа.

Необходимо понимать, что рассматриваемый период был периодом феодальной раздробленности Руси. Всё население делилось на сословия, абсолютное большинство из которого составляли низшие слои общества, беднейшие ремесленники, крестьяне, холопы и челядь. Ремесло находилось только в процессе отделения от земледелия, последнее было главной экономической отраслью всех раздробленных княжеств. Крестьяне, овладевшие сложным ремеслом, могли скорее и легче вырваться из феодальной зависимости уходом (или бегством) в города. Наиболее востребованным ремеслом являлась обработка металлов, что обусловливалось постоянными междоусобными войнами и противостоянием иностранным захватчикам, в том числе нашествию монголо-татарского ига[18].

Исходя из описанных условий простому народу необходимо было объединяться, чтобы в первую очередь выжить, а во вторую – решать поставленные задачи и создать возможность улучшить свое положение в сословном обществе.

Объединение людей для решения какой-либо общей задачи в простонародье стало именоваться «артель» либо «было артельно», т. е. «людно», «народно»[19]. Объединение происходило по любому поводу: собрать урожай, организовать праздник, сходить на охоту, разобрать обломки корабля после кораблекрушения и т. д.

Фактически артель являлась формой самоорганизации нашего общества в период с XII по XV в. В артели в основном объединялись низшие слои населения и преследовали обыденные, житейские цели.

Купцы и ремесленники объединялись в артели для аккумулирования своих ресурсов и получения общей прибыли, обеспечения выживания всех своих членов с перспективой перехода в высшие ступени сословной иерархии[20]. Таким образом, артели купцов и ремесленников были коммерческими организациями, преследующими хозяйственные цели.

Исходя из этого основными предпосылками появления артелей купцов явились не потребности в упорядочивании общественных отношений в неурегулированной правом сфере, как полагает С. Б. Третьякова, а простая жизненная необходимость обеспечить выживание себе и своей семье, объединить труд и капитал для ведения совместной хозяйственной деятельности, создать возможность для улучшения своего положения в сословном обществе и не потерять того, что уже имеешь, чтобы не спуститься вниз по сословной лестнице. Ни о каком регулировании общественных отношений при создании артелей купцов и речи не было.

Таким образом, артели купцов периода XII–XV вв. не являются прообразами современных саморегулируемых организаций, так как в настоящее время они все создаются и действуют для выполнения конкретной цели по разработке стандартов и правил предпринимательской и профессиональной деятельности, а в тот период артели купцов создавались для решения задач, описанных выше. Регулирование общественных отношений если и имело место, то в крайне редких и конкретных случаях, так как правила по-

[15] См.: *Исаев А. А.* Русская самобытность и артель. Артели в России // Неделя. 1881. № 24. С. 806.

[16] См.: *Калачев Н. В.* Артели в древней и нынешней России // Современник. 1864. № 104. Отд. II. С. 198.

[17] См.: *Щербина Ф. А.* Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1880. 382 с.

[18] См.: *Рыбаков Б. А.* История СССР с древнейших времен до конца XVIII века. М. : Высш. шк., 1975. 419 с.

[19] См.: *Новиков И. А.* «Артель» : этимология слова и термин в русском дореволюционном законодательстве // Вестник Томского гос. ун-та. 2009. № 327. С. 83–85.

[20] См.: *Исаев А. А.* Указ. соч.

ведения вырабатывались практикой торговли и содержались, как правило, в умах, а не на бумаге.

Еще одним недостатком позиций М. В. Саудаханова, А. Ф. Алгазиной и С. Б. Третьяковой в вопросе истории саморегулирования в России является отсутствие разделения саморегулирования на социальное, экономическое и правовое.

Три указанные категории имеют свои существенные отличия, и, например, рассматриваемые выше артели, в частности купцов и ремесленников, являлись саморегулируемыми организациями с точки зрения социального саморегулирования, так как отвечали всем его квалифицирующим признакам. «Иваньское сто» могло бы претендовать на роль саморегулируемой организации с позиций не только социального, но и экономического саморегулирования, если бы правила регулирования экономической отрасли указанный артель выработал и реализовал сам, с последующим признанием этих правил другими участниками экономического оборота, однако они были установлены государством.

Стоит отметить позицию С. Б. Третьяковой, которая указывает, что выделяемые автором саморегулируемые организации на этапе своей правовой регламентации перешли из социального явления в социально-правовое, однако не раскрывает содержания социального саморегулирования и не указывает на его отличительные признаки от правового саморегулирования.

Также недостатком рассматриваемых позиций авторов является отождествление саморегулирования и саморегулируемых организаций. Саморегулирование как социальное явление имеет внешнюю форму выражения не только в организациях, но и в общепризнанных правилах осуществления профессиональной деятельности, которые устанавливают базовые принципы ее осуществления и трансформируются одновременно с развитием той или иной профессии. Примерами таких правил является «клятва Гиппократа»[21], «Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики)» А. Ф. Кони[22] и т. д.

Подводя итог всему сказанному выше, можно сделать вывод, что изучать историю саморегулирования в России необходимо, опираясь на контекст рассматриваемых исторических периодов, во всех формах его проявления, а не ограничиваясь только прообразами саморегулируемых организаций, с разделением саморегулирования на социальное, экономическое и правовое явление.

Библиографический список

Аистов А. Г. Саморегулирование : сущность и соотношение с государственным регулированием // Пролог : журнал о праве. 2024. № 3. С. 17–23.

Алгазина А. Ф. История возникновения и развития саморегулирования в России // Правоприменение. 2017. Т. 1, № 3. С. 90–99.

Андреев В. Ф. Северный страж Руси : очерки истории средневекового Новгорода. 2-е изд., доп. и перераб. Л. : Лениздат, 1989. 192 с.

Бессолицын А. А. История российского предпринимательства. М. : Маркет ДС, 2008. 245 с.

Воронец А. С. Саморегулирование в США // Век качества. 2010. № 2. С. 11.

Исаев А. А. Русская самобытность и артель. Артели в России // Неделя. 1881. № 24. С. 806.

Калачев Н. В. Артели в древней и нынешней России // Современник. 1864. № 104. Отд. II. С. 198.

Кепов В. А., Ткачев П. А. Обзор зарубежного опыта развития саморегулируемых организаций // Вестник С.-Петерб. ун-та гос. противопожарной службы МЧС России. 2011. № 3. С. 79–84.

Крючкова П. В. Саморегулирование как дискретная институциональная альтернатива регулирования рынков : дис. … д-ра экон. наук. М., 2006. 282 с.

Курс политической экономии / сост. Э. Вреден. 2-е изд., перераб. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1880. XV. 596 с.

Мелик-Гайказян И. В., Мещерякова Т. В. Клятва Гиппократа : трансформация семантики и возрождение прагматики // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2015. Т. 9, № 1. С. 35–44.

Новиков И. А. «Артель» : этимология слова и термин в русском дореволюционном законодательстве // Вестник Томского гос. ун-та. 2009. № 327. С. 83–85.

Пахман С. В. Обычное гражданское право в России (юридические очерки). СПб., 1877. Т. 1. 250 с.

Рыбаков Б. А. История СССР с древнейших времен до конца XVIII века. М. : Высш. шк., 1975. 419 с.

Саудаханов М. В. Становление и генезис института саморегулирования в российской правовой системе // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. № 4. С. 330–334.

[21] См.: *Мелик-Гайказян И. В., Мещерякова Т. В.* Клятва Гиппократа : трансформация семантики и возрождение прагматики // Scholae. Философское антиковедение и классическая традиция. 2015. Т. 9, № 1. С. 35–44.

[22] См.: Традиции адвокатской этики : избранные труды российских и французских адвокатов (XIX – начало XX в.). СПб., 2004. 370 с.

Третьякова С. Б. Саморегулируемые организации как субъекты российского права : дис. … канд. юрид. наук. М., 2012. 200 с.

Тихомиров Н. М. О купеческих и ремесленных объединениях в Древней Руси (XI–XV века) // Вопросы истории. 1945. № 1. С. 22–33.

Традиции адвокатской этики : избранные труды российских и французских адвокатов (XIX – начало XX в.). СПб., 2004. 370 с.

Щербина Ф. А. Очерки южнорусских артелей и общинно-артельных форм. Одесса, 1880. 382 с.

Hourly History. The Dutch East India Company : a History From Beginning to End (The East India Companies). CreateSpace independent Publishing Platform, 2017. 42 p.

References

Aistov A. G. Self-regulation : the essence and correlation with state regulation // Prologue : Journal of Law. 2024. No. 3. P. 17–23.

Algazina A. F. The history of the emergence and development of self-regulation in Russia // Law enforcement. 2017. Vol. 1, No. 3. P. 90–99.

Andreev V. F. The Northern Guardian of Russia : Essays on the History of Medieval Novgorod. 2nd edition, expanded and revised. Leningrad : Lenizdat, 1989. 192 p.

Bessolitsyn A. A. History of Russian Entrepreneurship. M. : Market DS, 2008. 245 p.

Voronets A. S. Self-Regulation in the USA // The Century of Quality. 2010. No. 2. P. 11.

Isaev A. A. Russian Identity and Artel. Artels in Russia // Week. 1881. No. 24. P. 806.

Kalachev N. V. Artels in Ancient and Modern Russia // Sovremennik. 1864. No. 104. Part II. P. 198.

Kepov V. A., Tkachev P. A. Overview of Foreign Experience in the Development of Self-Regulatory Organizations // Bulletin of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. 2011. No. 3. P. 79–84.

Kryuchkova P. V. Self-regulation as a discrete institutional alternative to market regulation : dr. economical sci. dis. Moscow, 2006. 282 p.

The course of political economy / comp. E. Harmful. 2nd ed., reprint of St. Petersburg : M. M. Stasyulevich's Type, 1880. XV. 596 p.

Melik-Gaykazyan I. V., Meshcheryakova T. V. The Hippocratic Oath : Transformation of Semantics and Revival of Pragmatics // Scholae. Philosophical Antiquity Studies and the Classical Tradition. 2015. Vol. 9, No. 1. P. 35–44.

Novikov I. A. «Artel» : the Etymology of the Word and the Term in Russian Pre-Revolutionary Legislation // Bulletin of Tomsk State University. 2009. No. 327. P. 83–85.

Pakhman S. V. Customary Civil Law in Russia (Legal Essays). St. Petersburg, 1877. Vol. 1. 250 p.

Rybakov B. A. History of the USSR from Ancient Times to the End of the 18th Century. Moscow : Vysshaya Shkola, 1975. 419 p.

Saudakhanov M. V. Formation and Genesis of the Institution of Self-Regulation in the Russian Legal System // Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences. 2013. No. 4. P. 330–334.

Tretyakova S. B. Self-regulating organizations as subjects of Russian law : cand. legal sci. dis. Moscow, 2012. 200 p.

Tikhomirov N. M. On merchant and craft associations in Ancient Russia (XI–XV centuries) // Questions of History. 1945. No. 1. P. 22–33.

Traditions of Advocacy Ethics: Selected Works of Russian and French Lawyers (19th – Early 20th Centuries). St. Petersburg, 2004. 370 p.

Shcherbina F. A. Essays on South Russian Artels and Community Artels. Odessa, 1880. 382 p.

Hourly History. The Dutch East India Company : a History From Beginning to End (The East India Companies). CreateSpace independent Publishing Platform, 2017. 42 p.

Волгоградский государственный университет
Аистов А. Г., аспирант кафедры конституционного и муниципального права
E-mail: aistovandrey@mail.ru

Volgograd State University
Aistov A. G., Post-graduate Student of the Department of Constitutional and Municipal Law
E-mail: aistovandrey@mail.ru

Поступила в редакцию: 24.01.2025

Для цитирования:
Аистов А. Г. Актуальные проблемы истории развития саморегулирования в России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 40–48. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/40-48

Received: 24.01.2025

For citation:
Aistov A. G. Current issues in the history of self-regulation development in Russia // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 3 (62). P. 40–48. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/40-48

УДК 34.01
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/49-58

ДИАЛЕКТИКА ПРАВОПОНИМАНИЯ: ОТ «ИДЕИ ПРАВА» К ЕЕ ОБЪЕКТИВАЦИИ

И. В. Левакин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

DIALECTICS OF LEGAL UNDERSTANDING: FROM THE «IDEA OF LAW» TO ITS OBJECTIFICATION

I. V. Levakin

Hational Recearch University «Higher School of Economics» (Moscow)

Аннотация: актуализируется проблема воплощения типов правопонимания в правовой действительности. Правопонимание в качестве творческой деятельности по выработке теоретических представлений о сущности права полностью достигает своей цели лишь в случае объективации, т. е. приобретения «идеей права» внешней, объективной формы существования. Диалектика правопонимания раскрывается в следующей последовательности: от мыслительной деятельности по выработке понятия, выражающего сущность права, к его результату – созданию целостной концепции правопонимания, затем – воплощению данной концепции в правовой действительности. Сделан вывод, согласно которому диалектика правопонимания обнаруживает все новые объемы знания, что не исключает обратного, т. е. его (знания) деградации. Закономерны продуцирование новых типов правопонимания, трансформация или элиминация, наполнение их вновь открывшимися смыслами. В этом бесконечном обновлении объективация «идеи права» в правовой действительности является необходимым этапом верификации жизнеспособности представлений о сущности права.
Ключевые слова: правопонимание, концепция, факторы, тип, объективация, трансформация, юридическая практика, правовая действительность.

Abstract: the article actualizes the problem of embodiment of types of legal understanding in legal reality. The author believes that legal understanding as a creative activity to develop theoretical ideas about the essence of law fully achieves its goal only in the case of objectification, i. e. the acquisition of an external, objective form of existence by the «idea of law». Thus, the dialectics of legal understanding is revealed in the following sequence: from the thinking activity on the development of a concept expressing the essence of law, to its result – the creation of an integral concept of legal understanding, then – the embodiment of this concept in legal reality. The paper concludes that the dialectics of legal understanding reveals all new volumes of knowledge, which does not exclude the opposite, that is its (knowledge) degradation. It is natural to produce new types of legal understanding, transformation or elimination, filling them with newly discovered meanings. In this endless renewal, the objectification of the «idea of right» in legal reality is a necessary stage of verification of the viability of ideas about the essence of law.
Key words: legal understanding, concept, factors, type, objectification, transformation, legal practice, legal validity.

Правопонимание в качестве творческой деятельности по выработке теоретических представлений о сущности права полностью раскрывается, достигает своей цели лишь в случае объективации, т. е. приобретения оригинальной «идеей права» объективной (внешней, практической) формы существования[1]. Развитие пред-

© Левакин И. В., 2025

[1] См.: *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне : пер. с нем. М. : Весь Мир, 2003. С. 82.

ставлений о сущности права и возможная в дальнейшем их объективация требуют целенаправленных усилий, зависят от множества факторов, но лишь выглядят эклектично, поскольку в парадигме классического рационализма имеют свои принципы и закономерности, их выявление и доказательный анализ предполагают обращение к диалектике, восстанавливающей логику правопонимания.

Право не дается нам исключительно в ощущениях (даже если понимать его узко-позитивистски), поэтому известная формула «от живого созерцания к абстрактному мышлению и от него к практике – таков диалектический путь познания истины…»[2] не вполне применима к данному объекту. Теоретическое, а также в данном случае определяющее, философско-правовое мышление – это не только метод восприятия, систематизации правовой действительности (противоправная реальность – объективированные действия, сопряженные с нарушением правовых норм, также отражается в сознании исследователя[3]), но и способ ее конструирования, условие существования. Отсюда диалектика правопонимания может раскрываться в следующей последовательности: от мыслительной деятельности заинтересованного теоретика/философа по выработке замысла (идеи, понятия), выражающего сущность права, к его результату – созданию им целостной концепции правопонимания, затем воплощению данной концепции в правовой действительности посредством популяризации и апробации в монографиях, учебниках, на научно-практических конференциях и т. д.

Вскрыть базовые предпосылки формирования типов (групп концепций) правопонимания; выявить материальные (социально-экономические) и идеальные (идеологические, цивилизационные, социально-исторические) факторы, влияющие на объективацию типа правопонимания; определить возможности объективации того или иного типа правопонимания в правовой действительности; обнаружить логику трансформации и смены типов правопонимания – значит приблизиться к раскрытию ее диалектики.

Базовые предпосылки формирования типов правопонимания

Известны позитивистские и метафизические, монистские и комплексные, модернистские и постмодернистские, классические и постклассические, другие типы правопонимания[4]. Разнообразие типов правопонимания главным образом объясняется различиями в базовых предпосылках: мировоззрении исследователей, целеполагании, задачах, а также методах выявления сущности права[5]. Возможен амбивалентный взгляд на проблему: «…не столько метод порождает теорию, сколько, наоборот, теория создает метод»; может быть, чтобы «разработать тот или иной научный метод, нужна соответствующая теория, но для создания такой теории нужен соответствующий метод»[6].

Сторонник теологического подхода выявляет сущность права, например посредством поиска априорно воплощенного божественного порядка в человеческом общежитии: в Законах Хаммурапи отмечается, что царь утвердил правду и справедливость по всей стране. Это произошло после того, как бог Мардук раскрыл ему суть справедливости и направил «дать стране счастье»[7]. Для приверженца теологического подхода подлинное право богодухновенно; установления земного права так или иначе должны отражать систему священных заповедей; воплощение божественного разума в позитивном праве и практике его применения искажено несовершенством человека и т. п.

Представитель психологической теории может рассматривать право в качестве продукта душевных переживаний человека, например согласно теории Бирлинга: «Право в юридическом смысле – это всё, что люди, живущие в каком-либо сообществе с другими людьми, признают взаимно как норму и правило их совместной жиз-

[2] *Ленин В. И.* Наука логики // Полн. собр. соч. М. : Политиздат, 1973. Т. 29. С. 152–153.

[3] См.: *Покровский И. А.* Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 2001. 354 с.

[4] См.: *Мальцев Г. В.* Понимание права. Подходы и проблемы. М. : Прометей, 1999. 419 с. ; *Лапаева В. В.* Типы правопонимания : правовая теория и практика : монография. М. : РАП, 2012. 578 с.

[5] См.: *Антонов М. В.* Теория государства и права : учебник и практикум для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2017. С. 13.

[6] *Степин В. С., Елсуков А. Н.* Методы научного познания. Минск : Высш. шк., 1974. С. 15–16.

[7] Законы вавилонского царя Хаммурапи. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm (дата обращения: 05.03.2025).

ни»[8]. Сущность права кроется в правосознании; система правовых явлений исходит из сферы эмоционального и импульсивного, а не из сферы разума; интуитивное право функционирует автономно, может не признаваться государством и даже преследоваться по закону.

Апологет культурологического подхода рассматривает право в качестве культурного феномена, при этом, «поскольку не может существовать универсального знания о праве (так как отсутствует универсальный индивидуальный опыт), то и поиск общезначимых правовых структур оказывается бесперспективным занятием»[9]. Часто культуролог постигает право как продукт общей культуры: «нормативная система культуры (также именуется системой социального нормирования) является подсистемой культуры, которая имеет определяющее значение для процесса формирования соответствующих норм»[10].

Альтернативой классическому «субъектно-объектному» подходу понимания права выступают многочисленные постклассические концепции, отрицающие принципиальную возможность «получения достоверного научного знания, опирающегося на некие бесспорные основания (принципы, догмы, аксиомы и т. п.). …Парадигмальным становится вывод о том, что знание обусловлено способом существования человека в социальном мире, т. е., в конечном счете, его коммуникативными возможностями»[11]. Данные концепции характеризует «семантический и аксиологический плюрализм, отказ от гомогенного социокультурного контекста, централизованности, иерархичности права и правопонимания; правовед – это уже не сторонний наблюдатель, определяющей становится его включенность в систему коммуникации[12].

Нередко утверждается, что базовые предпосылки формирования различных типов правопонимания обусловлены предельно широким спектром примерно равнозначных факторов, в том числе отсюда попытки синтеза идей: предлагается пользоваться разными философско-правовыми школами «как экранами» и по очереди рассматривать через них право[13]. Действительно, в условиях идеологического плюрализма можно выбрать любой способ объяснения сущности права или вовсе отрицать таковую, но игнорирование или преуменьшение объективной (необходимой, часто превалирующей) связи правопонимания и материальных факторов означало бы сознательно обрекать правовую концепцию на умозрительность, обеднять ее содержание.

Материальные факторы, влияющие на объективацию типа правопонимания

Рассматривая правопонимание в качестве результата мышления теоретически осваивающего правовую действительность, складывающуюся в общественно-историческом процессе, «сердцевину которого составляет смена способов производства»[14], представляется обоснованным и справедливым, что юрист-правовед лишь воображает оперирование априорными положениями, а это «отражения» социально-экономических отношений. Отсюда закономерно, что в своем подавляющем большинстве учения о сущности права не могут выйти за пределы возможного социально-экономического и политического порядков[15].

Взаимосвязь между правопониманием и определяющими системами общественного производства-распределения, управления-властво-

---

[8] *Bierling R.* Juristische Prinzipienlehre / von Ernst Rudolf Bierling. Teil : Bd. Freiburg i. B. [u.a.] : Mohr, 1894. 367 S. Цит. по: *Савенков Д. А.* Психологическая теория права Р. Бирлинга // Формирование новой парадигмы социально-гуманитарного знания : сб. науч. трудов по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (28 февраля 2022 г.). Белгород : АПНИ, 2022. С. 35–38.

[9] *Овчинникова А. П.* О культурологическом подходе к праву. URL: https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=900112 (дата обращения: 05.03.2025).

[10] *Бибик О. Н.* Культурологический подход к исследованию права и государства // Журнал российского права. 2009. № 5. С. 43–52.

[11] *Лапаева В. В.* Указ. соч. С. 190 ; *Поляков А. В.* Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Известия вузов. Правоведение. СПб., 2006. № 2. С. 27–28.

[12] См.: *Зорькин В. Д.* Лекция на IX Петербургском международном юридическом форуме (СПб., 16 мая 2019 г.) // Российская газета. 2019. 16 мая.

[13] См.: *Берман Г. Дж.* Западная традиция права : эпоха формирования : пер. с англ. 2-е изд. М. : Изд-во МГУ, 1998. С. 30.

[14] *Пашуканис Е. Б.* Избранные произведения по общей теории права и государства. М. : Наука, 1980. С. 9.

[15] См.: *Энгельс Ф.* Письмо Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 418 ; *Сырых В. М.* Российские правоведы на перепутье : материалистический рационализм или субъективный идеализм? // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 75–89.

вания неопровержима: античные концепции оправдывали «естественность рабского состояния» и соответствовали уровню развития экстенсивного земледельческого хозяйства, интересам рабовладельцев, главенствующих в античном полисе; классический юснатурализм, основанный на идеях прирожденных прав, содействовал укреплению свободного рынка и борьбе третьего сословия за власть в становящемся национальном государстве; позитивизм, абсолютизируя приказы, выраженные в нормативных актах, отвечал потребностям управления индустриальным обществом в интересах владельцев основных средств производства и капиталов (теневых или открытых бенефициаров деятельности политических партий и парламентов); немыслимо, чтобы в обществе советского социализма с его монополией в экономике и политике были восприняты естественно-правовые концепции, напротив, в социуме развитого рынка вряд ли возможен приоритет идей, противных системе формального равенства.

Правопонимание общества, основанного на сельском труде (премодерн), отдает приоритет традициям, обычаям и религии: «Я понимаю, что я должен повиноваться божественным законам. Но почему я должен повиноваться человеческим законам, этого я не понимаю… Закон – "надо мною". Но как же, если он "человек", – надо мною? Разве я уже животное? Посему: Homo sum et nil nisi divina lex – habet me (Я человек и подчиняюсь лишь божественным законам)»[16]. Правопонимание индустриального общества (модерн) представляет собой выражение идей «юридического мировоззрения» – системы взглядов, в развитие которой – мысль приписывается Гельвецию – сказано: «Законы могут всё». Правопонимание цифрового общества (постмодерн) отвергает «одномерную» реальность права («любая инфраструктура становится нормативной, если в ней возникают элементы квазиупорядоченности»[17]), активно использует феноменологический подход, суть которого состоит во взгляде на право как на часть человеческого бытия, часть интерсубъективного жизненного мира; ключевым вопросом интерпретации правовой действительности представляется проблема герменевтического круга; социальная синергетика описывает право в постоянном становлении и эволюции в соответствии с нелинейными законами и т. д., и т. п.[18]

В переходных, т. е. находящихся в поиске наиболее приемлемых экономических и политических порядков обществах, как правило, также идет активный выбор наиболее «правильных», адекватных моменту типов правопонимания: открыто предают обструкции прежние (объявляются отжившими и ретроградными), предлагают новые, модернизируют существующие. Разумеется, условный кабинетный философ может быть относительно политически и экономически нейтральным, «писать в стол» и не участвовать в конъюнктурных дискуссиях в надежде на то, что его идеи рано или поздно будут востребованы (это изредка возможно), так как в действительности объективируется не самый популяризируемый официозными научными институтами и СМИ, но адекватный социально-экономическому порядку тип правопонимания.

Идеальные (идеологические) факторы, влияющие на объективацию типа правопонимания

Тип правопонимания зависит от чрезвычайно широкого спектра цивилизационных, политических, личностных и прочих факторов, их учет и детальный анализ во всей полноте невозможен, но, вероятно, не нужен, если только признать, что идею права от высоких абстракций, «вплоть до его отдаленнейших форм»[19], формулируют люди своей эпохи, постигающие «право не как принадлежность абстрактного человеческого общества, но как историческую категорию, отвечающую определенной общественной среде…»[20].

Открыто высказанные представления о сущности права могут фактически совпадать с «генеральной линией», социальным запросом общественно-политического строя, правовой идеологией власти, узкогрупповыми или личными интересами обществоведов. Платон, побывавший невольником у тирана Дионисия, в целом признает рабство; рабство, по мнению Аристотеля, заложено в самой сущности чело-

[16] *Розанов В. В.* Мимолетное. 1914 год // Собр. соч. Когда начальство ушло… М. : Республика, 1997. С. 255–256.

[17] *Синюков В. Н.* Право XX и XXI веков : преемственность и новизна // Lex russica. 2021. Т. 74, № 2. С. 19.

[18] См.: *Честнов И. Л.* Правопонимание в эпоху постмодерна // Правоведение. 2002. № 2. С. 4–16.

[19] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. М. : Политиздат, 1988. 574 с.

[20] *Пашуканис Е. Б.* Указ. соч. С. 65.

века: сама природа создала одних людей для того, чтобы властвовать, других – чтобы подчиняться[21]. Г. В. Ф. Гегель, восхвалявший государство как действительность права, как правовое государство, как «такую организацию свободы», объявил венцом и вершиной развития всемирной истории современную ему прусскую монархию. Пример судьбы Е. Б. Пашуканиса (выдающегося апологета марксистского подхода к праву) и других искренних или конъюнктурных искателей нового правопонимания в первые годы советской власти надолго отбили желание вести дискуссии о сущности права в СССР[22].

Правопонимание как идея может также вступать в противоречия с материальными интересами исследователя и класса, которому он принадлежит. Томас Джефферсон владел сотнями невольников, но в Декларации независимости писал: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся право на жизнь, свобода и стремление к счастью…». Многие декабристы (сословие светских землевладельцев, собственники крестьянских душ) вступили на путь активной борьбы из неприятия крепостного права. П. И. Пестель заявлял в своих показаниях: «Рабство крестьян всегда сильно на меня действовало»[23]. В февральской революции 1917 г. в России главную роль сыграли дворяне, выступавшие прежде главными охранителями существующего порядка; В. И. Ленин происходил из дворян. Сами представители привилегированного класса подготовили ликвидацию всех своих особых прав и привилегий, что не является исключительным правовым феноменом.

Г. В. Мальцев считал, что «юристам не нужно больше скрывать или стыдиться того, что право всегда было, есть и будет специфической идеологией»[24]. Это в том числе означает, что право самоценно, благодаря тому, что оно, например, «обозначает сферу, границы и структуру свободы, выступает как форма, норма и мера свободы»[25]. Современный нарратив правопонимания, как правило, не претендует на создание всеохватывающего, тем более обязательного для всех объяснения сущности права. Таким образом, правопонимание, необремененное жестким идеологическим диктатом, способствует развитию адекватных (порой нарочито альтернативных) представлений о сущности права и прогрессу правовых систем, реципирующих данные представления. Напротив, отсутствие состязания идей в области представлений о праве ведет к застою[26].

Утверждать, что правопонимание автоматически оправдывает господствующие производственные отношения и идеологическую легитимацию публичной власти, было бы верно далеко не всегда. Так, в середине XIX – середине XX в. осознание реальности рисков социального взрыва привело к культивированию политико-правового солидаризма, направленного на сглаживание межклассовых противоречий; в конце XX в. правоведы учитывали потребности глобализирующегося общества, формулируя универсалистские представления о праве; в начале XXI в. правопонимание рефлексирует на угрозы мировых пандемий и ядерной войны, гендерные, расовые, экологические проблемы, угрозы подчинения искусственному интеллекту, исправления генома человека и т. п.

Объективация конкретного типа правопонимания в правовой действительности

Теоретико- и философско-правовые идеи с трудом воплощаются в правовой действительности, а именно данная цель часто презюмируется социальным мыслителем, тем более правоведом, вся деятельность которого так или иначе связана с изучением сущностных свойств права в качестве важнейшего регулятора общественных отношений. В таком случае необходимо, чтобы оригинальная правовая концепция овладела умами не только академической общественности, но также была реципирована правотвор-

[21] См.: *Аристотель.* Политика. М. : Мысль, 1997. Гл. 2: О домохозяйстве и рабстве. С. 18–21.

[22] См.: *Байтин М. И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов : СГАП, 2001. С. 43.

[23] Отношение декабристов к крепостному праву // Исторический журнал. URL: https://knowhistory.ru/journal/otnoshenie-dekabristov-k-krepostnomu-pravu (дата обращения: 05.03.2025).

[24] *Мальцев Г. В.* Социальные основания права. М. : Норма, 2007. С. 76.

[25] *Нерсесянц В. С.* Выступление на Круглом столе «О понимании советского права», организованном журналом «Советское государство и право» // Советское государство и право. 1979. № 7. С. 70–72.

[26] См.: *Левакин И. В.* Прогресс правопонимания : историко-материалистический подход // Журнал российского права. 2017. № 12. С. 13–22.

чеством, правоприменением, правосознанием. Только посредством широкой апробации, систематического и многолетнего воспроизведения определяющими элементами правовой системы, некий тип правопонимания (рецепция Римского права; распространение идей, лежащих в основе Common Law и др.) объективируется[27].

Известно, что закрепление чуждого типа правопонимания (например, противоречащего «народному духу», воспетому исторической школой права[28] или «моральным установкам» в интерпретации Р. Дворкина[29]) даже важнейшими законодательными актами еще не гарантирует его объективации. Так, попытки имплементации естественно-правового правопонимания в СССР можно усмотреть еще в заключении Хельсинкского заключительного акта от 1 августа 1975 г., где фиксировалась необходимость «уважения прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений», но представление о природе прав и свобод у сторон, подписавших акт, было совершенно различным. Конституция России после поправок 2020 г. по-прежнему содержит атавизмы юснатурализма (основные права неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения и т. д.), но сегодня очевидно, что данные формулировки с 1993 г. мало затронули господствующую модель правопонимания, а отношение к естественным правам, политическим свободам в отечественной правоприменительной практике и в «массах» скорее отрицательное или нигилистическое[30].

Замечательно, что некоторые отечественные юристы приписывают Конституционному Суду РФ правовую позицию, «затрудняющую прямое применение Конституции РФ судами общей юрисдикции». Якобы, ссылаясь на ст. 101 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – ФКЗ о КС РФ), Конституционный Суд РФ решил, что «суды общей юрисдикции не правомочны применять конституционные нормы, без согласования с Конституционным Судом»[31]. Дело даже не в категоричности подобной интерпретации правовых позиций Конституционного Суда, судьи которого считают, что «судебное обеспечение прямого действия Конституции реализуется всеми видами юрисдикции, включая конституционную, общую, арбитражную»[32]; «правомочие суда обратиться с запросом о проверке конституционности закона, предусмотренное ч. 4 ст. 125 Конституции и ст. 101 ФКЗ о КС РФ, не может противопоставляться задаче судов обеспечивать непосредственное применение Конституции»[33]. Толкование правовой позиции Конституционного Суда, ведущее к выводу об ограничении Судом прямого действия Конституции, сообщает о вполне определенном мнении, сложившемся у ряда исследователей, изучавших многолетнюю практику КС РФ, и воплощаемое им в соответствующих решениях (постановлениях, определениях) правопонимание.

Действительно, возможно утверждать, что «…теория может и должна дать критерии для оценки судебной практики с позиций науки, … теория начинается там, где она говорит “нет” практике …»[34], еще И. Кант привел справедливые доводы относительно адекватности теоретического знания и практики в своей известной работе «О поговорке “Может быть, это и верно в теории, но не годится для практики”». Однако верно и то, что в вопросе объективации конкретного типа правопонимания теория зависит от практики, тем более что подтвердить или опровергнуть соответствие разнообразных правовых актов объективному и строго научному «внутреннему принципу права», по видимости, оконча-

[27] См.: *Дидье Ж.* Философский словарь = Dictionnaire de la philosophie : пер. с фр. М. : Междунар. отношения, 2000. 537 с.

[28] См.: *Савиньи Ф. К. фон.* Система современного римского права. М. : Статут, 2011. Т. I. 510 с.

[29] См.: *Дворкин Р.* Справедливость и права // Отечественные записки. 2003. № 2. URL: https://magazines.gorky.media/oz/2003/2/spravedlivost-i-prava.html (дата обращения: 05.03.2025).

[30] Права на бесплатные образование и медицину стали лидером рейтинга гражданских прав и свобод в России, говорится в исследовании ВШЭ 2024 г. Право участвовать в управлении обществом и государством назвали важным лишь 15 % респондентов. URL: https://www.rbc.ru/politics/24/06/2024/6678cef69a79475016262d8e (дата обращения: 05.03.2025).

[31] *Шишлевская Я. Ф.* Применение Конституции РФ в деятельности судов общей юрисдикции // Гуманитарный научный журнал. 2014. № 1. С. 67.

[32] *Бондарь Н., Джагарян А.* Прямое действие Конституции : генерация и гарантирование конституционным правосудием // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 3. С. 55.

[33] Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» / под ред. Г. А. Гаджиева. М. : Норма : Инфра-М, 2012.

[34] *Лапаева В. В.* Указ. соч. С. 120.

тельно невозможно, поскольку даже на концептуальном уровне ложность или истинность типа правопонимания (именно типу правопонимания соответствует «принцип права») недоказуемы, отсюда могут презюмироваться «объективность всех типов правопонимания, правильное отражение в них правовой действительности, обоснованность, доказанность выводов»[35].

Юридическая наука постоянно уточняет, продуцирует существенный массив типов правопонимания: авторы разнообразных концепций стремятся создать соответствующее духу времени целостное представление о праве, объяснить ту или иную сторону правовой действительности, некоторые – пытаются их интегрировать, выйдя «за их пределы»[36]. Очевидно, что все типы правопонимания не могут быть паритетно востребованы юридической практикой, главным образом выявляющей возможность объективации того или иного представления о сущности в конкретной правовой действительности.

Логика трансформации и смены типов правопонимания

Процессы преобразования (модернизации или деградации), порой, смены типа правопонимания, например ввиду его несоответствия изменившимся социально-экономическим отношениям, могут для наглядности быть смоделированы по гегелевской логической формуле «тезис – антитезис – синтез».

Если рассматривать историю конкуренции различных типов правопонимания, возможно привести следующий пример. Долгое время в европейских правовых системах господствовал юснатурализм (тезис), в качестве его противоположности был сформирован позитивистский взгляд на право (антитезис); сегодня, многие конституции позитивировали естественные права, как бы «сняв» противоречия между юснатурализмом и позитивизмом (синтез).

При объяснении саморазвития отдельного типа истолкования сущности права гегелевская формула также применима. Нормативизм, изначально отстаивавший тезис о праве в качестве системы общеобязательных властных установлений (норм) суверена, самостоятельно продуцировал антитезис – специфические направления (социологическое, психологическое, реалистическое и др.), связывающие нормативные свойства предписаний с иным источником: обществом, сознанием человека, судебной практикой и т. п. Известно, что у нормативизма всегда остается «проблема последнего правомочия». Г. Кельзен решал данную проблему через фикцию «основной нормы», на самом деле представляющую собой попытку синтеза нормативизма и иных подходов, относящих «последнее правомочие», например к воле Бога.

Трансформация, эволюция правопонимания не всегда способны разрешить фундаментальные противоречия (например, между правовой и социально-экономической, политической реальностью), в таком случае речь может идти о кардинальной смене типа правопонимания. Так, известно, что релевантный абсолютной монархии теологический тип правопонимания ставит в центр мироздания некое высшее существо или разум, наделенный непререкаемой властью по установлению законов мироздания и человеческой жизни (тезис); научные и социальные революции атаковали данные представления, философы Просвещения заявили о «смерти Бога», чтобы на его место поставить человека (антитезис); жрецы новой республиканской политической системы тут же «сняли противоречие», наполнив новым содержанием старое латинское выражение *Vox pópuli vox Déi* («Голос народа – голос Бога»), по существу обожествив общность людей – народ (синтез), и сегодня законы принимаются народными представителями от имени народа в качестве «последнего управомоченного».

Необходимо отметить неразрывную связь между культурой, цивилизационными характеристиками общества и правопониманием. Даже длительная интервенция или колонизация порой не могут изменить национальную правовую традицию (кастовая структура Индийского общества, обычное право народов центральной Африки и т. п.). Революционные преобразования в социально-экономической сфере также не всегда и не обязательно ведут к смене типа правопонимания. Казалось бы, крушение «марксистско-ленинского» идеологического монополизма в нашей стране позволило вернуть в научный оборот выработанные юридической мыслью человечества ценностные представления о праве, возникнуть новым концепциям правопонимания, тем не менее, за редким исключением, университеты продолжают воспроизводить,

[35] *Черданцев А. Ф.* Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 8.

[36] *Берман Г. Дж.* Указ. соч. С. 16–17.

востребованный практикой позитивистско-нормативистский тип правопонимания.

Диалектика правопонимания (движение от «идеи права» к ее объективации) раскрывается в следующих закономерностях:

1. Каждый тип правопонимания – лишь ступень (возможно, ведущая в неправильном направлении, но необходимая) на пути познания права, обусловленная мировоззрением лиц, обративших свое внимание на проблему его сущности. Проблематично, если вообще возможно, создать «абсолютное», теоретически безупречное правопонимание, пригодное для всех культур, времен и народов или непротиворечиво синтезировать разнообразные подходы к определению сущности права – видимо, дело в ее сложности, многогранности. В том числе поэтому не следует абсолютизировать значение метода, считая его изначально более важным, чем изучаемая правовая действительность.

2. Материальные факторы, влияющие на объективацию правопонимания, очевидно, не напрямую детерминируют его, но создают невидимые рамки для мысли исследователя, не позволяя ей даже в самых смелых фантазиях о «Городе Солнца» выйти за пределы возможностей социально-экономического устройства соответствующего социума. Чаще всего типы правопонимания непосредственно либо косвенно связаны с необходимостью оправдания на теоретико-правовом уровне определенной (господствующей) системы производственных отношений, так или иначе выражают интересы собственников средств производства, политических элит, доминирующих социальных групп.

3. Идеологические (идеальные) факторы объективации правопонимания являются частью метаправовой среды, воздействующей на доктринальные, профессиональные и обыденные представления о сущности права. Особо влиятельны цивилизационные характеристики общества (религиозная и этическая традиция, господствующая идеология, национальный состав и т. п.; некоторые виды обществ можно охарактеризовать в качестве традиционалистских или потестарных, невосприимчивых к правовой модернизации), они также могут как сопутствовать развитию идей о сущности права, так и препятствовать их созданию, совершенствованию, а также открытому выражению.

4. Объективация того или иного типа правопонимания в правовой действительности отражает характеристики социума (они далеко не сводимы к материальному развитию, воли власти или класса) и происходит вследствие готовности восприятия всей правовой системой конкретных представлений о сущности права. Только в этом совпадении проявляется закономерная связь между субъективными представлениями о сущности права и объективными потребностями регулирования практической деятельности человека по производству материальных и духовных благ, воспроизводству самого человека.

5. Трансформация и/или смена типов правопонимания происходят как по причине постоянного внутреннего саморазвития представлений о сущности права (эволюции, присущей свободному научному познанию), так и под воздействием внешних факторов (крайние их формы – социальная революция, оккупация, колонизация), вынуждающих к преобразованию господствующего типа правопонимания. Типы правопонимания демонстрируют постоянную трансформацию, раскрытие сущности права через переход от менее совершенных представлений о формах ее проявления к более развитым, полным и адекватным или, напротив, оскудевшим, соответствующим «правовой анемии».

Диалектика правопонимания обнаруживает все новые объемы знания, усложняется и совершенствуется, что не исключает обратного, т. е. деградации концепций, например, включающих необходимость признания верховенства международного права, охраны человеческого достоинства и гарантированности неделимых прав человека в сущностные представления о праве. Закономерно продуцирование новых типов правопонимания, трансформация или элиминация, наполнение их вновь открывшимися смыслами. В этом бесконечном обновлении объективация «идеи права» в правовой действительности является необходимым этапом верификации жизнеспособности представлений о сущности права.

Библиографический список

Антонов М. В. Теория государства и права : учебник и практикум для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2017. 497 с.

Аристотель. Политика. М. : Мысль, 1997. 459 с.

Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов : СГАП, 2001. 416 с.

Берман Г. Дж. Западная традиция права : эпоха формирования : пер. с англ. 2-е изд. М. : Изд-во МГУ, 1998. 624 с.

Бибик О. Н. Культурологический подход к исследованию права и государства // Журнал российского права. 2009. № 5. С. 43–52.

Бондарь Н., Джагарян А. Прямое действие Конституции : генерация и гарантирование конституционным правосудием // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 3. С. 52–78.

Дворкин Р. Справедливость и права // Отечественные записки. 2003. № 2. URL: https://magazines.gorky.media/oz/2003/2/spravedlivost-i-prava.html

Дидье Ж. Философский словарь = Dictionnaire de la philosophie : пер. с фр. М. : Междунар. отношения, 2000. 537 с.

Зорькин В. Д. Лекция на IX Петербургском международном юридическом форуме (СПб., 16 мая 2019 г.) // Российская газета. 2019. 16 мая.

Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» / под ред. Г. А. Гаджиева. М. : Норма : Инфра-М, 2012.

Лапаева В. В. Типы правопонимания : правовая теория и практика : монография. М. : РАП, 2012. 578 с.

Левакин И. В. Прогресс правопонимания : историко-материалистический подход // Журнал российского права. 2017. № 12. С. 13–22.

Ленин В. И. Наука логики // Полн. собр. соч. М. : Политиздат, 1973. Т. 29. С. 152–153.

Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. М. : Прометей, 1999. 419 с.

Мальцев Г. В. Социальные основания права. М. : Норма, 2007. 800 с.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. М. : Политиздат, 1988. 574 с.

Нерсесянц В. С. Выступление на Круглом столе «О понимании советского права», организованном журналом «Советское государство и право» // Советское государство и право. 1979. № 7. С. 70–72.

Овчинникова А. П. О культурологическом подходе к праву. URL: https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=900112

Отношение декабристов к крепостному праву // Исторический журнал. URL: https://knowhistory.ru/journal/otnoshenie-dekabristov-k-krepostnomu-pravu

Пашуканис Е. Б. Избранные произведения по общей теории права и государства. М. : Наука, 1980. 271 с.

Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 2001. 354 с.

Поляков А. В. Постклассическое правоведение и идея коммуникации // Известия вузов. Правоведение. СПб., 2006. № 2. С. 27–28.

Розанов В. В. Мимолетное. 1914 год // Собр. соч. Когда начальство ушло… М. : Республика, 1997. С. 255–256.

Савенков Д. А. Психологическая теория права Р. Бирлинга // Формирование новой парадигмы социально-гуманитарного знания : сб. науч. трудов по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (28 февраля 2022 г.). Белгород : АПНИ, 2022. С. 35–38.

Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. М. : Статут, 2011. Т. I. 510 с.

Синюков В. Н. Право XX и XXI веков : преемственность и новизна // Lex russica. 2021. Т. 74, № 2. С. 9–20.

Степин В. С., Елсуков А. Н. Методы научного познания. Минск : Высш. шк., 1974. 153 с.

Сырых В. М. Российские правоведы на перепутье : материалистический рационализм или субъективный идеализм? // Журнал российского права. 2016. № 1. С. 75–89.

Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне : пер. с нем. М. : Весь Мир, 2003. 416 с.

Черданцев А. Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 5–15.

Честнов И. Л. Правопонимание в эпоху постмодерна // Правоведение. 2002. № 2. С. 4–16.

Шишлевская Я. Ф. Применение Конституции РФ в деятельности судов общей юрисдикции // Гуманитарный научный журнал. 2014. № 1. С. 67–71.

Энгельс Ф. Письмо Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 37. С. 414–422.

References

Antonov M. V. Theory of State and Law : Textbook and Practicum for Academic Bachelor's Degree. Moscow : Yurayt, 2017. 497 p.

Aristotle. Politics. Moscow : Mysl, 1997. 459 p.

Baitin M. I. The Essence of Law (Modern Normative Legal Understanding at the Turn of Two Centuries). Saratov : SGAP, 2001. 416 p.

Berman G. J. The Western Tradition of Law : The Formation of the Legal System. 2nd ed. Moscow : Moscow State University Press, 1998. 624 p.

Bibik O. N. A Cultural Approach to the Study of Law and the State // Journal of Russian Law. 2009. No. 5. P. 43–52.

Bondar N., Dzhagaryan A. Direct Effect of the Constitution : Generation and Guaranteeing by Constitutional Justice // Comparative Constitutional Review. 2016. No. 3. P. 52–78.

Dworkin R. Justice and Rights // Otechestvennye Zapiski. 2003. No. 2. URL: https://magazines.gorky.media/oz/2003/2/spravedlivost-i-prava.html

Didier J. Dictionnaire de la philosophie : translated from French. Moscow : Mezhdunarodnye otnosheniya, 2000. 537 p.

Zorkin V. D. Lecture at the IX St. Petersburg International Legal Forum (St. Petersburg, May 16, 2019) // Rossiyskaya Gazeta. 2019. May 16.

Commentary on the Federal Constitutional Law «On the Constitutional Court of the Russian Federation» / ed. by G. A. Gadzhiev. Moscow : Norma : Infra-M, 2012.

Lapaeva V. V. Types of Legal Understanding: Legal Theory and Practice : Monograph. Moscow : RAP, 2012. 578 p.

Levakin I. V. Progress in Legal Understanding : A Historical and Materialistic Approach // Journal of Russian Law. 2017. No. 12. P. 13–22.

Lenin V. I. The Science of Logic // Complete Works. Moscow : Politizdat, 1973. Vol. 29. P. 152–153.

Maltsev G. V. Understanding the law. Approaches and problems. Moscow : Prometheus, 1999. 419 p.

Maltsev G. V. Social foundations of law. Moscow : Norm, 2007. 800 p.

Marx K., Engels F. German ideology. Moscow : Politizdat, 1988. 574 p.

Nersesyants V. S. Speech at the Round Table «On the Understanding of Soviet Law», organized by the journal «Soviet State and Law» // Soviet State and Law. 1979. No. 7. P. 70–72.

Ovchinnikova A. P. On the Cultural Approach to Law. URL: https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=900112

The Attitude of the Decembrists Towards Serfdom // Historical Journal. URL: https://knowhistory.ru/journal/otnoshenie-dekabristov-k-krepostnomu-pravu

Pashukanis E. B. Selected Works on the General Theory of Law and the State. Moscow : Nauka, 1980. 271 p.

Pokrovsky I. A. Basic Problems of Civil Law. Moscow : Statut, 2001. 354 p.

Polyakov A. V. Post-Classical Jurisprudence and the Idea of Communication // Izvestiya Vuzov. Pravovedenie. St. Petersburg, 2006. No. 2. P. 27–28.

Rozanov V. V. Fleeting. 1914 // Collected Works. When the Authorities Left... Moscow : Respublika, 1997. P. 255–256.

Savenkov D. A. R. Birling's Psychological Theory of Law // Formation of a New Paradigm of Social and Humanitarian Knowledge : Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference (February 28, 2022). Belgorod : APNI, 2022. P. 35–38.

Savigny F. K. von. The System of Modern Roman Law. Moscow : Statut, 2011. Vol. I. 510 p.

Sinyukov V. N. The Law of the 20th and 21st Centuries : Continuity and Novelty // Lex russica. 2021. Vol. 74, No. 2. P. 9–20.

Stepin V. S., Yelsukov A. N. Methods of Scientific Cognition. Minsk : Vysshaya Shkola, 1974. 153 p.

Syrykh V. M. Russian Legal Scholars at a Crossroads : Materialistic Rationalism or Subjective Idealism? // Journal of Russian Law. 2016. No. 1. P. 75–89.

Habermas J. Philosophical Discourse on Modernity. Moscow : Ves' Mir, 2003. 416 p.

Cherdantsev A. F. Integral Misunderstanding of Law // Journal of Russian Law. 2016. No. 10. P. 5–15.

Chestnov I. L. Legal Understanding in the Postmodern Era // Jurisprudence. 2002. No. 2. P. 4–16.

Shishlevskaya Ya. F. Application of the Constitution of the Russian Federation in the Activities of General Jurisdiction Courts // Humanitarian Scientific Journal. 2014. No. 1. P. 67–71.

Engels F. Letter to Konrad Schmidt dated October 27, 1890 // Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Vol. 37. P. 414–422.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Левакин И. В., доктор юридических наук, профессор, профессор департамента теории права и сравнительного правоведения

E- mail: ilevakin@hse.ru

Поступила в редакцию: 06.03.2025

Для цитирования:

Левакин И. В. Диалектика правопонимания: от «идеи права» к ее объективации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 49–58. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/49-58

National Recearch University «Higher School of Economics»

Levakin I. V., Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Theory and Comparative Law

Received: 06.03.2025

For citation:

Levakin I. V. Dialectics of legal understanding: from the «idea of law» to its objectification // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 3 (62). P. 49–58. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/49-58

УДК 34.03
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/59-63

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ УСТАНОВЛЕНИЕ НРАВСТВЕННЫХ ИМПЕРАТИВОВ ПРЕРОГАТИВОЙ ГОСУДАРСТВА: ВОПРОС ПОСТФАКТУМ[1]

Е. Е. Тонков

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

WHETHER IT IS THE PREROGATIVE OF THE STATE TO ESTABLISH MORAL IMPERATIVES: AN EX POST FACTO QUESTION

E. E. Tonkov

Belgorod State National Research University

Аннотация: рассматриваются целесообразность и возможность юридического закрепления нравственных императивов в правовых актах, анализируются роль и последствия усиления политического воздействия на формирование мировоззрения граждан. Констатируется, что государство всегда поддерживает и поощряет примат политики над правом, позволяющий ему обеспечивать реализацию своих интересов. Юридическое вмешательство в соответствующую расстановку нравственных акцентов дает возможность государству своевременно реагировать на нежелательные колебания в лояльности населения по отношению к власти.
Ключевые слова: государство, нравственные императивы, Указ Президента, право, мораль, личность.

Abstract: the article examines the experience and possibility of legally consolidating moral imperatives into legal acts, analyzing the role and consequences of increased political influence on citizens' worldviews. It states that the state has always supported and encouraged the primacy of politics over law, enabling it to ensure the realization of its interests. Legal intervention into the appropriate arrangement of moral priorities allows the state to respond in a timely manner to undesirable fluctuations in loyalty towards the authorities among the population.
Key words: state, moral imperatives, Presidential Decree, law, morality, personality.

Моральное переосмысление основных ценностных ориентиров и нравственных идеалов всегда является результатом качественного изменения общественного сознания. Роль нравственных императивов не сводится к созданию идеальной модели поведения или установлению ограничений для личности, но рассматривается в качестве фактора, определяющего наши действия в жизненно важных ситуациях и регулирующего отношения людей для достижения максимально допустимого уровня свободы.

Распространенным, и, вероятно, не без оснований, является представление о том, что мораль и право в своем появлении и последующем развитии располагаются далеко друг от друга во временном измерении. Принято считать, что мораль зарождается существенно ранее, чем право. Горизонт ее формирования как способа социальной регуляции находится за пределами первых государственных образований, тогда как, по

[1] Основные положения данной статьи были доложены автором на международной научно-практической конференции «Нравственные императивы в праве, образовании, науке и культуре», которая состоялась в НИУ «БелГУ» 28 мая 2025 г.

© Тонков Е. Е., 2025

словам Г. Ф. Шершеневича, «право есть функция государства, и потому логически оно немыслимо без государства и до государства»[2].

Аккумулируя в себе разнообразные и специфические механизмы управления человеческим поведением, нравственная регуляция на протяжении тысячелетий служит постоянно развивающимся симбиозом предписаний (мононорм), обеспечивающих функционирование общества. С возникновением государства и права роль нравственной регуляции существенно снижается, уступая место официально закрепленным (узаконенным) правилам поведения. При этом нравственный компонент норм права (в первую очередь, справедливость), хотя и декларируется политико-правовыми документами, но не обладает реальным, воплощенным в отраслевом законодательстве признаком атрибутивности. Впрочем, об этом нас предупреждал еще Аристотель. Характеризуя принцип справедливости, он подчеркивал, что не все понимают его одинаково: «граждане демократии видят его в свободе, олигархии – в богатстве, а аристократии – в добродетели»[3].

По мере укрепления государства в качестве аппарата насилия оценочно-предписательные очертания «добра» и «зла» приобретают расплывчатый характер, подверженный «веерным» изменениям в зависимости от потребностей государственной воли. Включение в содержание юридической нормы этического элемента как морального обоснования ее справедливости не является обязательным и вовсе ретушируется по мере нарастания присутствия государства в жизни общества (так называемой «избыточности государства»), хотя и может подразумеваться.

По верному замечанию Н. А. Власенко, «избыточность государства, как следствие, ведет к избыточности права, правового регулирования, что подавляет правовые принципы (начала) права и особенно принцип достаточности и баланса между ним и феноменом пробельности как смысла современного правотворчества»[4].

В результате возникшие из нравственно-юридического своеобразного симбиоза нормы морали и права начинают постепенно изолироваться друг от друга на уровне идеального и фактического измерения окружающей действительности и подчас диаметрально противоположного оценивания происходящих событий.

Вся доступная нам реальность – это сложное переплетение предметов и явлений, находящихся в самых разнообразных отношениях и связях друг с другом. Любые предметы и события – звенья одной бесконечной цепи, скрепляющей всё существующее в мире в единое целое. При этом имеется в виду не только ориентированность на безусловное исполнение законов и совершенствование правоприменительной практики (хотя и то, и другое чрезвычайно важно), но наполнение государственной деятельности качественно иным содержанием, подразумевающим в том числе использование нравственного потенциала общества.

Еще И. Кант заметил, что в обществе отсутствует соответствие между добродетельным поведением и счастьем, которое он считал воздаянием за него. Как известно, великий философ дифференцировал все императивы на гипотетические (рассматриваемые как средство для достижения цели) и категорические (когда предписание выступает как цель)[5]. Он полагал, что всеобщий закон нравственной жизни заключается в процедуре императивности, центром которой является долг (но не верность), а его нормативное содержание весьма различно у разных социальных слоев и даже групп.

Один из лидеров Великой французской революции М. Робеспьер по прозвищу «Неподкупный», который, как и многие его соратники, стал жертвой своего детища (помним, что «революция пожирает своих героев»), также устанавливал нравственные императивы в республике. Он призывал заменить честь честностью, власть моды – властью разума, нормы приличия – обязанностями, правила хорошего тона – моделью поведения благопристойных людей.

Мы вспомнили об этом, обратившись к Указу Президента Российской Федерации, утвердившему «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором они представлены как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской

[2] *Шершеневич Г. Ф.* Общая теория права. М., 1911. С. 310.

[3] *Аристотель.* Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск : Литература, 1998. С. 252.

[4] *Власенко Н. А.* Методологические основания исследования правовых ценностей. М., 2023. С. 121.

[5] См.: *Кант И.* Соч. : в 6 т. М., 1965. Т. 4, ч. 1. С. 290.

гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»[6].

В п. 5 Основ перечислены эти 17 сакральных ценностей: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Но можно ли считать данный перечень исчерпывающим?

Или он в силу полномочий Главы государства, подписавшего Указ, носит императивный характер? Являются ли эти ценности именно теми, исключительными, нравственными императивами? Или же есть и другие? Например, любовь к Родине и своим близким, честность, порядочность и мн. др. Надо ли было Указом Президента Российской Федерации разъяснять населению вслед за поэтом Владимиром Маяковским, что такое хорошо и что такое плохо? Деятельность государства, на наш взгляд, должна формироваться и осуществляться в рамках и под влиянием абсолютных общечеловеческих ценностей (свободы, равенства и др.), т. е. в пределах и границах правового контекста этих ценностей, а также соответствующих им других институтов и форм.

И, напротив, избыточная политизация различных сторон жизни деструктурирует, дестабилизирует общество. Для государства и права это всегда опасно. Исторический опыт убедительно демонстрирует, что сравнительно легкое манипулирование нравственными ценностями в угоду политическим амбициям и узкогрупповым интересам, в конечном счете, неизменно оборачивается болезненным и длительным возвращением к истокам – стабильности и равновесию в жизни общества и государства.

Похоже, что составители Основ руководствовались в своей творческой деятельности созданным по инициативе Н. С. Хрущева Моральным кодексом строителя коммунизма – сводом принципов коммунистической морали, который вошел в тексты Устава и Программы КПСС, принятых на XXII съезде партии в 1961 г. Там тоже содержались в общем-то правильные нравственные ориентиры, отчетливо перекликающиеся с 10 заповедями, которые были даны в Нагорной проповеди Моисею. Позволим себе напомнить вкратце основное содержание его преамбулы: в процессе перехода к коммунизму всё более возрастает роль нравственных начал в жизни общества, расширяется сфера действия морального фактора и, соответственно, уменьшается значение административного регулирования отношений между людьми. Текст Морального кодекса состоял из 12 пунктов, провозглашающих нравственные императивы коммунистической направленности. Поэтому перед составителями Основ задача стояла не очень сложная – переиначить содержание Морального кодекса на новый лад, под новые реалии, что, кстати, уже делалось их предшественниками в 1986 г., с началом «горбачевской» перестройки.

Самым уязвимым местом в определении на государственном уровне нравственных императивов является поиск надежных критериев добра и зла, которые каждый трактует по-своему. Что представляется более ценным – лояльность, перерастающая в личную преданность, или профессионализм, компетентность? Являются ли нравственными императивами объем и качество критических высказываний в адрес субъектов публичной власти? Как показывает опыт, благосостояние народа находится в прямой зависимости от свободы критики дефектов государственного управления.

Как писал Т. Гоббс, «подданные не могут осуждать действия суверена… всё, что бы последний ни делал, не может быть неправомерным актом по отношению к кому-либо из его подданных, и он не должен быть кем-либо из них обвинен в несправедливости»[7].

Является ли нравственным императивом равенство в условиях развития тенденций материального, социального и нередко юридического неравенства? Исследователи обращают внимание на то, что равенство составители

[6] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019 (дата обращения: 05.06.2025).

[7] *Гоббс Т.* Левиафан. М., 2001. С. 241–242.

Основ не включили в число традиционных ценностей[8]. Возможно, это произошло не случайно. Равенство олигархов, высокопоставленных чиновников и основной массы граждан оказывается абстракцией, фикцией, декорирующей фактическое положение дел, когда население фактически отстранено от получения даже минимальной доли доходов от использования природных ресурсов, а напротив, заключено в кабалу все возрастающих потребностей владельцев газовых трубопроводов и нефтяных вышек, угольных шахт и электростанций.

Жизнь гражданского общества не существует вне государства. Однако при фактической диффузии государства в деятельность общественных структур (партий, профсоюзов, движений и др.) становится всё более иллюзорной граница, разделяющая государство и общество. В результате этого облик мифа приобретает и само гражданское общество.

Наконец, обладает ли вообще государство монопольным правом на добродетель, на установление границ добра и зла с моральной точки зрения? И почему спустя 60 лет после принятия Морального кодекса государство вновь озаботилось проблемой юридического закрепления нравственных ценностей? Во все времена, независимо от политического режима или общественно-экономической формации, законодательство подстраивалось под интересы элиты, находящейся у власти, а право находилось у нее на службе. Как отмечает Е. Н. Тонков, «в большинстве законодательных актов доминируют частные цели их инициаторов, составителей и лоббистских групп»[9].

На наш взгляд, главная цель, которая была поставлена перед составителями современных Основ, связана с необходимостью повышения уровня управляемости обществом, который в определенный период времени был подвержен расхолаживающему влиянию западной демократии и ее либеральных предпочтений. Не будем забывать, что государство всегда поддерживает и поощряет примат политики над правом, позволяющий ему обеспечивать реализацию своих интересов. Поэтому юридическое вмешательство в соответствующую расстановку нравственных акцентов позволяет государству своевременно реагировать на нежелательные колебания в лояльности населения по отношению к власти.

В. В. Архипов констатирует нынешнее состояние российского общества, в котором происходит утрата доверия к тем институтам, которые ранее обладали монополией на достоверную, значимую для населения информацию, предполагая, что информационный поток в СМИ и интернет-пространстве намеренно конструируется для создания виртуальной, отличной от действительности реальности с целью манипулирования общественным сознанием[10].

Право и мораль в материальном мире не существуют. Это созданные людьми, фактически – придуманные ими общественные феномены. Субъективная оценка нравственных императивов, как и правовых норм, осуществляется человеком на основе его личного жизненного опыта, знаний и сформировавшихся под их воздействием представлений о сущем и должном. Поэтому представления разных людей о праве и морали достаточно часто не согласуются между собой. Несовершенство окружающей нас реальности, социальное неравенство, психологические проблемы, ощущение несправедливости побуждают человека создавать собственные нравственные императивы, которыми он и руководствуется в реализации своих амбиций. Несовпадение персональной нормативной системы с государственными интересами вряд ли может быть преодолено с помощью Указа, закрепляющего перечень одобряемых императивов. Оценочные категории не в состоянии стать критериями правильности поведения уже потому, что сами не подлежат убедительному измерению.

Известный популяционно-биологический закон свидетельствует: если хочешь уничтожить популяцию, охраняй и лелей ее. Если хочешь, чтобы она была жизнеспособной – посылай испытания. В логике активно развиваемого и пропагандируемого в Сколково проектно-продуктового подхода человек утрачивает свою субъектность, становится частью технологии, трансформируясь в один из бессловесных и безвольных инструментов дорожной карты, смоделированной так называемым «держателем» процессов. Опасения на этот счет высказывались Л. И. Спиридоновым еще в 1973 г., когда он отмечал рост обезличенности человека в механиз-

[8] См.: *Тонков Е. Н.* Российский правовой реализм. СПб. : Алетейя, 2024. С. 80.

[9] *Тонков Е. Н.* Указ. соч. С. 212.

[10] См.: *Архипов В. В.* Возможно ли право в эпоху постправды? // Закон. 2019. № 12. С. 56–70.

ме коммунистического строительства и превращение его в будущем из творческой личности в носителя определенной функции[11].

Безусловно, федеральная повестка технологического суверенитета ставит иные, чем прежде, задачи перед системой высшего образования, в частности создание новой образовательной экосистемы, направленной на обеспечение технологического лидерства. В этом ключе перед юридическим образованием возникает проблема нахождения оптимального баланса: с одной стороны, необходимо интегрировать новые технологии и методики обучения для подготовки специалистов, способных работать в современном правовом поле, а с другой – сохранить классические подходы и ценности, которые не только лежат в основе подготовки юристов-профессионалов уже долгие годы, но и базируются на личных нравственных качествах служителей закона.

Библиографический список

Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск : Литература, 1998.

Архипов В. В. Возможно ли право в эпоху постправды? // Закон. 2019. № 12. С. 56–70.

Власенко Н. А. Методологические основания исследования правовых ценностей. М., 2023.

Гоббс Т. Левиафан. М., 2001.

Кант И. Соч. : в 6 т. М., 1965. Т. 4, ч. 1.

Спиридонов Л. И. Социальное развитие и право. М., 1973.

Тонков Е. Н. Российский правовой реализм. СПб. : Алетейя, 2024.

Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1911.

[11] См.: *Спиридонов Л. И.* Социальное развитие и право. М., 1973.

References

Aristotle. Ethics, Politics, Rhetoric, Poetics, Categories. Minsk : Literature, 1998.

Arkhipov V. V. Is Law Possible in the Post-Truth Era? // Law. 2019. No. 12. P. 56–70.

Vlasenko N. A. Methodological Foundations of Study of Legal Values. Moscow: 2023.

Hobbes T. Leviathan. Moscow, 2001.

Kant I. Essays : in 6 vol. Moscow, 1965. Vol. 4, Part 1.

Spiridonov L. I. Social Development and Law. Moscow, 1973.

Tonkov E. N. Russian Legal Realism. Saint Petersburg : Aletheia Publ., 2024.

Shershenevich G. F. General Theory of Law. Moscow, 1911.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Тонков Е. Е., доктор юридических наук, доктор педагогических наук, профессор, директор Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, заслуженный юрист Российской Федерации

E-mail: etonkov@bsuedu.ru

Поступила в редакцию: 05.06.2025

Для цитирования:

Тонков Е. Е. Является ли установление нравственных императивов прерогативой государства: вопрос постфактум // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 59–63. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/59-63

Belgorod State National Research University

Tonkov E. E., Doctor of Law, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Law Institute of Belgorod State National Research University, Honored Lawyer of the Russian Federation

E-mail: etonkov@bsuedu.ru

Received: 05.06.2025

For citation:

Tonkov E. E. Whether it is the prerogative of the state to establish moral imperatives: an ex post facto question // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 3 (62). P. 59–63. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/59-63

УДК 34.01
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/64-71

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНДУСТРИИ АННОТАЦИИ ДАННЫХ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КАЧЕСТВА ДАННЫХ[1]

Э. И. Лескина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

LEGAL SUPPORT FOR THE DATA ANNOTATION INDUSTRY AS A WAY TO ENSURE DATA QUALITY

E. I. Leskina

Hational Recearch University «Higher School of Economics» (Moscow)

Аннотация: национальный проект «Экономика данных», направленный на цифровую трансформацию различных сфер, является следующей ступенью для обеспечения научно-технологического суверенитета в Российской Федерации, при этом ключевым моментом для реализации многочисленных направлений, федеральных проектов, мероприятий в рамках национального проекта является повышение качества как данных, так и их наборов, обеспечение роста доступных для использования различными субъектами данных. Вопросы качества данных и особенно управления таким качеством остаются за рамками нормативного обеспечения и регулирования. Между тем одним из способов обеспечения качества данных является индустрия аннотации данных. Многие страны обращают внимание на потенциал, заложенный в развитии данного направления, начинают принимать стратегические документы. В статье обосновывается необходимость нормативного обеспечения развития индустрии аннотации данных в Российской Федерации, рассматриваются зарубежные подходы, которые в настоящее время начинают формироваться в данной сфере, предлагаются направления, которые следует развивать для системного становления индустрии аннотации в России как способа обеспечения качества данных. Обращается внимание на многогранность потенциала аннотации данных, в том числе для обеспечения качества алгоритмов, развития узко специализированных моделей искусственного интеллекта.
Ключевые слова: большие данные, искусственный интеллект, экономика данных, аннотация данных, аннотирование, маркировка, разметка, качество данных.

Abstract: the national project «Data Economy» aimed at digital transformation of various spheres is the next step to ensure scientific and technological sovereignty in the Russian Federation, while the key point for the implementation of numerous areas, federal projects, and activities within the national project is to improve the quality of both data and their sets, ensuring the growth of data available for use by various subjects. Issues of data quality and especially the management of such quality remain beyond the scope of regulatory support and regulation. Meanwhile, one of the ways to ensure data quality is the data annotation industry. Many countries pay attention to the potential inherent in the development of this area and begin to adopt strategic documents. This article substantiates the need for regulatory support for the development of the data annotation industry in the Russian Federation, considers foreign approaches that are currently beginning to form in this area, and suggests directions that should be developed for the systemic formation of the annotation industry in Russia as a way to ensure data quality. Attention is drawn to the versatility of the data annotation potential, including for ensuring the quality of algorithms, the development of highly specialized models of artificial intelligence.
Key words: big data, artificial intelligence, data economics, data annotation, annotation, labeling, marking, data quality.

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00698 (https://rscf.ru/project/25-18-00698/).

© Лескина Э. И., 2025

Большие данные являются уже не новым феноменом, его введение в научный оборот насчитывает уже более 20 лет, и понимание потенциала ценности массивов данных признается как публичным, так и частным сектором. Большие данные являются ключевым активом для повышения эффективности различных сфер и отраслей экономики. Более того, переход к платформенной экономике приводит к новой реальности, в которой бизнес-модели крупнейших компаний построены на нематериальных активах[2]. Вместе с тем говорить о реализации потенциала, заложенного в данных, их компиляции, аналитике, использовании различными субъектами от стартапов до государств и их объединений невозможно без решения вопроса о качестве данных и управлении им. Вопросы качества данных не только обеспечивают оборот таковых, но и снижают многочисленные риски, присущие эпохе Big Data.

Качество данных является неотъемлемым атрибутом, требованием и залогом для успешного развития искусственного интеллекта. Поэтому обеспечение качественных данных выступает приоритетной задачей как на уровне бизнеса, так и государства. В феврале 2025 г. в России был презентован национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства». Ключевой акцент в развитии IT-отрасли в Российской Федерации отводится развитию решений, работающих на базе накопленных данных[3]. Тем не менее вопрос о том, какие признаки составляют понятие качественных данных, в том числе наборов данных, как обеспечивать такое качество, на законодательном уровне не получил разрешения.

Отдельные нормы отечественного законодательства устанавливают определенные требования к качеству, однако не на системном уровне, что способствовало бы формированию единой экосистемы данных, а применительно к данным, содержащимся в государственных информационных системах, государственных информационных ресурсах. Так, задачей эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах, является разработка методик по определению подходов к повышению качества и связанности данных[4]. Документ, который бы фактически определял критерии качества данных, в настоящий момент находится на стадии проекта и содержит такие критерии, как:

– актуальность (свойство данных соответствовать действительности в текущий момент времени);

– достоверность (свойство данных отражать реальное состояние объектов учета на определенный момент времени);

– уникальность (отсутствие повторяющихся записей);

– согласованность и др.

Проект включает также определение качества данных как совокупности свойств данных, обусловливающих их пригодность удовлетворять определенные потребности в соответствии с их назначением[5]. Однако несмотря на достаточно давний срок разработки проекта (2019 г.), он до сих пор не подписан, что препятствует полноценной реализации норм, связанных с обеспечением качества данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах.

В качестве другого примера требований к информации (а значит, и к данным), содержащейся в государственных информационных системах, можно отметить достоверность и актуальность[6].

Вопросы, связанные с качеством данных, регулируются и на уровне стандартов[7]. Несмотря

[2] См.: *Макафи Э., Бриньолфсон Э.* Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее. М., 2019, 368 с.

[3] См.: Дмитрий Григоренко : ИТ-отрасль стала одной из самых быстрорастущих в российской экономике. URL: http://government.ru/news/54354/ (дата обращения: 28.02.2025).

[4] См.: О проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах (вместе с «Положением о проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах») : постановление Правительства РФ от 3 июня 2019 г. № 710 (ред. от 02.02.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 23. Ст. 2963.

[5] См.: Проект Приказа Минкомсвязи России «Об утверждении порядка и критериев определения качества сведений, содержащихся в государственных информационных ресурсах, их связанности, включая требования к документированию и разрешению инцидентов при передаче сведений». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] См.: Часть 9 ст. 14 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

[7] См., например: ГОСТ Р 71484.2-2024 (ИСО/МЭК 5259-2:2024). Национальный стандарт Российской Федерации. Искусственный интеллект. Качество данных для аналитики и машинного обучения. Часть 2.

на некоторую терминологическую несогласованность данных стандартов с применяемыми в законодательстве терминами в сфере данных, можно отметить, что такие стандарты содержат общие начала не только выявления критериев качества данных (аккуратность, наполненность, согласованность, достоверность, актуальность, доступность, эффективность, понятность, переносимость и др., причем указанные термины понимаются в ином значении, нежели в рассмотренных ранее актах применительно к данным в государственных информационных ресурсах), но также говорят о способах управления таким качеством, действиях по его обеспечению, включая институт аннотации (по терминологии ГОСТов маркировки, аннотированию) данных, который заявлен в качестве необходимого на стадии подготовки наборов данных. Аннотирование данных здесь включается в план управления качеством данных. Кроме того, указывается, что аннотирование данных может осуществляться автоматически или вручную, а также с помощью метаданных о наборе данных.

В литературе качество данных характеризуется с точки зрения их точности, достоверности, полноты, согласованности, своевременности, доступности, уникальности[8], большого объема[9].

Показатели качества данных (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 28 октября 2024 г. № 1551-ст) ; ГОСТ Р 71484.1-2024 (ИСО/МЭК 5259-1:2024). Национальный стандарт Российской Федерации. Искусственный интеллект. Качество данных для аналитики и машинного обучения. Часть 1. Обзор, терминология и примеры (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 28 октября 2024 г. № 1537-ст) ; ГОСТ Р 71484.3-2024 (ИСО/МЭК 5259-3:2024). Национальный стандарт Российской Федерации. Искусственный интеллект. Качество данных для аналитики и машинного обучения. Часть 3. Требования и рекомендации по управлению качеством данных (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 28 октября 2024 г. № 1538-ст) ; ГОСТ Р 71484.4-2024 (ИСО/МЭК 5259-4:2024). Национальный стандарт Российской Федерации. Искусственный интеллект. Качество данных для аналитики и машинного обучения. Часть 4. Структура процесса управления качеством данных (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 28 октября 2024 г. № 1552-ст) ; и др.

[8] См.: *Чайка М.* Практический подход к валидации рейтинговых моделей при реализации ПВР-подхода : методика 5×5 // Риск-менеджмент в кредитной организации. 2024. № 1. С. 19–34.

[9] См.: Государство, общество и личность : пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере : монография / Н. С. Волкова, А. А. Ефремов, С. М. Зырянов [и др.] ; отв. ред. Л. К. Терещенко. М. : Инфотропик Медиа, 2024. 352 с.

Что касается процедурных вопросов обеспечения данных, то, как правило, речь идет о вопросах регламентации процесса исправления ошибок в данных, контроля за актуальностью, достоверностью, полнотой данных, распределению полномочий субъектов в этой сфере[10].

В отношении требований к качеству самих данных или наборов данных считаем, что эффективными здесь будут подходы, устанавливающие такие требования при обороте, обмене данными с публичным сектором, а также если вопросы оборота могут затрагивать права и законные интересы третьих лиц (применительно, например, к требованию о недискриминационности как критерию качества наборов данных). Что же касается удовлетворения нужд частного оборота, то саморегулирование будет здесь наиболее приемлемым началом. В то же время вопросы системности в регулировании управления качеством данных должны решаться более централизованно, именно это обеспечит стимулирование к росту доступных данных, обеспечению их повторного использования, реализации потенциала, заложенного в больших данных. И одним из направлений управления качества данными является государственная поддержка индустрии аннотации данных.

Индустрия аннотации (аннотирования, маркировки) данных – это сравнительно новая, развивающаяся отрасль, направленная на повышение качества данных. Данная отрасль включает очищение, классификацию, комментирование, иную обработку данных для получения качественных данных и использование их в целях развития инноваций. Сущность института аннотации (маркировки) данных (далее – индустрия маркировки, индустрия аннотации) в том, что данные помечены, на них обозначены признаки, различия, сходства с целевыми данными, и такая обработка производится для целей машинного обучения.

Индустрия аннотации данных является важнейшим звеном для перехода к интеллектуальному производству и необходимым элементом системы по реализации возможностей использования больших данных и развития искусственного интеллекта.

[10] См.: *Назаров Н. А.* Обеспечение качества данных при автоматизированном принятии решений в государственном управлении // Журнал российского права. 2024. № 5. С. 140–155.

В настоящее время государства устанавливают модели управления данными, которые учитывали бы необходимость использования потенциала данных для обеспечения инновационного развития. Содействие развитию отрасли маркировки данных – одно из направлений в создании экосистемы данных. Так, в КНР по плану до 2027 г. предполагается качественное развитие рассматриваемой отрасли с годовым темпом роста более 20 %[11]. В Китае планируется создать единую сеть государственных служб для маркировки данных по всей стране. Значительное внимание уделено обеспечению индустрии маркировки данных специалистами путем принятия профессиональных стандартов для профессий, связанных с маркировкой данных, поощрения сотрудничества образовательных учреждений и предприятий, строительства учебных баз, формирования кадрового резерва в этой области и т. д., а также обеспечению информационной безопасности на всех этапах маркировки данных, выявлению и предупреждению рисков в сфере обработки данных, подлежащих маркировке.

В ЕС гармонизация аннотаций данных является одним из трех направлений обеспечения обмена, повторного использования данных[12]. В целом аннотация данных рассматривается различными документами[13] в ЕС как улучшение данных, их обогащение, повышение стоимости данных. Кроме того, аннотация данных может быть использована в качестве способа обеспечения конфиденциальности частных данных при их предоставлении государственному сектору[14].

Потенциал использования аннотации может быть реализован и при определении предвзятости алгоритмов в качестве стадий для такого исследования, предваряющей тестирование[15]. В этих целях аннотация может использоваться как определенный контекст для алгоритмов, которого не достает для обеспечения качества аналитики при принятии решений на основании алгоритмов.

Интересно, что до февраля 2024 г. Указом Президента РФ[16] устанавливались определенные способы обеспечения качества данных, которые можно отнести и к маркировке. Например, как атрибуты обеспечения большого объема и качества данных предусматривались их разметка и структурирование, разработка и унификация методологии описания. Тем не менее указанные положения утратили силу 15 февраля 2024 г.

Индустрия маркировки данных включает в себя следующие элементы:

– субъекты (в том числе компании, предприятия), осуществляющие маркировку данных на профессиональной основе, исследователи;

– предмет маркировки – данные, подпадающие, как правило, под общий правовой режим. Часто маркировке подлежат технические, а также научные данные. Однако это не умаляет реализации потенциала маркировки для всех видов данных, включая персональные;

– инфраструктура, обеспечивающая связь между субъектами в сфере маркировки данных, хранение данных, их обработку, в том числе сбор (лаборатории, научные центры, инновационные платформы и т. д.).

[11] См.: 国家发展改革委等部门关于促进数据标注 产业高质量发展的实施意见 发改数据〔2024〕1822号. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202501/content_6998194.htm (дата обращения: 07.02.2025).

[12] См.: COMMISSION STAFF WORKING DOCUMENT on the free flow of data and emerging issues of the European data economy Accompanying the document Communication Building a European data economy SWD/2017/02 final. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52017SC0002&qid=1740591738305 (дата обращения: 26.02.2025).

[13] См.: COMMISSION STAFF WORKING DOCUMENT IMPACT ASSESSMENT REPORT Accompanying the document Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on harmonised rules on fair access to and use of data (Data Act) SWD/2022/34 final. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52022SC0034&qid=1740591738305 ; Proposal for a REGULATION OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL on the European Health Data Space COM/2022/197 final. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52022PC0197&qid=1740591738305 (дата обращения: 26.02.2025).

[14] См.: Пункт «c» ст. 4.2. Guidance on sharing private sector data in the European data economy Accompanying the document Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European economic and social Committee and the Committee of the Regions «Towards a common European data space. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52018SC0125&qid=1741855165842 (дата обращения: 13.03.2025).

[15] См.: *Харитонова Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф.* Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта : вопросы этики и права // Вестник Перм. ун-та. Юридические науки. 2021. № 3. С. 488–515.

[16] См.: Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

Индустрия аннотации данных активно развивается в различных направлениях, и одним из предметов аннотирования данных являются юридические и нормативные документы. Часто язык таких документов труден и изобилует сложными предложениями. Понимание многих юридических текстов бывает затруднительно и для профессионалов. Тем не менее в связи с распространением справочно-правовых систем и функционала сайтов судов аннотирование юридических данных развивается успешно. Благодаря развитию больших языковых моделей появляются новые возможности, значительно увеличивающие скорость и объем аннотированных данных, в результате создающие большие юридические данные, характеризующиеся высоким качеством. Использование таких инструментов в совокупности с технологиями Big Data позволяет решать в том числе прогностические задачи в области юриспруденции, совершенствование моделей искусственного интеллекта, применяемых для обеспечения деятельности юристов.

Аннотирование здесь будет заключаться не в выявлении ключевых слов или содержания в сжатой форме, а в сборе структурированной детализированной информации, охватывающей максимальные подробности (например, влияние свидетелей на решение суда, мотив преступления и другие). Обучение применения больших языковых моделей осуществляется на тех аннотациях, которые составляли юристы и студенты-юристы[17]. Еще одним подходом к аннотированию больших юридических данных является проставление меток искусственным интеллектом с подтверждением или отклонением таких меток специалистами. Подобные эксперименты с генеративным искусственным интеллектом показали высокий результат – 90 % качества ручного аннотирования[18].

Важной задачей выступает обеспечение качества аннотаций, на которых обучаются модели, а качество таких «тренировочных» аннотаций зависит от различных аспектов: уровня образования, опыта, профессионализма юристов, производящих аннотацию, непонимание контекста, ошибки. В результате в тренировочных аннотациях возникают разногласия, и это затрудняет обучение моделей, которое должно основываться на единой согласованной базе. Вместе с тем существует мнение, что пороки в тренировочных аннотациях будут препятствовать качественным прогностическим функциям, но на само качество данных и последующее обучение разногласия в аннотациях влиять не будут[19].

Какие направления следует развивать для становления индустрии аннотации в России?

Во-первых, это более активное использование общедоступных данных. Необходимо обеспечить юридическими средствами правовой режим общедоступных данных, выявив виды таких данных в различных областях и установив требования к формату и маркировке таких данных. В результате может быть создана база маркировки общедоступных данных, используемая в том числе для развития инновационных технологий. Несмотря на то что общим правовом режимом как для данных, так и для информации является режим свободного использования, открытость доступа[20], простой декларации принципов открытости недостаточно для реализации потенциала общедоступных данных.

Во-вторых, стимулирование субъектов в сфере индустрии маркировки данных к единообразным подходам, стандартизации и обмене опытом и разработками в этой сфере. Это могут быть налоговые льготы. Примеры так называемого мягкого права в европейском законодательстве можно привести пока в отношении содействия переносимости данных пользователя[21] или института совместного создания стоимости дан-

[17] См.: *Subinay A, Procheta S., Dwaipayan R., Kripabandhu Gh*. A case study for automated attribute extraction from legal documents using large language models // Artificial Intelligence and Law. 2024. November.

[18] См.: *Gray M., Savelka J., Oliver W., Ashley K.* Can GPT Alleviate the Burden of Annotation? // Legal Knowledge and Information Systems. 2013. URL: https://www.researchgate.net/publication/376422423_Can_GPT_Alleviate_the_Burden_of_Annotation (дата обращения: 18.02.2025).

[19] См.: *Braun D.* I beg to difer : how disagreement is handled in the annotation of legal machine learning data sets // Artifcial Intelligence and Law. 2024. No. 32. P. 839–862. URL: https://doi.org/10.1007/s10506-023-09369-4

[20] См.: *Терещенко Л. К.* Правовой режим информации. М. : Юриспруденция, 2007. С. 101 ; *Войниканис Е. А.* Регулирование больших данных и право интеллектуальной собственности : общие подходы, проблемы и перспективы развития // Закон. 2020. № 7. С. 135–156.

[21] См.: Regulation (EU) 2018/1807 of the European Parliament and of the Council of 14 November 2018 on a framework for the free flow of non-personal data in the European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2018/1807/oj/eng (дата обращения: 13.03.2025).

ных[22], однако подобные методики, включая поощрение саморегулирования и особенно этического регулирования, должно распространяться и на индустрию аннотации данных. В это же направление должно включаться обеспечение разработки и принятия стандартов аннотации данных, возможно, создание единой системы аннотации, которая бы включала разбивку данных по различным показателям. Например, это может быть разбивка данных по полу, возрасту и другим атрибутам, что в итоге позволит понять характеристику наборов данных, способы из создания и т. д.[23] Отсутствие единых подходов и требований к аннотации данных снижает качество данных, негативным образом влияет на обучение моделей искусственного интеллекта, делает общедоступные наборы данных непригодными для использования[24]. В литературе отмечается эффективность краудсорсинга в сфере аннотации, привлечения различных платформ, что позволит снизить затраты на аннотацию данных[25]. При наличии стандартизации можно преодолеть проблемы этого подхода, связанные с обеспечением качества услуг.

В-третьих, необходимо обеспечить взаимодействие различных субъектов в сфере аннотации данных, включая государственный сектор, частные компании, образовательные организации. Российские образовательные организации высшего образования разрабатывают различные дисциплины по системам аннотации данных, при этом практической составляющей обучения является, в частности, создание разметки, датасетов, на которых впоследствии будут обучаться нейросети. Взаимодействие с образовательными организациями на системной основе позволит привлекать студентов различных специальностей для увеличения объема аннотируемых данных, учитывая специфику самих сведений (например, применительно к большим юридическим, большим медицинским и другим типам данных).

В-четвертых, решение кадрового вопроса в сфере индустрии аннотации данных. Данное направление должно являться частным случаем федерального проекта «Кадры для цифровой трансформации» в рамках национального проекта «Экономика данных»[26]. Однако пока в рамках стратегического планирования говорится лишь о количественных показателях обучающихся по IT-специальностям, а также лицах, прошедших практико-ориентированное обучение и т. п. Вместе с тем считаем, что нужно отдельно выделить приоритетные направления, в том числе касающиеся сферы развития индустрии аннотации данных.

В-пятых, формирование на государственном уровне аннотированных наборов данных в качестве эталонных коллекций. В настоящее время активно решается вопрос о формировании различных наборов данных государством с предоставлением различным субъектам возможности обрабатывать такие данные в рамках государственных информационных систем. Например, это касается правового режима составов данных, полученных в результате обезличивания[27]. Считаем, что как в рамках собственной деятельности, так и по результатам государственно-частного партнерства актуальным будет и формирование аннотируемых коллекций.

[22] См.: Guidance on sharing private sector data in the European data economy Accompanying the document Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European economic and social Committee and the Committee of the Regions «Towards a common European data space» SWD/2018/125 final. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52018SC0125 (дата обращения: 13.03.2025).

[23] См.: Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта. Вектор БРИКС / Е. О. Васин, А. Д. Гвоздырева, А. П. Дейнека [и др.] ; под ред. А. В. Незнамова. 3-е изд., перераб. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[24] См.: *Алейникова Д. В.* Аннотирование данных как объект обучения студентов социальногуманитарной направленности // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Образование и педагогические науки. 2022. Вып. 4 (845). С. 15–19.

[25] См.: *Гилязев Р. А., Турдаков Д. Ю.* Активное обучение и краудсорсинг : обзор методов оптимизации разметки данных // Труды ИСП РАН. 2018. Т. 30, вып. 2. С. 215–250.

[26] См.: Основные показатели и мероприятия национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства» . URL: http://government.ru/info/54314/ (дата обращения: 13.03.2025).

[27] См.: О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» и Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”» : федер. закон от 8 августа 2024 г. № 233-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4929.

В-шестых, развитие технологий по автоматизированной аннотации данных. Так, задача по оптимизации процесса аннотации может быть решена путем поддержки технологических решений в сфере аннотации, новых разработок по созданию специализированных моделей для аннотации данных различных отраслей.

Итак, индустрия аннотации данных обладает огромным потенциалом для реализации повторного использования данных и особенно Big Data, обеспечения взаимодействия между различными субъектами, создающими, обрабатывающими и использующими данные. Аннотация данных повышает качество наборов данных, обеспечивает развитие искусственного интеллекта и иных смежных технологий. На этом основании полагаем, что в Российской Федерации будет актуальным как минимум стратегическое регулирование, которое определит направления для обеспечения развития индустрии аннотации данных, включая государственно-частное партнерство, взаимодействие с образовательными организациями, развитие кадрового потенциала, обеспечение стандартизации, будет стимулировать саморегулирование.

Библиографический список

Алейникова Д. В. Аннотирование данных как объект обучения студентов социальногуманитарной направленности // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та. Образование и педагогические науки. 2022. Вып. 4 (845). С. 15–19.

Войниканис Е. А. Регулирование больших данных и право интеллектуальной собственности : общие подходы, проблемы и перспективы развития // Закон. 2020. № 7. С. 135–156.

Гилязев Р. А., Турдаков Д. Ю. Активное обучение и краудсорсинг : обзор методов оптимизации разметки данных // Труды ИСП РАН. 2018. Т. 30, вып. 2. С. 215–250.

Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта. Вектор БРИКС / Е. О. Васин, А. Д. Гвоздырева, А. П. Дейнека [и др.] ; под ред. А. В. Незнамова. 3-е изд., перераб. и доп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Государство, общество и личность : пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере : монография / Н. С. Волкова, А. А. Ефремов, С. М. Зырянов [и др.] ; отв. ред. Л. К. Терещенко. М. : Инфотропик Медиа, 2024. 352 с.

Макафи Э., Бриньолфсон Э. Машина, платформа, толпа. Наше цифровое будущее. М., 2019, 368 с.

Назаров Н. А. Обеспечение качества данных при автоматизированном принятии решений в государственном управлении // Журнал российского права. 2024. № 5. С. 140–155.

Терещенко Л. К. Правовой режим информации. М. : Юриспруденция, 2007. 192 с.

Харитонова Ю. С., Савина В. С., Паньини Ф. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта : вопросы этики и права // Вестник Перм. ун-та. Юридические науки. 2021. № 3. С. 488–515.

Чайка М. Практический подход к валидации рейтинговых моделей при реализации ПВР-подхода : методика 5×5 // Риск-менеджмент в кредитной организации. 2024. № 1. С. 19–34.

Braun D. I beg to difer: how disagreement is handled in the annotation of legal machine learning data sets // Artifcial Intelligence and Law. 2024. No. 32. P. 839–862. URL: https://doi.org/10.1007/s10506-023-09369-4

Gray M., Savelka J., Oliver W., Ashley K. Can GPT Alleviate the Burden of Annotation? // Legal Knowledge and Information Systems. 2013. URL: https://www.researchgate.net/publication/376422423_Can_GPT_Alleviate_the_Burden_of_Annotation

Subinay A, Procheta S., Dwaipayan R., Kripabandhu Gh. A case study for automated attribute extraction from legal documents using large language models // Artificial Intelligence and Law. 2024. November.

References

Aleynikova D. V. Annotation of data as an object of education for students of socio-humanitarian orientation // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. un-ta. Education and pedagogical sciences. 2022. Issue 4 (845). P. 15–19.

Voynikanis E. A. Regulation of big data and intellectual property law : general approaches, problems and development prospects // Law. 2020. No. 7. P. 135–156.

Gilyazev R. A., Turdakov D. Yu. Active learning and crowdsourcing : a review of data markup optimization methods // Proceedings of the ISP RAS. 2018. Vol. 30, issue. 2. P. 215–250.

Global Atlas of Artificial Intelligence regulation. Vector BRICS / E. O. Vasin, A. D. Gvozdyreva, A. P. Deineka [et al.] ; ed. by A. V. Neznamov. 3rd ed., revised and add. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

The state, society and personality : ways to overcome challenges and threats in the information sphere : a monograph / N. S. Volkova, A. A. Efremov, S. M. Zyryanov [et al.] ; ed. by L. K. Tereshchenko. Moscow : Infotropik Media, 2024. 352 p.

Mcafee E., Brynjolfson E. Car, platform, crowd. Our digital Future. Moscow, 2019. 368 p.

Nazarov N. A. Data quality assurance in automated decision-making in public administration // Journal of Russian Law. 2024. No. 5. P. 140–155.

Tereshchenko L. K. The legal regime of information. Moscow : Jurisprudence, 2007. 192 p.

Kharitonova Yu. S., Savina V. S., Panini F. Bias of artificial intelligence algorithms : issues of ethics and law // Bulletin of Perm. un-ta. Legal sciences. 2021. No. 3. P. 488–515.

Chaika M. A practical approach to the validation of rating models in the implementation of the PVR approach : the 5×5 methodology // Risk management in a credit institution. 2024. No. 1. P. 19–34.

Braun D. I beg to difer: how disagreement is handled in the annotation of legal machine learning data sets // Artifcial Intelligence and Law. 2024. No. 32. P. 839–862. URL: https://doi.org/10.1007/s10506-023-09369-4

Gray M., Savelka J., Oliver W., Ashley K. Can GPT Alleviate the Burden of Annotation? // Legal Knowledge and Information Systems. 2013. URL: https://www.researchgate.net/publication/376422423_Can_GPT_Alleviate_the_Burden_of_Annotation

Subinay A, Procheta S., Dwaipayan R., Kripabandhu Gh. A case study for automated attribute extraction from legal documents using large language models // Artificial Intelligence and Law. 2024. November.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Лескина Э. И., кандидат юридических наук, доцент департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права

E-mail: elli-m@mail.ru

Поступила в редакцию: 14.03.2025

Для цитирования:

Лескина Э. И. Правовое регулирование индустрии аннотации данных как способ обеспечения качества данных // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 64–71. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/64-71

Hational Recearch University «Higher School of Economics» (Moscow)

Leskina E. I., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Digital Technology Law and Biolaw

E-mail: elli-m@mail.ru

Received: 14.03.2025

For citation:

Leskina E. I. Legal support for the data annotation industry as a way to ensure data quality // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 3 (62). P. 64–71. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/64-71

УДК 347.92
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/72-79

КРИТЕРИИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ВОЗРАЖЕНИЯ О ЗАЧЕТЕ И ВСТРЕЧНОГО ИСКА, НАПРАВЛЕННОГО К ЗАЧЕТУ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ТРЕБОВАНИЯ

А. А. Игнатьев
Воронежский государственный университет

DISTINGUISHING CRITERIA BETWEEN A SET-OFF OBJECTION AND AN SET-OFF COUNTERCLAIM

A. A. Ignatyev
Voronezh State University

Аннотация: автор приходит к выводу о том, данные порядки прекращения взаимных обязательств, несмотря на использование термина «зачет», представляют собой сущностно разные правовые конструкции. В отличие от встречного иска, который может быть использован для прекращения потенциально любых взаимных обязательств, использование для этих целей возражения имеет два критерия допустимости: 1) материально-правовой критерий, заключающийся в возможности прекращения обязательств тем способом, на который ссылается ответчик; 2) процессуально-правовой критерий, предполагающий бесспорность взаимного обязательства истца.
Ключевые слова: зачет, встречный иск, возражение о зачете.

Abstract: the author comes to the conclusion that these procedures for accepting mutual obligations, despite the use of the term "set-off", represent substantially different legal structures. Unlike a counterclaim, which can be used to terminate any possible mutual obligations, the use of an objection for these purposes has two allowability criteria: 1) a substantive criterion, consisting in the possibility of obligation termination in the manner referred to by the defendant; 2) procedural criteria, presupposing the indisputability of the plaintiff's mutual obligation is based.
Key words: set-off, counterclaim, set-off objection.

В современной доктрине и судебной практике сложилось два параллельных порядка прекращения в процессе тех обязательств, в которых стороны одновременно по отношению друг к другу выступают и как кредитор и как должник (далее – взаимные обязательства): с помощью возражения о зачете и с помощью встречного иска, направленного к зачету первоначального требования.

При этом вопрос об их соотношении между собой, а также с материально-правовым зачетом остается не решенным. В процессуальном законодательстве упоминается только направленный к зачету встречный иск, а высшая судебная инстанция предлагает использовать оба варианта, не уточняя различий между ними[1]. Существующие в доктрине точки зрения также не позволяют сделать однозначный вывод об их соотношении. Более того, ранее главенствовавший в судебной практике подход, допускавший для прекращения взаимных обязательств в процессе использования исключительно встречного иска, послужил катализатором продолжающейся до настоящего времени дискуссии о допустимости возражения о зачете как альтерна-

© Игнатьев А. А., 2025

[1] См.: О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 // Российская газета. 2020. 25 июня. № 136.

тивы встречному иску, направленному к зачету первоначального требования[2].

На наш взгляд, при ответе на вопросы о возможности использования возражения о прекращении взаимных обязательств и его соотношении со встречным иском, следует исходить из общих предпосылок, а именно из используемой ими процессуальной формы. В связи с этим в настоящей работе предлагается проанализировать правовую природу встречного иска и судебных возражений соответственно.

Встречный иск

Встречный иск в литературе традиционно понимается в качестве материально-правового требования ответчика к истцу, заявленного для совместного рассмотрения с первоначальным иском[3]. Как и обычный иск, он имеет предмет и основание, предъявляется в форме искового заявления. Несмотря на встречный характер его цель заключается прежде всего в удовлетворении заявленного ответчиком по первоначальному иску материально-правового требования. В связи с этим в законодательстве, а также единогласно в литературе указывается на необходимость отражения результата рассмотрения каждого из исков[4], подчеркивается их самостоятельный характер[5].

Следовательно, то, что в процессуальных кодексах именуется встречным иском, направленным к зачету первоначального требования (и соответственно, сам зачет, производимый при одновременном удовлетворении встречного первоначального исков), хотя и напоминает одноименный материально-правовой институт (зачет)[6], на самом деле представляет собой совершенно самостоятельную, к тому же сугубо процессуальную, правовую конструкцию. В случае принятия встречного иска, направленного к зачету первоначального требования, суд сначала рассматривает каждое из требований, а затем производит вычитание суммы меньшего из суммы большего. То есть лишь производит математическую операцию. В свою очередь, их совместное рассмотрение и математическая операция по вычитанию необходимы:

1) во-первых, в целях процессуальной экономии. Очень часто такие требования тесно связаны друг с другом, из-за чего их совместное рассмотрение оказывается гораздо быстрее, чем разрешение каждого требования в виде самостоятельных исков;

2) во-вторых, ради одновременности вынесения решений, чтобы не пришлось взыскивать сумму сначала в пользу той стороны, по требованию которой решение вступило в силу раньше, а за тем ту же сумму (разницу между большим по сумме требованием и меньшим) в пользу той стороны, по требованию которой решение было вынесено позже;

3) в-третьих, «такое рассмотрение служит гарантией защиты прав как истца, так и ответчика, гарантией правильности разрешения их спора, исключает возможность вынесения противоречивых решений по конкретному спору»[7].

В целом аналогичный результат может быть достигнут в рамках исполнительного производства, в отношении совершенно не связанных между собой исполнительных документов. В частности, в силу ст. 88.1 Федерального закона «Об исполнительном производстве»[8], по заявлению взыскателя или должника либо по собственной инициативе судебный пристав-исполнитель производит зачет встречных однородных требований, подтвержденных исполнительными документами о взыскании денежных средств, на основании которых возбуждены исполнительные производства. Как указывает Верховный Суд РФ, такому зачету подлежат ис-

[2] См., например: *Абушенко Д. Б.* Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе : дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2014. С. 126 ; *Фалькович М. С.* Особенности предъявления встречного иска // Судебно-арбитражная практика Московского региона. Вопросы правоприменения. 2002. № 1. С. 17–21.

[3] См.: Гражданский процесс : учебник / под ред. М. К. Треушникова. 7-е изд., перераб. М. : Городец, 2021. С. 366.

[4] См.: Гражданское процессуальное право : учебник: [в 2 т.] / под ред. П. В. Крашенинникова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2022. С. 266 ; Гражданский процесс : учебник / под ред. М. К. Треушникова. С. 368 ; Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2014. С. 387.

[5] См.: Гражданский процесс : учебник / под ред. М. К. Треушникова. С. 366

[6] Своим названием и тем, что в целом влечет те же последствия, что и реализация стороной своего *материального права* на взаимное прекращение обязательств.

[7] Гражданский процесс : учебник / под ред. М. К. Треушникова. С. 366–367.

[8] См.: Об исполнительном производстве : федер. закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.

ключительно требования, подтвержденные судебным решением[9].

Возражение

Если обратиться к воззрениям доктрины на сущность судебного возражения, то последнее традиционно определяется как часть объяснений стороны[10]. То есть представляет собой обращение стороны к суду с целью сообщения об обстоятельствах и в отличие от встречного иска не может содержать в себе материально-правовое требование[11].

Цель возражения варьируется в зависимости от его вида. Процессуально-правовые возражения имеют своей целью окончание процесса без вынесения судебного решения по существу спора. В свою очередь, материально-правовые возражения «преследуют цель отказа в удовлетворении исковых требований истца по существу»[12].

Заявляя судебное возражение, ответчик лишь сообщает суду информацию об обстоятельствах, являющихся поводом либо к отказу в иске по существу, либо к прекращению процесса. Например, он может указывать на соответствующие изменения в спорном материальном правоотношении или на его прекращение (материально-правовые возражения). Принятие судом во внимание этих фактов может повлечь отказ в удовлетворении иска полностью или в части.

Учитывая сказанное выше, возражение о зачете, являясь разновидностью материально-правовых возражений, может преследовать лишь цель сообщения суду о соответствующих изменениях в фактах материального права. В частности, о прекращении правоотношений, например зачетом, полностью или в части: «Уважаемый суд, заявленные истцом требования уже были прекращены в порядке ст. 410 ГК РФ, а поэтому в прекращенной части в удовлетворении исковых требований должно быть отказано». Указанное также позволяет сделать вывод о том, что с помощью возражения возможно заявить о прекращении взаимных обязательств не только зачетом, но и любым другим материально-правовым способом. Например, в рамках отечественного правопорядка к настоящему времени сложились такие материально-правовые способы прекращения взаимных обязательств, как соглашение о зачете и сальдирование. Данные правовые конструкции имеют схожую с зачетом цель в виде упрощения отношений за счет несовершения действий по передаче материальных ценностей в счет исполнения обязательств, но отличаются от него условиями реализации. На наш взгляд, в указанных выше случаях целесообразно вместо термина «возражение о зачете» использовать термины «возражение о сальдировании» и «возражение о заключенном между сторонами соглашении о зачете» соответственно, а в качестве родового понятия – термин «возражение о прекращении взаимных обязательств».

При этом прекращение взаимных обязательств может происходить как до, так и после предъявления иска. Ведь само по себе преобразование материальных правоотношений непосредственно в период судебного разбирательства не является чем-то аномальным. Указанная возможность активно продвигалась дореволюционными юристами[13] и всецело разделяется в современной литературе[14]. Более того, в современных работах обосновывается, что преобразование спорной правовой связи может быть

[9] См.: О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6.

[10] См.: Гражданский процесс : хрестоматия : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. М. К. Треушникова. М. : Городец, 2005. С. 501.

[11] См.: *Сахнова Т. В.* Указ. соч. С. 381.

[12] Гражданский процесс : учебник / под ред. М. К. Треушникова. С. 365.

[13] См.: *Васьковский Е. В.* Курс гражданского процесса : субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М. : Статут, 2016. С. 346 ; *Малышев К. И.* Курс гражданского судопроизводства. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1876. Т. 1. С. 20 ; *Яблочков Т. М.* Судебное решение и спорное право (по поводу кассационных решений 1915 г. № 33 и 38) // Вестник гражданского права. 1916. № 7. С. 53.

[14] См.: Исполнение и прекращение обязательства : комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2022. 1494 с. (авторы комментария к ст. 308.3 ГК РФ – А. Г. Карапетов и А. А. Громов) ; Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. 1469 с. (авторы п. 2.4 ст. 9 про прощение долга – А. Г. Карапетов и А. А. Павлов) ; *Платонова Н. В.* Материально-правовое значение процессуального поведения лица, участвующего в деле : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2025. С. 109 ; *Ярков В. В.* Юридические факты в цивилистическом процессе. М., 2012. С. 53.

инициировано не только посредством совершения материально-правовой сделки вне процесса, но и непосредственно через процессуальные действия, которые в этом случае с точки зрения материального права будут носить характер сделки[15]. Учитывая это, реализация материально-правового способа прекращения взаимных обязательств в процессе может быть совершена: 1) как с помощью только процессуального действия – путем заявления, например возражения о зачете, из которого явствует воля стороны на зачет, при том что никаких заявлений в адрес непосредственно противоположной стороны не направлялось; 2) так и посредством направления заявления о зачете в адрес другой стороны (материально-правовая сделка), а затем процессуального действия – путем заявления возражения о зачете с целью довести соответствующую информацию до суда[16].

В актуальной судебной практике также обнаруживаются примеры развития спорной правовой связи в период судебного разбирательства. В частности, широкое распространение получило добровольное исполнение, производимое ответчиком после даты подачи искового заявления[17].

Как видим, возможность развития спорного материального правоотношения как до, так и во время судебного разбирательства не чужда российскому праву в целом и поддерживается современной доктриной и судебной практикой в частности. Это позволяет сделать вывод о том, что реализация стороной права на прекращение взаимных обязательств материально-правовым способом, производимая после предъявления иска, также является возможной.

Таким образом, заявляя возражение о прекращении взаимных обязательств (например, о зачете), ответчик просит суд: во-первых, установить факт существования обязательства, в котором он (ответчик) является кредитором, а истец должником[18]; во-вторых, принять во внимание факт прекращения взаимного обязательства, по которому истец предъявил требование в суд, и обязательства, в котором уже истец является должником, а ответчик кредитором, и на этом основании отказать в удовлетворении иска по существу полностью либо в прекращенной части.

Однако для достижения цели судебного возражения (в данном случае материально-правового) необходимо убедить суд в существовании приводимых юридических фактов, поскольку: во-первых, такие факты будут положены в основу решения; во-вторых, они будут иметь преюдициальное значение; в-третьих, потому что в условиях состязательного процесса сторона доказывает те обстоятельства, на которые сама ссылается. В связи с этим возникает вполне логичный вопрос о том, на основании чего суд может установить факты, на которые ответчик ссылается в возражении.

Здесь стоит отметить, что специфика гражданских дел, в которых заявляется о прекращении взаимных обязательств или предъявляется встречный иск, направленный к зачету первоначального требования, заключается в более объемном по сравнению с другими делами предмете доказывания. Ведь помимо выяснения фактических обстоятельств, связанных с заявленным истцом требованием, в него также приходится включать обстоятельства, касающиеся взаимного обязательства. В частности, в справочнике по доказыванию в арбитражном процессе под редакцией И. В. Решетниковой указывается, что в случае заявления стороной о зачете, вне зависимости от выбранной процессуальной формы (возражение или встречный иск) выяснению подлежат все те обстоятельства, которые связаны с исполнением встречного обязательства ис-

[15] См.: *Платонова Н. В.* Указ. соч. С. 109.

[16] Актуальная судебная практика применительно к зачету в порядке ст. 410 ГК РФ также допускает совершение последнего через процессуальное действие (возражение о зачете), без дополнительного направления заявления о зачете в адрес противоположной стороны. См.: О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6.

[17] См.: Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 24 марта 2023 г. № 88-8676/2023 по делу № 2-9-517/2022 ; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 декабря 2022 г. № Ф05-32672/2022 по делу № А40-137465/2022 ; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2021 г. № 310-ЭС21-5030 по делу № А14-6079/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[18] Стоит отметить, что установления аналогичного факта добивается и ответчик, предъявляя встречный иск. Однако ответчик, заявивший встречный иск, требует в связи с этим присуждения по своему требованию, в то время как ответчик, заявляющий возражение, просит суд применить последствия прекращения обязательств и в связи с этим отказать в иске.

тцом[19]. В целом аналогичным образом выглядит позиция Верховного Суда РФ, по мнению которого, «сторона по своему усмотрению вправе заявить о зачете как во встречном иске... так и в возражении на иск, *юридические и фактические основания которых исследуются судом равным образом (*курсив мой. – *А. И.*)»[20].

Таким образом, рассмотрение таких дел требует несколько больших по сравнению с аналогичными делами затрат ресурсов со стороны суда. Поэтому на случай предъявления встречного иска законодателем были предусмотрены механизмы, компенсирующие это. Во-первых, предъявление встречного иска требует уплаты государственной пошлины за обращение в суд. Во-вторых, в случае принятия встречного иска к производству рассмотрение дела начинается с самого начала. Кроме того, в рамках гражданского судопроизводства, как указывает Верховный Суд РФ, «следует обсудить вопрос об отложении судебного разбирательства и предоставлении лицам, участвующим в деле, времени для соответствующей подготовки»[21].

Поскольку в рамках возражения никакое материально-правовое требование не заявляется, постольку описанные выше механизмы компенсации не подлежат применению. Следовательно, суд в рамках разрешения возражения не обладает возможностью столь же детально, как и в рамках разрешения самостоятельного требования, выяснять реальность фактов, на которые ссылается ответчик по первоначальному иску. Поэтому у суда не должно возникать сомнений в реальности прекращения взаимных обязательств, что возможно лишь в отсутствие спорности наличия обязательства, на которое указывает ответчик. Иное бы привело к значительному увеличению объема работы суда и, следовательно, сроков рассмотрения дела.

В частности, для выявления указанной спорности можно отталкиваться от критерия, используемого Верховным Судом РФ по отношению к приказному производству. В частности, в силу п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 «требования, рассматриваемые в порядке приказного производства, должны быть бесспорными»[22]. В литературе справедливо отмечается, что характеристика бесспорности применительно к приказному производству вовсе не означает отсутствия между сторонами спора как такового[23]. Вместо этого используется более формальный подход. К примеру, О. Н. Шеменева указывает, что «в делах приказного производства задолженность одного лица перед другим очевидна, и должник с очень высокой степенью вероятности не имеет реальных перспектив защиты ввиду обоснования взыскателем своих требований *доказательствами высокой степени достоверности* (курсив мой. – *А. И.*)»[24]. По мнению Д. А. Туманова, отсутствие спора о праве применительно к приказному производству означает отсутствие отрицания со стороны должника[25]. Н. А. Бортникова отмечает, что бесспорное требование «не должно оспариваться должником ввиду того, что оно настолько основательно подтверждено доказательствами, что у суда просто не может быть никаких сомнений в обоснованности требований взыскателя»[26]. Сам Верховный Суд РФ формулирует критерии бесспорности предъявленного требования следующим образом: а) подтвержденность письменными доказательствами, до-

[19] См.: Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / О. В. Абознова, Н. Г. Беляева, Т. Л. Вербенко [и др.] ; под ред. И. В. Решетниковой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2022. 480 с. (автор главы 11 – И. А. Краснобаева, автор главы 12.2 – Ю. С. Колясникова).

[20] О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6.

[21] О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2008 г. № 13 // Российская газета. 2008. 2 июля. № 140.

[22] О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2016 г. № 62 // Российская газета. 2017. 13 янв. № 6.

[23] См., например: *Жукова Ю. А.* Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе : монография. М. : Зерцало-М, 2022. 164 с. ; *Шеменева О. Н.* Критерии отнесения дел к приказному производству : отсутствие спора, очевидность задолженности или согласованное волеизъявление его сторон // Мировой судья. 2016. № 6. С. 29–33.

[24] *Шеменева О. Н.* Указ. соч.

[25] См.: *Туманов Д. А.* Приказное производство в настоящее время : процесс или фикция процесса? // Журнал российского права. 2008. № 7 (139). С. 66–76.

[26] *Бортникова Н. А.* Взыскание неосновательного обогащения по судебному приказу. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

стоверность которых не вызывает сомнений; б) признание должником.

Основываясь на понимании бесспорности требования, используемом в рамках приказного производства, можно предложить следующее ее понимание как критерия допустимости возражения о прекращении взаимных обязательств. Обязательство, в котором истец является должником, а ответчик кредитором, считается бесспорным, если оно: 1) подтверждается доказательствами высокой степени достоверности (письменными доказательствами), в том числе заключенным между сторонами во внесудебном порядке и не оформленным в качестве мирового соглашением о прекращении взаимных обязательств; 2) и (или) признается истцом.

Еще одним критерием материально-правовой допустимости возражения о взаимном прекращении обязательств является возможность прекращения обязательств тем способом, на который ссылается ответчик. Как мы уже отметили ранее, в рамках зачета, производимого при одновременном удовлетворении встречного и первоначального исков, а также в рамках зачета, производимого в исполнительном производстве, существо обязательств не имеет особого значения. Определяющим критерием для их одновременного прекращения выступает выраженность в денежных средствах. Поэтому прекращаемые обязательства могут быть вообще никак друг другом не связаны.

В то время как в возражении о прекращении взаимных обязательств указывается на реализацию конкретного материально-правового способа прекращения обязательств, имеющего свои условия допустимости, при несоблюдении которых (даже при бесспорности факта существования обязательства, на которое ссылается ответчик), суд не сможет применить последствия прекращения обязательств.

Таким образом, допустимость возражения о прекращении взаимных обязательств основывается на двух критериях, которые должны присутствовать в совокупности:

1) материально-правовой критерий, заключающийся в возможности взаимного прекращения обязательств тем способом, на который указывает ответчик;

2) процессуально-правовой критерий, заключающийся в бесспорности взаимного обязательства, по которому истец должен ответчику.

Таким образом, сущность встречного иска, направленного к зачету первоначального иска, заключается в получении присуждения по предъявленному требованию, о результатах рассмотрения которого обязательно отдельно указывается в судебном решении. Совместное рассмотрение встречного и первоначального исков не умаляет их самостоятельности и необходимо исключительно с позиции процессуальной экономии, целесообразности, а также защиты прав и интересов сторон. Поэтому зачет, производимый судом при одновременном удовлетворении встречного и первоначального исков, целесообразно квалифицировать как производимую судом, сугубо математическую операцию, не имеющую ничего общего с материально-правовым зачетом. На основании этого целесообразна замена термина «зачет», используемого законодателем в процессуальных кодексах по отношению ко встречному иску, на термин «прекращение взаимных обязательств».

Судебное возражение о зачете в отличие от встречного иска не предполагает наличия обращенного к суду материально-правового требования о присуждении с истца в пользу ответчика. Вместо этого ответчик обращается к суду с просьбами: 1) установить факт наличия обязательства, по которому истец ему сам должен; 2) применить последствия прекращения взаимных обязательств и на этом основании отказать в удовлетворении иска в прекращенной части.

Указанное позволяет прийти к выводу об отсутствии тождества между встречным иском, направленным к зачету первоначального требования (а также зачетом, производимым при их одновременном удовлетворении), и возражением о взаимном прекращении обязательств (в том числе возражением о зачете).

При этом возражение и встречный иск являются универсальными процессуальными средствами. Универсальность встречного иска заключается в возможности прекращения любых возможных взаимных обязательств, вне зависимости от их существа. В свою очередь, универсальность возражения выражается в том, что оно может быть использовано для реализации любого, а не только зачета, материально-правового способа прекращения взаимных обязательств. На основании этого возражение о зачете целесообразно рассматривать в качестве одного из возможных видов материально-правовых возражений о прекращении взаимных обязательств.

Кроме того, в отличие от встречного иска, который позволяет прекращать практически любые взаимные обязательства, использование для этой цели возражения имеет два критерия допустимости:

1) материально-правовой критерий, заключающийся в возможности прекращения обязательств тем способом, на который ссылается ответчик. Ведь каждый способ прекращения взаимных обязательств имеет свои специфические условия реализации. При этом факт прекращения обязательств может происходить как до, так и после предъявления иска;

2) процессуально-правовой критерий, что взаимное обязательство истца подтверждается доказательствами высокой степени достоверности (письменными доказательствами), в том числе заключенным между сторонами во внесудебном порядке и не оформленным в качестве мирового соглашением о прекращении взаимных обязательств, и (или) признается истцом.

Библиографический список

Абушенко Д. Б. Проблемы взаимовлияния судебных актов и юридических фактов материального права в цивилистическом процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2014. 415 с.

Бортникова Н. А. Взыскание неосновательного обогащения по судебному приказу. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса : субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М. : Статут, 2016. 624 с.

Гражданский процесс : хрестоматия : учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. М. К. Треушникова. М. : Городец, 2005. 896 с.

Гражданский процесс : учебник / под ред. М. К. Треушникова. 7-е изд., перераб. М. : Городец, 2021. 992 с.

Гражданское процессуальное право : учебник: [в 2 т.] / под ред. П. В. Крашенинникова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2022. 550 с.

Жукова Ю. А. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе : монография. М. : Зерцало-М, 2022. 164 с.

Исполнение и прекращение обязательства : комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2022. 1494 с.

Малышев К. И. Курс гражданского судопроизводства. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1876. Т. 1. 449 с.

Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020. 1469 с.

Платонова Н. В. Материально-правовое значение процессуального поведения лица, участвующего в деле : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2025. 216 с.

Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2014. 784 с.

Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / О. В. Абознова, Н. Г. Беляева, Т. Л. Вербенко [и др.] ; под ред. И. В. Решетниковой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : ИНФРА-М, 2022. 480 с.

Туманов Д. А. Приказное производство в настоящее время : процесс или фикция процесса? // Журнал российского права. 2008. № 7 (139). С. 66–76.

Фалькович М. С. Особенности предъявления встречного иска // Судебно-арбитражная практика Московского региона. Вопросы правоприменения. 2002. № 1. С. 17–21.

Шеменева О. Н. Критерии отнесения дел к приказному производству : отсутствие спора, очевидность задолженности или согласованное волеизъявление его сторон // Мировой судья. 2016. № 6. С. 29–33.

Яблочков Т. М. Судебное решение и спорное право (по поводу кассационных решений 1915 г. № 33 и 38) // Вестник гражданского права. 1916. № 7. С. 26–62.

Ярков В. В. Юридические факты в цивилистическом процессе. М., 2012. 290 с.

References

Abushenko D. B. Problems of mutual influence of judicial acts and legal facts of substantive law in the civil process : dr. legal sci. dis. Yekaterinburg, 2014. 415 p.

Bortnikova N. A. Recovery of unjustified enrichment by court order. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

Vaskovsky E. V. The course of civil procedure : subjects and objects of the process, procedural relations and actions. Moscow : Statute, 2016. 624 p.

Civil procedure : textbook : textbook. stipend. 2nd ed., revised and additional / ed. by M. K. Treushnikov. Moscow : Gorodets, 2005. 896 p.

Civil procedure : textbook / ed. by M. K. Treushnikov. 7th ed., revised by Moscow : Gorodets, 2021. 992 p.

Civil procedural law: textbook: [in 2 volumes] / ed. by P. V. Krasheninnikov. 2nd ed., revised and additional. Moscow : Statute, 2022. 550 p.

Zhukova Yu. A. Simplified proceedings in civil and arbitration proceedings : a monograph. Moscow : Zertsalo-M, 2022. 164 p.

Fulfillment and termination of obligations : commentary to Articles 307–328 and 407–419 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Revision 2.0] / ed. by A. G. Karapetov. Moscow : M-Logos, 2022. 1494 p.

Malyshev K. I. The course of civil proceedings. St. Petersburg : M. M. Stasyulevich Printing House, 1876. Vol. 1. 449 p.

The main provisions of civil law : an article-by-article commentary to Articles 1-16.1 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Revision 1.0] / A. V. Asoskov, V. V. Baibak, R. S. Bevzenko [et al.] ; ed. by A. G. Karapetov. Moscow : M-Logos, 2020. 1469 p.

Platonova N. V. The substantive and legal significance of the procedural behavior of a person participating in the case : cand. legal sci. dis. Saint-Petersburg, 2025. 216 p.

Sakhnova T. V. The course of civil procedure. 2nd ed., revised and add. Moscow : Statute, 2014. 784 p.

Handbook of evidence in the arbitration process / O. V. Aboznova, N. G. Belyaeva, T. L. Verbenko [et al.] ; ed. by I. V. Reshetnikova. 2nd ed., revised and additional. Moscow : Norm : INFRA-M, 2022. 480 p.

Tumanov D. A. Ordered production at the present time : a process or a fiction of the process? // Journal of Russian Law. 2008. No. 7 (139). P. 66–76.

Falkovich M. S. The specifics of filing a counterclaim // Judicial arbitration practice of the Moscow region. Law enforcement issues. 2002. No. 1. P. 17–21.

Shemeneva O. N. Criteria for assigning cases to writ proceedings : absence of dispute, evidence of debt or the agreed will of the parties // Justice of the Peace. 2016. No. 6. P. 29–33.

Yablochkov T. M. Judicial decision and disputed law (concerning the cassation decisions of 1915 № 33 and 38) // Bulletin of Civil Law. 1916. No. 7. P. 26–62.

Yarkov V. V. Legal facts in the civil process. Moscow, 2012. 290 p.

Воронежский государственный университет
Игнатьев А. А., аспирант кафедры гражданского права и процесса
E-mail: alexandrwolkrus@gmail.com

Поступила в редакцию: 04.07.2025

Для цитирования:
Игнатьев А. А. Критерии разграничения возражения о зачете и встречного иска, направленного к зачету первоначального требования // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 72–79. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/72-79

Voronezh State University
Ignatyev A. A., Post-graduate Student of the Department of Civil Law and Civil Process
E-mail: alexandrwolkrus@gmail.com

Received: 04.07.2025

For citation:
Ignatyev A. A. Distinguishing criteria between a set-off objection and an set-off counterclaim // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 3 (62). P. 72–79. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/72-79

УДК 34
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/80-86

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРАВОВЫХ ОСНОВ СТАТУСА НОТАРИУСА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О. А. Куницина
Воронежский государственный университет

GENERAL CHARACTERISTICS OF THE LEGAL BASIS FOR THE STATUS OF A NOTARIUS IN THE RUSSIAN FEDERATION

O. A. Kunitsina
Voronezh State University

Аннотация: дается общая характеристика правовых основ статуса нотариуса в Российской Федерации. Отмечается несовершенство действующих Основ законодательства о нотариате и иных нормативных правовых актов, регламентирующих отдельные элементы статуса нотариуса. Формулируются и обосновываются предложения по совершенствованию законодательства в исследуемой области.
Ключевые слова: нотариус, правовой статус нотариуса, элементы правового статуса нотариуса, нотариат.

Abstract: the article provides a general description of the legal basis for the status of a notary in the Russian Federation. It highlights the shortcomings of the current Fundamentals of Notary Law and other legal acts that regulate certain elements of the notary's status. The article formulates and justifies proposals for improving the legislation in this area.
Key words: notary, legal status of a notary, elements of the legal status of a notary, notary system.

Важную роль в предупреждении споров и конфликтных ситуаций играет отечественный нотариат. Назначение нотариата в Российской Федерации сводится к защите прав и законных интересов участников гражданского оборота посредством совершения нотариусами нотариальных действий.

Совершаемые нотариусами нотариальные действия гарантируют подлинность и публичное признание нотариальных актов, поскольку они выполняются от имени государства – Российской Федерации.

Нотариальные действия в Российской Федерации согласно ч. 1 ст. 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате[1] (далее – Основы законодательства о нотариате) вправе совершать, с одной стороны, нотариусы, которые имеют возможность работать в государственных нотариальных конторах, с другой – нотариусы, которые занимаются частной нотариальной практикой. Определенные нотариальные действия вправе совершать также должностные лица органов местного самоуправления и консульских учреждений, исправительных и лечебных учреждений.

Круг нормативных правовых актов, регулирующий нотариальную деятельность указанных выше субъектов, достаточно широк.

Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ)[2] является фундаментальным источником права в сфере нотариата. В ст. 48 Основного закона государства закреплено одно

[1] См.: Основы законодательства Российской Федерации о нотариате : утв. постановлением Верховного Совета Рос. Федерации от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (с изм. и доп. от 08.08.2024 г. № 287-ФЗ) // Российская газета. 1993. 13 марта ; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4983.

© Куницина О. А., 2025

[2] См.: Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. 1993. 25 дек. (№ 237) ; Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.

из основных прав человека и гражданина – право на получение квалифицированной юридической помощи. Реализация данного конституционного предписания представляет собой одно из основных направлений деятельности нотариата. Согласно п. «л» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ вопросы нотариата находятся в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов.

Основы законодательства о нотариате – центральный нормативный правовой акт, который определяет организационные основы деятельности нотариата, виды нотариальных действий и правила их совершения. Основы законодательства о нотариате раскрывают в общих положениях важные для понимания статуса нотариуса структурообразующие элементы: а) перечень профессиональных требований, предъявляемых к лицу, претендующему на должность нотариуса; б) необходимые для осуществления нотариальной деятельности гарантии; в) процедуру назначения и увольнения с должности нотариуса; г) порядок наделения полномочиями и их приостановления; д) полномочия нотариуса; е) запреты и ограничения, обусловленные особым статусом нотариуса; ё) ответственность; ж) финансовое обеспечение их деятельности и прочие не менее значимые компоненты. К сожалению, Основы законодательства о нотариате до сих пор не предусматривают положений, содержание которых бы раскрывало должный порядок и основания привлечения нотариуса к дисциплинарной ответственности в случае совершения ими дисциплинарного проступка. В свою очередь, они предусмотрены Кодексом профессиональной этики нотариуса[3], принятым 16 ноября 2015 г. решением Собрания представителей нотариальных палат субъектов Российской Федерации.

Следующими по значимости нормативными правовыми актами, определяющими статусные элементы нотариуса, после Конституции РФ и Основ законодательства о нотариате можно указать:

– ч. 2 Налогового кодекса Российской Федерации от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ[4], предусматривающую размер государственной пошлины за совершение нотариальных действий нотариусом государственной нотариальной конторы и (или) уполномоченными на их совершение законом должностным лицом органов исполнительной власти, а также органов местного самоуправления (ст. 333.24). В соответствии со ст. 22 Основ законодательства о нотариате нотариус, занимающийся частной практикой, за совершаемые им нотариальные действия взимает единый нотариальный тариф (федеральный и региональный). Также определяются особенности уплаты государственной пошлины (ст. 333.25) и льготы (ст. 333.38) при обращении за совершением нотариальных действий;

– ч. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ[5], которая содержит положения о нотариальной палате как самостоятельной организационно-правовой форме юридического лица (ст. 123.16-3), процедуру нотариального удостоверения сделки (ст. 163) и нотариального удостоверения доверенности (ст. 185.1);

– ч. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ[6], предусматривающую порядок нотариального удостоверения завещания (ст. 1125), возможность совершения закрытого завещания (ст. 1126), охрану наследственного имущества и управление им (ст. 1171), меры по охране наследства (ст. 1172), а также доверительное управление наследственным имуществом (ст. 1173);

– ст. 351.4 Трудового кодекса Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ[7], согласно которой, помимо оснований, предусмотренных ст. 77, 81, 83 Трудового кодекса РФ, дополнительные основания прекращения трудовых отношений с помощником, а также работником нотариуса могут быть установлены зако-

[3] См.: Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации : утв. Минюстом России 12 авг. 2019 г., 19 янв. 2016 г. (с изм. и доп. от 23.04.2019 г.). В данном виде документ опубликован не был. Первоначальный текст документа также опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Н См.: Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федер. закон от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340 ; 2024. № 18. Ст. 2405.

[5] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп. от 08.08.2024 г. № 237-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301 ; 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4933.

[6] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) : федер. закон от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (с изм. и доп. от 08.08.2024 г. № 237-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552 ; 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4933.

[7] См.: Трудовой кодекс Российской Федерации : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (с изм. и доп. от 07.04.2025 г. № 64-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 3 ; 2025. № 15. Ст. 1790.

нодательством о нотариате. Например, в силу ст. 19.1 Основ законодательства о нотариате трудовой договор с помощником нотариуса должен быть прекращен по решению суда о лишении его права нотариальной деятельности;

– *ст. 310 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ*[8], предусматривающую условия и порядок обжалования только в судебном порядке правомерности совершенного нотариального действия или решения об отказе в его совершении. Основы законодательства о нотариате (ст. 48) не запрещают нотариусу отказаться от совершения нотариального действия, если оно противоречит закону. Но в таком случае нотариус должен объяснить причины отказа лицу, которое обратилось к нему за совершением нотариального действия. Правда, на практике встречаются всё же случаи необоснованных отказов в совершении нотариального действия. Примером может послужить следующий случай необоснованного навязывания дополнительных услуг технического и правового характера нотариусом лицу, обратившемуся к нему за совершением нотариального действия. Так, гражданин Вербицкий обратился к нотариусу Кутищевой за совершением нотариального действия – нотариальное удостоверение подлинности подписи бланке установленного образца. Нотариус разъяснила необходимость оплаты услуг правового и технического характера в связи совершением нотариального действия по удостоверению подписи. Вербицкий отказался платить за дополнительные услуги, поэтому нотариальное действие совершено не было. Вышестоящие судебные инстанции расценили отказ в совершении нотариального действия как незаконный и необоснованный[9];

– *ст. 202 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ*[10], которой предусмотрена уголовная ответственность частнопрактикующего нотариуса за злоупотребление своими полномочиями. Формами злоупотребления полномочиями указанного нотариуса могут быть случаи совершения, не предусмотренного законом нотариального действия, или совершения нотариального действия при отсутствии на то законных оснований. Совершенно правы А. В. Бриллиантов и С. В. Скляров, отметив, что нотариусы, работающие в государственных нотариальных конторах при злоупотреблении своими должностными полномочиями должны подлежать уголовной ответственности по другой статьей уголовного закона – ст. 285 УК РФ[11]. Частнопрактикующий нотариус по своему положению занимает как бы промежуточное звено между должностным лицом и лицом, выполняющим управленческую функцию в организации. А потому с позиции статуса частного нотариуса его необходимо отнести к лицам, которые выполняют управленческие функции в иной организации[12];

– *ч. 2 ст. 15.6 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 191-ФЗ*[13], согласно которой нотариус может быть привлечен к административной ответственности за совершение административного правонарушения, выразившегося в непредставлении в установленные законодательством Российской Федерации о налогах и сборах сроки представления (сообщения) сведений в налоговые органы, связанных с учетом организаций и физических лиц, либо представление таких сведений в неполном объеме или в искаженном виде или за непредставление в налоговые органы сведений о выданных свидетельствах о праве на наследство или удостоверенных договорах дарения устанавливается. В соответствии с п. 6 ст. 85 НК РФ частнопрактикующие нотариусы обязаны сообщать о выдаче свидетельств о праве на наследство и о нотариальном удостоверении договоров дарения в налоговые органы соответственно по месту своего нахождения, месту жительства не

[8] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (с изм. и доп. от 01.04.2025 г. № 54-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532 ; 2025. № 14. Ст. 1587.

[9] См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 1 сентября 2020 г. № 4-КГ20-29-К1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[10] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 24.06.2025 г. № 176-ФЗ) // Собр. законодательства. Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954 ; 2025. № 26 (ч. I). Ст. 3506.

[11] См.: *Бриллиантов А. В., Скляров С. В.* Об ответственности за злоупотребление полномочиями частными нотариусами // Нотариальный вестник. 2024. № 8. С. 14.

[12] См.: *Есаков Г. А.* К концепции единых служебных преступлений // Закон. 2022. № 4. С. 25–33.

[13] См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (с изм. и доп. от 05.07.2025 г. № 161-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1 ; 2025. № 26 (ч. I). Ст. 3491.

позднее пяти дней со дня соответствующего нотариального удостоверения. При этом информация об удостоверении договоров дарения должна содержать сведения о степени родства между дарителем и одаряемым. В качестве примера можно привести случай из практики, где нотариусом были нарушены предусмотренные законодательством Российской Федерации о налогах и сборах сроки представления сообщения в налоговый орган, связанного с учетом физического лица[14]. Возможность привлечения нотариуса к административной ответственности должно найти отражение в Основах законодательства о нотариате;

– *ст. 395 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-Ф[15] (далее – КТМ РФ)*, согласно которой в российском порту заявление о морском протесте делается нотариусу. Процедура совершения морских протестов предусмотрена ст. 99–101 гл. XIX Основ законодательства о нотариате, предписания которой во многом соответствуют КТМ РФ. Однако до сих пор не утверждены формы актов о морском протесте, что усложняет деятельность нотариуса по его удостоверению;

– *ст. 59 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»*, согласно которой законом установлен особый порядок регистрации права собственности на основании нотариально удостоверенного документа. Нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью позволяет в большей степени защитить права и законные интересы субъектов гражданско-правовых отношений от возможных недобросовестных действий;

– *ст. 18.1 Федерального закона от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации»[16]*, определяющую порядок и сроки хранения нотариальных документов;

– *ст. 8 Федерального закона от 28 ноября 2011 г. № 335-ФЗ «Об инвестиционном товариществе»[17]*, предусматривающую нотариальное удостоверение договора инвестиционного товарищества, включающего в себя политику ведения общих дел (инвестиционную декларацию). Изменения, которые могут вноситься в указанный договор, возможные дополнительные соглашения и приложения к нему, соглашения о полной или частичной передаче товарищами своих прав и обязанностей по договору инвестиционного товарищества, предварительные договоры об этом также подлежат обязательному нотариальному удостоверению нотариусом, который удостоверил договор инвестиционного товарищества;

– *ст. 26 Федерального закона от 5 июля 2010 г. № 154-ФЗ «Консульский устав Российской Федерации»[18]*, посвященную правовому регулированию вопросов, возникающих в связи с выполнением консульскими должностными лицами функций по совершению определенных законом нотариальных действий;

– *ст. 19 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»,* согласно которой нотариусы в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи: консультируют граждан, обратившихся за совершением нотариальных действий, по вопросам совершения таких действий в порядке, установленном законодательством РФ о нотариате; удостоверяют доверенности на представление интересов граждан в судах, государственных и муниципальных органах, организациях государственными юридическими бюро и адвокатами, которые являются участниками государственной системы бесплатной юридической помощи; удостоверяют доверенности на представление интересов граждан, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи, в случаях, предусмотренных законом; организацию участия нотариусов в деятельности государственной системы бесплатной юридической помощи в субъекте РФ осуществляет нотариальная палата субъекта РФ.

---

[14] См., например: Постановление по делу об административном правонарушении от 28 июня 2017 г. по делу № 05-0195/129/2017 // СудАкт.ру

[15] См.: Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации : федер. закон от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ (с изм. и доп. от 22.06.2024 г. № 294-ФЗ) // Собр. законодательства. Рос. Федерации. 1999. № 18. Ст. 2207 ; 2023. № 29. Ст. 5312.

[16] См.: Об архивном деле в Российской Федерации : федер. закон от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ (с изм. и доп. от 13.12.2024 г. № 469-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 43. Ст. 4169 ; 2024. № 51. Ст. 7863.

[17] См.: Об инвестиционном товариществе : федер. закон от 28 ноября 2011 г. № 335-ФЗ (с изм. и доп. от 02.07.2021 г. № 325-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7013 ; 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5153.

[18] См.: Консульский устав Российской Федерации : федер. закон от 5 июля 2010 г. № 154-ФЗ (с изм. и доп. от 22.06.2024 г. № 146-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 28. Ст. 3554 ; 2024. № 26. Ст. 3548.

Отдельные отношения в сфере нотариата могут регламентироваться законодательством субъектов Российской Федерации. Согласно п. «л» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ нотариат находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Органами государственной власти субъектов Российской Федерации могут приниматься нормы, которые не противоречат Основам законодательства о нотариате. Например, Закон Воронежской области от 18 декабря 2015 г. № 219-ОЗ «О регулировании отдельных отношений в сфере нотариата в Воронежской области и о признании утратившими силу отдельных законодательных актов Воронежской области в сфере нотариата»[19] регулирует некоторые вопросы в области нотариата. Однако превалирует всё же правовое регулирование вопросов нотариата на федеральном уровне. Такой подход в правовой регламентации нотариальной деятельности необходим в связи с публично-правовым статусом российского нотариата, а также обеспечением единого стандарта оказания юридической помощи гражданам и организациям.

Более подробно вопросы, связанные с организацией и деятельностью нотариусов, порядком совершения конкретных нотариальных действий регламентируются подзаконными нормативными актами – приказами Минюста России:

– «Об утверждении Правил нотариального делопроизводства» от 14 декабря 2022 г. № 394[20], согласно которому утверждены правила нотариального делопроизводства, а также установлено, что описи номенклатурных дел, оконченных производством в 2022 г., составляются до 1 марта 2023 г. нотариусами, занимающимися частной практикой;

– «Об утверждении Инструкции о порядке совершения нотариальных действий должностными лицами местного самоуправления» от 7 февраля 2020 г. № 16[21], согласно которому утверждена инструкция о порядке совершения нотариальных действий должностными лицами местного самоуправления;

– «Об утверждении форм реестров регистрации нотариальных действий, нотариальных свидетельств, удостоверительных надписей на сделках и свидетельствуемых документах и порядка их оформления» (вместе с «Формами реестров регистрации нотариальных действий, нотариальных свидетельств, удостоверительных надписей на сделках и свидетельствуемых документах», «Порядком оформления форм реестров регистрации нотариальных действий, нотариальных свидетельств, удостоверительных надписей на сделках и свидетельствуемых документах» от 30 сентября 2020 г. № 226[22], согласно которому утверждены: 1) формы реестров регистрации нотариальных действий, нотариальных свидетельств, удостоверительных надписей на сделках и свидетельствуемых документах; 2) порядок оформления форм реестров регистрации нотариальных действий, нотариальных свидетельств, удостоверительных надписей на сделках и свидетельствуемых документах;

– «Об утверждении Порядка прохождения стажировки лицами, претендующими на должность нотариуса» от 29 июня 2015 г. № 151[23], согласно которому утвержден порядок прохож-

[19] См.: О регулировании отдельных отношений в сфере нотариата в Воронежской области и о признании утратившими силу отдельных законодательных актов Воронежской области в сфере нотариата : закон Воронежской области от 18 декабря 2015 г. № 219-ОЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[20] См.: Об утверждении Правил нотариального делопроизводства вместе с «Правилами нотариального делопроизводства», утв. решением Правления ФНП от 28 ноября 2022 г. № 21/22 : приказ Минюста России от 14 декабря 2022 г. № 394 (с изм. и доп. от 24.07.2023 г. № 195) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru

[21] См.: Об утверждении Инструкции о порядке совершения нотариальных действий должностными лицами местного самоуправления : приказ Минюста России от 7 февраля 2020 г. № 16 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru

[22] Об утверждении форм реестров регистрации нотариальных действий, нотариальных свидетельств, удостоверительных надписей на сделках и свидетельствуемых документах и порядка их оформления (вместе с «Формами реестров регистрации нотариальных действий, нотариальных свидетельств, удостоверительных надписей на сделках и свидетельствуемых документах», «Порядком оформления форм реестров регистрации нотариальных действий, нотариальных свидетельств, удостоверительных надписей на сделках и свидетельствуемых документах», утв. решением Правления ФНП от 16 сентября 2020 года № 16/20) : приказ Минюста России от 30 сентября 2020 г. № 226 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru

[23] См.: Об утверждении Порядка прохождения стажировки лицами, претендующими на должность нотариуса : приказ Министерства юстиции РФ от 29 июня 2015 г. № 151 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru

дения стажировки лицами, претендующими на должность нотариуса;

– «О признании утратившим силу приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 15 марта 2000 г. № 91 "Об утверждении Методических рекомендаций по совершению отдельных видов нотариальных действий нотариусами Российской Федерации"» от 16 августа 2018 г. № 171[24];

– «Об утверждении Порядка ведения реестров единой информационной системы нотариата, внесения в них сведений, в том числе порядка исправления допущенных в таких реестрах технических ошибок» от 30 сентября 2020 г. № 225[25], согласно которому утвержден порядок ведения реестров единой информационной системы нотариата, внесения в них изменений, исправления технических ошибок;

– «Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования» от 30 августа 2017 г. № 156[26], согласно которому утвержден Регламент совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающий объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования.

Характеризуя правовую основу статуса нотариуса, стоит выделить общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации, которые являются согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ составной частью правовой системы страны. Российская Федерация, как член Международного союза нотариусов[27], признает приоритет международных норм над национальным законодательством в случае их противоречия. К их числу можно отнести:

– Всеобщую декларацию прав человека (Париж, 10 декабря 1948 г.)[28];

– Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.)[29];

– Конвенцию, отменяющую требования легализации иностранных официальных документов (Гаага, 5 октября 1961 г.)[30];

– Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минск, 22 января 1993 г.)[31].

Определенное значение при анализе правовых основ статуса нотариуса приобретают также двусторонние договоры о правовой помощи[32]. В качестве примера можно привести ст. 26 Договора между Российской Федерацией и Аргентинской Республикой о сотрудничестве и правовой помощи по гражданским, торговым, трудовым и административным делам (Москва, 20 ноября 2000 г.).

Не вызывает сомнений, что и Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации следует отнести к нормативной ос-

[24] См.: О признании утратившим силу приказа Министерства юстиции Российской Федерации от 15 марта 2000 года № 91 «Об утверждении Методических рекомендаций по совершению отдельных видов нотариальных действий нотариусами Российской Федерации» : приказ Министерства юстиции РФ от 16 августа 2018 г. № 171 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru

[25] См.: Об утверждении Порядка ведения реестров единой информационной системы нотариата, внесения в них сведений, в том числе порядка исправления допущенных в таких реестрах технических ошибок : приказ Министерства юстиции РФ от 30 сентября 2020 г. № 225 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru

[26] См.: Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающего объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования : приказ Министерства юстиции РФ от 30 августа 2017 г. № 156 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru

[27] См.: Устав Международного союза нотариата : утв. Ассамблеей нотариатов-членов 2 октября 2007 г. в г. Мадриде. URL: http://www.uinl.org

[28] См.: Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1995. 5 апр. № 67.

[29] См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод : закл. в г. Риме 4 ноября 1950 г. (с изм. от 24.06.2013 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

[30] См.: Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов : закл. в г. Гааге 5 октября 1961 г. : вступила в силу для России 31 мая 1992 г. // Бюллетень международных договоров. 1993. № 6.

[31] См.: Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам : закл. в г. Минске 22 января 1993 г. (с изм. и доп. от 28.03.1997 г.) : вступила в силу 19 мая 1994 г., для Российской Федерации 10 декабря 1994 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 17. Ст. 1472.

[32] См., например: Статья 26 Договора между Российской Федерацией и Аргентинской Республикой о сотрудничестве и правовой помощи по гражданским, торговым, трудовым и административным делам (Москва, 20 ноября 2000 г.).

нове построения статуса нотариуса, поскольку данный документ устанавливает свод профессиональных принципов и общих правил поведения нотариусов и лиц их замещающих. В частности, нотариус в своей деятельности должен руководствоваться принципами российского нотариата, а также принципами и заповедями Международного союза нотариата. Кодекс профессиональной этики нотариусов регулирует: общие требования, предъявляемые к профессиональному поведению нотариуса; поведение нотариуса во внеслужебное время; отношения нотариуса с лицами, обратившимися к нему за совершением нотариального действия; отношения нотариуса и нотариальной палаты отношения нотариуса с коллегами отношения нотариуса с Минюстом России, иными органами государственной власти и органами местного самоуправления; ограничения и обязанности, связанные с рекламой и информированием общественности; дисциплинарные проступки и меры дисциплинарной ответственности; меры поощрения нотариуса.

Анализ указанных выше источников позволил прийти к выводу о том, что существование большого количества нормативных правовых актов, определяющих статус нотариуса, усложняет реализацию содержащихся в них нормативных предписаний, которые перестали отвечать потребностям общества и интересам государства и требуют унификации. В связи с этим в обществе назрела необходимость принятия нового Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации», который унифицирует положения, касающиеся статуса нотариуса, и установит единую организационно-правовую основу нотариальной деятельности – частный нотариат с действенным и эффективным контролем со стороны государства.

Значительные шаги в этом направлении уже сделаны. Так, в целях совершенствования законодательства о нотариате Министерство юстиции Российской Федерации предлагает принять Федеральный закон «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации»[33].

Принятие указанного нормативного правового акта, по нашему мнению, позволит укрепить статус нотариуса в правовой системе страны, закрепить правовые, организационные, экономические основы отечественного нотариата, в целом исключить существующие взаимопротиворечащие положения.

Библиографический список

Бриллиантов А. В., Скляров С. В. Об ответственности за злоупотребление полномочиями частными нотариусами // Нотариальный вестник. 2024. № 8. С. 14.

Есаков Г. А. К концепции единых служебных преступлений // Закон. 2022. № 4. С. 25–33.

References

Brilliantov A. V., Sklyarov S. V. On responsibility for abuse of authority by private notaries // Notary Bulletin. 2024. No. 8. P. 14.

Yesakov G. A. Towards the concept of uniform official crimes // Law. 2022. No. 4. P. 25–33.

[33] Официальный сайт для размещения информации о подготовке нормативных правовых актов и результатах их обсуждения.

Воронежский государственный университет
Куницина О. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной власти и правоохранительной деятельности
E-mail: 89507663716@mail.ru

Поступила в редакцию: 07.07.2025

Для цитирования:
Куницина О. А. Общая характеристика правовых основ статуса нотариуса в Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 80–86. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/80-86

Voronezh State University
Kunitsina O. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Organization of Judicial Power and Law Enforcement Activity Honeycomb
E-mail: 89507663716@mail.ru

Received: 07.07.2025

For citation:
Kunitsina O. A. General characteristics of the legal basis for the status of a notarius in the Russian Federation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 3 (62). P. 80–86. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/80-86

УДК 347.9
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/87-95

НЕДОСТАТКИ ЯЗЫКА ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА (НА ПРИМЕРЕ НОРМ, РЕГУЛИРУЮЩИХ ОСОБОЕ ПРОИЗВОДСТВО)

А. С. Маренков
Саратовская государственная юридическая академия

DISADVANTAGES OF THE LANGUAGE OF THE CIVIL PROCEDURE LAW (ON THE EXAMPLE OF THE NORMS GOVERNING SPECIAL PROCEEDINGS)

A. S. Marenkov
Saratov State Law Academy

Аннотация: анализируются дефекты изложения гражданских процессуальных норм, регулирующих особое производство. Исследуются такие недостатки, как неопределенность правового статуса участвующих в деле лиц, небрежность в формулировании правовой нормы, непоследовательность в обозначении правовых институтов, оценочность некоторых категорий. Предлагаются варианты замены некорректно сформулированных норм.
Ключевые слова: язык права, гражданский процесс, особое производство, признание гражданина недееспособным, восстановление утраченного судебного производства.

Abstract: the article analyzes the defects in the presentation of civil procedural rules governing special proceeding. The author examines such disadvantages as the uncertainty of the legal status of the persons involved in the case, negligence in the formulation of legal norms, inconsistency in the designation of legal institutions, and the evaluability of certain categories. Options for replacing incorrectly formulated norms are proposed.
Key words: the language of law, civil procedure, special proceeding, recognition of a citizen as legally incompetent, restoration of lost judicial proceedings.

Язык и стиль нормативных документов выступают неотъемлемыми элементами юридической техники. К языку права традиционно предъявляются достаточно строгие требования, что вызвано необходимостью обеспечения понятности юридических текстов, их точности, определенности. Соблюдение подобных требований – критерий качества и высокой правовой культуры законодательных и иных нормативных актов[1].

Хотя неверно говорить о большей или меньшей значимости юридической техники для нормативных актов разных уровней и разных отраслей права, но правильное и четкое формулирование гражданских процессуальных норм требует от законодателя аккуратности и педантичности, поскольку, во-первых, гражданское процессуальное право составляют нормы, регламентирующие порядок осуществления правосудия по гражданским делам, т. е. реализацию конституционного права на судебную защиту, во-вторых, гражданское судопроизводство осуществляется в особой процессуальной форме, не терпящей приблизительности, неточности, избыточной вариативности.

Однако не везде гражданское процессуальное законодательство выдерживает строгую «магистральную линию» чистоты и четкости правовых конструкций, допуская двоякое толкование, небрежность и иные огрехи, чего, конеч-

[1] См.: *Лазарева О. В., Сухова Н. И.* Юридическая техника : учебник. Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2015. С. 125.

© Маренков А. С., 2025

но, невозможно избежать при создании любого нормативного правового акта. Вместе с тем законотворческая деятельность предполагает не только формулирование и принятие новых норм, но и совершенствование уже существующих. Понятия и термины, образующие правовую ткань, должны быть взаимосвязаны и выстроены в стройную и целостную систему категориально-понятийного аппарата конкретной отрасли[2]. Рассмотрим недостатки изложения гражданских процессуальных норм на примере подраздела IV Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) «Особое производство».

1. *Неопределенность правового статуса участвующих в деле лиц.* Согласно ст. 34 ГПК РФ в делах особого производства лицами, участвующими в деле, являются заявитель и другие заинтересованные лица.

Вопрос о содержании указанных понятий остается за пределами настоящей статьи, поскольку заслуживает самостоятельного исследования. Однако нельзя не отметить, что отсутствие разграничения названных субъектов может породить проблемы практического плана. Исходя из буквального толкования ст. 34 ГПК РФ «заинтересованные лица» являются родовым понятием, «заявители» – разновидностью заинтересованных лиц.

В соответствии со ст. 276 ГПК РФ заявление о признании гражданина безвестно отсутствующим или об объявлении гражданина умершим подается в суд по месту жительства или месту нахождения заинтересованного лица. Такие заявления могут подавать какие угодно лица, если они докажут свою заинтересованность в исходе дела: согласно ст. 277 ГПК РФ в заявлении должно быть указано, для какой цели лицу необходимо признать гражданина безвестно отсутствующим или объявить его умершим. Получается, что подсудность может зависеть от места жительства (нахождения) как заявителя, так и заинтересованных лиц. В судебной практике заявителем по исследуемой категории дел является довольно обширный круг субъектов: супруг пропавшего человека, его работодатель (включая государственные органы и органы местного самоуправления), иждивенцы, родители (опекуны / попечители), прокурор. В последнем случае заявление может подаваться в интересах неопределенного круга лиц[3], соответственно, возникает проблема определения территориальной подсудности.

Состав заинтересованных лиц также может различаться. В первую очередь, это сам гражданин, вопрос о правовом состоянии которого решается судом[4]. Кроме того, ими могут быть лица, находящиеся с заявителем или с другими заинтересованными лицами в правоотношениях, которые зависят от установления факта, определения правового состояния лица или иного явления юридической действительности, требующей судебной деятельности в особом производстве[5]. Так, в одном из судебных дел заявительница обосновала необходимость признания бывшего супруга безвестно отсутствующим для оформления и получения пенсии по потере кормильца дочери[6], таким образом, непосредственно заинтересованным лицом являлась дочь гражданина.

Отметим, что подраздел IV не содержит общих правил территориальной подсудности, она определяется по каждой категории дел. Однако в других главах правила предъявления заявления сформулированы более конкретно. Так, по ч. 4 ст. 281 ГПК РФ заявление о признании гражданина недееспособным и по схожим с ним делам подается в суд по месту жительства данного гражданина.

Взаимосвязанные вопросы о заявителе и подсудности по главе 30 ГПК РФ на страницах научной литературы получают разные ответы. Так, исследуя порядок рассмотрения дел о безвестном отсутствии и объявлении умершими сотрудников органов внутренних дел, Р. В. Ихсанов предложил заменить в ст. 276 ГПК РФ слова «за-

[2] См.: *Нигматдинов Р. М.* Проблема правовых понятий и оценочных категорий в гражданском процессуальном праве : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2004. С. 69.

[3] См., например, решение Центрального районного суда г. Тулы от 18 сентября 2024 г. по делу № 2-2862/2024. Одно из типичных дел: районным прокурором подано заявление об объявлении умершим красноармейца, участвовавшего в ВОВ и пропавшего без вести в декабре 1941 г.

[4] См.: *Францифоров А. Ю.* Сущность особого производства (теоретические и практические аспекты) : дис.… канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 118 ; *Ломанова Н. П.* Субъекты гражданских процессуальных правоотношений в особом производстве : автореф. дис.… канд. юрид. наук. Л., 1987. С. 5, 16.

[5] См.: Гражданское процессуальное право России : учебник для вузов / под ред. С. Ф. Афанасьева. М. : Юрайт, 2014. С. 637 (автор главы – А. В. Юдин).

[6] См.: Решение Фрунзенского районного суда г. Санкт-Петербурга от 20 декабря 2023 г. по делу № 2-6254/2023.

интересованного лица» на «заявителя»[7], изменив тем самым правило подсудности. В пользу того, что в ст. 276 ГПК РФ имеется в виду именно заявитель, говорят и территориальные характеристики: суд по месту жительства или месту нахождения лица. Если лицо признается безвестно отсутствующим или умершим, то очевидно, что его место нахождения неизвестно, а место жительства определяется только регистрацией на момент его исчезновения.

Другими же исследователями ставится знак равенства между заявителем и заинтересованным лицом[8], в связи с чем автоматически следует вывод о возможности предъявлять заявление по месту жительства или месту нахождения заявителя.

Вообще понятие «заинтересованное лицо» не является уникальным и содержится не только в подразделе IV ГПК РФ, да и не только в ГПК РФ. Между тем точность терминологии является одним из ключевых требований юридической техники, предъявляемых к языку права[9]. Если законодатель специально выделяет и заявителя, и заинтересованных лиц, значит, их правовые статусы не могут быть тождественными.

Продолжая исследование этого вопроса в контексте подсудности, отметим, что ее правила вырабатывались исторически. В частности, общее правило территориальной подсудности является следствием древней аксиомы «истец следует суду ответчика», существование которой вызвано, во-первых, обеспечением прав и законных интересов лица, указанного в качестве ответчика, во-вторых, близостью и большей доступностью доказательств, которые без затрат времени и средств можно представить в суд[10]. Ввиду того что в особом производстве нет истца и ответчика, а заявитель и заинтересованные лица не являются противоположными субъектами, считаем возможным отталкиваться от второго аспекта подсудности.

В делах о признании гражданина безвестно отсутствующим или объявлении его умершим судебная деятельность направлена на формулирование презумпций (сведений о человеке нет, и в зависимости от обстоятельств он либо (а) жив, либо (б) мертв) путем установления отрицательных фактов[11]. Соответственно, для вынесения судебного решения необходимо исследовать доказательства, подтверждающие обстоятельства, указанные в ст. 277 ГПК РФ и 42, 45 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ). Представляется, что большинство доказательств будет находиться по последнему известному месту жительства гражданина, считаем, что и норма о территориальной подсудности должна быть сформулирована следующим образом: заявление о признании гражданина безвестно отсутствующим или об объявлении гражданина умершим подается в суд по последнему известному месту жительства данного гражданина или по месту нахождения его имущества. Такая формулировка согласуется с положениями ч. 1 ст. 29 ГПК РФ, по которой альтернативная подсудность появляется вследствие неизвестности или отсутствия места жительства ответчика.

Между тем законодатель не ограничился вольной трактовкой субъектов особого производства отмеченными недостатками. В ст. 310 ГПК РФ сказано, что заинтересованное лицо, считающее неправильными совершенное нотариальное действие или отказ в совершении нотариального действия, вправе подать заявление об этом в суд по месту нахождения нотариуса или по месту нахождения должностного лица, уполномоченного на совершение нотариальных действий. Таким образом, в тексте нормативного акта четко отождествлены заявитель и заинтересованное лицо. В силу обозначенных выше причин подобное видится нам недопустимым, поэтому «заинтересованное лицо» должно быть заменено либо на «лицо», либо на «гражданин или организация»[12].

---

[7] См.: *Ихсанов Р. В.* Рассмотрение судами дел о безвестном отсутствии и объявлении умершими сотрудников органов внутренних дел : автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2005. С. 15.

[8] См.: *Закаряева М. М.* Заинтересованные лица в делах о признании гражданина безвестно отсутствующим и объявлении умершим // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7 (92). С. 92 ; *Портянкина С. П.* Судопроизводство по делам о признании гражданина безвестно отсутствующим или об объявлении гражданина умершим в суде первой инстанции : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 26.

[9] См.: Юридическая техника : учебник / под ред. В. М. Баранова. М. : Проспект, 2021. С. 176.

[10] См.: *Ерохина Т. П.* Институт подсудности в гражданском судопроизводстве : учеб. пособие / под ред. О. В. Исаенковой. Саратов : Изд-во СГАП, 2006. С. 70.

[11] См.: *Портянкина С. П.* Объект судебной защиты в судопроизводстве по делам о признании гражданина безвестно отсутствующим или об объявлении гражданина умершим // Мировой судья. 2008. № 10. С. 10.

[12] Нотариат призван обеспечивать права и законные интересы граждан и юридических лиц (ст. 1 Основ законодательства о нотариате).

2. *Небрежность в формулировании правовой нормы*. В соответствии с ч. 1 ст. 281 ГПК РФ дело об ограничении гражданина в дееспособности вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами может быть возбуждено на основании заявления членов его семьи, органа опеки и попечительства, медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь. К сожалению, законодателем так и не были учтены внесенные в ст. 30 ГК РФ еще в 2012 г. изменения, по которым ограничение дееспособности возможно также и вследствие пристрастия гражданина к азартным играм. Кроме того, сами по себе факты злоупотребления алкоголем или наркотиками, а также лудомании еще не являются основаниями для ограничения гражданина в дееспособности. Важно, что он этими действиями ставит свою семью в тяжелое материальное положение.

Однако, исходя из буквального толкования указанной нормы, ограничить человека в дееспособности можно уже тогда, когда человек злоупотребляет спиртными напитками или наркотическими средствами. Такое толкование не согласуется с положениями материального закона, регламентирующими основания и последствия ограничения лица в дееспособности. И стоит ли вообще в тексте процессуального законодательства указывать подобные факты? Ведь, во-первых, предмет доказывания в деле и так будет опираться на предписания Гражданского кодекса РФ, во-вторых, в ч. 1 ст. 282 ГПК РФ приведены необходимые для указания в заявлении сведения (среди которых, впрочем, всё равно нет пристрастия к азартным играм). Считаем, что достаточно изложить норму ч. 1 ст. 281 ГПК РФ следующим образом: «дело об ограничении гражданина в дееспособности может быть возбуждено на основании заявления членов его семьи, органа опеки и попечительства, медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь», а в ч. 1 ст. 282 ГПК РФ внести указание на пристрастие к азартным играм.

Сказанное справедливо и для ч. 2 ст. 281 ГПК РФ, описывающей порядок возбуждения производства по делу о лишении гражданина дееспособности.

Второй существенный недостаток, связанный с отставанием текста гражданского процессуального закона от изменений материального законодательства, содержится в ч. 1 ст. 286 ГПК РФ. Она отсылает правоприменителя к п. 2 ст. 30 ГК РФ. Однако эта отсылка была актуальной до 2015 г., пока соответствующий пункт не был изменен, став совершенно другой нормой. По смыслу закона ситуация, регулируемая ч. 1 ст. 286 ГПК РФ, теперь требует отсылки к п. 3 той же ст. 30 ГК РФ, но до сих пор соответствующие юридико-технические изменения в текст процессуального законодательства не внесены.

В этой же главе можно обнаружить еще один пример небрежности изложения правовой нормы, создающей затруднения в ее применении. Согласно ч. 3 ст. 284 ГПК РФ признанный недееспособным гражданин вправе обжаловать решение суда в апелляционном порядке либо подать заявление о его пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам, а также обжаловать решение в кассационном и надзорном порядке, если суд первой инстанции не предоставил этому гражданину возможность изложить свою позицию лично либо через выбранных им представителей. Часть 3 ст. 284 появилась в тексте ГПК РФ в 2011 г., после резонансных постановления ЕСПЧ по делу «Штукатуров против России» и связанного с ним постановления Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2009 г. № 4-П. Так, Конституционный Суд РФ признал неконституционным существующее на тот момент правовое регулирование кассационного и надзорного производств, которое не позволяло гражданину обжаловать решение, если он не участвовал в рассмотрении дела[13]. Однако, специально выделив такое право в тексте ГПК РФ, законодатель значительно усложнил ситуацию. Буквальное толкование рассматриваемой нормы приводит к выводу о том, что право гражданина на кассационное и надзорное обжалование ставится в прямую зависимость от того, что суд не представил ему возможность изложить свою позицию. Это, в свою очередь, уже не соответствует правилам кассационного и надзорного порядков проверки судебных актов, особенно после изменений, коснувшихся проверочных инстанций за прошедшее время. Однако статья

[13] См.: По делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и части четвертой статьи 28 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в связи с жалобами граждан Ю. К. Гудковой, П. В. Штукатурова и М. А. Яшиной : постановление Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2009 г. № 4-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 2.

осталась в прежнем виде, несмотря на то что в литературе данное нововведение подвергалось критике как лишенное логических и юридических оснований[14]. Представляется, что право на обжалование судебного постановления должно исходить из существа самого порядка проверки и (или) пересмотра, а не зависеть от специального условия. Напротив, приведенное условие может быть дополнительным: гражданин может обжаловать судебное решение, даже если суд первой инстанции не предоставил этому гражданину возможность изложить свою позицию лично либо через выбранных им представителей.

3. *Непоследовательность в обозначении правовых институтов.* Гражданская процессуальная форма исчерпывающе и полно определяет, кто и какое действие должен совершить[15], какие у этого действия основания, процессуальное оформление и правовые последствия. Соответственно, ничто совершаемое в суде не может быть произвольным. Упорядоченность, логическая связанность и последовательность, таким образом, должны быть характерны и для языка правовых норм, регулирующих процессуальную деятельность суда. Обратившись к абз. 2 ч. 2 ст. 290 ГПК РФ, можем увидеть, что при несоблюдении заявителем по делу о признании права собственности на бесхозяйную недвижимость условия в виде истечения одного года со дня принятия данной вещи на учет территориальным органом Росреестра судья отказывает в принятии заявления и суд прекращает производство по делу. Неясно, каким образом реализуются эти действия – должны ли они обязательно присутствовать совместно или их совершение зависит от какого-либо условия. Кроме того, в приведенном абзаце одновременно появляются фигуры судьи и суда. Действительно, отказывает в принятии заявления судья, а не суд, потому что институт отказа в принятии заявления (искового заявления) присущ стадии возбуждения гражданского судопроизводства, где процессуальные вопросы разрешаются судьей единолично, что видно из положений норм ст. 133–138. После возбуждения гражданского судопроизводства появляется такой субъект, как суд, и последующие процессуальные действия совершаются именно им. Так, меры по обеспечению иска могут быть приняты как одновременно с возбуждением производства по делу, так и впоследствии, поэтому в ст. 137, 141 упоминаются и судья, и суд. Впрочем, и здесь законодатель непоследователен, поскольку принять предварительные обеспечительные меры до предъявления иска (т. е. до возникновения гражданских процессуальных правоотношений) вправе почему-то именно суд (ст. 144.1 ГПК РФ). Прекращение производства по делу – также прерогатива суда (ст. 220–221 ГПК РФ). Учитывая изложенное, очевидно, что законодатель имел в виду следующее: «в случае, если орган, уполномоченный управлять соответствующим имуществом, обращается в суд с заявлением до истечения года со дня принятия недвижимой вещи на учет органом, осуществляющим государственную регистрацию права на недвижимое имущество, судья отказывает в принятии заявления, *а если заявление было принято* (курсив мой. – *А.М.*) – суд прекращает производство по делу». Именно так, на наш взгляд, и должен выглядеть абзац 2 ч. 2 ст. 290 ГПК РФ.

Продолжая исследование процессуальных действий суда, считаем важным остановиться на ст. 315 ГПК РФ. По ч. 2 указанной статьи, если заявитель по делу о восстановлении утраченного судебного производства укажет в заявлении цель рассмотрения дела, которая не связана с защитой его прав и законных интересов, суд отказывает в возбуждении дела. Несмотря на то что в учебной и научной литературе встречается вполне обоснованное мнение о том, что в гражданском процессе возбуждается не дело, а производство по делу, поскольку дело – это правовой конфликт, который не может возбуждаться, поэтому корректным является категория «возбуждение гражданского судопроизводства»[16], а не «возбуждение гражданского дела», законодатель придерживается второго варианта (ст. 4, 133, 222 и др.). Между тем нигде в ГПК РФ нет понятия «отказ в возбуждении дела». Оно является одним из главных в уголовном процессе

[14] См.: Гражданское процессуальное право России : учебник для вузов / под ред. С. Ф. Афанасьева. М. : Юрайт, 2014. С. 659 (автор главы – А. В. Юдин).

[15] См.: *Рассахатская Н. А.* Гражданская процессуальная форма : учеб. пособие. Саратов : СГАП, 1998. С. 25.

[16] См.: *Викут М. А.* О юридической терминологии в гражданском процессуальном праве // Избранные научные труды (с 1950 по 2011 год) / ред.-сост.: С. Ф. Афанасьев, В. Ф. Борисова. М. : Бартолиус : Статут, 2023. С. 341–342 ; *Борисова В. Ф.* Возбуждение гражданского судопроизводства : дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 198 с. ; Гражданский процесс : учебник и практикум для вузов / под ред. М. Ю. Лебедева. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. С. 180.

(ст. 148 УПК РФ), в гражданском же судопроизводстве есть институт отказа в принятии искового заявления. Он, как и ряд других (возвращение искового заявления, оставление искового заявления без движения, оставление заявления без рассмотрения и т. д.), несмотря на исчерпывающий перечень оснований, применяется в особом производстве по аналогии в силу ч. 1 ст. 263 ГПК РФ. На это в том числе указывает и изучаемая ст. 315 ГПК РФ, поскольку в случае принятия заявления, в котором указана неверная цель, оно остается без рассмотрения. Использование термина «отказ в возбуждении дела» видится нам некорректным и избыточным, в очередной раз указывающим на небрежность законодателя при формулировании норм подраздела «Особое производство» и несоблюдение требования устойчивости юридической терминологии[17].

Вариантов замены данного термина может быть два:

1) отсутствие в заявлении правовой цели восстановления утраченного производства по гражданскому делу фактически означает отсутствие права на удовлетворение заявления[18]. Это обстоятельство сравнимо с положением п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ – в заявлении оспариваются акты, которые не затрагивают права, свободы или законные интересы заявителя. Поэтому последствием может стать отказ в принятии заявления. Недостатками такого варианта являются, во-первых, то, что ст. 134 ГПК РФ регламентирует основания и порядок отказа в принятии именно искового заявления, а не заявления вообще, во-вторых, в деле о восстановлении утраченного судебного производства никакие акты не оспариваются ввиду отсутствия спора о праве. Однако эти недостатки могут быть скомпенсированы обращением к ч. 1 ст. 263 ГПК РФ, допускающей применение по аналогии правил искового производства в особом производстве. Аналогия закона не предполагает совпадение терминологии, для нее необходимо в первую очередь сходство правоотношений[19]. Такой вариант вызывает в литературе возражения, состоящие в том, что отказ в принятии влечет невозможность повторного обращения в суд с тем же заявлением, а стало быть, препятствует реализации права на судебную защиту[20]. Однако, продолжая разговор об аналогии институтов, предположим, что указание в заявлении иной цели, которая будет соответствовать сущности рассматриваемой категории дел, исключает «тождество заявлений», поскольку в исковом производстве такое обстоятельство свидетельствовало бы об изменении основания иска. Соответственно, предъявление заявления о восстановлении того же судебного производства, о котором заявитель ходатайствовал ранее, но с иной правовой целью, не должно влечь отказ в принятии такого заявления;

2) учитывая, что данная статья дифференцирует последствия несоблюдения требования об указании соответствующей цели предъявления заявления в зависимости от стадии гражданского процесса (на стадии возбуждения – «отказ в возбуждении дела», на последующих стадиях – оставление заявления без рассмотрения), стоит поддержать высказанные в литературе предложения о том, что «отказ в возбуждении дела» должен быть заменен на возвращение заявления[21]. Возвращение, в отличие от отказа в принятии заявления, не препятствует повторному обращению в суд.

Отметим, что в главе 38 ГПК РФ есть и иные недостатки изложения правовых норм. Согласно ч. 1 ст. 316 ГПК РФ судебное производство, утраченное до рассмотрения дела по существу, не подлежит восстановлению. В соответствии с положениями ст. 172–189 ГПК РФ рассмотрение дела по существу представляет собой этап судебного разбирательства, начинающийся докладом председательствующего и заканчивающийся заключениями прокурора или иных субъектов. При этом результатом судебного разбирательства должно стать решение, так как оно является постановлением, которым разрешается дело по существу (ст. 194 ГПК РФ). Вместе с тем ст. 313 ГПК РФ устанавливает, что восстановлению подлежит утраченное судебное производство, оконченное принятием решения суда или вынесением определения о прекращении судебного про-

[17] См.: Юридическая техника : учебник / под ред. В. М. Баранова. М. : Проспект, 2021. С. 174.

[18] См.: *Давидян Ю. С.* Правовая природа дел о восстановлении утраченного судебного производства в гражданском и арбитражном процессах // Вестник гражданского процесса. 2013. № 3. С. 211.

[19] См.: *Туманов Д. А.* Пробелы в гражданском процессуальном праве. М. : Норма, 2008. С. 50–53.

[20] См.: *Мамкиева Ю. Х.* Отказ в возбуждении дела о восстановлении утраченного судебного производства // Мировой судья. 2023. № 2. С. 37.

[21] См.: *Потапенко Е. Г.* Оптимизация гражданского процессуального законодательства в направлении обеспечения баланса специализации и унификации процессуального права // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11, № 3. С. 100.

изводства по делу. Прекращение производства по делу возможно и даже желательно до рассмотрения дела по существу. Поэтому гипотеза ст. 316 ГПК РФ некорректна и противоречит общим правилам, содержащимся в ст. 313 ГПК РФ.

В той же ч. 1 ст. 316 ГПК РФ сказано, что если суд отказал в восстановлении утраченного судебного производства, то истец вправе предъявить новый иск. Однако правила главы 38 ГПК РФ не ограничены восстановлением только искового дела. Потенциально может существовать необходимость восстановления и дела, рассмотренного в порядке особого производства. Соответственно, в данной статье (а также в ст. 318) речь должна идти не только об истце и иске, но и в целом о возможности обращения в суд. Тем более что заявление о восстановлении утраченного судебного производства могут предъявлять не только истцы, но и иные лица, участвующие в деле (ч. 2 ст. 313 ГПК РФ).

4. *Оценочность категорий*. Сами по себе оценочные категории и понятия не являются недостатками языка права. Право – «продукт» интеллектуального труда множества поколений, аккумулирующий их социальный, исторический, морально-философский опыт, поэтому избежать появления в нем эмоционально и лексически окрашенных понятий невозможно и нецелесообразно. Оценочные понятия, с одной стороны, придают гибкость правовому регулированию[22], с другой – способствуют достижению законодательной экономии в тексте нормативного акта[23]. Конкретным содержанием норму с оценочным понятием наполняет правоприменитель. Степень свободы его усмотрения зависит от того, насколько широко само понятие. Поэтому велик риск угрозы ошибочного применения правовой нормы.

В соответствии со ст. 318 ГПК РФ при недостаточности собранных материалов для точного восстановления судебного постановления, связанного с утраченным судебным производством, суд определением прекращает производство по делу. Что именно следует понимать под недостаточностью, закон не объясняет. Из-за этого судебная практика складывается таким образом, что, несмотря на наличие множества процессуальных документов, отсутствие итогового судебного акта по делу практически всегда влечет прекращение производства по делу[24]. Не вдаваясь подробно в вопрос целесообразности существования данной санкции правовой нормы, позволим себе заметить, что правильнее было бы включить в текст ГПК РФ конкретное условие прекращения производства по делу, например, собственно отсутствие решения или определения о прекращении производства по делу либо раскрыть недостаточность через определение ее признаков: невозможность выявления совершенных процессуальных действий, содержания объяснений, показаний и заключений и т. д. В противном случае размытая «недостаточность» влечет риск произвола, при котором суды предпочтут прекращать производство по делу. Заметим также, что в научной литературе уже высказывались сомнения в целесообразности вынесения в данном случае именно определения о прекращении производства по делу, а не решения об отказе в удовлетворении требований[25].

Перечень исследованных проблем не является исчерпывающим. К сожалению, нормы подраздела IV ГПК РФ сформулированы менее филигранно, чем положения искового производства. Общеизвестно, что от качества законодательства зависят эффективность и предсказуемость правоприменения[26]. Учитывая, что гражданское процессуальное право является охранительной отраслью права, а стало быть, в нем находят свое подтверждение и защиту субъективные гражданские права и законные интересы, качество правового регулирования всех норм, составляющих данную отрасль, должно находиться на высоком уровне, независимо от степени востребованности судебных порядков[27].

[22] См.: *Опалев Р. О.* Оценочные понятия в гражданском и арбитражном процессуальном праве : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 3.

[23] См.: *Нигматдинов Р. М.* Указ. соч. С. 107.

[24] См.: *Серова С. П.* Восстановление утраченного судебного производства : проблемы судебной практики // Особое производство в цивилистическом процессе : проблемы доктрины, законодательства и практики. СПб. : Астерион, 2022. С. 281.

[25] См.: *Грицких Е. А.* К вопросу об унификации норм гражданского процессуального законодательства о восстановлении утраченного судебного производства // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 86.

[26] См.: *Кожокарь И. П.* Технико-юридические дефекты в российском праве : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2020. С. 3.

[27] Согласно данным Судебного департамента при ВС РФ, за 2023 год было рассмотрено с вынесением решения 207 486 дел особого производства, что составляет 0,7 % от всех гражданских дел. См.: Официальный сайт Судебного департамента. URL: https://cdep.ru/?id=79

Библиографический список

Борисова В. Ф. Возбуждение гражданского судопроизводства : дис.... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 198 с.

Викут М. А. О юридической терминологии в гражданском процессуальном праве // Избранные научные труды (с 1950 по 2011 год) / ред.-сост.: С. Ф. Афанасьев, В. Ф. Борисова. М. : Бартолиус : Статут, 2023. С. 338–342.

Гражданский процесс : учебник и практикум для вузов / под ред. М. Ю. Лебедева. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. 440 с.

Гражданское процессуальное право России : учебник для вузов / под ред. С. Ф. Афанасьева. М. : Юрайт, 2014. 879 с.

Грицких Е. А. К вопросу об унификации норм гражданского процессуального законодательства о восстановлении утраченного судебного производства // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 82–88.

Давидян Ю. С. Правовая природа дел о восстановлении утраченного судебного производства в гражданском и арбитражном процессах // Вестник гражданского процесса. 2013. № 3. С. 191–217.

Ерохина Т. П. Институт подсудности в гражданском судопроизводстве : учеб. пособие / под ред. О. В. Исаенковой. Саратов : Изд-во СГАП, 2006. 112 с.

Закаряева М. М. Заинтересованные лица в делах о признании гражданина безвестно отсутствующим и объявлении умершим // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7 (92). С. 90–99.

Ихсанов Р. В. Рассмотрение судами дел о безвестном отсутствии и объявлении умершими сотрудников органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005. 20 с.

Кожокарь И. П. Технико-юридические дефекты в российском праве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. 414 с.

Лазарева О. В., Сухова Н. И. Юридическая техника : учебник. Саратов : Изд-во Сарат. гос. юрид. акад., 2015. 309 с.

Ломанова Н. П. Субъекты гражданских процессуальных правоотношений в особом производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1987. 20 с.

Мамкиева Ю. Х. Отказ в возбуждении дела о восстановлении утраченного судебного производства // Мировой судья. 2023. № 2. С. 35–37.

Нигматдинов Р. М. Проблема правовых понятий и оценочных категорий в гражданском процессуальном праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2004. 176 с.

Опалев Р. О. Оценочные понятия в гражданском и арбитражном процессуальном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008. 28 с.

Портянкина С. П. Объект судебной защиты в судопроизводстве по делам о признании гражданина безвестно отсутствующим или об объявлении гражданина умершим // Мировой судья. 2008. № 10. С. 9–11.

Портянкина С. П. Судопроизводство по делам о признании гражданина безвестно отсутствующим или об объявлении гражданина умершим в суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 34 с.

Потапенко Е. Г. Оптимизация гражданского процессуального законодательства в направлении обеспечения баланса специализации и унификации процессуального права // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11, № 3. С. 70–108.

Рассахатская Н. А. Гражданская процессуальная форма : учеб. пособие. Саратов : СГАП, 1998. 98 с.

Серова С. П. Восстановление утраченного судебного производства : проблемы судебной практики // Особое производство в цивилистическом процессе : проблемы доктрины, законодательства и практики. СПб. : Астерион, 2022. С. 275–285.

Туманов Д. А. Пробелы в гражданском процессуальном праве. М. : Норма, 2008. 208 с.

Францифоров А. Ю. Сущность особого производства (теоретические и практические аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009.

Юридическая техника : учебник / под ред. В. М. Баранова. М. : Проспект, 2021. 648 с.

References

Borisova V. F. Initiation of civil proceedings : cand. legal sci. dis. Saratov, 2009. 198 p.

Vikut M. A. On legal terminology in civil procedural law // Selected scientific works (from 1950 to 2011) / ed.-comp.: S. F. Afanasyev, V. F. Borisova. Moscow : Bartolius : Statute, 2023. P. 338–342.

Civil procedure : textbook and practical course for universities / ed. by M. Y. Lebedev. 7th ed., revised and additional. Moscow : Yurayt Publishing House, 2023. 440 p.

Russian Civil Procedure Law : textbook for universities / ed. by S. F. Afanasyev. Moscow : Yurayt Publishing House, 2014. 879 p.

Gritskikh E. A. On the unification of the norms of civil procedural legislation on the restoration of lost judicial proceedings // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2024. No. 3 (58). P. 82–88.

Davidyan Yu. S. The legal nature of cases on the restoration of lost judicial proceedings in civil and arbitration proceedings // Bulletin of Civil Procedure. 2013. No. 3. P. 191–217.

Erokhina T. P. Institute of jurisdiction in civil proceedings : textbook. the manual / ed. by O. V. Isaenkova. Saratov : Publishing house of the State Educational

Institution of Higher Professional Education «SGAP», 2006. 112 p.

Zakaryaeva M. M. Interested parties in cases of recognizing a citizen as missing and declaring him dead // Actual problems of Russian law. 2018. № 7 (92). P. 90–99.

Ikhsanov R. V. Consideration by the courts of cases on the unknown absence and declaration of deceased employees of the internal affairs bodies : cand. legal sci. dis. abstr. St. Petersburg, 2005. 20 p.

Kozhokar I. P. Technical and legal defects in Russian law : dr. legal sci. dis. Moscow, 2020. 414 p.

Lazareva O. V., Sukhova N. I. Legal technique : textbook. Saratov : Publishing House of Saratov State Law Akademy, 2015. 309 p.

Lomanova N. P. Subjects of civil procedural legal relations in special proceedings : cand. legal sci. dis. abstr. Leningrad, 1987. 20 p.

Mamkieva Yu. K. Refusal to initiate proceedings for the restoration of lost judicial proceedings // Mirovoy sudya. 2023. No. 2. P. 35–37.

Nigmatdinov R. M. The problem of legal concepts and evaluative categories in civil procedural law : cand. legal sci. dis. Saratov, 2004. 176 p.

Opalev R. O. Evaluative concepts in civil and arbitration procedural law : cand. legal sci. dis. abstr. Yekaterinburg, 2008. 28 p.

Portyankina S. P. The object of judicial protection in judicial proceedings in cases of recognizing a citizen as missing or declaring a citizen dead // Mirovoy sudya. 2008. No. 10. P. 9–11.

Portyankina S. P. Judicial proceedings in cases of recognizing a citizen as missing or declaring a citizen dead in the court of first instance : cand. legal sci. dis. abstr. Saratov, 2009. 34 p.

Potapenko E. G. Optimization of civil procedure legislation in the direction of ensuring a balance of specialization and unification of procedural law // Bulletin of the Civil Procedure. 2021. Vol. 11, No. 3. P. 70–108.

Rassakhatskaya N. A. Civil procedural form : a textbook. Saratov : SGAP, 1998. 98 p.

Serova S. P. Restoration of lost judicial proceedings : problems of judicial practice // Special production in the civil process : problems of doctrine, legislation and practice. St. Petersburg : Asterion, 2022. P. 275–285.

Tumanov D.A. Gaps in civil procedural law. Moscow : Norm, 2008. 208 p.

Frantciforov A. Y. The essence of special production (theoretical and practical aspects) : cand. legal sci. dis. Saratov, 2009. 190 p.

Legal technology : textbook / ed. by V. M. Baranov. Moscow : Prospekt, 2021. 648 p.

Саратовская государственная юридическая академия

Маренков А. С., преподаватель кафедры гражданского процесса

E-mail: iskanders-m@yandex.ru

Поступила в редакцию: 23.02.2025

Для цитирования:

Маренков А. С. Недостатки языка гражданского процессуального закона (на примере норм, регулирующих особое производство) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 87–95. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/87-95

Saratov State Law Academy

Marenkov A. S., Lecturer of the Department of Civil Procedure

E-mail: iskanders-m@yandex.ru

Received: 23.02.2025

For citation:

Marenkov A. S. Disadvantages of the language of the civil procedure law (on the example of the norms governing special proceedings) // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 3 (62). P. 87–95. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/87-95

УДК 347.426
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/96-101

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО АРБИТРОМ: ТОЛЬКО ЛИ ГРАЖДАНСКИЙ ИСК В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ?

Г. П. Панфилов, Д. В. Чибинов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

COMPENSATION FOR DAMAGES CAUSED BY AN ARBITRATOR: IS A CIVIL ACTION IN A CRIMINAL CASE ONLY?

G. P. Panfilov, D. V. Chibinov

National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg)

Аннотация: предметом исследования являются положения ст. 51 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», закрепляющие возможность привлечения арбитра к имущественной ответственности только в рамках гражданского иска по уголовному делу. Авторы оценивают обоснованность избранного законодателем подхода с позиций существа гражданского иска как способа защиты прав и законных интересов жертв преступления, а также осуществляют его сравнение с порядком привлечения к имущественной ответственности за нарушения, допущенные судьями. Исследователями обосновывается отсутствие политико-правовых и формально-юридических оснований для ограничения процессуальных форм возмещения вреда, причиненного арбитром, только гражданским иском в уголовном деле, формулируются предложения по совершенствованию действующего законодательства.
Ключевые слова: арбитраж, иммунитет арбитра, ответственность арбитра, ответственность судьи, гражданский иск в уголовном деле, конкуренция форм защиты права, профессиональные иммунитеты.

Abstract: the article is devoted to the provisions of Article 51 of the Federal Law No. 382-FZ of 29 December 2015 «On Arbitration (Arbitration Proceedings) in the Russian Federation», which provides for the possibility to hold an arbitrator financially liable only in a civil action in a criminal case. The authors assess the reasonableness of the approach chosen by the legislator from the standpoint of the essence of civil action as a way to protect the rights and legitimate interests of victims of crime, as well as compare it with the procedure for bringing to property liability for violations committed by judges. The researchers substantiate the absence of political-legal and formal-legal grounds for restricting the procedural form of compensation for the harm caused by the arbitrator only to a civil action in a criminal case, and formulate proposals to improve the current legislation.
Key words: commercial arbitration, immunity of an arbitrator, liability of an arbitrator, liability of a judge, civil claims in a criminal case, competition of forms of protection of law, professional immunities.

Необходимой предпосылкой для объективного и беспристрастного рассмотрения спора о праве гражданском является уверенность судьи или арбитра в том, что сделанное им суждение о правах и обязанностях обратившихся за разрешением тяжбы лиц не будет служить основанием для применения к нему каких-либо юридических санкций. Данное обстоятельство предопределяет необходимость установления легальных ограничений для привлечения к гражданской ответственности, т. е. иммунитетов[1].

Такого рода законодательное решение вопроса об ответственности арбитра при осущест-

© Панфилов Г. П., Чибинов Д. В., 2025

[1] См., например: *Клеандров М. И.* Статус судьи : правовой и смежные компоненты. М., 2008. С. 149–150.

влении его профессиональных функций характерно для всех современных правопорядков, однако перечень конкретных изъятий из общего режима ответственности отличается от страны к стране, в связи с чем возможно вести речь о существовании отдельных «национальных» моделей иммунитета арбитра[2].

Не является исключением и российский правопорядок, в котором с 2015 г. закреплена модель так называемого «квалифицированного»[3] иммунитета арбитра: его гражданская ответственность в форме возмещения причиненных убытков допускается, но только при условии его предварительного привлечения к уголовной ответственности (ст. 51 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», далее по тексту – «Закон об арбитраже»)[4].

В то же время специфика отечественной модели ответственности арбитра заключается в том, что возмещение причиненного им вреда допускается «только в рамках гражданского иска по уголовному делу, который может быть предъявлен к арбитру в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации».

Приведенная формулировка закона в ее буквальном истолковании исключает возможность обращения с требованиями о возмещении вреда к арбитру после привлечения его к уголовной ответственности в порядке гражданского судопроизводства, и это не может считаться простым дефектом юридической техники: на необходимость предъявления именно гражданского иска в уголовном деле прямо указывалось в пояснительной записке к проекту Закона об арбитраже[5]. Подобное толкование рассматриваемого законоположения характерно и для российской доктрины третейского разбирательства[6].

По нашему мнению, изложенное выше понимание порядка привлечения арбитра к имущественной ответственности, установленного ст. 51 Закона об арбитраже, является ошибочным, так как оно не учитывает характерные для отечественного процессуального права особенности рассмотрения споров о возмещении причиненного преступлением вреда, противоречит воплощенным в российском правовом регулировании системным подходам и необоснованно ограничивает права и законные интересы потерпевших.

В подтверждение этого могут быть приведены следующие аргументы.

Во-первых, отечественный правопорядок предоставляет потерпевшему от преступления возможность свободно выбрать процессуальную форму защиты своих прав – общий порядок искового производства или обращение с гражданским иском в уголовном процессе. Об этом свидетельствует ч. 3 ст. 31 ГПК РФ[7], не предусматривающая установления изъятий из закрепленного в ней правила о возможности рассмотрения не предъявленных или не разрешенных в уголовном деле требований потерпевшего от преступления в порядке гражданского судопроизводства.

---

[2] Обзор подходов зарубежных стран к вопросу об иммунитете арбитра от ответственности см., например: *Малов О. А.* Институт гражданско-правовой ответственности арбитра (третейского судьи) в российском и зарубежном правопорядках // Третейский суд. 2017. № 1. С. 84–100.

[3] Подробнее о разграничении абсолютного и квалифицированного иммунитета арбитра от ответственности см.: Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический) / под ред. О. Ю. Скворцова, М. Ю. Савранского. М., 2016. С. 324.

[4] См.: Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 1. Ч. I. Ст. 2.

[5] «При этом предусматривается иммунитет арбитров от гражданско-правовой ответственности, за исключением ответственности в рамках гражданского иска по уголовному делу» (Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[6] См., например: Научно-практический постатейный комментарий к законодательству о третейских судах / под общ. ред. В. В. Хвалея. М., 2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». Подобный подход упоминается и не критикуется в следующих работах: *Галковская Н. Г., Голуб Е. И.* Ответственность и гарантии арбитров в связи с осуществлением ими деятельности по разрешению споров // Третейский суд. 2020. № 1/2. С. 393–403 ; *Гладких В. И.* Уголовная ответственность арбитра (третейского судьи) : объективная необходимость или еще одна мертворожденная норма? // Российский судья. 2021. № 3. С. 34–40.

[7] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 28.12.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

Это подтверждает и Д. В. Абушенко, указывая, что свобода выбора процессуальной формы защиты своих прав следует из отсутствия в процессуальном законодательстве специальных норм, исключающих обращение потерпевшего от преступления с требованиями в порядке гражданского судопроизводства[8], которое свидетельствует о легальном допущении конкуренции рассматриваемых судебных процедур[9].

С учетом изложенного положения ст. 51 Закона об арбитраже, поскольку по своему юридическому статусу они уступают ГПК РФ[10], не могут толковаться как исключающие возможность обращения с требованием о возмещении причиненного арбитром вреда вне рамок уголовного процесса.

Возможность свободного выбора одного из рассматриваемых способов защиты прав жертв преступлений не является особенностью российского правового регулирования – подобный подход характерен и для Франции, являющейся «родиной» института гражданского иска в уголовном процессе[11]. Рассматриваемая позиция основывается на представлении о том, что потерпевший осуществляет выбор из двух форм разрешения спора о праве гражданском, которые не оказывают влияния на содержание материального правоотношения по возмещению причиненного преступлением вреда[12].

Ограничение возможности применения общеискового порядка в отношении случаев, предусмотренных ст. 51 Закона об арбитраже, можно было бы допустить при наличии к тому веских политико-правовых оснований, однако таковые в данном случае отсутствуют – иммунитет арбитра обеспечивается не тем, что имущественные требования к нему могут быть предъявлены только в уголовном деле, а тем, что для удовлетворения иска потерпевшего требуется наличие вступившего в законную силу обвинительного приговора суда. Указанное условие выполнимо и при подаче иска в порядке гражданского судопроизводства, и в случае предъявления гражданского иска в уголовном процессе.

Во-вторых, по существу, гражданский иск в уголовном процессе является «льготным» для потерпевшего порядком восстановления его нарушенных прав, позволяющим более оперативно и эффективно защитить права указанного лица за счет использования судом собранных в процессе расследования уголовного дела доказательств[13]. В соответствии с римской максимой «cui licet quod majus, non debet quod minus est non licere» обладающий большим объемом правовых возможностей должен иметь возможность воспользоваться и меньшим. Причины, по которым законодатель не допускает предъявления к арбитру требований в общегражданском порядке, усложняющем для истца доказывание обоснованности заявленных им требований по сравнению с гражданским иском, не могут быть выявлены в результате анализа действующего законодательства и практики его применения[14].

[8] По мнению С. А. Халатова, в действующем законодательстве отсутствуют какие-либо нормативные препятствия для рассмотрения требований о возмещении причиненного преступлением вреда (в том числе в случае рассмотрения гражданского иска «по праву» с передачей вопроса об определении размера присуждения в порядке искового производства в соответствии со ст. 309 УПК РФ) и в порядке арбитражного судопроизводства (см.: *Халатов С. А.* О некоторых процессуальных вопросах возмещения вреда, причиненного преступлением, в российском законодательстве // Цивилистический процесс : вчера, сегодня, завтра. Liber Amicorum в честь профессора И. В. Решетниковой. М., 2023. С. 560–565).

[9] См.: *Абушенко Д. Б.* Смещение права на предъявление гражданского иска в стадию, предшествующую направлению прокурором уголовного дела в суд : взгляд с позиций теории гражданского процессуального правоотношения // Очерки гражданского процессуального права : к 220-летию образования кафедры гражданского процесса юридического факультета Московского университета. М., 2025. С. 14–15.

[10] См.: *Самсонов Н. В.* Источники российского гражданского процессуального права. М., 2020. С. 105–106.

[11] Аналогичные формы рассмотрения требований о возмещении преступного вреда известны и иностранным правопорядкам, в частности французскому, см.: *Саватье Р.* Теория обязательств : юридический и экономический очерк. М., 1972. С. 330–331.

[12] См.: Пункт 3 определения Конституционного Суда РФ от 4 июля 2017 г. № 1442-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Александрова Владимира Юрьевича на нарушение его конституционных прав частью четвертой статьи 61 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[13] См.: *Берлин Л. М.* Гражданский иск потерпевшего от наказуемого правонарушения : к вопросу о подсудности этого иска. СПб., 1888. С. 21–23.

[14] Например, при предъявлении требований в общем порядке искового производства истец должен не только соблюдать нормативно установленные требования к форме и содержанию искового заявления, но и нести расходы на осуществление отдельных процессуальных действий, таких как назначение экспертизы и т. д., поскольку приговор суда не имеет преюдициального эффекта в части размера причиненного вреда (ч. 4 ст. 61

В-третьих, «льготный» характер гражданского иска как формы защиты прав потерпевших не означает, что законодатель в принципе оставляет без учета интересы подсудимого. Так, поскольку последний не может неопределенно-длительное время находиться под подозрением и испытывать на себе предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством правоограничения, судебная практика ограничивает перечень и объем тех требований о возмещении вреда, причиненного преступлением, которые могут рассматриваться в уголовном деле[15].

К примеру, в соответствии с позицией Верховного Суда РФ требования имущественного характера, хотя и связанные с преступлением, но относящиеся, в частности, к последующему восстановлению нарушенных прав потерпевшего (например, о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами, о признании гражданско-правового договора недействительным, о возмещении вреда в случае смерти кормильца), а также регрессные иски, подлежат разрешению только в порядке гражданского судопроизводства[16]. В развитие данной позиции суды нижестоящих инстанций также считают недопустимым рассмотрение в рамках гражданского иска требований о взыскании упущенной выгоды[17].

Таким образом, если намерение законодателя действительно состояло в том, чтобы допустить возможность предъявления требований о возмещении вреда к арбитру только путем предъявления гражданского иска в уголовном процессе, тем самым он без каких-либо конституционно-правовых оснований установил ограничение объема гражданской ответственности преступника-арбитра и ухудшил положение потерпевшего. Предполагать, что авторы текста ст. 51 Закона об арбитраже стремились добиться именно такого правового эффекта, не имеется оснований.

Кроме того, анализируемое юридическое решение вступает в противоречие с правилами об объеме ответственности судей за неправосудные решения, который не ограничен одним лишь реальным ущербом (ст. 1070 ГК РФ, п. 3 ст. 1081 ГК РФ)[18]. Наличие подобного рода отличий способно снизить привлекательность третейских судов по сравнению с государственными судами для участников гражданского оборота, что в любом случае свидетельствует о нежелательности их законодательного закрепления.

В-четвертых, авторы текста ст. 51 Закона об арбитраже не в полной мере учитывают особенности рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе, которые в принципе ставят под сомнение возможность практической реализации избранной ими нормативной модели. Так, в соответствии со ст. 309 УПК РФ рассматривающий уголовное дело суд имеет право указать в приговоре лишь на наличие юридических оснований для удовлетворения предъявленного гражданского иска и передать вопрос об определении конкретного размера возмещения вреда суду «гражданской юрисдикции»[19]. По буквальному тексту ст. 51 Закона об арбитраже в такого рода случаях возможность привлечения арбитра к имущественной ответственности окажется утраченной, хотя какие бы то ни было мотивы к этому будут отсутствовать.

Наконец, решение ограничить формы возмещения вреда только предъявлением гражданского иска в уголовном деле вступает в системное противоречие с законодательным регулированием ответственности государственного судьи.

ГПК РФ). См., например, п. 21 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // Российская газета. 2020. 23 окт.

[15] См.: *Хабриева Т. Я., Ковлер А. И., Курбанов Р. А.* Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2023. С. 278–279.

[16] См., например, п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // Российская газета. 2020. 23 окт.

[17] См., например: Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 31 октября 2023 г. № 77-3877/2023 ; Апелляционное определение Челябинского областного суда от 12 сентября 2024 г. № 11-11846/2024. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[18] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) : федер. закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 13.12.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5. Ст. 410. Традиционно, под возмещением вреда в отечественном праве понимается взыскание не только реального ущерба, но и упущенной выгоды (см.: *Флейшиц Е. А.* Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. М., 1951. С. 178–179).

[19] См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 20.03.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 51 (ч. I). Ст. 4921.

Согласно ч. 2 ст. 16 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» (далее – Закон о статусе судей) ответственность судьи за принятое им решение допускается, если вступившим в законную силу приговором суда будет установлена виновность судьи в преступном злоупотреблении либо вынесении заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта[20]. Указаний на то, что гражданская ответственность судьи может быть реализована только в форме гражданского иска в уголовном деле, данный закон не содержит.

Представляется крайне затруднительным усмотреть в правовом положении арбитра специфику, которая позволяет оправдать существование рассматриваемого отличия в режиме его гражданской ответственности по сравнению с судьей государственного суда.

С учетом изложенного полагаем, что формулировка нормы ст. 51 Закона об арбитраже является юридически дефектной. Вероятно, в действительности, законодатель планировал установить квалифицированный иммунитет арбитра от гражданской ответственности, являющийся гарантией объективной беспристрастности указанного лица в ходе разрешения спора[21], стремясь, подобно регулированию п. 2 ст. 1070 ГК РФ, ч. 2 ст. 16 Закона о статусе судей, связать гражданскую ответственность арбитра с установлением его вины вступившим в законную силу приговором суда, но использовал для этого дефектную юридическую формулировку.

Таким образом, ст. 51 Закона об арбитраже должна толковаться расширительно, как не устанавливающая исключений из общего правила о возможности потерпевшего в результате совершения преступления обратиться за защитой своих нарушенных прав в порядке гражданского судопроизводства. Желательным является также внесение изменений в текст ее нормы по аналогии с ч. 2 ст. 16 Закона о статусе судей.

Принятие указанных мер повысит доверие к механизмам альтернативного разрешения споров, т. е. будет способствовать гармоничному развитию гражданского общества и повышению эффективности коммерческого оборота.

[20] См.: О статусе судей в Российской Федерации : закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-I (в ред. от 27.11.2023) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 30. Ст. 1792.

[21] См.: *Гребельский А. В.* Ехал ГРЕКО через реку… О введении уголовной ответственности арбитров за преступления коррупционной направленности // Третейский суд. 2020. № 3/4. С. 94–115.

Библиографический список

Абушенко Д. Б. Смещение права на предъявление гражданского иска в стадию, предшествующую направлению прокурором уголовного дела в суд : взгляд с позиций теории гражданского процессуального правоотношения // Очерки гражданского процессуального права : к 220-летию образования кафедры гражданского процесса юридического факультета Московского университета. М., 2025. С. 14–24.

Берлин Л. М. Гражданский иск потерпевшего от наказуемого правонарушения : к вопросу о подсудности этого иска. СПб., 1888.

Галковская Н. Г., Голуб Е. И. Ответственность и гарантии арбитров в связи с осуществлением ими деятельности по разрешению споров // Третейский суд. 2020. № 1/2. С. 393–403

Гладких В. И. Уголовная ответственность арбитра (третейского судьи) : объективная необходимость или еще одна мертворожденная норма? // Российский судья. 2021. № 3. С. 34–40.

Гребельский А. В. Ехал ГРЕКО через реку… О введении уголовной ответственности арбитров за преступления коррупционной направленности // Третейский суд. 2020. № 3/4. С. 94–115.

Клеандров М. И. Статус судьи : правовой и смежные компоненты. М., 2008.

Комментарий к Федеральному закону «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (постатейный, научно-практический) / под ред. О. Ю. Скворцова, М. Ю. Савранского. М., 2016.

Малов О. А. Институт гражданско-правовой ответственности арбитра (третейского судьи) в российском и зарубежном правопорядках // Третейский суд. 2017. № 1. С. 84–100.

Научно-практический постатейный комментарий к законодательству о третейских судах / под общ. ред. В. В. Хвалея. М., 2017.

Саватье Р. Теория обязательств : юридический и экономический очерк. М., 1972.

Самсонов Н. В. Источники российского гражданского процессуального права. М., 2020.

Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и неосновательного обогащения. М., 1951.

Хабриева Т. Я., Ковлер А. И., Курбанов Р. А. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2023.

Халатов С. А. О некоторых процессуальных вопросах возмещения вреда, причиненного престу-

плением, в российском законодательстве // Цивилистический процесс : вчера, сегодня, завтра. Liber Amicorum в честь профессора И. В. Решетниковой. М., 2023. С. 551–573.

References

Abushenko D. B. Shifting the right to bring a civil action at the stage preceding the prosecutor's referral of a criminal case to the court : a view from the position of the theory of civil procedural legal relation // Essays of civil procedural law. To the 220th anniversary of the formation of the Department of Civil Procedure of the Faculty of Law of Moscow University. Moscow, 2025. P. 14–24.

Berlin L. M. Civil claim of the victim of a punishable offence. To the question of the jurisdiction of this action. Saint Petersburg, 1888.

Galkovskaya N. G., Golub E. I. Responsibility and guarantees of arbitrators in connection with their dispute resolution activities // Court of Arbitration. 2020. No 1/2. P. 393–403.

Gladkikh V. I. Criminal liability of an arbitrator (arbitration judge) : objective necessity or another stillborn norm? // Russian Judge. 2021. No 3. P. 34–40.

Grebelsky A. V. GRECO rode across the river.... On the introduction of criminal liability of arbitrators for corruption offences // Court of Arbitration. 2020. No 3/4. P. 94–115.

Kleandrov M. I. Status of the judge : legal and related components. Moscow, 2008.

Commentary to the Federal Law «On arbitration (arbitration proceedings) in the Russian Federation» (article-by-article, scientific and practical) / ed. by O. Yu. Skvortsov, M. Yu. Savransky. Moscow, 2016.

Malov O. A. Institute of civil liability of an arbitrator (arbitration judge) in the Russian and foreign legal orders // Court of Arbitration. 2017. No 1. P. 84–100.

Scientific and practical article-by-article commentary to the legislation on arbitration courts / ed. by V. V. Khvaley. Moscow, 2017.

Savatier R. Theory of obligations : legal and economic essay. Moscow, 1972.

Samsonov N. V. Sources of Russian civil procedural law. Moscow, 2020.

Fleishits E. A. Obligations from the infliction of harm and unjust enrichment. Moscow, 1951.

Khabrieva T. Y., Kovler A. I., Kurbanov R. A. Doctrinal bases of the practice of the Supreme Court of the Russian Federation : a monograph / ed. by T. Y. Khabrieva. Moscow, 2023.

Khalatov S. A. On some procedural issues of compensation for harm caused by a crime in Russian legislation // Civilistic process : yesterday, today, tomorrow. Liber Amicorum in honour of Professor I. V. Reshetnikova. Moscow, 2023. P. 551–573.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

Панфилов Г. П., преподаватель кафедры гражданского права

E-mail: gpanfilov@hse.ru

Чибинов Д. В., преподаватель кафедры гражданского права

E-mail: dmchibinov@gmail.com.

Поступила в редакцию: 25.04.2025

Для цитирования:

Панфилов Г. П., Чибинов Д. В. Возмещение вреда, причиненного арбитром: только ли гражданский иск в уголовном деле? // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 96–101. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/96-101

National Research University «Higher School of Economics» (St. Petersburg)

Panfilov G. P., Lecturer of the Department of Civil Law

E-mail: gpanfilov@hse.ru

Chibinov D. V., Lecturer of the Department of Civil Law

E-mail: dmchibinov@gmail.com.

Received: 25.04.2025

For citation:

Panfilov G. P., Chibinov D. V. Compensation for damages caused by an arbitrator: is a civil action in a criminal case only? // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 3 (62). P. 96–101. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/96-101

УДК 347.9
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/102-110

ОГРАНИЧЕНИЕ ДЕЕСПОСОБНОСТИ ГРАЖДАНИНА: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

А. С. Худошин
Саратовская государственная юридическая академия

RESTRICTION OF CITIZEN'S LEGAL CAPACITY: PROCEDURAL ASPECT

A. S. Khudoshin
Saratov State Law Academy

Аннотация: анализируются проблемы теоретического и практического плана, связанные с особенностями реализации положений Гражданского процессуального кодекса и ограничением дееспособности гражданина. Отмечается, что существует ряд законодательных пробелов и несогласованность норм ГК РФ и ГПК РФ. Отдельное внимание уделяется терминологическому аспекту в рамках рассматриваемой темы, предлагаются изменения в законодательство, связанные с конкретизацией отдельных терминов.
Ключевые слова: особое производство, ограничение дееспособности, психическое расстройство, пристрастие к азартным играм, злоупотребление спиртными напитками, злоупотребление наркотическими средствами.

Abstract: the article analyzes the theoretical and practical problems related to the specifics of the implementation of the provisions of the Civil Procedure Code related to the limitation of a citizen's legal capacity. It is noted that there are a number of legislative gaps and inconsistencies between the norms of the Civil Code of the Russian Federation and the Civil Procedure Code of the Russian Federation. Special attention is also paid to the terminological aspect of the topic under consideration, and legislative changes related to the specification of individual terms are proposed.
Key words: special court proceedings, disability, mental disorder, gambling addiction, alcohol abuse, drug abuse.

Отличительной чертой рассмотрения дел в порядке особого производства является отсутствие спора о праве. Так, в ст. 263 ГПК РФ[1] предусмотрена процедура оставления заявления без рассмотрения при наличии спора о праве в рассматриваемом судом правоотношении. Ввиду данного положения предполагается, что дела, прямо предусмотренные для разрешения в порядке особого производства в ст. 262 ГПК РФ, должны носить бесспорный характер. Тем не менее в науке гражданского процессуального права неоднократно приводились доводы о спорном характере включения отдельных категорий дел в подраздел IV ГПК РФ «Особое производство»[2].

Ограничение гражданина в дееспособности является категорией дел, которая вызывает споры как в науке, так и в правоприменительной практике по нескольким причинам. Прежде всего, рассматривая дело об ограничении субъекта в дееспособности, суд разрешает по существу вопрос изменения его гражданско-правового статуса. В случае если лицо не согласно с ограничением его в дееспособности, логично возникновение спора о праве, следовательно, затруднительно говорить о бесспорном характере данной категории дел.

[1] См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 16.01.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

© Худошин А. С., 2025

[2] См. например: *Лебедев М. Ю.* Гражданский процесс : учеб. для вузов. 13-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. С. 259.

Стоит согласиться с Е. В. Михайловой, что данная категория дел выбивается из общего контекста особого производства. Представляется, что несогласие гражданина с изменением своего правового статуса закономерно будет порождать спор о праве[3]. Приведенная позиция входит в прямое противоречие с характеристикой особого производства, приводимой различными авторами. К примеру, характеризуя особое производство, В. Г. Саркисян утверждает, что при рассмотрении дел в данном порядке отсутствуют взаимоисключающие интересы[4]. При этом в делах об ограничении дееспособности гражданина интересу заявителя будет противостоять интерес субъекта, который не согласен с изменением своего гражданско-правового статуса. В данном случае не представляется возможным говорить о бесспорном характере данной категории дел, так как речь может идти о наличии взаимоисключающих интересов, поскольку субъект, вернее всего, не заинтересован в ограничении своей дееспособности. Такого мнения придерживался и И. А. Жеруолис, отмечая, что в делах об ограничении дееспособности возникают случаи, когда между сторонами возникают разногласия и спор о праве лица быть дееспособным, ввиду чего в такой категории дел возникает «потенциальный ответчик» и их целесообразность отнесения к особому производству является спорной[5].

Далее стоит отметить, что помимо спорной природы рассматриваемой категории дел в контексте особого производства возникает ряд вопросов по поводу перечня оснований, по которым гражданин может быть ограничен в дееспособности. Упомянутые основания перечислены в ст. 30 ГК РФ[6], а их процессуальная реализация регламентирована ст. 281, 282 ГПК РФ. Из норм материального права следует, что лицо может быть ограничено в дееспособности в случае наличия «злоупотреблений» спиртными напитками или наркотическими средствами и «пристрастия» к азартным играм, при этом нарушая материальные интересы семьи. Рассматривая данную группу оснований, сразу стоит оговориться, что пристрастие к азартным играм не включено в нормы ГПК РФ, кроме того, в процессуальных нормах также отсутствует такое основание, как психическое расстройство, при котором гражданин способен понимать значение своих действий с помощью других лиц. Психическое расстройство в нормах ГПК РФ поименовано только как основание для лишения дееспособности.

Учитывая специфику рассматриваемой категории дел, решение по которой может изменить правовой статус лица и пределы осуществления им своих прав, видится актуальной проблема возникшей коллизии норм материального и процессуального права. Кроме того, необходимо более подробно осмыслить характер оценочных категорий, применяемых законодателем, и их уместность в рассматриваемых правоотношениях.

Относительно процессуальной регламентации ограничения дееспособности точно отмечает Е. А. Нахова, что законодатель в ст. 282 ГПК РФ оговаривает предмет доказывания по делу, устанавливая фактические сведения, которые должны быть указаны в заявлении[7]. Отсутствие же в указанной статье норм, корреспондирующих основаниям, предусмотренным ГК РФ, создает проблемы не только в теории, но и в правоприменительной практике.

Прежде всего, видится необходимым рассмотреть проблематику применения такого основания, как «наличие психического расстройства». Данное основание применимо как для ограничения в дееспособности, так и для признания гражданина недееспособным. Стоит отметить, что данная дифференциация была определенной новеллой. Ранее психическое расстройство при-

[3] См.: *Михайлова Е. В.* К проблеме правовой природы дел о лишении и ограничении дееспособности гражданина // Юрист. 2023. № 8. С. 47–48.

[4] См.: *Саркисян В. Г.* Особое производство в гражданском процессе : правовая природа, особенности // Право, экономика и управление : состояние, проблемы и перспективы : материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Чебоксары, 22 августа 2024 г.). Чебоксары : Среда, 2024. С. 303.

[5] См.: *Жеруолис И. А.* Сущность советского гражданского процесса. Вильнюс, 1969. С. 196–197.

[6] См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

[7] См.: *Нахова Е. А.* Отдельные аспекты процесса доказывания по делам особого производства в гражданском процессе // Особое производство в цивилистическом процессе : проблемы доктрины, законодательства и практики : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 23 июня 2022 г.) / сост. и ред. Л. В. Войтович. СПб. : Астерион, 2022. С. 133.

знавалось только в качестве основания для признания гражданина недееспособным, о чем уже упоминалось в трудах исследователей[8]. Для его применения необходимо совпадение двух критериев: медицинского – психическое расстройство лица; а также юридического, выраженного в возможности гражданина понимания своих действий при помощи других лиц. Раскрывая юридический критерий данного основания, стоит отметить, что нормы ГПК РФ раскрывают порядок подачи заявления и его содержание только относительно признания недееспособным по данному основанию.

Так, рассматривая дело по заявлению об ограничении в дееспособности по основанию, предусмотренному ч. 2 ст. 30 ГК РФ, суд отказал заявителю по следующей причине: в приведенной части статьи предусмотрено, что данное основание реализуется в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством. В свою очередь, ГПК РФ рассматривает психическое расстройство и регламентирует подачу заявления по этому основанию только в случае лишения дееспособности. Норма ГПК РФ предусматривает только лишение дееспособности, в связи с чем судья пришел к выводу о некорректном формулировании требований[9].

Представляется, что несогласованность норм в данном случае не позволяет заявителю правильно сформулировать требования. Так, в качестве еще одного примера можно проанализировать дело, рассматриваемое Ингодинским районным судом г. Читы, где заявитель обращался в суд для признания гражданина недееспособным, при этом просил признать его ограниченно дееспособным. Стоит отметить, что в данном случае суд не смутила формулировка заявленного требования[10]. Несогласованность норм материального и процессуального права в данном случае представляет собой не юридико-техническую ошибку, а полноценную коллизию, которая не позволяет заявителю правильно сформулировать требования.

Помимо неправильной формулировки заявителем своих требований, в правоприменительной практике возникают ситуации, связанные с неверным толкованием данной нормы. Так, в деле, рассматриваемом Раменским городским судом Московской области, было принято решение ограничить гражданина в дееспособности ввиду перенесенного им заболевания, а именно ишемического инсульта[11]. Представитель заинтересованной стороны справедливо указал суду на факт отсутствия в ГПК РФ норм, на которые ссылается заявитель для ограничения в дееспособности. Суд нашел необоснованными доводы, что такое основание, как «перенесенное заболевание», отсутствует в ГПК РФ, поскольку в заключении эксперт пришел к выводу о наличии психического расстройства. В данном случае, думается, суд истолковал приведенную ситуацию неверно, без учета положений ст. 282 ГПК РФ, закрепляющей содержание заявления об ограничении гражданина в дееспособности. Коль скоро из заявления не следует наличие психического расстройства, а заявитель ссылается на наличие заболевания, данное заявление следовало оставить без рассмотрения.

Относительно приведенного казуса стоит согласиться с С. О. Лозовской, что одного заключения эксперта для принятия решения по данной категории дел не достаточно. Помимо экспертного заключения судом также должны рассматриваться объяснения лица, в отношении которого возбуждено дело об ограничении дееспособности, медицинские документы, показания свидетелей[12]. Кроме того, говоря о заключении эксперта, возможно привести в качестве примера исследование специалистов в области медицины. Так, на основании выборки повторных экспертиз специалисты отметили, что в некоторых случаях заключение о неспособности гражданина понимать значение своих действий ввиду психического расстройства изменялось после повторной экспертизы. В ряде случаев заключение повторной экспертизы содержало вывод о способности гражданина понимать свои дей-

[8] См., например: Социальное гражданское право в его основополагающих институтах : коллективная монография / А. М. Авакян, М. В. Бандо, В. С. Белых [и др.] ; отв. ред. К. М. Некрашевич. М. : Статут, 2022. С. 56.

[9] См.: Решение Домодедовского городского суда от 27 марта 2017 г. по гражданскому делу № 2-4289/2016. URL: https://clck.ru/3JWbUz

[10] См.: Решение Ингодинский районного суда г. Читы от 17 июня 2021 г. по гражданскому делу № 2-2841/2020. URL: https://clck.ru/3JWcfM

[11] См.: Решение Раменского городского суда Московской области от 29 января 2018 г. по делу № 2-34/2018 (2-5735/2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[12] См.: *Лозовская С. О.* Отдельные аспекты правоприменительной практики ограничения дееспособности лиц, страдающих психическими расстройствами // Хозяйство и право. 2022. № 8 (547). С. 103.

ствия с помощью других лиц либо вовсе о полной способности понимать значение своих действий. При повторном исследовании экспертами был сформирован иной экспертный вывод – о полной дееспособности гражданина либо о необходимости ограничения дееспособности – вместо признания гражданина недееспособным. При этом только в 5 из 17 случаев диагностическое заключение также менялось[13]. Приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что заключение эксперта не является достаточным доказательством для установления факта способности гражданина понимать значение своих действий, так как один и тот же диагноз может рассматриваться экспертами по-разному ввиду сложности оценки адаптации человека к автономной жизни с психическим расстройством.

При наличии противоречий между заявленными требованиями и объяснениями лица, в отношении которого возбуждено дело об ограничении дееспособности, будет усматриваться спор о праве на сохранение за гражданином статуса дееспособного лица. Кроме того, в рассматриваемом выше казусе относительно доводов заявителя возражал представитель заинтересованного лица, что, как видится, не соответствует природе особого производства, носящего бесспорный характер.

Стоит отметить, что помимо норм ГПК РФ и ГК РФ некоторые вопросы, касающиеся ограничения дееспособности, рассматриваются в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»[14] (далее – постановление Пленума ВС РФ). В контексте рассматриваемой проблематики внимание будет обращаться на п. 18–20 данного постановления. Так, в п. 19 постановления Пленума ВС РФ поясняется, что относительно психического расстройства суд самостоятельно определяет способность гражданина понимать значение своих действий, на основании чего принимается решение об ограничении дееспособности или о признании гражданина недееспособным. Кроме того, постановление Пленума ВС РФ устанавливает, что дело о признании гражданина ограниченно дееспособным рассматривается по правилам, предусмотренным для признания гражданина недееспособным.

Данное положение представляется не совсем верным. Коль скоро Конституционный Суд РФ пришел к выводу о необходимости законодательной дифференциации рассмотрения дел, связанных с определением степени дееспособности лица, страдающего психическим расстройством[15], рассматривать дело об ограничении дееспособности применимо к правилам о признании недееспособным является не совсем верным. Кроме того, широкое понятие «психическое расстройство» нуждается в конкретизации. В частности, целесообразно выделение отдельных групп психических расстройств, предусмотренных классификатором МКБ-10, как оснований для ограничения дееспособности или для признания гражданина недееспособным[16].

Из заявленного тезиса следует предложение, направленное на совершенствование текущего законодательства и недопущение противоречий в правоприменительной практике. Прежде всего необходимо провести точное разграничение между рассмотрением дела, связанного с ограничением дееспособности гражданина, и признанием его недееспособным из-за психического расстройства.

Целесообразно внести изменение в ст 281 и 282 ГПК РФ, разграничивая круг субъектов, наделенных правом подачи заявления, и содержание такового заявления. Представляется, что круг лиц, наделенных законодателем правом подачи заявления для признания гражданина недееспособным, должен быть более широким, нежели для признания гражданина ограниченно дееспособным по рассматриваемому основанию. В частности, наделение близких родственников

[13] См.: Анализ повторных судебно-психиатрических экспертиз по делам об изменении гражданско-правового статуса с учетом судебных решений / О. А. Русаковская, Н. К. Харитонова, В. И. Васянина [и др.] // Российский психиатрический журнал. 2022. № 6. С. 11–12.

[14] См.: О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

[15] См.: По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И. Б. Деловой : постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2012 г. № 15-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[16] См.: Международная классификация болезней 10 пересмотра (МКБ-10). URL:https://mkb-10.com/index.php?pid=4001

(независимо от совместного проживания) таковым правом является излишним, поскольку видится затруднительной оценка такими лицами психического состояния гражданина и степени его адаптации к повседневной жизни.

Необходимо также внести соответствующие изменения в ст. 282 ГПК РФ, связанные с дифференциацией временного и стойкого психического расстройства. Как отмечают специалисты, стойкое психическое расстройство связано с более тяжелой личностной дисфункцией и социальной дизадаптацией[17]. Исходя из данного тезиса, можно разграничить порядок подачи заявления, регламентированного ст. 282 ГПК РФ. В случае если есть основания полагать, что психическое расстройство носит временный характер, гражданин должен быть ограничен в дееспособности на разумный срок; в свою очередь, если психическое расстройство является стойким, ограничение в дееспособности должно носить бессрочный характер. Следовательно, ст. 282 ГПК РФ в части, регламентирующей подачу заявления для ограничения гражданина дееспособности, изложить в двух пунктах:

а) «в заявлении о бессрочном ограничении гражданина в дееспособности должны быть изложены обстоятельства, свидетельствующие о наличии у гражданина стойкого психического расстройства, вследствие чего он может понимать значение своих действий и руководить ими лишь при помощи других лиц»;

б) «в заявлении о срочном ограничении гражданина в дееспособности должны быть изложены обстоятельства, свидетельствующие о наличии у гражданина временного психического расстройства, вследствие чего он может понимать значение своих действий и руководить ими лишь при помощи других лиц, а также изложен срок, на который заявитель требует ограничить дееспособность гражданина».

Кроме того, необходимо также внести изменения в ст. 283 ГПК РФ, поскольку данная статья предусматривает проведение обязательной психиатрической экспертизы только при признании гражданина недееспособным. При признании гражданина ограниченно дееспособным такая экспертиза также должна проводиться в обязательном порядке, что отмечает в своих трудах М. Г. Смирнова[18].

Переходя к следующей группе оснований для ограничения дееспособности, предусмотренных ч. 1 ст. 30 ГК РФ, стоит также подчеркнуть, что нормы ГК РФ не корреспондируют нормам ГПК РФ. В частности, в ГПК РФ отсутствует такое основание ограничения дееспособности, как пристрастие к азартным играм.

Проводя разграничение между основаниями, указанными в ч. 1 ст. 30 ГК РФ, и рассматриваемым ранее психическим расстройством, стоит отметить, что основным социальным фактором, побуждающим к ограничению лица в дееспособности в связи с наличием «злоупотреблений» и «пристрастия», является трудное материальное положение семьи, вызванное аддикциями субъекта. При этом стоит обратить внимание, что специалисты в области медицины отмечают, что основным критерием ограничения дееспособности в связи с психическим расстройством является нарушение в сделкоспособности гражданина. То есть функции, связанные с самообслуживанием и осознанием своих действий, остаются на уровне для автономного существования, а ограничение дееспособности направлено на превенцию совершения необдуманных трат[19]. Соответственно, цель ограничения гражданина в дееспособности в обоих случаях часто совпадает. В отличие от основания в виде психического расстройства трудное материальное положение семьи является не только целью ограничения дееспособности субъекта, но и предметом доказывания, сформулированным в ч. 1 ст. 282 ГПК РФ.

Тем не менее, как оговаривалось ранее, одно из оснований, предусмотренных в ч. 1 ст. 30 ГК РФ, отсутствует в ст. 281,282 ГПК РФ, а именно «пристрастие к азартным играм», в связи с чем возникает вопрос о предмете доказывания при применении данного основания. В связи с тем что данные основания объединены в ГК РФ в определенную группу, поскольку содержатся в

[17] См.: Peter Tyrer, Helen Tyrer, Min Yang, Boliang Guo Long-term impact of temporary and persistent personality disorder on anxiety and depressive disorders // Personality and Mental Health. 2016. No. 10. P. 76–77.

[18] См.: *Смирнова М. Г.* Об объективации социальных притязаний в праве (на примере ограничения дееспособности гражданина) // Nomothetika : Философия. Социология. Право. 2022. Т. 47, № 2. С. 331.

[19] См.: *Харитонова Н. К., Русаковская О. А.* Ограничение дееспособности в связи с психическим расстройством при понижении и повышении гражданско-правового статуса : анализ социального запроса и представленности отдельных психических расстройств // Российский психиатрический журнал. 2022. № 1. С. 18.

одной части, видится возможным определять предмет доказывания по аналогии с основаниями в виде «злоупотреблений». В данном случае необходимо доказать причинно-следственную связь между пагубным пристрастием и причинением имущественного вреда семье. В случае если предмет доказывания наличия «злоупотреблений» является аналогичным предмету доказывания наличия пристрастия к азартным играм, справедливо будет заметить, что отсутствие в статьях ГПК РФ основания в виде пристрастия к азартным играм является исключительно юридико-технической ошибкой.

Дабы определиться с предметом доказывания по рассматриваемым основаниям для ограничения дееспособности, а также осмысления законодательного понимания «пристрастия» и «злоупотребления», необходимо обратиться к п. 18 рассматриваемого ранее постановления Пленума ВС РФ. Исходя из характеристики, приведенной в данном пункте, можно выявить, что злоупотреблением спиртными напитками или наркотическими средствами является их употребление, расходящееся с интересами семьи и ставящее семью в тяжелое материальное положение. Следовательно, в предмет доказывания будет входить факт употребления наркотических средств и спиртных напитков, а также причинно-следственная связь между таким употреблением и тяжелым материальным положением семьи. Отдельно стоит отметить, что хронические формы наркомании и алкоголизма не предопределяют ограничение в дееспособности.

В свою очередь, рассматривая пристрастие к азартным играм, постановление Пленума ВС РФ выбирает более широкий спектр признаков, следовательно, и предмета доказывания. Признаками пристрастия в рассматриваемом пункте выделяются психологическая зависимость, труднопреодолимое влечение к игре, расстройство поведения, психического здоровья и самочувствия, потеря игрового контроля, а также продолжительное участие вопреки наступлению неблагоприятных материальных последствий. Следовательно, в предмет доказывания будет входить не только причинно-следственная связь между пристрастием к азартным играм и причиненным материальным вредом, но и особое психологическое состояние субъекта. Кроме того, участие в азартных играх должно иметь продолжительный характер, в отличие от злоупотребления спиртными напитками и наркотическими средствами. Исходя из сказанного выше видится, что обязательным доказательством в данном случае должно являться заключение эксперта о психическом состоянии субъекта, что также составляет ключевое отличие от «злоупотреблений» и является сходным с наличием у лица психического расстройства.

Исходя из анализа разъяснения Верховного Суда РФ можно сделать вывод, что основание для ограничения дееспособности в форме «пристрастия» разительно отличается от оснований в форме «злоупотребления». Следовательно, данные основания в текущей законодательной формулировке не могут быть в одной группе, предусмотренной ч. 1 ст. 30 ГК РФ. Более того, отсутствие в ГПК РФ пристрастия к азартным играм создает трудности для правильной подачи заявления.

Для осмысления особенностей категории «пристрастия» необходимо обратиться к исследованиям ученых в области медицины. Так, характеризуя термин «пристрастие», стоит отметить, что Всемирной организацией здравоохранения не выработано определения термина «пристрастие». Иностранные специалисты, например R. A. Wise и G. F. Koob отмечают, что термин «пристрастие» в психиатрии практически не применим ввиду его расплывчатости и множества мнений по поводу его содержания, в свою очередь, более удачным для применения является термин «зависимость». Тем не менее под пристрастием принято понимать состояние субъекта, требующее лечения, создающее проблемы для него и окружающих[20].

Говоря о пристрастии применимо к азартным играм, А. Л. Катков отмечает, что это сложно протекающее психическое расстройство, главным признаком которого является неспособность сопротивляться импульсу игры, ставящая под угрозу и разрушающая личное и семейное положение[21].

Пристрастие к азартным играм (патологическое влечение) включено в МКБ-10 с присвоением шифра F63.0, характеристика в котором соотносится с признаками «пристрастия к азартным играм», выделяемыми постановлением Пленума

[20] См.: *Wise R. A., Koob G. F.* Развитие и течение состояния пристрастия // Medach. URL: https://medach.pro/post/857 (дата обращения: 10.02.2025).

[21] См.: *Катков А. Л.* Профилактика, лечение и реабилитация игровой зависимости : методические рекомендации. Павлодар, 2012. С. 4.

Верховного Суда РФ, а именно – повторяющиеся эпизоды азартной игры в ущерб профессиональным, материальным, семейным ценностям.

Термин «пристрастие» представляется крайне неудачным для его применения в юридической действительности. Поскольку среди специалистов в области медицины существуют споры по поводу его применения и точности, является крайне необъективным его применение для характеристики участия лица в азартных играх в контексте ограничения дееспособности. Видится, что оценочную категорию, в отношении которой не выработано единообразие в области медицины, нельзя использовать в юридической науке. В частности, как аналог «пристрастия» используются термины «влечение», «зависимость», что также говорит о неустойчивости и неопределенности рассматриваемого термина.

Представляется, что основание для ограничения дееспособности в виде «пристрастия к азартным играм» нуждается в законодательной корректировке. В текущей его интерпретации можно говорить о конкуренции норм-оснований, так как его описание совпадает с медицинскими критериями психического расстройства. В свою очередь, ограничение в дееспособности в связи с психическим расстройством имеет иной объем сделкоспособности, сравнивая его с группой оснований, предусмотренной ч. 1 ст. 30 ГК РФ.

Более приемлемым является рассмотрение данного основания как «участия в азартных играх, ставящего семью в тяжелое материальное положение». Данная формулировка позволит избежать неопределенного принципа «пристрастие», не имеющего четких границ не только в юриспруденции, но и медицине, а также избежать конкуренцию оснований, предусмотренных ч. 1 ст. 30 ГК РФ. Кроме того, для этого необходимо исключить из предмета доказывания психологический фактор, в связи с чем также будет нуждаться в пересмотре постановление Пленума ВС РФ.

Кроме того, видится объективным исключение категории «злоупотребление» в части употребления спиртных напитков и наркотических средств, так как постановление Пленума ВС РФ трактует злоупотребление как употребление, которое ставит семью в трудное материальное положение. В свою очередь, трудное материальное положение и так является одним из критериев для ограничения дееспособности. В связи с этим видится непонятным использование оценочной категории. Исходя из сказанного представляется целесообразным преобразовать данные основания в «участие в азартных играх, употребление спиртных напитков и наркотических средств, ставящее семью в трудное материальное положение».

Возвращаясь к бесспорности дел, рассматриваемых в порядке особого производства, возникает целесообразный вопрос о возможности доказывания трудного материального положения, не вызывающего корреспондирующий противоположный интерес. В свою очередь, участие в азартных играх, употребление спиртных напитков и наркотических средств также являются правом субъекта, в связи с чем при ограничении дееспособности видится возникновение спора о праве, а доказывание трудного материального положения и будет являться той составляющей, где права одного субъекта нарушают права другого.

Подводя итоги, стоит отметить, что институт ограничения дееспособности и его процессуальная регламентация имеют явные законодательные пробелы. В частности, возникает вопрос о целесообразности отнесения данной категории дел к «особому производству», имеющему бесспорный характер. Отсутствие ряда оснований, предусмотренных ГК РФ в ГПК РФ, создает трудности с процессуальной регламентацией и рассмотрением дел данной категории судом. В частности, стоит отметить, что общее количество рассмотренных гражданских дел в течение 2023 г. составляет более 28 млн[22], при этом в 2023 г. было рассмотрено всего 678 дел данной категории[23], что видится необъективно низким показателем, не отражающим реальную проблематику в частоте возникновения необходимости ограничения дееспособности.

[22] См.: Выступление председателя Совета судей Российской Федерации В. В. Момотова на пленарном заседании Совета судей РФ 21 мая 2024 года // Совет судей Российской Федерации. URL: https://ssrf.ru/news/vystuplieniia-intierv-iu-publikatsii/54561 (дата обращения: 10.02.2024).

[23] См.: Гражданское судопроизводство. Показатели по отдельным категориям дел // Судебная статистика РФ. URL: https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/gr/t/22/s/0 (дата обращения: 10.02.2024).

Библиографический список:

Анализ повторных судебно-психиатрических экспертиз по делам об изменении гражданско-правового статуса с учетом судебных решений / О. А. Русаковская, Н. К. Харитонова, В. И. Васянина [и др.] // Российский психиатрический журнал. 2022. № 6. С. 4–13.

Жеруолис И. А. Сущность советского гражданского процесса. Вильнюс, 1969. 204 с.

Катков А. Л. Профилактика, лечение и реабилитация игровой зависимости : методические рекомендации. Павлодар, 2012. 87 с.

Лебедев М. Ю. Гражданский процесс : учеб. для вузов. 13-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 438 с.

Лозовская С. О. Отдельные аспекты правоприменительной практики ограничения дееспособности лиц, страдающих психическими расстройствами // Хозяйство и право. 2022. № 8 (547). С. 98–108.

Михайлова Е. В. К проблеме правовой природы дел о лишении и ограничении дееспособности гражданина // Юрист. 2023. № 8. С. 45–50.

Нахова Е. А. Отдельные аспекты процесса доказывания по делам особого производства в гражданском процессе // Особое производство в цивилистическом процессе : проблемы доктрины, законодательства и практики : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 23 июня 2022 г.) / сост. и ред. Л. В. Войтович. СПб. : Астерион, 2022. С. 131–138.

Саркисян В. Г. Особое производство в гражданском процессе : правовая природа, особенности // Право, экономика и управление : состояние, проблемы и перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с международным участием (Чебоксары, 22 августа 2024 г.). Чебоксары : Среда, 2024. С. 302–306.

Смирнова М. Г. Об объективации социальных притязаний в праве (на примере ограничения дееспособности гражданина) // Nomothetika : Философия. Социология. Право. 2022. Т. 47, № 2. С. 327–333.

Социальное гражданское право в его основополагающих институтах : коллективная монография / А. М. Авакян, М. В. Бандо, В. С. Белых [и др.] ; отв. ред. К. М. Некрашевич. М. : Статут, 2022. 190 с

Харитонова Н. К., *Русаковская О. А.* Ограничение дееспособности в связи с психическим расстройством при понижении и повышении гражданско-правового статуса : анализ социального запроса и представленности отдельных психических расстройств // Российский психиатрический журнал. 2022. № 1. С. 16–23.

Peter Tyrer, Helen Tyrer, Min Yang, Boliang Guo. Long-term impact of temporary and persistent personality disorder on anxiety and depressive disorders // Personality and Mental Health. 2016. No. 10.

Wise R. A., Koob G. F. Развитие и течение состояния пристрастия // Medach. URL: https://medach.pro/post/857

References

Analysis of repeated forensic psychiatric examinations in cases of changing civil status, taking into account court decisions / O. A. Rusakovskaya, N. K. Kharitonova, V. I. Vasyanina [et al.] // Russian Psychiatric Journal. 2022. No. 6. P. 4–13.

Zheruolis I. A. The essence of Soviet civil proceedings. Vilnius, 1969. 204 p.

Katkov A. L. Prevention, treatment and rehabilitation of gambling addiction : methodological recommendations. Pavlodar, 2012. 87 p.

Lebedev M. Yu. Civil Procedure : a textbook for universities. 14th ed., revised and enlarged. Moscow : Yurait Publishing House, 2024. P. 259.

Lozovskaya S. O. Certain aspects of law enforcement practice of limiting the legal capacity of persons suffering from mental disorders // Business and Law. 2022. No. 8 (547). P. 98–108.

Mikhailova E. V. On the problem of the legal nature of cases of deprivation and limitation of legal capacity of a citizen // Jurist. 2023. No. 8. P. 45–50.

Nakhova E. A. Certain aspects of the process of proof in cases of special proceedings in civil proceedings // Special proceedings in civilistic proceedings : problems of doctrine, legislation and practice : collection of articles based on the materials of the International scientific and practical conference (St. Petersburg, June 23, 2022) / comp. and editor L. V. Voytovich. St. Petersburg : Asterion, 2022. P. 131–138.

Sargsyan V. G. Special proceedings in civil proceedings : legal nature, features // Law, economics and management : state, problems and prospects : materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation (Cheboksary, August 22, 2024). Cheboksary : Sreda, 2024. P. 302–306.

Smirnova M. G. On the objectification of social claims in law (using the example of limiting the legal capacity of a citizen) // Nomothetika : Philosophy. Sociology. Law. 2022. Vol. 47, No. 2. P. 327–333.

Social civil law in its fundamental institutions : collective monograph / A. M. Avakyan, M. V. Bando, V. S. Belykh [et al.] ; responsible. editor K. M. Nekrashevich. Moscow : Statut, 2022. 190 p.

Kharitonova N. K., *Rusakovskaya O. A.* Limitation of legal capacity due to mental disorder with a decrease and increase in civil-legal status : analysis of social demand and representation of individual mental disorders // Russian Psychiatric Journal. 2022. No. 1. P. 16–23.

Peter Tyrer, Helen Tyrer, Min Yang, Boliang Guo. Long-term impact of temporary and persistent personality disorder on anxiety and depressive disorders // Personality and Mental Health. 2016. No. 10.

Wise R. A., Koob G. F. Развитие и течение состояния пристрастия // Medach. URL: https://medach.pro/post/857

Саратовская государственная юридическая академия
Худошин А. С., делопроизводитель кафедры гражданского процесса
E-mail: accforblitz@mail.ru

Поступила в редакцию: 15.03.2025

Для цитирования:
Худошин А. С. Ограничение дееспособности гражданина: процессуальный аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 102–110. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/102-110

Saratov State Law Academy
Khudoshin A. S., Clerk of the Civil Procedure Department
E-mail: accforblitz@mail.ru

Received: 15.03.2025

For citation:
Khudoshin A. S. Restriction of citizen's legal capacity: procedural aspect // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 3 (62). P. 102–110. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/102-110

УДК 347.7
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/111-118

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КОНВЕРТАЦИИ ЦЕННЫХ БУМАГ В РАМКАХ РЕДОМИЦИЛЯЦИИ

Ю. В. Чистякова
Санкт-Петербургский государственный университет

LEGAL ASPECTS OF SECURITIES CONVERSION IN RESPECT OF REDOMICILIATION

I. V. Chistiakova
Saint-Petersburg State University

Аннотация: аналитично описаны этапы конвертации ценных бумаг иностранного эмитента, удостоверяющих права в отношении акций международной компании. Рассмотрены правовые особенности и практические нюансы реализации этапов конвертации. Выявлены проблемы правового регулирования конвертации в рамках редомициляции, предложены варианты их разрешения, а также проанализирована релевантная судебная практика.
Ключевые слова: автоматическая конвертация, принудительная конвертация, редомициляция, международная компания, глобальные депозитарные расписки, депозитарий, держатель депозитарной программы, реестродержатель, регистратор, обособление ценных бумаг.

Abstract: the article analytically describes the stages of conversion of global and American depositary receipts certifying rights in respect of shares of an international company. Legal peculiarities and practical details of realization of conversion stages are considered. Problems of legal regulation of conversion within the framework of redomiciliation are revealed, variants of their resolution are offered, and relevant judicial practice is analyzed.
Key words: automatic conversion, forced conversion, redomiciliation, international company, global depositary receipts, depositary, depositary program holder, registrar, segregation of securities.

В последние несколько лет институт редомициляции стал активно применяться квазироссийскими юридическими лицами, зарегистрированными в иностранных юрисдикциях. Одним из важных последствий редомициляции для иностранных юридических лиц, приобретающих после редомициляции организационно-правовую форму акционерного общества, в особенности одновременно с получением статуса публичного акционерного общества (далее – «ПАО»), является конвертация ГДР/АДР[1] иностранного юридического лица в ценные бумаги российского ПАО. Данная процедура будет являться предметом рассмотрения настоящей статьи.

Конвертация ГДР/АДР иностранного юридического лица состоит из трех этапов: автоматическая, добровольная и принудительная конвертация. Указанные этапы обычно проходят именно в такой последовательности.

Общие правила конвертации ГДР/АДР в акции международной компании установлены ст. 5 Федерального закона от 4 августа 2023 г. № 452-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2] (далее – Федеральный закон № 452). Они сводятся к следующему:

[1] Глобальные депозитарные расписки, американские депозитарные расписки – ценные бумаги иностранного эмитента, удостоверяющие права в отношении акций международной компании.

© Чистякова Ю. В., 2025

[2] См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 4 августа 2023 г. № 452-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6184.

– в случае если международная компания одновременно с редомициляцией в Российскую Федерацию получает статус ПАО и ее акции допускаются к организованным торгам, то в списке ценных бумаг, допущенных к организованным торгам на российской бирже, происходит замена акций или ГДР/АДР иностранного юридического лица на акции международной компании;

– в реестре акционеров международной компании открываются счета депозитарных программ, на которые зачисляются акции международной компании в количестве, соответствующем пропорции конвертации ценных бумаг иностранного юридического лица в ценные бумаги редомицилированной международной компании (обычно один к одному);

– редомицилированная международная компания должна в течение пяти рабочих дней с момента регистрации предпринять действия, направленные на расторжение договора об обслуживании программы ГДР/АДР, и проинформировать Банк России о таких действиях;

– после конвертации всех ГДР/АДР счета депозитарных программ подлежат закрытию.

Автоматическая конвертация – наиболее оперативный и простой этап с точки зрения его реализации (далее – Автоконвертация). Порядок осуществления автоконвертации регулируется ч. 15–18 ст. 5 Федерального закона от 4 августа 2023 г. № 452 и Решением Совета директоров Банка России от 22 июля 2022 г. «Об установлении порядка осуществления автоматической конвертации ценных бумаг иностранных эмитентов, удостоверяющих права в отношении акций российских эмитентов, в акции российских эмитентов»[3] (далее – Решение об автоконвертации).

Круг держателей ГДР/АДР, к которым возможно применение автоконвертации, является строго ограниченным и фактически замыкается на российском контуре. Автоконвертацию проводит держатель реестра российского редомицилированного эмитента односторонне без запроса у держателей ГДР/АДР (так как держатель реестра не располагает информацией о том, кто ими является) и держателя депозитарной программы (так как держатель депозитарной программы практически всегда является недружественным иностранным лицом) каких-либо подтверждающих документов. При таких условиях автоконвертация должна совершаться только на основании наиболее достоверных сведений о лицах, владеющих ГДР/АДР иностранного юридического лица, во избежание каких-либо мошеннических действий. Для получения таких сведений, как указано в п. 1.1 Решения об автоконвертации, держатель реестра направляет центральному депозитарию, т. е. Небанковской кредитной организации акционерному обществу «Национальный расчетный депозитарий»[4] (далее – «НКО АО НРД»), уведомление об автоконвертации. НКО АО НРД для получения сведений, необходимых для автоконвертации, обращается с запросом информации ко всем российским депозитариям. Из них с обратной связью о количестве ГДР/АДР иностранного юридического лица, учтенных в депозитарии, к НКО АО НРД должны вернуться только так называемые депозитарии первого уровня. Фактически Решение об автоконвертации так именует тех депозитариев, которые в депозитарной цепочке находятся ближе всего к держателю ГДР/АДР. В контексте автоконвертации такие держатели ГДР/АДР – это те лица, которые открыли брокерский счет и/или, соответственно, счет депо в российских брокере и депозитарии. При этом не имеет значения, из каких депозитариев состоит цепочка, ведущая от такого российского депозитария до держателя депозитарной программы. После получения от депозитариев первого уровня необходимой информации НКО АО НРД передает указанные данные держателю реестра, который, в свою очередь, основываясь на достоверных сведениях от российских депозитариев первого уровня, осуществляет списание акций редомицилированного эмитента с лицевого счета держателя депозитарной программы и корреспондирующее зачисление на лицевой счет российских депозитариев первого уровня, которые в дальнейшем самостоятельно распределяют акции между новоиспеченными акционерами редомицилированного эмитента. В связи с включением НКО АО

[3] См.: Об установлении порядка осуществления автоматической конвертации ценных бумаг иностранных эмитентов, удостоверяющих права в отношении акций российских эмитентов, в акции российских эмитентов : решение Совета директоров Банка России от 22 июля 2022 г. URL: http://www.cbr.ru/ (дата обращения: 12.02.2025).

[4] Статус центрального депозитария присвоен Небанковской кредитной организации акционерному обществу «Национальный расчетный депозитарий» приказом ФСФР России от 6 ноября 2012 г. № 12-2761/пз-и.

НРД в санкционные списки Евросоюза[5] и США[6] иностранные депозитарии не взаимодействуют с НКО АО НРД и не представляют такую информацию, поэтому осуществить автоконвертацию ГДР/АДР, принадлежащих лицам, чьи депозитарии первого уровня являются иностранными организациями, невозможно.

Таким образом, круг лиц, имеющих возможность принять участие в автоконвертации, можно очертить следующим образом: к ним относятся те держатели ГДР/АДР, чьи права напрямую учитываются в российских депозитариях.

Отдельного обсуждения заслуживает проблематика погашения конвертированных ГДР/АДР, поскольку в случае, если конвертированные держателем реестра редомицилированного российского эмитента ГДР/АДР иностранного юридического лица не будут погашены, велик риск задвоения владения и повторной конвертации ранее уже конвертированных в российском контуре ГДР/АДР. При автоконвертации проблема погашения практически решена, поскольку именно российские депозитарии обладают первичной возможностью по списанию ГДР/АДР со счетов их конечных держателей в результате автоконвертации. При этом погашение возможно только тогда, когда ГДР/АДР пройдут по всей цепочке от депозитария первого уровня до держателя депозитарной программы, который обладает возможностью по погашению таких ГДР/АДР. При автоконвертации нет гарантии, что списанные российскими депозитариями первого уровня ГДР/АДР смогут беспрепятственно пройти по депозитарной цепочке до держателя депозитарной программы в связи с санкционным давлением, поэтому погашение может не произойти.

Автоконвертация осуществляется достаточно оперативно и быстро исчерпывает свои возможности. Следующим этапом конвертации является так называемая **добровольная конвертация**. Добровольная конвертация не имеет специального регулирования в российском праве, поэтому участники отношений по добровольной конвертации ориентируются на стандартное регулирование касательно ГДР/АДР, изложенное в Федеральном законе от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»[7] и Положении Банка России от 29 июня 2022 г. № 799-П «Об открытии и ведении держателем реестра владельцев ценных бумаг лицевых счетов и счетов, не предназначенных для учета прав на ценные бумаги»[8].

Добровольная конвертация осуществляется по следующей механике. Держатели ГДР/АДР обращаются к брокеру, в котором учитываются его ГДР/АДР, и к держателю депозитарной программы с поручением о конвертации и, как следствие, погашении ГДР/АДР. Брокер обращается с данной инструкцией к центральному депозитарию (например, к Euroclear или Clearstream), который, получив подтверждение от держателя депозитарной программы, выполняет соответствующее поручение. Держатель депозитарной программы также направляет поручение в адрес держателя реестра российского редомицилированного эмитента о совершении списания акций с лицевого счета держателя депозитарной программы и корреспондирующего зачисления на предварительно открытый держателем ГДР/АДР лицевой счет.

В данной процедуре есть несколько неразрешенных вопросов. Во-первых, в рыночной практике остается неразрешенным вопрос о применении ч. 6–7 ст. 5 Федерального закона № 452 к отношениям по добровольной конвертации. Указанные нормы ограничивают круг держателей ГДР/АДР, которые имеют право обратиться с требованием о конвертации теми держателями ГДР/АДР, которые владели соответствующими ГДР/АДР иностранного юридического лица на дату регистрации международной компании.

Первый способ толкования положения данной нормы свидетельствует о том, что ч. 6–7 ст. 5 Федерального закона № 452 не должны применяться к отношениям по добровольной конвертации. Указанный подход обосновывается тем, что ч. 6 ст. 5 Федерального закона № 452 ограничивает применение анализируемых положений целями указанной статьи. Между тем, как указано выше, добровольная конвертация не

[5] См.: Council Regulation (EU) No. 269/2014 of 17 March 2014. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-coNºteNºt/ENº/TXT/?uri=CELEX%3A02014R0269-20241216 (дата обращения: 12.02.2025).

[6] См.: OFAC Sanctions List Search. URL: https://saNºctioNºssearch.ofac.treas.gov/Details.aspx?id=37638 (дата обращения: 12.02.2025).

[7] См.: О рынке ценных бумаг : федер. закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 17. Ст. 1918.

[8] См.: Об открытии и ведении держателем реестра владельцев ценных бумаг лицевых счетов и счетов, не предназначенных для учета прав на ценные бумаги : положение Банка России от 29 июня 2022 г. № 799-П // Вестник Банка России. 2023. № 3.

регулируется ни указанной статьей, ни указанным нормативно-правовым актом в целом. Недостаток такого подхода заключается в том, что неприменение к добровольной конвертации данного ограничения повысит риски спекулятивных торгов ГДР/АДР и формирования так называемого «навеса» на внутрироссийском фондовом рынке, что приведет к искусственному падению рыночной цены на акцию редомицилированного эмитента. Это явление связано с тем, что после редомициляции иностранного юридического лица, ГДР/АДР, выпущенные на его акции, существенно упадут в цене. Таким образом, появится много интересантов, которые, выкупив ГДР/АДР, имеющие потенциал конвертации в акции российской экономически стабильной компании, смогут их конвертировать по процессу добровольной конвертации. И поскольку целью таких лиц будет спекулятивный заработок, а не долгосрочное инвестирование, после конвертации они немедленно продадут акции международной компании по рыночной цене, которая будет значительно выше цены малоликвидных ГДР/АДР. Соответственно, предложение внутри российского рынка повысится, а спрос останется прежним, что негативно повлияет на цену акций. Указанную проблему также озвучивал Банк России[9], поскольку с ней сталкивались многие редомицилировавшиеся эмитенты[10], а неприменение ч. 6–7 ст. 5 Федерального закона № 452 лишь ее усугубит.

Второй вариант толкования расширительно толкует цели ст. 5 Федерального закона № 452. Действительно, указанная норма прямо не регулирует процесс добровольной конвертации, вместе с тем она содержит ряд положений, регулирующих судьбу ГДР/АДР иностранного юридического лица после его редомициляции в целом[11], в связи с чем можно предположить, что цели указанной статьи вовсе не ограничиваются регулированием автоматической и принудительной конвертации, хотя о них и говорится в указанной статье напрямую. Достоинства этого варианта толкования минимизируют риски формирования «навеса». Вместе с тем сама механика добровольной конвертации в определенных случаях нивелирует положительный эффект от этой меры в связи со следующим. Держатель реестра российского эмитента осуществляет списание с лицевого счета держателя депозитарной программы на основании поручения держателя депозитарной программы, которое не содержит информации об истории владения конвертируемых ГДР/АДР. При этом держатель реестра не имеет права запрашивать какую-либо дополнительную информацию для исполнения поручения держателя депозитарной программы[12]. Соответственно, соблюдение ограничения, введенного ч. 6–7 ст. 5 Федерального закона № 452, становится обязанностью держателей депозитарных программ, которые обычно являются иностранными юридическими лицами, как правило, зарегистрированными в недружественных государствах и незаинтересованными в соблюдении российского закона. В связи с этим указанный механизм обеспечивается исключительно фидуциарностью правоотношений эмитента и держателя депозитарной программы, что на практике сильно снижает его эффективность.

Второй распространенной проблематикой в рамках добровольной конвертации является порядок применения к лицам, конвертировавшим ГДР/АДР иностранного юридического лица в акции российского редомицилированного эмитента, Указа Президента РФ от 3 марта 2023 г. № 138 «О дополнительных временных мерах экономического характера, связанных с обращением ценных бумаг»[13] (далее – Указ № 138).

[9] См.: Абзац 3 страницы 13 Обзора рисков финансовых рынков Банка России № 11 (80) Ноябрь 2023. URL: https://cbr.ru/collection/collection/file/46675/orfr_2023-11.pdf (дата обращения: 12.02.2025).

[10] См.: Forbes : Устоять под навесом : как переезд компаний из-за рубежа повлияет на рынок акций. URL: https://www.forbes.ru/iN№vesticii/502169-ustoat-pod-N№avesom-kak-pereezd-kompaN№ij-iz-za-rubeza-povliaet-N№a-ryN№ok-akcij (дата обращения: 12.02.2025) ; Finam : «Навес» из коротких позиций в акциях ТКС до сих пор присутствует. URL: https://www.fiN№am.ru/publicatioN№s/item/N№aves-iz-korotkikh-pozitsiy-v-aktsiyakh-tks-do-sikh-por-prisutstvuet-20240517-1250/ (дата обращения: 12.02.2025) ; РБК : Акции VK упали на 17 % после возобновления торгов. URL: https://www.rbc.ru/quote/N№ews/article/6532279d9a7947a2d2e69715 (дата обращения: 12.02.2025).

[11] Речь о ч. 1–4 ст. 5 Федерального закона № 452.

[12] См.: Части 3.1, 3.2, 3.4 ст. 8 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг». URL: http://actual.pravo.gov.ru/content/content.html#hash=64d95af3bd2beb382524ab619e73a21c3eac78957b17028dbb20348d6307cda9&ttl=0 (дата обращения: 12.02.2025).

[13] См.: О дополнительных временных мерах экономического характера, связанных с обращением ценных бумаг : Указ Президента РФ от 3 марта 2023 г. № 138 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 10. Ст. 1662.

Ранее Банк России констатировал отсутствие необходимости применения Указа № 138[14] к акциям российского редомицилированного эмитента, полученным акционерами по итогам конвертации, поскольку при условии отсутствия целенаправленных действий на реализацию описанных выше и иных спекулятивных схем конвертация ГДР/АДР в акции не влечет их массовую продажу после конвертации.

Применительно к правоотношениям по конвертации в рамках редомициляции Указ № 138 обязывает получать разрешение Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации на сделки с ценными бумагами российского акционерного общества в случае, если такие ценные бумаги были приобретены после даты регистрации международной компании[15] у лиц недружественных иностранных государств и зачислены на открытый в российском депозитарии или реестре счет с открытого в российском депозитарии или реестре счета депозитарных программ. При этом реестродержатели и депозитарии обязаны вести обособленный учет ценных бумаг, соответствующих указанным выше критериям[16], который влечет два главных последствия: получение дивидендов по соответствующим акциям исключительно на счета типа «С» и невозможность совершать с такими ценными бумагами какие-либо сделки.

При этом при выполнении регистратором поручения держателя депозитарной программы о совершении зачисления в пользу лица, являвшегося держателем ГДР/АДР, как указывалось выше, регистратор не имеет возможности запросить какие-либо дополнительные документы и для соблюдения предписанных Указом № 138 мер вынужден по умолчанию презюмировать соответствие всех конвертированных ценных бумаг описанным выше критериям. Таким образом, все конвертированные в рамках добровольной конвертации ценные бумаги подпадают под обособление до того момента, пока акционер не докажет обратное, а именно не подтвердит дружественность всех лиц из цепочки владения такими ценными бумагами с даты регистрации международной компании.

Проблема также заключается в том, что законом не сформулирован перечень документов, которых будет достаточно для снятия обособления, поэтому формирование этого перечня возложено на регистраторов и депозитариев[17]. При этом для борьбы с «навесом» реестродержатели в связи с неоднозначностью меры, сформулированной в ч. 6–7 Федерального закона № 452, могут искусственно устрожать порядок снятия обособления, поскольку такие препятствия могут снизить привлекательность спекулятивной схемы.

Вместе с тем, во-первых, обособление не ограничивает возможность акционера перевести акции с лицевого счета на счет депо в том депозитарии, который установил приемлемые для него требования для снятия обособления. Во-вторых, чрезмерно строгий порядок будет негативно сказываться на акционерах, которые не влияют на «навес». На момент написания статьи автором не обнаружено судебной практики по вопросу оспаривания решения регистратора по отказу в снятии обособления, однако субъективность и различия в подходах разных регистраторов и депозитариев содержат высокий потенциал подобных судебных споров в особен-

[14] См.: Абзац 4 страницы 13 Обзора рисков финансовых рынков Банка России № 11 (80) Ноябрь 2023. URL: https://cbr.ru/collection/collection/file/46675/orfr_2023-11.pdf (дата обращения: 12.02.2025).

[15] Специальное правило по отношению к общему правилу о дате, указанному непосредственно в Указе № 138, сформулировано Банком России в Письме «О действиях депозитариев при исполнении требований Федерального закона от 4 августа 2023 года № 452-ФЗ и соблюдении мер, направленных на обеспечение финансовой стабильности Российской Федерации» от 9 апреля 2024 г. № 018-34-3/3008.

[16] См.: Пункт 1.6 Официального разъяснения Банка России от 24 апреля 2023 г. № 2-ОР «О разъяснении отдельных положений Указа Президента Российской Федерации от 3 марта 2023 года № 138 «О дополнительных временных мерах экономического характера, связанных с обращением ценных бумаг». URL: https://cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/6182 (дата обращения: 12.02.2025).

[17] См.: Решение Совета директоров Банка России от 30 сентября 2024 г. «Об установлении требований к деятельности профессиональных участников рынка ценных бумаг, осуществляющих депозитарную деятельность и (или) деятельность по ведению реестра владельцев ценных бумаг, при обеспечении на основании пунктов 7 и 7(1) Указа Президента Российской Федерации от 3 марта 2023 года № 138 "О дополнительных временных мерах экономического характера, связанных с обращением ценных бумаг" обособленного учета российских ценных бумаг, еврооблигаций и замещающих облигаций». URL: https://cbr.ru/rbr/dir_decisions/rsd_2024-09-30_34_01/ (дата обращения: 12.02.2025).

ности после зачисления дивидендов таким акционерам на счета типа «С».

Необходимо отметить, что на момент написания настоящей статьи реализация добровольной конвертации стала фактически невозможной. В ноябре 2024 г. Минфин США внес в санкционные списки всех российских реестродержателей[18]. Таким образом, держатели депозитарных программ, ранее осуществляющие сотрудничество с российскими реестродержателями, лишились этой возможности в связи с высоким риском привлечения их к ответственности за нарушение санкций. Применительно к вопросам конвертации указанная санкционная мера в первую очередь оказывает негативное влияние на иностранных инвесторов, которые не смогут конвертировать принадлежащие им ГДР/АДР в акции редомицилированной компании в добровольном порядке. Несмотря на это, в целях поддержки инвестиционного климата все субъекты правоотношений по редомициляции на российской стороне настроены на решение данной проблемы, однако на сегодняшний день централизованного решения нет. Одним из потенциальных способов ее решения является создание регистраторами бизнес-дублей в иностранных дружественных государствах, между тем указанный способ сложно назвать оптимальным с точки зрения интересов эмитентов.

Следующим и завершающим этапом конвертации является **принудительная конвертация**. Принудительная конвертация регулируется ч. 20–26 ст. 5 Федерального закона № 452 и Решением Совета директоров Банка России от 24 декабря 2024 г. «Об установлении порядка и сроков осуществления принудительной конвертации ценных бумаг иностранных эмитентов, удостоверяющих права в отношении акций акционерных обществ со статусом международной компании, в акции таких акционерных обществ»[19].

В целом целевой аудиторией процедуры принудительной конвертации являются те держатели ГДР/АДР, чьи брокеры (как правило, по политико-санкционным мотивам) отказались выполнять любые их поручения, в том числе, например, поручение о погашении их ГДР/АДР, несмотря на то что для погашения не требуется взаимодействия с какими-либо подсанкционными элементами, ведь вся процедура погашения ГДР/АДР происходит исключительно во внероссийском контуре. Тем не менее ряд иностранных брокеров отказываются от взаимодействия с квазироссийскими ГДР/АДР. Принудительная конвертация позволяет таким держателям ГДР/АДР обратиться напрямую к реестродержателю российского эмитента и подтвердить свое право собственности на такие ГДР/АДР и срок владения ими, после чего реестродержатель российского эмитента принудительно, т. е. без поручения от держателя депозитарной программы, спишет с его лицевого счета акции российского эмитента в пользу держателя ГДР/АДР.

Необходимо оговориться, что в рамках процедуры принудительной конвертации функции реестродержателя может выполнять депозитарий при условии, что держатель депозитарной программы переведет принадлежащие ему акции международной компании с лицевого счета на счет депо в депозитарии.

Перечень документов, подтверждающих необходимые для удовлетворения заявления о принудительной конвертации обстоятельства, законом прямо не установлен, однако в соответствии с ч. 21 ст. 5 Федерального закона № 452 это должны быть документы, доступные держателю ГДР/АДР в сложившихся для него обстоятельствах и подтверждающие действительность и правомерность его интересов. Иными словами, дискреция реестродержателей и депозитариев, рассматривающих заявления держателей ГДР/АДР о принудительной конвертации, весьма широка. Представляется, что такие документы должны подтверждать три главных обстоятельства: отсутствие возможности принять участие в добровольной конвертации в связи с отказом брокера, право собственности на ГДР/АДР, цепочку владения ГДР/АДР с момента регистрации международной компании.

Начало принудительной конвертации может инициировать сам эмитент либо она в соответствии с законом начнется через год после регистрации международной компании. Поскольку

[18] См.: Интерфакс : США ввели санкции против российских регистраторов. URL: https://www.interfax.ru/world/993915 (дата обращения: 12.02.2025).

[19] См.: Решение Совета директоров Банка России от 24 декабря 2024 г. «Об установлении порядка и сроков осуществления принудительной конвертации ценных бумаг иностранных эмитентов, удостоверяющих права в отношении акций акционерных обществ со статусом международной компании, в акции таких акционерных обществ». URL: http://www.cbr.ru/ (дата обращения: 12.02.2025).

принудительная конвертация является наиболее строгим способом конвертации, редомицилированные компании, как правило, стараются прибегать к ней как можно позднее, чтобы дать больше времени на добровольную конвертацию с более мягкими правилами.

Проблематика принудительной конвертации заключается, во-первых, в рассинхронизации правовых реальностей редомицилировавшегося иностранного юридического лица и редомицилированного российского юридического лица. После принудительного списания акций со счета держателя депозитарных программ количество выпущенных им ГДР/АДР не меняется, ведь он не получает распоряжение о погашении. В связи с этим в дальнейшем при взаимодействии держателя депозитарных программ и держателей ГДР/АДР конвертация не сможет происходить по коэффициенту один к одному и на одну ГДР/АДР будет приходиться меньше одной акции российского эмитента. Это не только фактически нарушит права иностранных инвесторов, но и существенно усложнит выход из сложившейся ситуации.

Во-вторых, отсутствие взаимодействия между реестродержателем российского эмитента, держателя депозитарной программы и иностранных брокеров, влечет очень высокий риск уже не спекулятивных, а мошеннических схем. Помимо того, что проверить достоверность иностранных документов без какого-либо взаимодействия с их источником очень сложно, даже без явного подлога в отношении подтверждения права собственности на ГДР/АДР принудительная конвертация оставляет широкие возможности для мошенничества. Например, держатель ГДР/АДР, который преувеличил нежелание своего брокера по выполнению его поручений и прошел через принудительную конвертацию, при этом продолжая владеть ГДР/АДР, может реализовать ГДР/АДР третьему лицу, которое тоже потребует принудительной конвертации. В случае удовлетворения обоих заявлений уставный капитал российского эмитента будет искусственно раздут, так как его акции фактически задвоятся. С учетом этого закон не только формулирует высокий стандарт доказывания при подаче заявлений о принудительной конвертации, но и фактически оставляет открытый перечень оснований для отказа в их удовлетворении, который сформулирован следующим образом: «*При наличии обоснованных сомнений в полноте и (или) достоверности сведений, указанных в заявлении, либо при недостаточности сведений, указанных в заявлении о принудительной конвертации … держатель реестра международной компании … вправе отказать … в открытии счета депо (лицевого счета) и зачислении на него соответствующего количества акций международной компании*». Таким образом, реестродержатели очень консервативно подходят к рассмотрению заявлений в рамках принудительной конвертации и крайне избирательно их удовлетворяют, в связи с чем в рыночной практике большая часть заявления о принудительной конвертации не удовлетворяется.

Не согласные с такого рода отказами держатели ГДР/АДР имеют право обратиться в суд за защитой своих прав. На момент написания настоящей статьи автором не обнаружено судебных дел, в рамках которых истец требовал признания незаконным отказа в принудительной конвертации именно в рамках редомициляции. Однако за пределами редомициляции отказы реестродержателей в удовлетворении подвергались успешному оспариванию[20]. Верховный Суд Российской Федерации пришел к следующим выводам:

– подход депозитариев и реестродержателей при рассмотрении заявлений о принудительной конвертации не должен быть универсальным, а должен исходить из уникальных особенностей каждого конкретного кейса, что следует из принципа добросовестности, обязывающего участников гражданского оборота взаимно оказывать необходимое содействие;

– бремя доказывания обоснованности отказа в удовлетворении заявления о принудительной конвертации обстоятельств является достаточно широким и предполагает использование всех доступных профессиональному участнику рынка ценных бумаг инструментов для проверки документов заявителя;

– высокий стандарт доказывания обстоятельств со стороны заявления тем не менее не предполагает бесспорности его доводов и может допускать сомнения, а у заявителя не могут тре-

[20] См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27 сентября 2024 г. № 305-ЭС24-7267 по делу № А40-110422/2023 ; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 305-ЭС24-16202 по делу № А40-129833/2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

боваться документы, получение которых объективно невозможно.

Полагаем, указанные выше тенденции на инициативное поведение со стороны депозитариев и регистраторов и индивидуальный подход к каждому заявлению будут сохраняться и для случаев принудительной конвертации в рамках редомициляции.

Подводя итог написанному выше, можно сказать, что процедура конвертации является действительно сложным и многофакторным процессом. Проблематика регулирования процедуры конвертации в рамках редомициляции связана как с новизной этого правового института в актуальной политико-правовой реальности, так и с наличием в правоотношениях по конвертации иностранных элементов, существенно затрудняющих ее реализацию. В целом все нерешенные вопросы, связанные с конвертацией при редомициляции, можно разделить на две группы: первоочередные и отсроченные.

Так, к первоочередным относятся вопросы, связанные с возобновлением добровольной конвертации, проблема толкования ч. 6–7 ст. 5 Федерального закона № 452, способы достижения целей контрсанкционных мер Указа № 138 при конвертации и вопросы о соблюдении баланса интересов при рассмотрении регистраторами заявлений о принудительной конвертации. Указанная категория проблем требует быстрого реагирования и лучших решений из возможных вариантов.

Категория отсроченных проблем включает в себя вопросы, связанные с корректным погашением ГДР/АДР по итогам автоматической и принудительной конвертаций, проблемы изменения пропорции ГДР/АДР иностранного юридического лица и акций международной компании в связи с принудительной конвертацией и вопросы о судьбе тех иностранных инвесторов, которые не смогут конвертировать свои ГДР/АДР. Указанные проблемы еще не дают о себе знать в полную силу, однако нам видится крайне важным целесообразно использовать имеющийся запас времени и разработать эффективные правовые механизмы их решения.

Библиографический список

Саламатова А., Архипова Д. Обзор практики ВС РФ за IV квартал 2024 года : о самом важном для банков // Юридическая работа в кредитной организации. 2024. № 4. С. 93–103.

References

Salamatova A., Arkhipova D. (2024) Review of the practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the fourth quarter of 2024 : on the most important things for banks // Legal work in a credit organization. 2024. No. 4. P. 93–103.

Санкт-Петербургский государственный университет

Чистякова Ю. В., магистр, соискатель кафедры коммерческого права, юрист АО «ТБанк»

E-mail: yulia_shklyar@list.ru

Поступила в редакцию: 13.02.2025

Для цитирования:

Чистякова Ю. В. Правовые аспекты конвертации ценных бумаг в рамках редомициляции // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 111–118. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/111-118

Saint-Petersburg State University

Chistiakova I. V., Master of Law, Applicant of the Department of Commercial Law, Lawyer of the JSC «TBank»

E-mail: yulia_shklyar@list.ru

Received: 13.02.2025

For citation:

Chistiakova I. V. Legal aspects of securities conversion in respect of redomiciliation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 3 (62). P. 111–118. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/111-118

УДК 347.63
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/119-126

ДОКАЗЫВАНИЕ ПО ДЕЛАМ О ВОССТАНОВЛЕНИИ В РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВАХ И ОТМЕНЕ ОГРАНИЧЕНИЯ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ ГРАЖДАНИНА

М. С. Андреянова
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

PROOFING IN CIVIL CASES FOR RESTORING PARENTAL RIGHTS AND RESCINDING RESTRICTIONS OF PARENTAL RIGHTS

M. S. Andreyanova
Financial University under the Government of the Russian Federation

Аннотация: в Российской Федерации споры о восстановлении гражданина в родительских правах и отмене ограничения родительских прав являются редкими в практике судов общей юрисдикции. Как правило, с таким иском обращается гражданин лично, без привлечения профессионального представителя, поэтому у него возникают сложности в понимании, какими доказательствами следует подтверждать свою правоту. Основная цель исследования состоит в определении предмета и средств доказывания по таким спорам. При исследовании автор применял общенаучные и специальные методы: аналитический и индуктивный, сравнительно-правовой, формально-юридический, методы описания, сравнения и исследования случаев. Путем системного толкования правовых норм семейного и гражданско-процессуального законодательства России, исходя из собственного профессионального опыта как судьи, автор определил предмет и средства доказывания по спорам о восстановлении гражданина в родительских правах и отмене ограничения родительских прав.
Ключевые слова: отмена ограничения родительских прав, восстановление в родительских правах, ребенок, родитель, доказывание, судопроизводство, предмет доказывания, средства доказывания.

Abstract: in Russia disputes for restoring parental rights and rescinding restrictions of parental rights are rare in the practice of courts. As a rule, such a lawsuit is filed by a citizen personally without a professional representative, so he has difficulties in understanding what evidence should prove his right. The main purpose of the article is to formulate the subject and means of evidence in such disputes. In the study, the author used general and special scientific methods: analytical, inductive, comparative legal, formal legal methods, methods of description, comparison and study of cases. Through a systematic interpretation of the legal norms of family and civil procedural legislation of Russia, based on own professional activity as a judge, the author determinated the subject and means of evidence in such disputes.
Key words: rescinding restrictions of parental rights, restoring parental rights, child, parent, court proceedings, subject of evidence, means of evidence.

В современной правовой науке восстановление в родительских правах и отмена ограничения родительских прав изучаются, как правило, через призму семейно-правовой ответственности родителя и меры защиты прав ребенка[1].

© Андреянова М. С., 2025

[1] См.: *Костина С. Е.* Восстановление родительских прав как мера защиты прав ребенка – современное состояние и перспективы развития // Вестник Сарат. гос. юрид. академии. 2019. № 1 (126). С. 119–123 ;

Научных исследований, имеющих практическую пользу для правоприменителей (судей, прокуроров, сотрудников органов опеки и попечительства, органов, осуществляющих защиту прав несовершеннолетних), явно недостаточно. Из них можно отметить работы Н. Н. Тарусиной и коллектива авторов под общим руководством И. В. Решетниковой. Однако и в этих работах уделяется мало внимания доказыванию именно по спорам о восстановлении в родительских правах и отмене ограничения родительских прав гражданина[2].

Такая ситуация сложилась из-за того, что суды редко рассматривают данные споры, а сами судебные акты по ним не подлежат опубликованию для общего пользования в силу п. 2 ч. 5 ст. 15 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»[3].

Основными источниками знаний являются обобщения судебной практики, изложенные в обзорах и постановлениях Верховного Суда РФ[4].

В связи с этим у граждан, профессиональных представителей и даже правоприменителей возникают сложности в понимании, какими доказательствами следует родителю подтверждать свою правоту. Поэтому основная задача автора – сформулировать предмет доказывания по спорам о восстановлении в родительских правах и отмене ограничения родительских прав на основе законодательства РФ и правоприменительной практики судов, а также предложить возможные средства доказывания по этим спорам.

Дела данных категорий подлежат рассмотрению районным судом по месту жительства (нахождения) ответчика с обязательным участием органа опеки и попечительства и прокурора, которые дают заключение по существу спора (ст. 72 и 76 Семейного кодекса РФ[5], ст. 24 и 28, 45 и 47 Гражданского процессуального кодекса РФ[6]).

Истцом по делу является родитель, лишенный родительских прав или ограниченный в них на основании решения суда, а ответчиком – лицо, на попечении которого находится ребенок: другой родитель, опекун (попечитель), приемные родители, патронатные воспитатели, орган опеки и попечительства, организация для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей[7].

Доказывание юридически значимых обстоятельств в суде представляет собой деятельность сторон, направленную на установление фактических обстоятельств спора с целью определения истины. Следуя принципам состязательности и равноправия сторон, на них возложено бремя доказывания этих фактов (ст. 56 ГПК РФ). Суд должен лишь направить доказательственную деятельность сторон, познать действительность спорной ситуации, оценить познанное и, квалифицировав существующее между сторонами отношение, разрешить спор по существу. Именно поэтому суд определяет предмет доказывания, распределяет бремя доказывания между сторонами и помогает им в сборе тех доказательств, которые они не могут получить самостоятельно.

В рассматриваемых спорах на родителе-истце лежит бремя доказывания, что возвращение ребенка в его семью соответствует интересам последнего.

Предметом доказывания является совокупность юридических фактов, которые необходимо доказать сторонам, с тем чтобы суд правильно разрешил спор. Согласно ст. 55 ГПК РФ сведения об этих фактах могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов.

Касаткина А. Ю. Ограничение, утрата и восстановление родительских прав : проблемы семейно-правовых механизмов // Вестник Владимир. юрид. ин-та. 2022. № 3 (64). С. 61–64.

[2] См.: *Тарусина Н. Н.* Доказывание по гражданским делам из личных семейных правоотношений : трудности жанра // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 254–273 ; Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. И. В. Решетниковой. 7-е изд., доп. и перераб. М. : Норма, 2020. С. 313–320 ; *Доржиева С. В., Мурзина Е. А.* Актуальные проблемы восстановления в родительских правах // Евразийская адвокатура. 2017. № 4. С. 104–106.

[3] См.: Российская газета. 2008. 26 дек. № 265.

[4] В частности, в Обзоре практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей, утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ 20 июля 2011 г. (URL: https://vsrf.ru/documents/thematics/15101) и постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» (URL: https://vsrf.ru/documents/own/24386).

[5] См.: Российская газета. 1996. 27 янв. № 17.

[6] См.: Российская газета. 2002. 20 нояб. № 220.

[7] См.: Пункт 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44.

Результаты исследования и их обсуждение

Для уяснения предмета доказывания по спорам о восстановлении в родительских правах и отмене ограничения родительских прав необходимо проанализировать содержание ст. 72 и 76 СК РФ. Родитель может быть восстановлен в родительских правах в случаях, если он изменил поведение, образ жизни и (или) отношение к воспитанию ребенка, а само возвращение ребенка родителю соответствует интересам последнего. Если основания, в силу которых родитель был ограничен в родительских правах, отпали, а само возвращение ребенка родителю соответствует интересам последнего, то суд может отменить ограничение родительских прав. Одновременно с основным требованием родителя могут быть рассмотрены требования о возврате ему ребенка и прекращении взыскания с него алиментов[8].

По спорам о восстановлении гражданина в родительских правах и отмене ограничения родительских прав в предмет доказывания входят следующие обстоятельства[9]:

1. *Наличие родительского правоотношения между ребенком и истцом*.

В силу ст. 47 СК РФ основанием возникновения родительского правоотношения является происхождение ребенка от данного родителя, удостоверенное в установленном законом порядке.

Прекращение родительского правоотношения влекут смерть или объявление судом умершим ребенка или родителя, достижение ребенком возраста совершеннолетия, приобретение ребенком полной дееспособности до указанного возраста (например, вступление в брак, эмансипация ребенка, достигшего возраста 16 лет), усыновление (удочерение) ребенка[10].

В качестве доказательства этого обстоятельства служат записи актов о рождении ребенка, заключении им брака и смерти одной из сторон, усыновлении ребенка, которые могут быть получены в органах ЗАГС по запросу суда.

2. *Исполнение истцом родительских обязанностей в отношении ребенка надлежащим образом*.

В настоящее время наиболее распространенными основаниями лишения родительских прав являются уклонение от выполнения обязанностей родителя, наличие алкоголизма и (или) наркомании, а основаниями ограничения родительских прав – ненадлежащее исполнение обязанностей родителя из-за наличия у него заболевания или тяжелых жизненных обстоятельств, что, в свою очередь, создает опасность для жизни и здоровья ребенка; либо виновное неисполнение родителем своих обязанностей в отношении ребенка, что создает опасность для его жизни и здоровья при отсутствии достаточных оснований для лишения родительских прав.

Сначала суд устанавливает, по каким основаниям родитель-истец был лишен родительских прав или ограничен в них, анализируя соответствующее решение суда, вступившее в законную силу. Затем суд проверяет, изменились ли поведение и образ жизни родителя, его отношение к воспитанию ребенка, состояние здоровья родителя[11].

Как правило, такие сведения получают из объяснений истца и ответчика, письменных доказательств (справок и характеристик образовательных и медицинских организаций о степени участия родителя в процессе развития ребенка, ухода и заботы о нем, о состоянии здоровья родителя-истца; письменных документов органов опеки и попечительства и органов по защите прав детей; фотографий; писем и открыток ребенка и родителя друг к другу; и др.); видеозаписей общения ребенка и родителя.

Так, мать обратилась в суд с иском к отцу о восстановлении в родительских правах в отношении 11-летней дочери, с которым согласился ответчик.

В ходе разбирательства суд установил, что стороны являются родителями ребенка. Мать отбывала реальное наказание в виде лишения свободы в колонии с октября 2018 г. по октябрь 2021 г. После взятия ее под стражу девочка осталась проживать с бабушкой по линии матери. В марте 2020 г. по решению суда было установлено отцовство в отношении ребенка, а с мая 2020 г. девочка проживала в новой семье: совместно с отцом, мачехой и младшей сестрой.

[8] См.: Пункты 25, 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44.

[9] Вывод основан на анализе дел № 4572/2022, 2-4592/2022, 2-4763/2022, 2-1157/2023, 2-1273/2023 Кузьминского районного суда г. Москвы. URL: https://mos-gorsud.ru/rs/kuzminskij/services/cases/civil/details/ (дата обращения: 25.01.2025).

[10] См.: Пункты 2, 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44.

[11] См.: Пункты 24, 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44.

В ноябре 2020 г. мать лишили родительских прав из-за уклонения от выполнения обязанностей родителя и наличия заболевания наркоманией.

До освобождения из колонии мать общалась с дочерью посредством переписки, затем – лично (в присутствии отца 1–2 раза в месяц) и по телефону.

В июне 2022 г. отец поместил дочь в семейный центр из-за длительного конфликта между его детьми. Мать продолжила личное общение с дочерью 2–3 раза в неделю и ежедневно по телефону, поддерживая девочку морально и материально.

Мать, имея заболевание наркоманией, ежемесячно проходила обследование у врача; ремиссия заболевания составила 1 год 4 месяца на момент рассмотрения спора в суде. Эти обстоятельства подтверждались справкой медицинской организации, полученной по запросу суда.

После освобождения из мест лишения свободы мать работала, положительно характеризовалась работодателем, имела регулярный ежемесячный доход в размере, достаточном для обеспечения себя и ребенка, что было подтверждено характеристикой работодателя и справкой о доходах матери, полученными из социального фонда и налогового органа.

Отец не предъявил к принудительному исполнению документ о взыскании с матери алиментов на дочь. В период с ноября 2021 г. по июль 2022 г. мать добровольно переводила отцу денежные средства на содержание дочери. Она покупала ребенку вещи и школьные принадлежности. Мать предъявила суду соответствующие платежные документы.

В соответствии с актом обследования условий жизни матери, проведенного органом опеки и попечительства, она имела возможность обеспечить основные потребности дочери, в жилом помещении были созданы условия для нормального проживания, отдыха и всестороннего развития девочки.

В ходе судебного разбирательства 11-летняя девочка рассказала об указанных обстоятельствах своей жизни. Она высказала желание проживать совместно с матерью и согласие на восстановление ее в родительских правах. Объяснения девочки также подтверждались письменной позицией отца-ответчика и справкой центра, в котором она содержалась.

Поскольку после лишения матери родительских прав в отношении ребенка ее поведение и образ жизни, отношение к воспитанию дочери качественно изменились, а именно: мать имела официальную работу, получала регулярный доход в размере, достаточном для обеспечения дочери и себя, участвовала в ее содержании, регулярно наблюдалась у врача-нарколога, заболевание находилось в стадии ремиссии, активно участвовала в общении, заботе и развитии ребенка, – суд, учитывая прямое и однозначное согласие девочки на восстановление матери в родительских правах, удовлетворил иск матери о восстановлении ее в родительских правах. Руководствуясь п. 3 ст. 72 и ст. 119 СК РФ, суд также разрешил требования о возврате ребенка матери и прекращении взыскания с нее алиментов.

Очевидно, что такие основания лишения родительских прав, как жестокое обращение с ребенком, совершение умышленного преступления против жизни или здоровья своих детей, другого родителя, супруга, невозможно будет преодолеть изменением поведения и образа жизни родителя.

3. *Материальное положение истца позволяет ему обеспечить основные потребности ребенка при совместном проживании*. У родителя должен быть регулярный ежемесячный доход в размере, достаточном для обеспечения себя и ребенка; жилое помещение, соответствующее санитарно-гигиеническим требованиям; отсутствие задолженности по оплате жилищно-коммунальных услуг, отсутствие задолженности по уплате алиментов на ребенка.

Как правило, такие сведения получают из документов работодателя истца, справок о его доходах из налогового органа или социального фонда, документов судебного пристава-исполнителя об отсутствии / наличии задолженности по уплате алиментов, выписок со счета истца о перечислении денежных средств на счет ребенка или ответчика, чеков о покупке вещей, оплате услуг и др.

Суд устанавливает наличие у истца жилищно-бытовых условий, пригодных для проживания ребенка, из акта обследования, проводимого органом опеки и попечительства, справок управляющих организаций об отсутствии задолженности по оплате жилищно-коммунальных услуг, справок органа полиции о поведении истца в быту.

До сих пор открытым остается вопрос о возможности возвращения ребенка родителю, у которого имеется задолженность по уплате али-

ментов. Если суд возвращает ребенка родителю, то какой максимальный размер задолженности или за какой период являются допустимыми?

По мнению автора, необходимо исходить из уже имеющегося правового регулирования – ч. 1 ст. 5.35.1 Кодекса РФ об административных правонарушениях[12]: неуплата родителем без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств в установленном ими размере в течение 2 и более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства влечет применение административного наказания. Из этого можно сделать вывод, что при наличии у родителя-истца задолженности по уплате алиментов за 2 и более месяцев подряд и отсутствии уважительных причин для неуплаты алиментов на ребенка суд отказывает в восстановлении его в родительских правах или отмене ограничения родительских прав.

Так, отец обратился в суд с иском к органу опеки и попечительства об отмене ограничения родительских прав в отношении 3-летнего сына.

В ходе судебного разбирательства было установлено, что истец являлся отцом ребенка, мать ребенка жива. В 2021 г. оба родителя были ограничены в родительских правах; с отца взысканы алименты на сына. Основанием для ограничения прав отца явилось его уклонение от выполнения обязанностей родителя. С сентября 2021 г. ребенок находился в семейном центре.

Отец не состоял под наблюдением у психиатра и нарколога, но ранее получал помощь в связи с диагнозом – умственная отсталость легкой степени.

Отец работал с декабря 2019 г., имел положительную характеристику работодателя и регулярный ежемесячный доход в достаточном размере.

Отец принимал активное участие в жизни сына: еженедельно навещал его в центре, поддерживал связь с воспитателями, интересовался жизнью и здоровьем сына, привозил ему подарки.

Из заключения по результатам психологической диагностики ребенка суд установил, что отец проявлял заинтересованность к жизни сына, инициативу к общению и взаимодействию с ним, стараясь максимально продуктивно проводить время. Между отцом и ребенком отмечались устойчивая положительная эмоциональная привязанность и близкая родственная связь: сын идентифицировал отца как родного, проявлял потребность в тактильном контакте с ним, с радостью занимался совместной деятельностью. В их взаимоотношениях не было выявлено обстоятельств, неблагоприятным образом сказывающихся на эмоциональном состоянии и развитии ребенка.

Согласно акту обследования условий жизни отца он проживал в собственной квартире, которая имела удовлетворительное санитарно-гигиеническое состояние, но в ней отсутствовали мебель, предметы обихода и техника, необходимые для нормального проживания и развития ребенка, а также одежда и обувь в соответствии с его полом, возрастом и сезоном, средства и предметы по уходу за ним, книги и развивающие игры, игрушки.

Бабушка ребенка, являясь свидетелем по делу, дала показания о том, что будет помогать отцу в уходе за малолетним сыном.

У отца имелась задолженность по алиментам на ребенка около 100 000 рублей, из которой он погасил 10 000 рублей.

Суд отказал в удовлетворении иска по следующим основаниям. Несмотря на то, что после ограничения родительских прав отца его поведение и отношение к воспитанию ребенка качественно изменились, отец ненадлежащим образом исполнял обязанность по его содержанию, имея задолженность по алиментам в значительном размере, а также в жилом помещении отца не были созданы условия для проживания малолетнего сына.

Через полгода отец снова обратился в суд с аналогичным иском.

Помимо ранее описанных обстоятельств, суд установил, что отец продолжил принимать активное участие в жизни ребенка, что способствовало сохранению эмоциональной привязанности и близкой связи между ними. Эти обстоятельства были установлены из справки центра и нового заключения по результатам психологической диагностики ребенка. Согласно новому акту обследования условий жизни отца его комната была оборудована детской мебелью и техникой, имелись разносезонная одежда и обувь, средства и предметы по уходу за 3-летним сыном, книги и развивающие игры, игрушки. Отец полностью погасил задолженность по алиментам на ребенка.

[12] См.: Российская газета. 2001. 31 дек. № 256.

Руководствуясь п. 1 и 2 ст. 76 СК РФ, суд удовлетворил требования отца об отмене ограничения родительских прав и возвращении ребенка, поскольку истец активно участвовал в развитии сына в течение длительного времени и регулярно общался с ним, надлежащим образом исполнял обязанность по его содержанию, в жилом помещении отца были созданы условия для проживания малолетнего ребенка; между отцом и сыном сложились нормальные детско-родительские отношения, отец надлежащим образом исполнял обязанности в отношении ребенка. Суд также разрешил вопрос о прекращении взыскания с отца алиментов на ребенка в соответствии со ст. 119 СК РФ.

4. *Возвращение ребенка истцу соответствует его интересам*. По мнению автора, суду необходимо проверить наличие положительной эмоциональной связи между ребенком и истцом, желание ребенка вернуться к нему.

Как правило, данные факты подтверждаются объяснениями самого ребенка и ответчика или письменными документами организации, в которой находится ребенок, письменными документами органов опеки и попечительства и органов по защите прав детей.

Как видно из предыдущего примера, такими доказательствами явились справка семейного центра, в котором находился ребенок, о поведении отца и заключение по результатам психологической диагностики ребенка. В более сложных случаях может возникнуть необходимость в проведении психолого-психиатрической экспертизы.

В силу прямого указания ст. 12 Конвенции ООН «О правах ребенка»[13] и ст. 57 СК РФ суд должен непосредственно опросить ребенка, достигшего 10 лет либо младше 10 лет, который по уровню своего развития может сформулировать позицию по предмету судебного спора, и выяснить его мнение по вопросу возвращения в семью родителя-истца. При разрешении спора о восстановлении в родительских правах суд может удовлетворить иск родителя только при наличии прямого и однозначного согласия ребенка, достигшего 10 лет, на восстановление родителя в правах[14]. При этом мотивы, по которым ребенок не согласен на восстановление истца в правах, не имеют юридического значения.

Так, мать обратилась в суд с иском к опекуну ребенка о восстановлении в родительских правах в отношении сына, возврате ей ребенка и освобождении от уплаты алиментов на него.

В ходе судебного разбирательства было установлено, что истец является матерью 13-летнего сына, отец ребенка умер. В 2012 г. оба родителя были лишены родительских прав; с матери взысканы алименты на него. Основаниями для лишения матери родительских прав явились уклонение от выполнения своих обязанностей и наличие наркомании.

Мать прошла курс лечения и реабилитации от наркотической зависимости, в 2019 г. снята с наблюдения в связи с ремиссией заболевания в течение 3 лет. Получила профессиональное образование и работала с мая 2020 г., имела положительную характеристику работодателя и регулярный ежемесячный доход в размере, достаточном для обеспечения себя и ребенка.

Из объяснений матери стало известно, что она принимала активное участие в жизни сына: они лично общались 2–3 раза в неделю дома, посещали места отдыха и культуры. С 2019 по 2021 г. ездили совместно отдыхать в Крым.

Ребенок дал объяснения о том, что хочет проживать с бабушкой, так как с ней спокойно, а с мамой часто происходят конфликты по пустякам из-за перепадов ее настроения. Он подтвердил, что трижды отдыхал с ней в Крыму. Он был обижен на мать, которая в прошлом оставляла его на улице вместе с алкоголиками и наркоманами. Кроме того, мать подарила свою квартиру старшей сестре. Его пугала смена места жительства и школы. Он не был готов воссоединиться с матерью в единую семью.

Из заключения по результатам психодиагностического обследования ребенка было установлено, что он относился с тревогой к ситуациям, ведущим к изменениям привычной жизни. У него имелись затруднения с формированием четкой позиции по вопросам, связанным с восстановлением матери в родительских правах. Он хотел проживать у бабушки, чтобы о нем продолжали заботиться, а также иметь возможность путешествовать и общаться с матерью. Ребенок включал мать в свою семейную систему, демонстрировал признаки привязанности, но не выделял ее в качестве значимого взрос-

[13] См.: Сборник международных договоров СССР. 1993. Вып. XLVI.

[14] См.: Пункты 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 ; ст. 57, п. 4 ст. 72 СК РФ.

лого, был готов к общению с матерью на темы досуговых мероприятий, совместного отдыха и покупок для него. Ребенок болезненно реагировал на конфликты между матерью и опекуном, стремился избегать участия в них.

Из ответа образовательной организации следовало, что воспитанием ребенка занималась бабушка. Отношения в семье были уважительные и добрые. Бабушка принимала активное участие в школьной жизни ребенка.

В соответствии с актами обследования условий жизни ребенка и матери мальчик проживал вместе с тетей и бабушкой-опекуном, последняя обеспечивала его основные потребности. Мать проживала в квартире, в которой были созданы хорошие условия для ребенка, имела возможность обеспечить потребности сына.

Задолженность по алиментам на ребенка составляла более 230 000 рублей.

В данном случае судом было установлено, что после лишения матери родительских прав ее поведение и образ жизни, отношение к воспитанию сына качественно изменились, но она ненадлежащим образом исполняла обязанность по его содержанию, имея задолженность по алиментам в значительном размере. Учитывая мнение ребенка, который возражал против восстановления матери в родительских правах, суд отказал в удовлетворении ее требования.

Подводя итог проведенному анализу с использованием судебной практики, хотелось бы отметить, что в предмет доказывания по спорам о восстановлении гражданина в родительских правах и отмене ограничения родительских прав входят: наличие родительского правоотношения между ребенком и истцом; исполнение истцом родительских обязанностей в отношении ребенка надлежащим образом; материальное положение истца, позволяющее ему обеспечить основные потребности ребенка при совместном проживании; соответствие интересам ребенка возвращения его в семью истца.

В связи с тем, что данные споры имеют личный неимущественный характер, основными средствами доказывания являются объяснения сторон и ребенка, а также письменные доказательства: записи актов гражданского состояния; судебные постановления; документы исполнительного производства; справки и характеристики образовательных и медицинских организаций о степени участия родителя в процессе развития ребенка, ухода и заботы о нем, о состоянии здоровья родителя-истца; документы органов опеки и попечительства (в частности, акты обследования условий жизни родителя-истца) и органов по защите прав детей; совместные фотографии и переписка ребенка и родителя; документы работодателя истца, справки о его доходах и имуществе из государственных органов и организаций, финансовые документы. В качестве доказательств стороны активно представляют видеозаписи общения ребенка и родителя. Для доказывания наличия положительной эмоциональной связи между ребенком и родителем-истцом могут быть использованы документы по результатам психологической диагностики ребенка и заключение экспертов по результатам проведения психолого-психиатрической экспертизы. Практически не используются в качестве доказательств показания свидетелей и аудиозаписи.

Библиографический список

Доржиева С. В., Мурзина Е. А. Актуальные проблемы восстановления в родительских правах // Евразийская адвокатура. 2017. № 4. С. 104–106.

Касаткина А. Ю. Ограничение, утрата и восстановление родительских прав : проблемы семейно-правовых механизмов // Вестник Владимир. юрид. ин-та. 2022. № 3 (64). С. 61–64.

Костина С. Е. Восстановление родительских прав как мера защиты прав ребёнка – современное состояние и перспективы развития // Вестник Сарат. гос. юрид. академии. 2019. № 1 (126). С. 119–123.

Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. И. В. Решетниковой. 7-е изд., доп. и перераб. М. : Норма, 2020. С. 313–320.

Тарусина Н. Н. Доказывание по гражданским делам из личных семейных правоотношений : трудности жанра // Вестник гражданского процесса. 2019. № 1. С. 254–273.

References

Dorzhieva S. V., Murzina E. A. Actual problems of restoration of parental rights // Eurasian Advocacy. 2017. No. 4. P. 104–106.

Kasatkina A. Y. Restriction, loss and restoration of parental rights : problems of family and legal mechanisms // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2022. No. 3 (64). P. 61–64.

Kostina S. E. Restoration of parental rights as a measure to protect the rights of the child – current state and development prospects // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2019. No. 1 (126). P. 119–123.

Handbook of evidence in civil proceedings / ed. by I. V. Reshetnikova. 7th ed., supplement and revision. Moscow : Norma, 2020. P. 313–320.

Tarusina N. N. Proving in civil cases from personal family legal relations : difficulties of the genre // Bulletin of the Civil Procedure. 2019. No. 1. P. 254–273.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Андреянова М. С., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности, судья в отставке

E-mail: marykam79@rambler.ru

Поступила в редакцию: 03.04.2025

Для цитирования:

Андреянова М. С. Доказывание по делам о восстановлении в родительских правах и отмене ограничения родительских прав гражданина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 119–126. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/119-126

Financial University under the Government of the Russian Federation

Andreyanova M. S., PhD in Jurisprudence, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity, Retired Judge

E-mail: marykam79@rambler.ru

Received: 03.04.2025

For citation:

Andreyanova M. S. Proofing in civil cases for restoring parental rights and rescinding restrictions of parental rights // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 3 (62). P. 119–126. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/119-126

УДК 347.5
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/127-133

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ДЕТЬМИ: СООТНОШЕНИЕ НОРМ СЕМЕЙНОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

О. В. Дмитриева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

PARENTAL RESPONSIBILITY FOR HARM CAUSED BY CHILDREN: THE RELATIONSHIP BETWEEN THE NORMS OF FAMILY AND CIVIL LAW

O. V. Dmitrieva

National Research University «Higher School of Economics» (Moscow)

Аннотация: доказывается, что ответственность родителей за вред, причиненный детьми, будучи гражданско-правовой, тем не менее, основана на имеющейся семейно-правовой связи родителей с причинителем вреда (ребенком). Обосновывается тезис, что родители несут ответственность за собственное правонарушение семейно-правового характера. Анализируются элементы данного правонарушения. Доказывается, что вина родителей должна характеризоваться как психологическая категория; критикуются поведенческие подходы к определению их вины. По вопросу о долевом или солидарном характере ответственности родителей за вред, причиненный детьми, предлагается установить солидарность их ответственности в случае их совместного проживания друг с другом и ребенком. В остальных случаях целесообразнее использовать принцип долевой ответственности, исходя из степени вины каждого родителя в неосуществлении или ненадлежащем осуществлении их обязанностей по воспитанию детей и надзору за ними. Вносятся предложения по совершенствованию семейного законодательства, а также некоторых положений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1.
Ключевые слова: семейное право, деликт, имущественная ответственность родителей, обязанности по воспитанию и надзору, возмещение вреда, вина родителей.

Abstract: the article examines the relationship between the norms of civil and family law governing the imposition of measures of property liability. It is proved that the responsibility of parents for harm caused by children is based on civil law, however, based on the existing family-legal relationship of parents with the harm-doer (child). It substantiates the thesis that parents are responsible for their own offense of a family-legal nature. The elements of this violation are analyzed. It is proved that the guilt of parents should be characterized as a psychological category, behavioral approaches to determining their guilt are criticized. On the issue of the shared or joint nature of parents' responsibility for the harm caused by children, it is proposed to establish the solidarity of their responsibility in the case of their living together with each other and the child. In other cases, it is more appropriate to use the principle of shared responsibility based on the degree of guilt of each parent in failing to fulfill or improperly fulfilling their responsibilities for raising and supervising children. Proposals are being made to improve family legislation, as well as Resolution No. 1 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 26, 2010.
Key words: family law, tort, parental property liability, parenting and supervision responsibilities, compensation for harm, parental guilt.

Особая значимость семейно-правовых отношений в жизни общества требует их всесторонней охраны, которая выражается в первую очередь в необходимости установлении разумного и сбалансированного позитивного регулирования имущественных и неимущественных отно-

© Дмитриева О. В., 2025

шений в семье. Однако не менее важным является также закрепление возможности применения государством мер негативного характера, призванных стимулировать членов семьи, в первую очередь родителей, надлежащим образом относиться к исполнению своих обязанностей в отношении детей. Среди этих мер важную роль играет юридическая ответственность различной отраслевой принадлежности[1], причем существенное взаимодействие обнаруживается между нормами гражданского и семейного права об ответственности, поскольку общественные отношения, регулируемые ими, связаны наиболее тесным образом.

Одним из примеров взаимодействия семейного и гражданского законодательства является возложение имущественной ответственности за вред, причиненный малолетними и несовершеннолетними детьми (ст. 1073, 1074 ГК РФ). В соответствии со ст. 1073 ГК РФ за вред, причиненный несовершеннолетними, не достигшими возраста 14 лет (малолетними), отвечают его родители (усыновители) или опекуны, если не докажут, что вред возник не по их вине. В соответствии с п. 2 ст. 1074 ГК РФ за вред, причиненный несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет, субсидиарную ответственность несут родители (усыновители) или попечитель, также если не докажут, что вред возник не по их вине.

Эти деликты, будучи закрепленными в ГК РФ, являются предметом анализа в цивилистической литературе. В литературе по семейному праву они, как правило, либо вообще не упоминаются, либо упоминаются вскользь[2] ввиду того, что между причинителем вреда (ребенком) и лицом, потерпевшим вред от его действий, отсутствуют семейно-правовые отношения.

Однако в учебнике И. Л. Корнеевой сделан акцент на том, что субъекты ответственности по ст. 1073 и 1074 ГК РФ – родители (или лица, их заменяющие) – имеют семейно-правовую связь с причинителем вреда (ребенком). В связи с этим ответственность родителей, являющихся супругами, за причинение их детьми вреда, не просто упоминается, но даже квалифицируется в качестве семейно-правовой. При этом автор обосновывает такой подход тем, что, «хотя она (ответственность. – *О. Д.*) и определяется гражданским законодательством, однако обращение взыскания на имущество супругов в этом случае осуществляется в соответствии с п. 2 ст. 45 СК РФ»[3]. Как представляется, такой вывод автор сделал исходя из того, что по смыслу ст. 45 СК РФ обязанность возместить вред, причиненный несовершеннолетними детьми, следует рассматривать как общую имущественную обязанность супругов, являющихся родителями, исполнение которой, соответственно, должно осуществляться за счет их общего имущества.

Однако такой подход к определению природы ответственности за вред, причиненный детьми, всё же представляется излишне категоричным и недостаточно обоснованным.

Например, Е. В. Рузанова не поддерживает эту позицию, совершенно справедливо указывая, что недопустимо смешение родительских и супружеских прав и обязанностей[4]. Очевидно, что ответственность родителей за вред, причиненный детьми, в принципе не может ставиться в зависимость от того, состоят ли родители в браке или нет, и есть ли у них общее имущество. Даже если они и состоят в браке, между ними может быть заключен брачный договор и установлен режим раздельной собственности, в силу чего общее имущество у них может отсутствовать. Ссылка на ст. 45 СК РФ, таким образом, не может быть положена в обоснование того, что ответственность родителей за вред, причиненный детьми, является семейно-правовой. Можно согласиться с Е. В. Рузановой в том, что эта статья предназначена лишь для установления «специального правила обращения взыскания на общее имущество»[5] супругов. По этой причине она имеет достаточно узкую сферу применения: когда родители состоят в браке и не меняли за-

[1] См.: *Хачатуров Р. Л., Липинский Д. А.* Общая теория юридической ответственности. СПб., 2007. С. 812 ; *Турусова О. С.* Семейно-правовая ответственность в Российской Федерации и зарубежных государствах : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011.

[2] См. например: Семейное право : учебник и практикум для вузов / под ред. Л. М. Пчелинцевой ; под общ. ред. Л. В. Цитович. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. С. 182–183 ; *Корнеева И. Л.* Семейное право : учебник и практикум для среднего профессионального образования. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. С. 100 ; *Антокольская М. В.* Семейное право : учебник. 2-е изд., перераб и доп. М. : Юрист, 2002. С. 169.

[3] *Корнеева И.Л.* Указ. соч.

[4] См.: *Рузанова Е. В.* Особенности ответственности родителей, являющихся супругами, за причинение вреда их детьми : гражданско-правовой и семейно-правовой аспекты // Законы России : опыт, анализ, практика. 2019. № 1. С. 52.

[5] Там же.

конный режим общего имущества на какой-либо другой вариант.

Тем не менее ясно, что ответственность родителей, усыновителей или опекунов (попечителей) перед потерпевшим, хоть и не может квалифицироваться как семейно-правовая, всё же имеет в своей основе семейно-правовые отношения между родителем и ребенком.

В соответствии с п. 1 ст. 63 СК РФ «родители имеют право и обязаны воспитывать своих детей», а каждый ребенок в соответствии с п. 2 ст. 54 СК РФ «имеет право жить и воспитываться в семье, … право знать своих родителей, право на их заботу, право на совместное с ними проживание…». В СК РФ специально не упоминается обязанность родителей осуществлять за детьми надзор. При этом, если ребенок остается без попечения родителей, то он в соответствии со ст. 155.1 СК РФ должен быть помещен «под надзор» в детское учреждение. Из этого можно сделать вывод, что родительское попечение прежде всего предполагает именно надзор, т. е. наблюдение за поведением ребенка, без чего, очевидно, невозможно осуществлять обязанности по воспитанию. То, что у родителей имеется обязанность по осуществлению надзора, подтверждается также подп. «а» п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина», где сказано, что родители (как и другие лица, упомянутые в нем) отвечают за вред, причиненный детьми, «если с их стороны имело место безответственное отношение к его воспитанию и неосуществление должного надзора». Для исключения вопросов о наличии или отсутствии обязанности родителей по надзору за детьми, целесообразно было бы дополнить п. 1 ст. 63 СК РФ указанием на обязанность родителей осуществлять надзор за детьми.

Таким образом, неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями (лицами, их заменяющими) семейно-правовой обязанности по надзору за ребенком или его воспитанию, является правонарушением родителей (лиц, их заменяющих). В определенных случаях оно может влечь даже лишение родительских прав (если поведение родителей подпадает под основания, указанные в ст. 69 СК РФ), т. е. применение меры сугубо семейно-правовой ответственности, призванной не только наказать недобросовестных родителей, но главное – защитить права и законные интересы ребенка, в том числе связанные с формированием его как достойного члена общества, уважающего чужие права и сознательно воздерживающегося от их нарушения.

Если же родители, не исполняя или ненадлежащим образом исполняя свои родительские обязанности, не увидели, что именно в конкретный момент делает маленький ребенок, либо сформировали у ребенка более старшего возраста неправильные жизненные установки, что привело к совершению им действия, причинившего вред постороннему лицу, очевидно, что правонарушение семейно-правового характера является причиной гражданско-правового деликта.

Таким образом, ответственность родителей по ст. 1073 и 1074 ГК РФ наступает за собственное правонарушение, которое складывается из четырех традиционных элементов: противоправности, наличия вреда, причинно-следственной связи между противоправным поведением и вредом, а также вины причинителя. При этом характеристика отдельных элементов этого состава имеет существенные особенности.

Наиболее дискуссионным является вопрос о вине родителей (лиц, их заменяющих). В соответствии со ст. 1073 и 1074 ГК РФ родители отвечают за вред, причиненный детьми, «если не докажут, что вред возник не по их вине». Таким образом, вина является обязательным условием их ответственности. Исходя из этого, разъяснение, содержащееся в п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1, где указано, что законные представители ребенка отвечают, если с их стороны имело место «безответственное отношение к его воспитанию и неосуществление должного надзора за ним (попустительство или поощрение озорства, хулиганских и иных противоправных действий, отсутствие к нему внимания и т. п.)», создает впечатление, что таким образом определена их вина.

Если это так, то данное разъяснение следует охарактеризовать как крайне неудачное. Исходя из него затруднительно провести разграничение между противоправностью и виновностью как разными (объективным и субъективным) условиями возложения ответственности за причинения вреда детьми. Очевидно, что «неосуществление должного надзора» характеризует объек-

тивную сторону правонарушения, а «безответственное отношение», наоборот, субъективную[6].

Противоправность, как объективное условие ответственности, может выражаться только в поведении родителей, не соответствующем требованиям закона. Применительно к обязанностям по надзору и воспитанию это могут быть как разнообразные действия, направленные на формирование у ребенка привычки к социально неприемлемому поведению, его одобрение и т. д., так и бездействие, например отсутствие внимания к поступкам детей, адекватной реакции на них, объяснений, как правильно поступать в той или иной ситуации, от чего воздерживаться и т. п.[7]

Что же касается вины как субъективного условия ответственности, то при решении вопроса об ответственности родителей (и других физических лиц, их заменяющих) следует опираться на психологическую концепцию, подразумевающую под виной психическое отношение лица к его противоправным действиям и обусловленным ими последствиям, выражающееся в форме умысла или неосторожности. Например, Е. В. Рузанова, опираясь на этот вариант определения вины в гражданском праве (абз. 1 п. 1 ст. 401 ГК РФ), предлагает понимать «под виной родителей (лиц, их заменяющих) в качестве субъектов обязательства вследствие причинения вреда….психическое отношение указанных лиц к своему противоправному поведению, состоящему в неисполнении или ненадлежащем исполнении ими обязанностей по воспитанию и (или содержанию) несовершеннолетних детей, в неосуществлении надзора за ними, а также возможным последствиям такого поведения, заключающимся в неправомерных действиях детей, влекущих вред»[8]. Такая форма вины, как неосторожность, может быть определена и тем термином, который используется в упомянутом постановлении Пленума Верховного Суда РФ, – «безответственное отношение» к своим обязанностям по воспитанию и надзору, а также его последствиям в виде причинения ребенком вреда.

Очевидно, что психологическая концепция вины в данной категории случаев может применяться весьма эффективно, что «работает против» получившего распространение в цивилистической литературе мнения, что психологическая концепция является сугубо «уголовно-правовой трактовкой понятия вины», в отличие от гражданского права, где «закреплен объективный критерий», предполагающий некий «должный стандарт поведения конкретного правонарушителя», в значительной степени определяемый по усмотрению суда[9]. Представляется, что нет никакой необходимости, по крайней мере, в деликтных обязательствах, возлагать на суд необходимость «изобретать» некий стандарт поведения для родителей (и приравненных к ним лиц), ибо он уже закреплен в законодательстве в виде обязанностей по надзору за ребенком и его воспитанию, тем более что нарушение этого стандарта свидетельствует вовсе не о вине, а о противоправности поведения родителя.

Поведенческий подход к вине, вытекающий из абз. 2 п. 1 ст. 401 ГК РФ, позволяющий судить о наличии или отсутствии вины правонарушителя по совершенным или, наоборот, не совершенным им действиям, целесообразно применять только к организациям, на которые возложены обязанности опекуна (попечителя), поскольку они не обладают психикой. Исходя из того, что в гражданском праве применяется презумпция вины и для освобождения от ответственности правонарушителю надо доказывать свою невиновность (п. 2 ст. 401 ГК РФ), актуальным представляется дополнить п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 конкретизированным описанием поведения организации, которое свидетельствует об отсутствии ее вины в ненадлежащем надзоре или воспитании (достаточная квалификация воспитателей, наличие внимания к дисциплине выполнения своих обязанностей персоналом, наличие камер наблюдения на входе в помещение организации и т. д.).

Если речь идет об ответственности родителей (физических лиц) за причинение вреда деть-

[6] См.: *Дмитриева О. В.* Применение мер гражданско-правовой ответственности за правонарушения в сфере семейно-правового регулирования // Современное семейное право России и тенденции его развития: теория и практика : сб. тезисов по итогам Всерос. науч.-практ. видеоконф. (22 мая 2018 г.) / отв. ред. И. В. Бакаева, В. Е. Стрегло. Ростов н/Д. : Изд-во Юж. федер. ун-та, 2018.

[7] См.: Там же.

[8] *Рузанова Е. В.* Обязательства вследствие причинения вреда с участием несовершеннолетних граждан : автореф дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 8.

[9] См. например: *Байбак В. В.* Общие условия ответственности за нарушение обязательств в ст. 401 ГК РФ : старые правила в новом контексте // Закон. 2016. № 10. С. 134.

ми, возникает также вопрос о том, должна ли ответственность обоих родителей за причинение вреда ребенком быть долевой или солидарной. В п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 разъяснения по этому поводу не содержится, однако в научной литературе данный вопрос поднимался. Е. В. Рузанова, например, высказывала мнение, что в гражданском законодательстве должна быть закреплена солидарная ответственность родителей независимо от того, состоят они в браке или нет[10].

В полной мере с этим мнением согласиться нельзя.

Чтобы наиболее разумно подойти к разрешению этого вопроса, нужно смоделировать разные ситуации, формирующие внутрисемейное отношения:

1) родители состоят в браке и проживают совместно друг с другом и с детьми;

2) родители состоят в браке, но постоянно не проживают совместно друг с другом и детьми по разным причинам (как объективным – в связи с характером работы, несением военной службы, в том числе в зоне боевых действий, отсутствием общего жилого помещения, достаточного по площади для совместного проживания и т. д., так и субъективным, например в связи с неуживчивым характером кого-либо из них и т. д.);

3) родители не состоят в браке, ребенок проживает с одним из них, но второй имеет возможность беспрепятственно общаться с ним и осуществлять обязанность по его воспитанию;

4) родители не состоят в браке, и родитель, не проживающий с ребенком, лишен возможности осуществлять родительские обязанности по его воспитанию из-за непримиримой позиции второго родителя, препятствующего его общению с ребенком;

5) независимо от того, состоят ли родители в браке и проживают ли совместно с детьми, один из родителей не осуществляет обязанности по воспитанию в силу объективной причины (длительной болезни, нахождения на срочной военной службе, на службе в зоне боевых действий и т. д.).

Для последних двух случаев вопрос о долевом или солидарном характере ответственности родителей за причинение детьми вреда практически не актуален в связи с наличием разъяснения Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 (подп. «в» п. 16), в котором указано, что родитель, лишенный возможности воспитывать ребенка по вине другого родителя либо ввиду объективной причины, в частности длительной болезни, может быть освобожден от ответственности. Очевидно, что причиной освобождения такого родителя от ответственности является отсутствие его вины в неосуществлении или ненадлежащем осуществлении обязанностей по надзору за ребенком или его воспитанию, которое связано с наличием своеобразной «непреодолимой силы» в виде этих объективных обстоятельств.

Первые же три ситуации имеют сходство в том, что независимо от того, состоят ли родители в браке и проживают ли совместно с детьми, они должны и, как правило, имеют фактическую возможность осуществлять родительские обязанности по воспитанию и надзору, поэтому должны также «пожинать плоды» своей деятельности (или бездеятельности), в том числе в виде несения имущественной ответственности за противоправные действия детей.

Стоит при этом отметить, что даже если родители состоят в браке и проживают совместно друг с другом и детьми, это не означает, что все надзорные и воспитательные функции в отношении детей они выполняют только сообща. Очевидно, что обычно кто-то в большей степени занят обеспечением материального благосостояния семьи, кто-то больше занимается поддержанием домашнего уюта и воспитанием детей. Возможно, один из родителей в большей степени по сравнению с другим является примером (как позитивным, так и негативным), влияющим на формирование мировоззрения ребенка и его поведение. В любом случае выступление родителей «единым фронтом» в деле воспитания детей, хотя и является наиболее правильным с педагогической точки зрения, далеко не всегда имеет место в действительности. При этом все противоречия воспитательного процесса в семье так или иначе дают некий единый результат и отражаются в сформированных семьей взглядах, характере и общем стиле поведения ребенка. Ввиду малой разделимости вклада каждого родителя в воспитание ребенка в полной, проживающей совместно семье можно согласиться с предложением о введении солидарной ответственности родителей за причинение ребенком вреда. Этот подход, как представляется, вполне

[10] См.: *Рузанова Е. В.* Особенности ответственности родителей, являющихся супругами, за причинение вреда их детьми… С. 52–55.

соответствует правилу о солидарной ответственности за совместное причинение вреда (ст. 1080 ГК РФ), хотя и с особенностью в виде совместности формирования не самого вреда, а причины его причинения ребенком. При этом наличие или отсутствие у родителей режима совместной собственности на имущество, за счет которого производится возмещение вреда, для решения этого вопроса значения не имеет.

В случаях, когда родители проживают раздельно (независимо от того, состоят они в браке или нет), степень влияния каждого родителя на ребенка определима, она может оказаться очень разной как по качеству, так и по количеству, поэтому применение принципа солидарной ответственности кажется не вполне справедливым по отношению к тому родителю, который приложил все возможные педагогические усилия, сознательно формируя у ребенка правильные моральные и юридические установки, а другой родитель был не слишком добросовестным в этом плане. Определение ответственности родителей в долях (связанных со степенью вины каждого родителя) в такой ситуации представляется более сбалансированным как с позиций представлений о справедливости, так и с целью усиления стимулирования каждого родителя добросовестно, постоянно и в полной мере заниматься воспитанием детей. Однако требуется анализ возможного влияния долевой ответственности родителей на обеспечение реализации имущественного интереса лица, потерпевшего от правонарушения, совершенного ребенком.

Библиографический список

Антокольская М. В. Семейное право : учебник. 2-е изд., перераб и доп. М. : Юрист, 2002. 336 с.

Байбак В. В. Общие условия ответственности за нарушение обязательств в ст. 401 ГК РФ : старые правила в новом контексте // Закон. 2016. № 10. С. 132–143.

Дмитриева О. В. Применение мер гражданско-правовой ответственности за правонарушения в сфере семейно-правового регулирования // Современное семейное право России и тенденции его развития : теория и практика : сб. тезисов по итогам Всерос. науч.-практ. видеоконф. (22 мая 2018 г.) / отв. ред. И. В. Бакаева, В. Е. Стрегло. Ростов н/Д. : Изд-во Юж. федер. ун-та, 2018.

Корнеева И. Л. Семейное право : учебник и практикум для среднего профессионального образования. 4-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. 285 с.

Рузанова Е. В. Обязательства вследствие причинения вреда с участием несовершеннолетних граждан : автореф дис.… канд. юрид. наук. Саратов, 2013.

Рузанова Е. В. Особенности ответственности родителей, являющихся супругами, за причинение вреда их детьми : гражданско-правовой и семейно-правовой аспекты // Законы России : опыт, анализ, практика. 2019. № 1. С. 52–55.

Семейное право : учебник и практикум для вузов / под ред. Л. М. Пчелинцевой ; под общ. ред. Л. В. Цитович. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2025. 291 с.

Турусова О. С. Семейно-правовая ответственность в Российской Федерации и зарубежных государствах : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2011.

Хачатуров Р. Л., Липинский Д. А. Общая теория юридической ответственности. СПб., 2007.

References

Antokolskaya M. V. Family law : Textbook. 2nd ed., revised and supplemented, Moscow : Lawyer, 2002. 336 p.

Baibak V. V. General conditions of liability for breach of obligations in art. 401 of the Civil Code of the Russian Federation : old rules in a new context // Law. 2016. No. 10. P. 132–143.

Dmitrieva O. V. Application of measures of civil liability for offenses in the field of family law regulation // Modern family law of Russia and trends in its development : theory and practice : all-Russian Scientific and Practical Conference. Collection of abstracts on the results of the All-Russian scientific and practical videoconference (May 22, 2018) / ed. by I. V. Bakaeva, V. E. Streglo. Rostov-on-Don : Southern Federal University Press, 2018.

Korneeva I. L. Family law : Textbook and practice for secondary vocational education. 4th ed., reprint. and additional. Moscow : Yurayt Publishing House, 2025. 285 p.

Ruzanova E. V. Obligations due to harm caused by minors : cand. legal sci. dis. abstr. Saratov, 2013.

Ruzanova E. V. Specifics of the responsibility of parents who are spouses for causing harm to their children : civil and family law aspects // Laws of Russia : experience, analysis, practice. 2019. No. 1. P. 52–55.

Family law : textbook and practice for universities / L. M. Pchelintseva [et al.] ; ed. by L. M. Pchelintseva ; under the general editorship of L. V. Cytovich. 2nd ed., reprint. Moscow : Yurait Publishing House, 2025. 291 p.

Turusova O. S. Family and legal responsibility in the Russian Federation and foreign countries : cand. legal sci. dis. abstr. Moscow, 2011.

Khachaturov R. L., Lipinsky D. A. General theory of legal responsibility. St. Petersburg, 2007.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

Дмитриева О. В., кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента частного права

E-mail: prok.dmitriev@yandex.ru

Поступила в редакцию: 02.06.2025

Для цитирования:

Дмитриева О. В. Ответственность родителей за вред, причиненный детьми: соотношение норм семейного и гражданского права // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 127–133. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/127-133

National Research University «Higher School of Economics» (Moscow)

Dmitrieva O. V., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Private Law

E-mail: prok.dmitriev@yandex.ru

Received: 02.06.2025

For citation:

Dmitrieva O. V. Parental responsibility for harm caused by children: the relationship between the norms of family and civil law // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 3 (62). P. 127–133. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/127-133

УДК 349.3
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/134-141

ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ КОМПЕНСАЦИОННОЙ ВЫПЛАТЫ НА УХОД ЗА НЕТРУДОСПОСОБНЫМИ ГРАЖДАНАМИ

Н. Л. Зуева
Воронежский государственный университет

THE LEGAL NATURE OF COMPENSATION PAYMENTS FOR CARE OF A DISABLED PERSON

N. L. Zueva
Voronezh State University

Аннотация: одной из главных задач социального государства является забота государства о нетрудоспособных и пожилых членах нашего общества. Прописанные как международными, так и внутренними нормативными актами меры социальной защиты указанной категории граждан носят комплексный разносторонний характер, охватывающий медицинское обслуживание, культурно-просветительскую деятельность и т. д. Отдельно предусмотрена материально-денежная помощь в виде прямых единовременных, ежемесячных выплат: пенсии, социальные выплаты и т. д. Малоизученным в юридической литературе и требующим детального изучения является вопрос о правовом статусе компенсационных выплат. Особенно актуальным этот вопрос стал в связи с недавним «переводом» надбавки на уход за нетрудоспособными гражданами с компенсационной выплаты на часть пенсии (повышение фиксированного размера). Актуализировались также вопросы мизерного размера этой выплаты, отмены права на эту выплату лицам, которые по медицинским показаниям нуждаются в постоянном постороннем уходе, технические вопросы подтверждения страхового стажа лицам, осуществляющим уход, и т. д. В статье рассматриваются практические и теоретические вопросы реализации социальных прав граждан в части получения компенсационной выплаты по уходу за нетрудоспособными: реалии, проблемы и перспективы.
Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, социальное государство, компенсационная выплата, уход за нетрудоспособными гражданами, фиксированная выплата, страховой стаж, трудовой стаж, надбавка на уход.

Abstract: one of the main tasks of the welfare state is to take care of the disabled and elderly members of our society. The social protection measures prescribed by both international and domestic regulations for this category of citizens are comprehensive and versatile, covering medical care, cultural and educational activities, etc. Financial and financial assistance is provided separately in the form of direct lump-sum, monthly payments: pensions, social benefits, etc. The issue of the legal status of compensation payments is poorly understood in the legal literature and requires detailed study. This issue has become particularly relevant in connection with the recent "transfer" of the allowance for the care of disabled citizens from compensation payments to part of the pension (increase of a fixed amount). The issues of the meager amount of this payment, the cancellation of the right to this payment to persons who need constant outside care for medical reasons, the technical issues of confirming insurance experience to caregivers, etc. were also updated. The article discusses practical and theoretical issues of the realization of social rights of citizens in terms of receiving compensation payments for the care of the disabled: realities, problems and prospects.
Key words: Constitution of the Russian Federation, social state, compensation payment, care for disabled citizens, fixed payment, insurance experience, work experience, care allowance.

© Зуева Н. Л., 2025

В соответствии с Конституцией России наша страна является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека[1]. Ключевыми, с позиции исследования, в Основном законе являются направленность политики нашей страны на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь человека, а также конкретизация этих условий как гарантий государства в виде пенсионного обеспечения и социальных выплат нетрудоспособным лицам, к которым национальное законодательство относит пожилых людей. Сосредоточенность государственного внимания на этой фокус-группе обусловлена ускорением процесса старения населения, связанного с относительно низкой продолжительностью жизни населения и сохраняющейся высокой смертностью трудоспособного населения, выражающимся в возрастании доли граждан старшего поколения в населении страны. По данным среднего варианта прогноза ООН, доля граждан в возрасте 60 лет и более в мире увеличится с 12,3 % в 2015 г. до 14,9 % в 2025 г. и 21,5 % в 2050 г., в Европе – с 23,5 % в 2015 г. до 28 % в 2025 г. и 34,2 % в 2050 г., в Российской Федерации – с 20 % в 2015 г. до 23,9 % в 2025 г. и 28,8 % в 2050 г.[2]

Прописанные как международными, так и внутренними нормативными актами меры социальной защиты указанной категории граждан носят разносторонний комплексный характер. К ним относятся меры, направленные на:

– обеспечение здоровья указанной категории граждан[3];

– обучение и информационную доступность для граждан старшего поколения[4];

– досуг граждан старшего поколения[5];

– социальное обслуживание граждан старшего поколения[6];

– обеспечение гарантии доходов – социальное обеспечение: пенсии и другие социальные выплаты[7].

В свете заявленной темы особый интерес, связанный с различным спектром мнений, обусловленный непосредственно действиями органов государственной власти, принимающих нормативные акты в этой сфере, представляет вопрос правового статуса компенсационных выплат в социальном законодательстве. И даже в таком вопросе, как время появления компенсационных выплат в социальном законодательстве. Так, некоторые ученые[8] связывают появление компенсационных выплат с неустойчивым положением экономики в стране в перестроечное время и необходимостью государственной защиты неработающих граждан с целью компенсировать потери, связанные с высокой инфляцией в стране. В то же время другие исследователи утверждают, что эти выплаты в праве социального обеспечения существовали задолго до перестройки[9], главной целью их была компенсация натуральных видов социального обеспечения, которые по каким-то причинам не могли быть получены в натуральном виде.

При отсутствии нормативно-закрепленного понятия компенсационных выплат в праве социального обеспечения, что является на сегодняшний день одной из проблем отрасли[10], их

[1] См.: Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. М. : Юрид. лит., 1997. 64 с.

[2] См.: Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 5 февраля 2016 г. № 164-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 7. Ст. 1017.

[3] См.: Об обращении лекарственных средств : федер. закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ // Российская газета. 2010. № 78 ; и т. д.

[4] См.: Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // Российская газета. 2012. № 303 ; и т. д.

[5] См.: Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 24 ноября 2020 г. № 3081-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 49. Ст. 7958 ; и др.

[6] См.: Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : федер. закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ // Российская газета. 2013. № 295 ; и др.

[7] См.: О страховых пенсиях : федер. закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ // Там же. № 296 ; О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации : федер. закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ // Там же. 2001. № 247 ; О государственной социальной помощи : федер. закон от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ // Там же. 1999. № 142 ; и др.

[8] См.: Право социального обеспечения России : учебник / под ред. К. Н. Гусова. М. : Проспект, 2006. С. 341–342 ; *Захаров М. Л., Тучкова Э. Г.* Право социального обеспечения России. М., 2004. С. 447 ; и др.

[9] См.: Советское право социального обеспечения / под ред. П. М. Маргиева. М. : Юрид. лит., 1989. С. 372, 377–378.

[10] См.: *Маматказин И. Р.* Социально-обеспечительные компенсационные выплаты и компенсационная функция права социального обеспечения : проблемы теории // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 6. С. 90–98.

либо выделяют в самостоятельный вид социального обеспечения[11], либо идентифицируют с пособиями[12]. Широкий круг видов компенсационных выплат в праве социального обеспечения позволяет все-таки согласиться с отнесением их в уже постоянный самостоятельный вид социального обеспечения. Для выявления сущностного определения компенсационных выплат в праве социального обеспечения можно согласиться с признаками компенсаций, предложенными Т. М. Гусевой[13]: 1) предоставляются при наступлении социальных рисков с целью возмещения; 2) виды и размеры компенсаций устанавливаются в законодательстве; 3) финансируются из бюджетных средств; 4) предоставляются безвозмездно и безвозвратно.

В то время когда еще не утихли споры о правовой природе компенсационных выплат в праве социального обеспечения, законодатель Федеральным законом № 313-ФЗ[14] привнес совершенно новый механизм перевода компенсационной выплаты на уход за нетрудоспособным в часть пенсии, который послужит новым основанием для выявления правовой сущности компенсации.

Обратимся к истории. Первоначально компенсационная выплата на уход за нетрудоспособным была установлена Указом Президента от 17 марта 1994 г. № 551[15], дополнительно к уже имеющейся надбавке к пенсии, закрепленной ст. 21 Закона № 340-1[16], которая, в свою очередь, в расширенном виде перешла из ст. 25 Закона СССР от 1956 г.[17] По кругу лиц, имеющих право на эту выплату, получился «гибрид» из числа лиц, имевших право на надбавку на уход, предусмотренных действовавшим в то время Законом «О государственных пенсиях»[18] (ст. 21), и лиц, которым уход включался наравне с работой в трудовой стаж (п. «б» ст. 92). Так, надбавку на уход получали инвалиды I группы, лица, достигшие 80 лет, и пенсионеры, нуждающиеся по заключению медицинского учреждения в постоянном постороннем уходе. В то же время в трудовой стаж наравне с работой включались периоды ухода за инвалидом I группы, ребенком-инвалидом и престарелым, нуждающимся по заключению медицинского учреждения в постоянном постороннем уходе. Указ № 555 (в дальнейшем Указ № 1455) объединил все упомянутые категории. И только начиная с 2013 г. была выделена отдельно такая категория, как родители (усыновители) или опекуны (попечители), ухаживающие за ребенком-инвалидом в возрасте до 18 лет или инвалидом с детства I группы[19]. Закон «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»[20] и в дальнейшем Закон «О страховых пенсиях»[21] исключили из права на повышенный фиксированный базовый размер страховой пенсии (аналог надбавки к пенсии по Закону № 340-1) и включение периода ухода в страховой стаж наравне с работой периоды ухода за престарелым, нуждающимся по заключению лечебного учреждения в постоянном постороннем уходе, оставив этой категории только право на компенсационную выплату. В то же время периоды ухода за лицом, достигшим 80 лет, только с января 2001 г. стали включаться в страховой стаж. Чем руководствовался законодатель, принимая такое ре-

[11] См.: Право социального обеспечения России : учебник / под ред. К. Н. Гусова. М. : Проспект, 2006. С. 341–342 ; *Захаров М. Л., Тучкова Э. Г.* Указ. соч. С. 447 ; и др.

[12] См.: *Батыгин К. С., Галаганов В. П.* Пособие по социальному обеспечению. М., 1996. С. 7 ; Право социального обеспечения : учебник / под ред. М. В. Филипповой. М. : Юрист, 2006. С. 170 ; *Дзгоева-Сулейманова Ф. О.* Право социального обеспечения России / отв. ред. Э. Г. Тучкова. М. : Проспект, 2019. С. 361–362.

[13] См.: *Гусева Т. С.* Правовая природа компенсационных выплат в праве социального обеспечения России // Социальное и пенсионное право. 2011. № 3. С. 11–13.

[14] См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 8 августа 2024 г. № 313-ФЗ // Российская газета. 2024. № 182.

[15] См.: О размере компенсационных выплат неработающим трудоспособным лицам, осуществляющим уход за нетрудоспособными гражданами : Указ Президента РФ от 17 марта 1994 г. № 551 // Российские вести. 1994. № 52.

[16] См.: О государственных пенсиях в РСФСР : Закон РСФСР от 20 ноября 1990 г. № 340-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 27. Ст. 351.

[17] См.: О государственных пенсиях : закон СССР от 14 июля 1956 г. // Ведомости ВС СССР. 1956. № 15. Ст. 313.

[18] См.: О государственных пенсиях в Российской Федерации : Закон РФ от 20 ноября 1990 г. № 340-1 (в ред. от 27.11.2001, с изм. от 05.11.2002) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 27. Ст. 351.

[19] См.: О ежемесячных выплатах лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами и инвалидами с детства I группы : Указ Президента РФ от 26 февраля 2013 г. № 175 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 9. Ст. 938.

[20] См.: О трудовых пенсиях в Российской Федерации : федер. закон от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ // Российская газета. 2001. № 247.

[21] См.: О страховых пенсиях : федер. закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ // Российская газета. 2013. № 296.

шение, не понятно. Нелогичные решения органов нормотворчества на этом не закончились. Так, основанием установления компенсационной выплаты по своей сути являлись требования к лицу, за которым осуществляется уход, и требования к лицу, которое будет осуществлять уход. Применительно к первому необходимо относить к категории лиц, кому положена выплата, и выполнения работы, в период которой они подлежат обязательному пенсионному страхованию (подп. «д» п. 9 Правил[22]). В то же время требование прекращения работы лицом, за которым осуществляется уход, не требуется, если он является ребенком-инвалидом до 18 лет или инвалидом с детства I группы (п. 12 Правил[23]). Логику Правительства понять невозможно, почему инвалиду с детства I группы можно работать и получать эту выплату, а инвалиду I группы нельзя.

Требования к ухаживающему лицу сводились к прекращению им работы, подпадающей под обязательное пенсионное страхование, и неполучению им определенных выплат (вознаграждения за труд, пособий по безработице, пенсии и т. д.). Никаких других требований к ухаживающему лицу относительно возраста, квалификации, родственных отношений (за исключением родителей и лиц, приравненных к ним по Указу № 175), совместного проживания, качества и объема предоставляемых услуг не предъявляется. Также не установлено, за каким количеством таких нетрудоспособных граждан может осуществлять уход одно неработающее трудоспособное лицо. И здесь, как отмечено юристами, есть риски злоупотребления правом[24]. На практике есть случаи оформления ухода за двадцатью и более гражданами. Ситуацию упрощает (усложняет), в зависимости от цели, отсутствие фиксации и проверки факта реального ухода. Страдают от российской изощренности в сфере ухода за пожилыми и на западе[25].

Особенностью этой выплаты являлось то, что, несмотря на то что она устанавливалась лицу, которое осуществляет уход, ее выплата производилась лицу, за которым осуществляется уход вместе с назначенной пенсией (п. 3 Правил от 4 июля 2003 г. № 343 и п. 3 Правил от 2 мая 2013 г. № 397). В этом вопросе логика Правительства очевидна и проистекала из истории этой выплаты как дополнительной к установленной надбавке на уход, которая естественно уплачивалась к пенсии. Именно при существовавшей конструкции выплаты этой компенсации само лицо, за которым осуществлялся уход, не располагало и не могло располагать сведениями об ухаживающем лице, препятствующими дальнейшей ее выплате (например, трудоустройство). Это, в свою очередь, порождало переплаты по этим выплатам и необходимость их взыскания, которые в конечном счете доходили до суда. В своем Обзоре практики Верховный Суд РФ[26] разъяснил, что взыскание необоснованно полученной компенсационной выплаты, предусмотренной Указом Президента Российской Федерации от 26 декабря 2006 г. № 1455 «О компенсационных выплатах лицам, осуществляющим уход за нетрудоспособными гражданами», должно производиться с того лица, которое фактически получало и пользовалось указанной выплатой в отсутствие предусмотренных законом оснований.

Особо хотелось бы остановиться на размере компенсационной выплаты, а именно ее мизерном размере. Первоначально она была установлена Указом Президента от 17 марта 1994 г. № 551[27] в размере 60 % минимального размера оплаты труда. В дальнейшем ее размер из-

[22] См.: Об осуществлении ежемесячных компенсационных выплат неработающим трудоспособным лицам, осуществляющим уход за инвалидом I группы (за исключением инвалидов с детства I группы), а также за престарелым, нуждающимся по заключению лечебного учреждения в постоянном постороннем уходе либо достигшим возраста 80 лет : постановление Правительства РФ от 4 июня 2007 г. № 343 // Российская газета. 2007. № 124.

[23] См.: Об осуществлении ежемесячных выплат неработающим трудоспособным лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами в возрасте до 18 лет или инвалидами с детства I группы : постановление Правительства РФ от 2 мая 2013 г. № 397 // Российская газета. 2013. № 101.

[24] См.: *Курченко О. С.* Злоупотребление социально-обеспечительными правами : постановка проблемы // Российский юридический журнал. 2016. № 6. С. 155–166.

[25] См.: *Шмидт.* Мошенничество в сфере ухода за пожилыми. URL: https://nnd.name/2019/02/moshennichestvo-v-sfere-uhoda-za-pozhilymi/

[26] См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации 1 (2014) : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 24 декабря 2014 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 3.

[27] См.: О размере компенсационных выплат неработающим трудоспособным лицам, осуществляющим уход за нетрудоспособными гражданами : Указ Президента РФ от 17 марта 1994 г. № 551 // Российские вести. 1994. № 52.

менялся: с января 2001 г. – 60 руб.[28], с августа 2001 г. – 120 руб.[29], с января 2007 г. – 500 руб.[30], с июля 2008 г. по декабрь 2024 г. – 1200 руб.[31]. Совершенно очевидно, что эта сумма носит чисто символический характер и не соотносится с реальными расходами ухаживающего лица, направленными на уход, не говоря уже о получении какого-то реального вознаграждения за свой труд. Как выжить людям, осуществляющим уход на эти деньги, в том случае если складывается ситуация с необходимостью постоянного ухода за нетрудоспособным и требуется уволиться с работы? А разделение выплачиваемых сумм компенсационной выплаты на категории в зависимости от возраста наступления инвалидности или степени родства не нашло понимания среди лиц, которые заняты уходом. Они задаются вопросом[32], а чем уход за инвалидом с детства I группы отличается от ухода за инвалидом I группы. Среди всего многообразия мер социальной защиты самих нетрудоспособных граждан, требующих ухода, государство оставило «за бортом» тех лиц, которые решились на осуществление такого ухода. Сама система ухода ставит перед выбором: ухаживай сам и получи 12 тыс. руб. в год или сдай государству, и оно заплатит, например детскому дому за одного ребенка 200 тыс. руб.[33]. В Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации в ноябре 2020 г. вносился законопроект № 1048188-7 «О ежемесячных компенсационных выплатах лицам, осуществляющим уход за престарелым, нуждающимся по заключению лечебного учреждения в постоянном постороннем уходе либо достигшим возраста 80 лет»[34], которым предлагалось увеличить компенсационную выплату с 1200 до 10 тыс. руб. с ежегодной индексацией. Целью законопроекта являлось приравнивание по суммам к родителям, ухаживающим за ребенком-инвалидом или инвалидом с детства I группы, и тем самым восстановление социальной справедливости. По формальным признакам указанный законопроект был отклонен еще до стадии его рассмотрения.

Существуют и другие проблемные вопросы, связанные с процедурой назначения этой выплаты, которые частично были решены постановлением Правительства РФ от 27 февраля 2021 г. № 278[35] в части использования электронных баз данных и системы межведомственного взаимодействия и упрощения процедуры подачи заявления. Однако это не решает главного вопроса – поиска трудоспособного и неработающего лица, которое было бы согласно оформить уход за нетрудоспособным лицом. Как показывает практика, только в Воронежской области из лиц, имеющих право на эту выплату (122 тыс. чел.), «нашли» себе «уходчиков» только 74 тыс. чел., что составляет около 60 %. Большинство нуждающихся являются одинокими и для них большая проблема – найти постороннего человека для этой выплаты.

Таким образом, предыдущее законодательство до момента вступления в силу нового имело следующие основные проблемы:

1) необходимость поиска ухаживающего лица, которое бы осуществляло уход и являлось нетрудоспособным;

[28] См.: О внесении изменений в некоторые Указы Президента Российской Федерации по вопросам установления размеров стипендий и социальных выплат : Указ Президента РФ от 8 февраля 2001 г. № 136 // Российская газета. 2001. № 29.

[29] См.: О мерах по улучшению материального положения отдельных категорий граждан : Указ Президента РФ от 26 июня 2001 г. № 767 // Российская газета. 2001. № 124.

[30] См.: О компенсационных выплатах лицам, осуществляющим уход за нетрудоспособными гражданами : Указ Президента РФ от 26 декабря 2006 г. № 1455 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 201.

[31] См.: О дополнительных мерах социальной поддержки лиц, осуществляющих уход за нетрудоспособными гражданами : Указ Президента РФ от 13 мая 2008 г. № 774 // Российская газета. 2008. № 103.

[32] См.: *Алленова Ольга*. Почему систему ухода за инвалидами и пожилыми нужно менять. URL: https://www.kommersant.ru /doc/ 4964505

[33] См., например: Об утверждении нормативов затрат на обеспечение дополнительных гарантий прав на образование детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц… : постановление Правительства РФ от 28 марта 2019 г. № 343 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 14 (ч. I). Ст. 1533.

[34] См.: О ежемесячных компенсационных выплатах лицам, осуществляющим уход за престарелым, нуждающимся по заключению лечебного учреждения в постоянном постороннем уходе либо достигшим возраста 80 лет : законопроект № 1048188-7 от 28 ноября 2020 г. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1048188-7

[35] См.: О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 27 февраля 2021 г. № 278 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 10. Ст. 1616.

2) низкий размер компенсации, не предусматривающий механизма его индексации;

3) установление компенсационной выплаты лицу, которое осуществляет уход, при ее выплате лицу, за которым осуществляется уход вместе с назначенной пенсией;

4) заявительный принцип назначения компенсационной выплаты;

5) распространение практики фиктивного ухода, при котором совершенно любой неработающий гражданин получает компенсационные выплаты, при этом не осуществляя никакого ухода, а положенные за уход деньги остаются или у этого неработающего человека, или передаются тому, за кем формально ухаживают, или делятся пополам.

Все эти проблемы и решил новый закон[36], в соответствии с которым:

1) нет необходимости искать ухаживающее лицо. Надбавка теперь положена всем инвалидам I группы и престарелым, достигшим возраста 80 лет. Прогнозируется, что численность лиц, получающих эту надбавку, увеличится с 2,6 млн чел. до 5,6 млн чел.[37];

2) несмотря на то что размер надбавки остался прежним, наконец-то законодатель прямо законодательно закрепил механизм ее индексации. Предусмотрена ежегодная индексация вместе с индексацией получаемой пенсии (страховой или социальной). И здесь следует иметь в виду, что различные виды пенсий индексируются по-разному (это касается и сроков и размеров индексации);

3) установление надбавки непосредственно инвалиду I группы или престарелому, достигшим возраста 80 лет;

4) беззаявительный принцип назначения указанной надбавки;

5) сведение на нет фиктивного ухода. Поскольку убрали саму причину возникновения такой ситуации, при которой инвалид I группы или престарелый, достигший возраста 80 лет, был вынужден искать неработающего человека и договариваться с ним об уходе за ним.

Вместе с улучшениями законодательства о назначении и выплате надбавки на уход, включая «повышение» ее до федерального закона, законодатель в очередной раз внес сумятицу в вопросе о правовой сущности компенсационной выплаты. Являясь по своей сущности компенсационной выплатой, при «переходе» в закон она теряет формальный признак компенсационной выплаты. В то же время сохранена компенсационная выплата за детьми-инвалидами и инвалидами с детства I группы.

Совсем не понятна логика законодателей, исключивших из лиц, имевших право на получение компенсационной выплаты на уход, такую категорию, как престарелые, нуждающиеся по заключению лечебного учреждения в постоянном постороннем уходе. В соответствии с Указом Президента РФ от 29 декабря 2024 г. № 1125[38] право на получение данной компенсационной выплаты сохранилось лишь за теми гражданами, уход за которыми был оформлен до начала текущего года.

Признание утратившим силу Указа Президента РФ от 26 декабря 2006 г. № 1455 и жесткая привязка надбавки на уход к фиксированной выплате страховой пенсии привели к пробелу в праве в части невозможности назначения надбавки на уход гражданам, являющимся инвалидами I группы или достигшим возраста 80 лет, получающим пенсию в соответствии с Законом Российской Федерации от 12 февраля 1993 г. № 4468-1[39] как военные пенсионеры. Преодолеть этот пробел можно только путем внесения дополнений в законодательство, регулирующее пенсионное обеспечение указанной категории граждан.

[36] См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 8 августа 2024 г. № 313-ФЗ // Российская газета. 2024. № 182.

[37] См.: *Исаев Андрей*. О выплатах лицам, осуществляющим уход за нетрудоспособными людьми // Российская газета. 2024. № 9402.

[38] См.: О некоторых вопросах, связанных с установлением выплат лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами, инвалидами с детства I группы и другими нетрудоспособными гражданами : Указ Президента РФ от 29 декабря 2024 г. № 1125. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[39] См.: О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей : Закон РФ от 12 февраля 1993 г. № 4468-1 (ред. от 13.07.2024) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 9. Ст. 328.

Подводя итоги, попытаемся определить основные тезисы и предложения относительно заявленной темы исследования:

1) изменения в законодательстве о надбавке на уход в целом с позиции получателя этих выплат являются положительными, поскольку они решили часть давно назревших проблем. Вместе с тем «карусель» с правовой сущностью надбавки на уход, при отсутствии понятийного аппарата, внесла сумятицу в исследование ее сущности. Надбавка на уход, являясь по своей сущности компенсационной выплатой, при «переходе» в закон в новом статусе как часть пенсии, теряет только формальный признак, что она является компенсационной выплатой;

2) нововведения в вопросе надбавки на уход не решили давно назревшей проблемы низкого размера этой выплаты. Новое законодательство сохранило размер надбавки в прежнем размере – 1200 руб.;

3) непонятна логика законодателя, который закрепил разный механизм инфляции надбавки в зависимости от вида получаемой пенсии, что впоследствии, ко всему прочему, может вызвать негативную реакцию граждан;

4) необходимо срочно ликвидировать пробел в законодательстве, лишивший граждан, получающих военную пенсию, возможности получить указанную выше надбавку.

Библиографический список

Алленова Ольга. Почему систему ухода за инвалидами и пожилыми нужно менять. URL: https:// www.kommersant.ru /doc/ 4964505

Батыгин К. С., Галаганов В. П. Пособие по социальному обеспечению. М., 1996.

Гусева Т. С. Правовая природа компенсационных выплат в праве социального обеспечения России // Социальное и пенсионное право. 2011. № 3. С. 11–13.

Дзгоева-Сулейманова Ф. О. Право социального обеспечения России / отв. ред. Э. Г. Тучкова. М. : Проспект, 2019.

Захаров М. Л., Тучкова Э. Г. Право социального обеспечения России. М., 2004.

Исаев Андрей. О выплатах лицам, осуществляющим уход за нетрудоспособными людьми // Российская газета. 2024. № 9402.

Курченко О. С. Злоупотребление социально-обеспечительными правами : постановка проблемы // Российский юридический журнал. 2016. № 6. С. 155–166.

Маматказин И. Р. Социально-обеспечительные компенсационные выплаты и компенсационная функция права социального обеспечения : проблемы теории // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 6. С. 90–98.

Право социального обеспечения России : учебник / под ред. К. Н. Гусова. М. : Проспект, 2006.

Право социального обеспечения : учебник / под ред. М. В. Филипповой. М. : Юрист, 2006.

Советское право социального обеспечения / под ред. П. М. Маргиева. М. : Юрид. лит., 1989.

Шмидт. Мошенничество в сфере ухода за пожилыми. URL: https://nnd.name/2019/02/moshennichestvo-v-sfere-uhoda-za-pozhilymi/

References

Allenova Olga. Why the system of care for the disabled and elderly needs to be changed. URL: https:// www.kommersant.ru /doc/ 4964505

Batygin K. S., Galaganov V. P. The Social Security Manual. Moscow, 1996.

Guseva T. S. The legal nature of compensation payments in the social security law of Russia // Social and pension law. 2011. No. 3. P. 11–13.

Dzgoeva-Suleymanova F. O. The law of social security of Russia / ed. by E. G. Tuchkov. Moscow : Prospekt, 2019.

Zakharov M. L., Tuchkova E. G. The law of social security of Russia. Moscow, 2004.

Isaev Andrey. About payments to persons caring for disabled people // Rossiyskaya gazeta. 2024. No. 9402.

Kurchenko O. S. Abuse of social security rights : problem statement // Russian Law Journal. 2016. No. 6. P. 155–166.

Mamatkazin I. R. Social security compensation payments and the compensatory function of social security law : problems of theory // Actual problems of Russian law. 2022. No. 6. P. 90–98.

The law of social security in Russia : textbook / ed. by K. N. Gusov. Moscow : Prospekt, 2006.

The law of social security : textbook / ed. by M. V. Filippova. Moscow : Lawyer, 2006.

Soviet social security Law / ed. by P. M. Margiev. Moscow : Legal Literature, 1989.

Schmidt. Fraud in the field of elderly care. URL: https://nnd.name/2019/02/moshennichestvo-v-sfere-uhoda-za-pozhilymi/

Воронежский государственный университет
Зуева Н. Л., кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права
E-mail: Zueva.nl@mail.ru

Поступила в редакцию: 03.04.2025

Для цитирования:
Зуева Н. Л. Правовая сущность компенсационной выплаты на уход за нетрудоспособными гражданами // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 134–141. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/134-141

Voronezh State University
Zueva N. L., Candidate of Legal Seienses, Associate Professor of the Labor Law Department
E-mail: Zueva.nl@mail.ru

Received: 03.04.2025

For citation:
Zueva N. L. The legal nature of compensation payments for care of a disabled person // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 3 (62). P. 134–141. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/134-141

УДК 349.3
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/142-148

ПОДВОДНЫЕ КАМНИ ПЕНСИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Л. Н. Сенных
Воронежский государственный университет

PITFALLS OF PENSION LEGISLATION

L. N. Sennykh
Voronezh State University

Аннотация: больше 11 лет действует очередной «громкий» закон о страховых пенсиях, который кардинально изменил основания и порядок установления страховых пенсий. Акцент граждан и ученых был направлен на рассмотрение вопроса об увеличении пенсионного возраста. Вместе с тем в тени остался без должного внимания совершенно новый слагаемый при определении права на пенсию – индивидуальный пенсионный коэффициент (ИПК). Именно невыполнение этого условия не позволит гражданину получать страховую пенсию при наличии требуемого стажа и достижения пенсионного возраста. В статье рассматривается отдельный случай очевидного пробела пенсионного законодательства, при котором трансформация накопительного элемента пенсионного законодательства привела к тому, что учет ИПК идет только за счет уплаты страховых взносов на страховую пенсию без учета страховых взносов на накопительную пенсию, что не соответствует социальной справедливости и приводит к ущемлению пенсионных прав граждан.
Ключевые слова: социальная политика государства, эффективность, пенсионная система, условия назначения пенсий, индивидуальный пенсионный коэффициент, накопительная пенсия, страховые взносы на страховую пенсию, страховые взносы на накопительную пенсию, выкуп пенсионных балов, социальная справедливость.

Abstract: for more than 11 years, another «notorious» law on insurance pensions has been in effect, which has radically changed the grounds and procedure for establishing insurance pensions. The focus of citizens and scientists was on considering the issue of increasing the retirement age. At the same time, a completely new component in determining the right to a pension – the individual pension coefficient (IPC) – remained in the shadows without due attention. It is the failure to fulfill this condition that will not allow a citizen to receive an insurance pension if he has the required length of service and has reached retirement age. The article considers a separate case of an obvious gap in the pension legislation, in which the transformation of the funded element of the pension legislation has led to the fact that the IPC is taken into account only by paying insurance premiums for an insurance pension without taking into account insurance premiums for a funded pension, which does not correspond to social justice and, accordingly, leads to an infringement of the pension rights of citizens.
Key words: state social policy, efficiency, pension system, conditions for assigning pensions, individual pension coefficient, funded pension, insurance contributions for insurance pension, insurance contributions for funded pension, redemption of pension points, social justice.

Право на социальное обеспечение – одно из основных прав и свобод человека и гражданина, неотчуждаемых и принадлежащих ему от рождения, – закреплено в ст. 39 Конституции РФ 1993 г.[1]. В настоящее время государственная пенсионная система Российской Федерации пе-

© Сенных Л. Н., 2025

[1] См.: Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. М. : Юрид. лит., 1997. 64 с.

реживает кризис[2] и представляет собой одну из острейших социально-экономических проблем в период окончательного перехода к рыночным отношениям.

Принятые «новые» пенсионные законы[3] вызвали глубокое разочарование[4]. В период действия предыдущего закона[5] российские ученые многократно отмечали его недостатки, проводили консультации с международными экспертами, предлагали решения. У законодателя было достаточно времени, чтобы учесть лучшие из них. Вместо этого содержание предыдущего закона со всеми его дефектами было попросту транслировано в Федеральном законе о страховых пенсиях. Как отмечают ученые[6], изменения выразились только в условиях назначения пенсии по старости в сторону их ухудшения, пенсионной формулы – в сторону ее еще большей неопределенности. Но все новшества пенсионного обеспечения остались в тени самого глобального, в том числе и по эмоциональному накалу, вопроса повышения пенсионного возраста. Непосредственно это отразилось и на фокусе внимания исследователей на этой проблеме под самыми различными углами зрения. Так, С. А Чирков[7] рассматривал данный вопрос с точки зрения возможности уравнивания пенсионного возраста мужчин и женщин. Е. Е. Мачульская[8] рассказала путь некоторых европейских стран по балансировке пенсионной системы без использования процедуры повышения пенсионного возраста. Более полно и комплексно эта тема раскрыта Ю. В. Ворониным[9].

Невзирая на критику закона о страховых пенсиях, следует отметить, что он в своем большинстве содержит преемственность тех основ, которые были присущи отечественному пенсионному законодательству даже при условии изменения формулы подсчета размера пенсии. Это и сохранение института досрочных пенсий, и ретроспективность правил подсчета стажа, и льготный порядок исчисления стажа в кратном размере, и др. За время действия, а это 10 лет, в 400 законов внесено 29 поправок, из которых 5 связаны с решениями Конституционного Суда Российской Федерации. И только в единичных случаях эти изменения были направлены на ликвидацию очевидных пробелов законодательства. В остальных случаях темпоральные изменения касались изменений процедурных отношений, связанных с упрощением процедуры установления пенсий, и были обусловлены ускорением цифровизации пенсионного процесса и политической ситуацией в стране (установление кратного исчисления стажа лицам, участникам специальной военной операции). Это и проактивное назначение пенсии, и сокращение по времени процедуры перерасчета пенсий, и т. д.

Хотелось бы остановиться на таком новом для отечественного законодательства[10] право-

[2] См.: *Васильева Ю. В.* Изменения в Российском пенсионном законодательстве и перспективы ратификации Конвенции МОТ № 102 // Трудовое право в России и за рубежом. 2014. № 3. С. 36–39 ; *Чванова О. В.* Актуальные проблемы пенсионной системы в России // Молодой ученый. 2020. № 42 (332). С. 258–260 ; *Лубсанова Ю. Б.* Проблемы современной пенсионной системы Российской Федерации и предложения по ее совершенствованию // Актуальные исследования. 2023. № 10 (140). С. 77–85 ; и др.

[3] См.: О страховых пенсиях : федер. закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ (в ред. от 28.02.2025) // Российская газета. 2013. № 296 ; О накопительной пенсии : федер. закон от 28 декабря 2013 г. № 424-ФЗ (в ред.25.12.2023) // Ведомости Федерального Собрания РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6989.

[4] См.: *Захаров М. Л.* Международные правовые стандарты пенсионного обеспечения и российская страховая пенсионная система // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 5–12 ; и др.

[5] См.: О трудовых пенсиях в Российской Федерации : федер. закон от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ (в ред. от 08.12.2020) // Российская газета. 2001. № 247.

[6] См.: *Васильева Ю. В.* Указ. соч. ; *Сенных Л. Н.* Соответствие нового пенсионного законодательства принципу формального равенства // Признание права и принцип формального равенства : сборник науч. трудов. М. : Современная экономика и право, 2015. С. 499.

[7] См.: *Чирков С. А.* Разный пенсионный возраст мужчин и женщин в России – аксиома или атавизм? // Социальное и пенсионное право. 2018. № 3. С. 47–55.

[8] См.: *Мачульская Е. Е.* Пенсионные реформы в Европе : можно ли использовать опыт европейских стран в России? // Социальное и пенсионное право. 2017. № 1. С. 34–39.

[9] См.: *Воронин Ю. В.* Пенсионный возраст : правовая природа и значение в системе пенсионного обеспечения. М. : Норма, 2024. 84 с.

[10] См.: *Чирков С. А.* О пенсионном содержании российско-израильского Договора в области социального обеспечения. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; *Белянинова Ю. В., Долотина Р. Р., Слесарев С. А., Шашкова О. В.* Комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» : (постатейный). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; и др.

вом явлении, как индивидуальный пенсионный коэффициент (ИПК), который в настоящий момент ИПК наряду с достижением определенного возраста и наличием определенного страхового стажа, выступает одним из главных правоопределяющих условий для установления страховых пенсий[11]. В прессе одновременно отмечаются и важность этого элемента для пенсионных правоотношений, и количество отказов в назначении страховой пенсии из-за недостатка пенсионных баллов (ИПК), которое с каждым годом имеет тенденцию к увеличению[12]. ИПК, как закреплено в законе, представляет собой пенсионные права граждан, выраженные в относительных единицах, в расчете которых учтены начисленные и уплаченные страховые взносы на страховую пенсию в Фонд пенсионного и социального страхования Российской Федерации. Кроме того, ИПК играет немаловажную роль при определении непосредственно самого размера страховой пенсии.

Минтруд России и Социальный фонд России (в то время – Пенсионный фонд России) предвидели ситуацию с недостатком ИПК. Однако причину недостатка ИПК связывали с лихими 90-ми годами, когда в условиях разрушающейся экономики и разрыва многих трудовых отношений подчас работник фактически работал без оформления трудовых отношений, а применительно к текущему времени – это низкая официальная зарплата, проблема «серых зарплат» или неофициальное трудоустройство[13]. Юристы и официальные лица видят выход из сложившейся ситуации в трех вариантах:

1) ничего не делать и ждать 5 лет для назначения социальной пенсии;

2) дорабатывать необходимое количество баллов;

3) купить недостающие баллы, т. е. вступить в добровольные правоотношения по уплате страховых взносов на страховую пенсию. И здесь следует иметь в виду, что стоимость одного пенсионного балла каждый год разная и определяется она на момент «покупки» пенсионного балла.

Ключевой с точки зрения исследования является закрепленная норма о том, что при определении ИПК в расчет берутся только начисленные и уплаченные страховые взносы только на страховую часть пенсии. В то же время страховые взносы на накопительную пенсию в формировании ИПК не участвуют. Значение страховых взносов на накопительную пенсию выражается только в определении накопленных сумм пенсионных накоплений в целях выплаты[14] либо их единовременной выплаты, либо срочной пенсионной выплаты или накопительной пенсии.

Для полного понимания ситуации напомним, что введенный в 2015 г. ИПК определяется за все периоды работы и иной деятельности как до 2015 г., так и после указанной даты, что естественно повлекло за собой и разный подсчет ИПК. И, если в отношении подсчета ИПК после 2015 г., применительно к теме исследования, всё более-менее понятно, в том плане, что в отношении лиц, формирующих накопительную пенсию, установлены неравные условия набора пенсионных баллов для ИПК, выразившиеся в занижении показателей максимального значения ИПК до 2,77 балла в 2015 г. и в дальнейшем увеличении этого разрыва до 3,75 балла[15] по сравнению с лицами, не уплачивающими страховые взносы только на страховую пенсию.

Чтобы более полно и наглядно представлять картину, переведем относительные единицы пенсионных прав в конкретные цифры применительно к средним цифрам. Для этого нам потребуется предельная величина базы для начисления страховых взносов в ПФР за 2015 г., которая равнялась 711 000 руб[16], и среднемесячная

[11] См.: О страховых пенсиях : федер. закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ (в ред. от 28.02.2025) // Российская газета. 2013. № 296.

[12] См.: *Сафонов А.* Эксперт рассказал о катастрофической нехватке пенсионных баллов у россиян. URL: https://finance.rambler.ru/money/41699993-ekspert-rasskazal-o-katastroficheskoy-nehvatke-pensionnyh-ballov-u-rossiyan/?ysclid=m870ieg1j1858784558

[13] См.: *Гринберг С.* В России коллапс с пенсионными баллами : как не стать его жертвой. URL: https://ura.news/articles/1036277529?ysclid=m8ej4yn4xc671749722 ; *Гусенко М.* Россиянам, которым отказали в пенсии по старости, предложили ее заработать. URL: https://rg.ru/2017/04/11/rossiianam-kotorym-otkazali-v-pensii-po-starosti-predlozhili-ee-zarabotat.html ; *Щеглов А.* В Минтруде назвали причины отказа в назначении пенсии по старости. URL: https://runews24.ru/society/09/01/2018/8e77d73416631153ef8c9e4281dd343b

[14] См.: О порядке финансирования выплат за счет средств пенсионных накоплений : федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 360-ФЗ (в ред. от 25.12.2023) // Российская газета. 2011. № 275.

[15] См.: О страховых пенсиях : федер. закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ (в ред. от 28.02.2025) // Российская газета. 2013. № 296. Приложение № 4.

[16] См.: О предельной величине базы для начисления страховых взносов в Фонд социального страхования Российской Федерации и Пенсионный фонд Российской

зарплата по России за аналогичный период, значение которой составляло 34 030 рублей в месяц[17]. Подсчет ИПК для граждан, не формировавших пенсионные накопления[18] ИПК для граждан, которые делали пенсионные накопления[19], показал разницу в 2,2 балла в пользу граждан, не отчислявших страховые взносы на накопительную пенсию. Данный пример показал, что при равных условиях, а это работа в течение одного и того же периода, и равная зарплата ведут к тому, что второй категории работающих граждан надо где-то «добывать» «исчезнувшие» баллы, чтобы не потерять безапелляционное право на страховую пенсию. Ведь действующим пенсионным законодательством не предусмотрено назначение страховой пенсии при неполном страховом стаже или неполном ИПК.

С учетом модели получения средней зарплаты по стране при разных режимах уплаты страховых взносов получается, что гражданин на накопительную пенсию уплатил 40 836 руб. (34030×12×10 %), которые он может получить при достижении определенного возраста единовременно. Для того чтобы «догнать» работающего, который не формировал пенсионные накопления, ему надо выкупить 2,2 балла. При стоимости 1 пенсионного балла в текущем году[20] 60 450 руб. гражданину придется доплатить 132 990 руб. (60 450 руб.×2,2). Учитывая, что размер ИПК еще и влияет на пенсию, работающий, не уплачивающий страховые взносы на накопительную пенсию, получит увеличенную на 2,2 балла страховую пенсию, что в абсолютных цифрах на сегодняшний день составляет 320,52 руб (145,69[21]×2,2).

Следует особо отметить, что заложенное в Федеральный закон № 400-ФЗ фактическое неравенство пенсионного обеспечения указанных выше лиц, при неизменности положений закона о страховых пенсиях, по экономическим и другим причинам не повлекло нарушения пенсионных прав граждан, по причине так называемой «заморозки» пенсионных накоплений. В связи с ежегодным запретом на передачу Пенсионным фондом России НПФ (негосударственным пенсионным фондам) средств пенсионных накоплений с 2014 г. по настоящее время максимальное значение годового ИПК одинаково для любого варианта формирования пенсии, так как у всех граждан формируются пенсионные права только на страховую пенсию исходя из всей суммы начисленных страховых взносов[22].

Однако есть нормы закона (п. 10 ст. 15 Закона № 400-ФЗ[23]) в отношении подсчета ИПК за периоды до 2015 г., а именно с 1 января 2002 г. по 31 декабря 2014 г., которые отсылают нас к подсчету размера пенсии на 31 декабря 2014 г., определенного по нормам Закона № 173-ФЗ[24], и делению полученного результата на стоимость пенсионного балла, определенного в размере 64,1 руб., в настоящее время приводят к нарушению пенсионных, а значит, конституционных прав граждан на пенсионное обеспечение. И в этом вопросе нельзя обойти вниманием вопросы, касающиеся места накопительного элемента в социальном обеспечении в Российской Федерации. До введения в действие Закона о страховых пенсиях № 400-ФЗ действовал Федеральный закон от 17 декабря 2021 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации», в соответствии с которым накопительный элемент представлял собой самостоя-

Федерации с 1 января 2015 г. : постановление Правительства РФ от 4 декабря 2014 г. № 1316 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 50. Ст. 7102.

[17] См.: Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике Российской Федерации в 1991–2024 гг. URL: https://rosstat.gov.ru/search?q

[18] $ИПК_{(взносы\ на\ страх.пенсию)} = ((34\,030 \times 12 \times \underline{16}\ \%) / 711\,000 \times 16\ \%) \times 10 = (65337{,}6 / 113\,760) \times 10 = 0{,}58+10 = 5{,}8$ балла.

[19] $ИПК_{(взносы\ на\ страх.пенсию\ +\ накопит.пенсию)} = ((34\,030 \times 12 \times \underline{10}\ \%) / 711\,000 \times 16\ \%) \times 10 = (40\,836 / 113\,760) \times 10 = 0{,}36 * \times 10 = 3{,}6$ балла.

[20] См.: *Синицына А.* Сенатор озвучила стоимость покупки пенсионных баллов в 2025 году. URL: https://www.banki.ru/news/lenta/ ?id=11010199

[21] См.: О дополнительном увеличении стоимости одного пенсионного коэффициента и об индексации (дополнительном увеличении) размера фиксированной выплаты к страховой пенсии с 1 января 2025 г. : постановление Правительства РФ от 23 января 2025 г. № 34 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2025. № 5. Ст. 332.

[22] См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам обязательного пенсионного страхования в части права выбора застрахованными лицами варианта пенсионного обеспечения : федер. закон от 4 декабря 2013 г. № 351-ФЗ (в ред. от 10.07.2023) // Российская газета. 2013. № 276 ; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 10 июля 2023 № 299-ФЗ (в ред. от 25.12.2023) // Там же. 2023. № 156.

[23] См.: О страховых пенсиях : федер. закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ (в ред. от 28.02.2025) // Российская газета. 2013. № 296.

[24] См.: О трудовых пенсиях в Российской Федерации : федер. закон от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ (в ред. от 08.12.2020) // Российская газета. 2001. № 247.

тельную часть трудовой пенсии и не мог назначаться самостоятельно. Самостоятельное, в отрыве от страховой пенсии, право на получение накопленных сумм было реализовано с 2015 г. в связи с принятием законов о страховых пенсиях, о накопительной пенсии и о порядке финансирования выплат за счет средств пенсионных накоплений[25]. В то же время по условиям назначения она была настолько непосредственно связана с правом на страховую пенсию, что по факту не перестала оставаться доплатой к ней. Как отмечает И. Р. Маматказин, Закон о накопительной пенсии (в ред. до 03.10.2018 г.) не содержал самостоятельных условий назначения накопительной пенсии, данная норма являлась бланкетной, она содержала отсылку к действующим условиям, определяющим право на страховую пенсию по старости[26]. И только после реформы пенсионного законодательства о пенсионном возрасте возникла удивительная ситуация, при которой право на страховую пенсию стало не тождественным праву на накопительную пенсию. Теперь накопительная пенсия вышла в «свободное плавание». Однако именно конструкция Закона № 173-ФЗ «испортила» задумку нового законодательства о введении нового параметра, влияющего на право назначения пенсии – ИПК. По действующему до 2015 г. Закону № 173-ФЗ страховая часть трудовой пенсии за периоды с января 2002 г. по 31 декабря 2014 г. определялась как отношение начисленных и (или) уплаченных страховых взносов на страховую часть трудовой пенсии на период дожития. Размер накопительной части трудовой пенсии определялся аналогичным способом. Только в расчет брались исключительно страховые взносы, начисленные и (или) уплаченные на накопительную часть трудовой пенсии. Юридическое предназначение начисленных и (или) уплаченных страховых взносов как на страховую, так и на накопительную части трудовой пенсии заключалось лишь в определении размера трудовой пенсии. Да, были вопросы, связанные с неравноценным уравновешиванием размеров пенсии, при котором лица старше 1967 г. рождения гипотетически всегда будут получать трудовую пенсию в размере больше, чем лица, уплачивающие взносы на накопительную часть трудовой пенсии[27]. Однако с принятием Федерального закона № 400-ФЗ «О страховых пенсиях в Российской Федерации», когда правовое значение ИПК связано с определением права на страховую пенсию, прямое исключение страховых взносов на накопительную часть трудовой пенсии в п. 10 ст. 15 указанного закона привело к тому, что ИПК у лиц, имеющих одну и ту же зарплату, но различающихся по году рождения, не равны. Априори у лиц, не формирующих пенсионные накопления, размер ИПК будет выше, что, конечно же, противоречит одному из основополагающих принципов права – принципу равенства всех перед законом. И, самое главное, в заложниках сложившейся ситуации оказалась вся численность населения Российской Федерации моложе 1967 г. рождения, поскольку на упоминаемый выше период страховые взносы на накопительную часть трудовой пенсии были элементом обязательного пенсионного страхования. И граждане не могли по своему выбору отказаться от формирования накопительной части трудовой пенсии. Сейчас является очевидным и подчеркивается учеными, что в теперешнем состоянии программа формирования накопительной части пенсии в целом претерпела крах[28]. На сегодняшний момент законодатель так и не определился с местом накопительного элемента в системе социального обеспечения, должен он быть обязательным или добровольным, гибридным.

Таким образом, можем констатировать, что законодатель, принимая Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ и введя новый правовой элемент – индивидуальный пенсионный коэффициент, – допустил нарушение фундаментального принципа равенства в отноше-

[25] См.: О страховых пенсиях : федер. закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ (в ред. от 28.02.2025) // Российская газета. 2013. № 296 ; О накопительной пенсии : федер. закон от 28 декабря 2013 г. № 424-ФЗ (в ред.25.12.2023) // Ведомости Федерального Собрания РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 6989.

[26] См.: *Маматказин И. Р.* О правовой природе накопительной пенсии // Социальное и пенсионное право. 2021. № 3. С. 39.

[27] См.: *Дмитриева О.* Ждите еще пять лет. Из-за чего многие не получат пенсию в 2026 году. URL: https://rtvi.com/opinions/zhdite-eshhe-pyat-let-iz-za-chego-mnogie-ne-poluchat-pensiyu-v-2026-godu/?ysclid=m8h628sw1666861169

[28] См.: *Воронин Ю. В., Столяров А. В., Угодников К. В.* Формы стимулирования частных пенсионных накоплений : тенденции и перспективы // Социальное и пенсионное право. 2021. № 3. С. 21–30 ; *Меркулова А. Ю.* Недобровольный перевод пенсионных накоплений // Социальное и пенсионное право. 2020. № 4. С. 35–38 ; и т. д.

нии лиц, формирующих пенсионные накопления, которое должно расцениваться как нарушающее пенсионные, а значит, конституционные права этих граждан на пенсионное обеспечение. Выход из этой ситуации представляется в изменении п. 10 ст. 15 Федерального закона № 400-ФЗ – включить в расчет ИПК для определения права на страховую пенсию уплаченные страховые взносы на накопительную часть трудовой пенсии дополнительно к страховым взносам на страховую часть трудовой пенсии.

Библиографический список

Белянинова Ю. В., Долотина Р. Р., Слесарев С. А., Шашкова О. В. Комментарий к Федеральному закону от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» : (постатейный). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Васильева Ю. В. Изменения в Российском пенсионном законодательстве и перспективы ратификации Конвенции МОТ № 102 // Трудовое право в России и за рубежом. 2014. № 3. С. 36–39.

Воронин Ю. В. Пенсионный возраст : правовая природа и значение в системе пенсионного обеспечения. М. : Норма, 2024. 84 с.

Воронин Ю. В., Столяров А. В., Угодников К. В. Формы стимулирования частных пенсионных накоплений : тенденции и перспективы // Социальное и пенсионное право. 2021. № 3. С. 21–30.

Гринберг С. В России коллапс с пенсионными баллами : как не стать его жертвой. URL: https://ura.news/articles/1036277529?ysclid=m8ej4yn4xc671749722

Гусенко М. Россиянам, которым отказали в пенсии по старости, предложили ее заработать. URL: https://rg.ru/2017/04/11/rossiianam-kotorym-otkazali-v-pensii-po-starosti-predlozhili-ee-zarabotat.html

Дмитриева О. Ждите еще пять лет. Из-за чего многие не получат пенсию в 2026 году. URL: https://rtvi.com/opinions/zhdite-eshhe-pyat-let-iz-za-chego-mnogie-ne-poluchat-pensiyu-v-2026-godu/?ysclid=m8h628sw1666861169

Захаров М. Л. Международные правовые стандарты пенсионного обеспечения и российская страховая пенсионная система // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 5–12.

Лубсанова Ю. Б. Проблемы современной пенсионной системы Российской Федерации и предложения по ее совершенствованию // Актуальные исследования. 2023. № 10 (140). С. 77–85.

Маматказин И. Р. О правовой природе накопительной пенсии // Социальное и пенсионное право. 2021. № 3. С. 38–44.

Мачульская Е. Е. Пенсионные реформы в Европе : можно ли использовать опыт европейских стран в России? // Социальное и пенсионное право. 2017. № 1. С. 34–39.

Меркулова А. Ю. Недобровольный перевод пенсионных накоплений // Социальное и пенсионное право. 2020. № 4. С. 35–38.

Сафонов А. Эксперт рассказал о катастрофической нехватке пенсионных баллов у россиян. URL: https://finance.rambler.ru/money/41699993-ekspert-rasskazal-o-katastroficheskoy-nehvatke-pensionnyh-ballov-u-rossiyan/?ysclid=m870ieg1j1858784558

Сенных Л. Н. Соответствие нового пенсионного законодательства принципу формального равенства // Признание права и принцип формального равенства : сборник науч. трудов. М. : Современная экономика и право, 2015. С. 493–500.

Синицына А. Сенатор озвучила стоимость покупки пенсионных баллов в 2025 году. URL: https://www.banki.ru/news/lenta/ ?id=11010199

Чванова О. В. Актуальные проблемы пенсионной системы в России // Молодой ученый. 2020. № 42 (332). С. 258–260.

Чирков С. А. О пенсионном содержании российско-израильского Договора в области социального обеспечения. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Чирков С. А. Разный пенсионный возраст мужчин и женщин в России – аксиома или атавизм? // Социальное и пенсионное право. 2018. № 3. С. 47–55.

Щеглов А. В Минтруде назвали причины отказа в назначении пенсии по старости. URL: https://runews24.ru/society/09/01/2018/8e77d73416631153ef8c9e4281dd343b

References

Belyaninova Yu.V., Dolotina R. R., Slesarev S. A., Shashkova O. V. Commentary to Federal Law No. 400-FZ of December 28, 2013 «On Insurance Pensions» : (article-by-article). Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

Vasilyeva Yu. V. Changes in Russian pension legislation and prospects for ratification of ILO Convention No. 102 // Labor law in Russia and abroad. 2014. No. 3. P. 36–39.

Voronin Yu. V. Retirement age : legal nature and importance in the pension system. Moscow : Norma, 2024. 84 p.

Voronin Yu. V., Stolyarov A. V., Blagodnikov K. V. Forms of stimulating private pension savings : trends and prospects // Social and pension law. 2021. No. 3. P. 21–30.

Greenberg S. In Russia, the collapse of pension points : how not to become a victim of it. URL: https://ura.news/articles/1036277529?ysclid=m8ej4yn4xc671749722

Gusenko M. Russians who were denied an old-age pension were offered to earn it. URL: https://rg.ru/2017/04/11/rossiianam-kotorym-otkazali-v-pensii-po-starosti-predlozhili-ee-zarabotat.html

Dmitrieva O. Wait another five years. Because of this, many will not receive a pension in 2026. URL: https://rtvi.com/opinions/zhdite-eshhe-pyat-let-iz-za-chego-mnogie-ne-poluchat-pensiyu-v-2026-godu/?ysclid=m8h628sw1666861169

Zakharov M. L. International legal standards of pension provision and the Russian insurance pension system // Journal of Russian Law. 2015. No. 7. P. 5–12.

Lubsanova Yu. B. Problems of the modern pension system of the Russian Federation and proposals for its improvement // Current research. 2023. No. 10 (140). P. 77–85.

Mamatkazin I. R. On the legal nature of a funded pension // Social and pension law. 2021. No. 3. P. 38–44.

Machulskaya E. E. Pension reforms in Europe : is it possible to use the experience of European countries in Russia? // Social and pension law. 2017. No. 1. P. 34–39.

Merkulova A. Y. Involuntary transfer of pension savings // Social and pension law. 2020. No.4. P. 35–38.

Safonov A. The expert spoke about the catastrophic shortage of pension points among Russians. URL: https://finance.rambler.ru/money/41699993-ekspert-rasskazal-o-katastroficheskoy-nehvatke-pensionnyh-ballov-u-rossiyan/?ysclid=m870ieg1j1858784558

Sennykh L. N. Compliance of the new pension legislation with the principle of formal equality // Recognition of law and the principle of formal equality : a collection of scientific papers. Moscow : Modern Economics and Law, 2015. P. 493–500.

Sinitsyna A. Senator announced the purchase price of pension points in 2025. URL: https://www.banki.ru/news/lenta/ ?id=11010199

Chvanova O. V. Actual problems of the pension system in Russia // Young Scientist. 2020. No. 42 (332). P. 258–260.

Chirkov S. A. On pension maintenance of the Russian-Israeli Social Security Agreement. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

Chirkov S. A. Is the different retirement age of men and women in Russia an axiom or an atavism? // Social and pension law. 2018. No. 3. P. 47–55.

Shcheglov A. The Ministry of Labor named the reasons for the refusal to grant an old-age pension. URL: https://runews24.ru/society/09/01/2018/8e77d73416631153ef8c9e4281dd343b

Воронежский государственный университет
Сенных Л. Н., кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права
E-mail: Ludmila- sennyh @yandex.ru

Поступила в редакцию: 02.06.2025

Для цитирования:
Сенных Л. Н. Подводные камни пенсионного законодательства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 142–148. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/142-148

Voronezh State University
Sennyh L. N., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Labor Law Department.
E-mail: Ludmila- sennyh @yandex.ru

Received: 02.06.2025

For citation:
Sennyh L. N. Pitfalls of pension legislation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 3 (62). P. 142–148. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/142-148

УДК 342
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/149-156

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И СПЕЦИФИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ТАМОЖЕННОМ КОНТРОЛЕ

С. А. Агамагомедова
Институт государства и права Российской академии наук

MANDATORY REQUIREMENTS: CONCEPT, CHARACTERISTICS AND SPECIFICITY OF USE IN CUSTOMS CONTROL

S. A. Agamagomedova
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Аннотация: в условиях реформирования отечественной системы государственного контроля (надзора) вопросы категориального обеспечения контрольно-надзорной деятельности приобретают особое значение. Обновленное законодательство в данной сфере требует теоретико-правового обоснования, призванного систематизировать использование традиционных и новых терминов в законодательстве и доктрине. Одним из таких терминов является понятие обязательных требований. На основе анализа использования данного понятия в таможенном регулировании сделан вывод о возможности его использования в децентрализованной сфере контрольно-надзорных отношений с учетом специфики этой сферы.
Ключевые слова: государственный контроль (надзор), обязательные требования, таможенный контроль, институт административного права, нормативные правовые акты, принципы, экономическая деятельность.

Abstract: in the context of reforming the domestic system of state control (supervision), the issues of categorical support for control and supervisory activities are of particular importance. Updated legislation in this area requires theoretical and legal justification designed to systematize the use of traditional and new terms in legislation and doctrine. One of such concepts is the concept of mandatory requirements. Based on the analysis of the use of the concept of requirements (mandatory requirements) in customs regulation, a conclusion was made on the possibility of its use in the decentralized sphere of control and supervisory relations, taking into account the specifics of this sphere.
Key words: state control (supervision), mandatory requirements, customs control, institution of administrative law, regulatory legal acts, principles, economic activity.

Ведущие ученые справедливо отмечают тот факт, что новейшие требования по преобразованию публично-правовых институтов и административно-правовых режимов заставляют законодателей и ученых задумываться над главными направлениями правовой политики в сфере административного и административного процессуального права[1]. Одним из таких публично-правовых институтов является государственный контроль и надзор, правовое регулирование которого активно трансформируется в последние годы. Реформирование отечественной системы контрольно-надзорной деятельности государства обоснованно оказало влияние на развитие теории государственного контроля и надзора как составляющей административно-правовой науки. Отражением подобного влияния можно считать обновление (дополнение, расширение) понятийного аппарата теоретико-правового обоснования контрольно-надзорных механизмов. Так, новое отечественное законодательство

[1] См.: *Старилов Ю. Н.* Консерватизм правовой политики как гарантия прогресса в сфере административных и иных публичных правоотношений // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2023. № 1(52). С. 10.

© Агамагомедова С. А., 2025

о государственном контроле и надзоре ввело в перечень понятий, обслуживающих контрольно-надзорные правоотношения, относительно новое понятие обязательных требований. Новым его можно считать потому, что в законодательстве, регламентирующем контрольно-надзорные процедуры, до принятия федеральных законов от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»[2] (далее – Закон) и № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»[3] данное понятие (как устойчивое словосочетание) не использовалось. Это дает основание ведущим ученым называть обязательные требования новационным институтом административного права[4]. Относительно новым, на наш взгляд, оно является в силу того, что природа контрольно-надзорного отношения с его внедрением в понятийный аппарат не претерпела значимых изменений, контроль (надзор) со стороны государства всегда был направлен на соблюдение правил, норм поведения, установлений, требований законодательства в различных областях общественных отношений.

При этом сложно не согласиться с мнением, сложившимся в современной административно-правовой науке, согласно которому недостаточная теоретическая проработанность понятия «обязательные требования» и целого ряда аспектов их установления и применения в процессе публичного управления в установленных сферах государственной и муниципальной деятельности усложняет применение действующего законодательства в соответствующих областях регулирования[5].

В предлагаемой статье нами предпринята попытка обосновать понятие обязательных требований в современной системе государственного контроля и надзора, а также выделить различия в его понимании и содержании в централизованной и децентрализованной сферах контрольно-надзорных правоотношений.

Понятие обязательных требований в современном законодательстве и юридической науке

Ученые справедливо отмечают, что единое определение понятия обязательных требований отсутствует и в законодательстве (в законодательстве такое определение полностью отсутствует, несмотря на наличие специализированного закона), и в доктрине[6]. В последнем случае следует понимать, что ученые по-разному позиционируют понятие обязательных требований, к примеру, как средство правового регулирования (С. М. Зырянов[7], Л. Н. Сморчкова[8]), как новационный институт административного права (А. Ф. Ноздрачев[9]), как средство обеспечения прав граждан и организаций при осуществлении государственного контроля (надзора) (Д. С. Фесько[10]) и др.

Важно учитывать и тот факт, что контроль (надзор) как функция государственного управления существовал всегда (на это обращают внимание ученые, когда отмечают, что «многочисленные и разнообразные по своему конкретному содержанию и внешнему выражению обязательные требования государством устанавливались всегда»[11]), а понятие обязательных тре-

---

[2] См.: Об обязательных требованиях в Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5006.

[3] См.: О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : федер. закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

[4] См.: *Ноздрачев А. Ф.* Обязательные требования как новационный институт административного права : идеи, содержание, принципы и уровни правового регулирования // Административное право и процесс. 2022. № 3. С. 19–24 ; № 5. С. 8–15.

5 См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (постатейный) / отв. ред. А. С. Емельянов, С. М. Зырянов, А. В. Калмыкова ; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. М. : КОНТРАКТ, 2024. 172 с.

[6] См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (постатейный) С. 17–18 ; *Зырянов С. М.* Государственный контроль (надзор) : монография. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ : КОНТРАКТ, 2023. С. 92.

[7] См.: *Зырянов С. М.* Указ. соч.

[8] См.: *Сморчкова Л. Н.* Правовой режим обязательных требований как средства административно-правового регулирования экономических отношений // Право и практика. 2021. № 1. С. 49–53.

[9] См.: *Ноздрачев А. Ф.* Указ. соч.

[10] См.: *Фесько Д. С.* Административно-правовые гарантии обеспечения прав граждан и организаций при осуществлении государственного контроля (надзора) : теория и практика : монография / под науч. ред. В. В. Черникова. М. : Проспект, 2023. 224 с.

[11] *Ноздрачев А. Ф.* Указ. соч.

бований появилось не так давно. Его появление напрямую связано с реформированием системы государственного контроля (надзора), и в конечном итоге его внедрение в нормативно-правовое поле повлекло за собой необходимость включения его в систему государственной контрольно-надзорной деятельности и, соответственно, в понятийный аппарат теории государственного контроля и надзора.

До появления рассматриваемой понятийной новеллы в действующем законодательстве ученые активно использовали иные, но близкие понятия применительно к институту контроля (надзора). К примеру, С. М. Зубарев в 2019 г. в определении административного надзора применяет понятие общеобязательных правил, обеспечивающих жизнедеятельность и безопасность гражданина, общества и государства[12].

Характеризуя позицию нормотворца, следует согласиться с мнением о том, что федеральный законодатель ограничился введением в юридико-технических целях в отношении содержащихся в нормативных правовых актах разнообразных требований, которые предъявляются к осуществлению предпринимательской и иной экономической деятельности и оценка соблюдения которых осуществляется в рамках установленных Законом видов государственной или муниципальной деятельности, общего обозначения «обязательные требования»[13].

Из ч. 1 ст. 1 Закона можно вычленить несколько ключевых признаков рассматриваемого понятия.

1. Обязательные требования содержатся в нормативно-правовых актах.

2. Они связаны с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности.

3. Их оценка и экспертиза осуществляются посредством институтов государственного контроля (надзора), муниципального контроля, административной ответственности, разрешений и иных форм оценки и экспертизы.

Профессор А. Ф. Ноздрачев выделяет несколько важных вариантов научной трактовки обязательных требований.

Во-первых, они рассматриваются им как юридические критерии, которым должна соответствовать экономическая деятельность.

Во-вторых, они для субъектов экономической деятельности одновременно выполняют роль юридических средств защиты при нарушении или угрозе нарушения их прав и свобод.

В-третьих, обязательные требования – это многоуровневая система правовых норм, содержащих разнообразные по своему содержанию и внешнему выражению условия, ограничения, запреты, обязанности и другие требования, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, оценка соблюдения которых хозяйствующими субъектами осуществляется исключительно в рамках государственного контроля (надзора), муниципального контроля, привлечения к административной ответственности, установленных законом форм оценки и экспертизы.

В-четвертых, обязательные требования представляют собой новационный институт российского административного права, а их система образует новый самостоятельный институт административно-правового регулирования экономических отношений[14].

Считаем возможным дополнить эти положения следующими тезисами.

Обязательные требования как юридические критерии подконтрольной деятельности отражают цели и предмет контрольно-надзорного воздействия. С. М. Зырянов справедливо констатирует, что традиционно предметом контроля (надзора) является соблюдение ими обязательных требований — основного средства правового регулирования[15]. Еще в советский период ученые отмечали, что главное назначение контроля состоит в обеспечении согласованности запланированного и реально осуществляемого[16]. Представляется, что отражением запланированного можно считать установление критериев (условий) подконтрольной деятельности, а контроль направлен на установление соответствия (согласованности) реальной деятельности этим критериям или, используя современный лексикон правового регулирования государственного контроля (надзора), обязательным требованиям.

[12] См.: *Зубарев С. М.* Система контроля в сфере государственного управления : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. С. 33, 148.

[13] См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (постатейный).

[14] См.: *Ноздрачев А. Ф.* Указ. соч.

[15] См.: *Зырянов С. М.* Указ. соч. С. 92.

[16] См.: *Горшенев В. М., Шахов И. Б.* Контроль как правовая форма деятельности. М. : Юрид. лит., 1987. С. 22.

Обязательные требования (их количество и содержание) призваны охарактеризовать не только подконтрольную деятельность (степень ее урегулированности), но и саму систему регулирования определенной группы общественных отношений. Так, чем больше обязательных требований, тем более обременительным представляется регулирование[17]. Ученые справедливо отмечают, что обязательные требования имеют основополагающий характер для организации контрольно-надзорной деятельности, поскольку именно они подлежат проверке[18].

Кроме того, если мы говорим об охраняемых законом ценностях, которые призван обеспечить государственный контроль (надзор), то вред (ущерб) им может быть причинен не только нарушением обязательных требований, но и их установлением, если они не обоснованы[19]. Таким образом, об обязательных требованиях можно говорить и с точки зрения условий осуществления экономической деятельности как подконтрольной, и одновременно как о составной части регулирования, важном элементе регуляторного механизма.

Обязательные требования в централизованной сфере контрольно-надзорных правоотношений

Представляется, что следует различать понятие и содержание обязательных требований в централизованной и децентрализованных сферах контрольно-надзорных правоотношений. Понятие обязательных требований внедрено законодателем в централизованной сфере государственного контроля (надзора). В иных, децентрализованных сферах контрольно-надзорного воздействия использование данного понятия вызывает определенные вопросы. Схожая ситуация была охарактеризована нами применительно к понятию профилактики (профилактики нарушений обязательных требований), содержание которого в обновленном отечественном законодательстве о государственном контроле (надзоре) и отраслевых законодательных актах о видах контроля (надзора) существенным образом разнится[20].

Говоря о разграничении централизованной и децентрализованных сфер контрольно-надзорных отношений, которое достаточно четко обозначено сегодня как законодателем, так и доктриной, следует отметить, что категория обязательных требований определенным образом обусловливает компетенцию контрольно-надзорных органов и служит своего рода критерием отграничения, дифференциации различных видов государственного контроля (надзора).

Ученые при характеристике эволюции общего законодательства о государственном контроле (надзоре) и его гарантиях выделяют период с 1990 г. по 2001 г., когда отсутствовала единая идеология контрольной (надзорной) деятельности и преобладал ведомственный подход к набору обязательных требований, к организации контроля (надзора)[21].

В настоящее время общим принципом установления обязательных требований является установление их посредством нормативных правовых актов. Вместе с тем в силу действующих требований законодательства РФ обязательные требования могут содержаться не только в таких актах. Примером здесь могут служить требования в области охраны окружающей среды (природоохранные требования), которые содержатся не только в нормативных правовых актах, но и в иных документах в области охраны окружающей среды– нормативах (нормативах качества окружающей среды и нормативах допустимого воздействия на нее) и иных нормативных документах указанной сферы, статус которых определяется ст. 29 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»[22].

Ученые также обращают внимание на то, что предмет государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в соответствии со ст. 15 Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» включает соблюдение

[17] См.: *Зырянов С. М.* Указ. соч. С. 69.

[18] См.: *Ноздрачев А. Ф., Стародубова О. Е.* Обзор научно-практического семинара «“Регуляторная гильотина” как решающий фактор эффективности и результативности государственного контроля (надзора)» // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 1. С. 172.

[19] См.: *Зырянов С. М.* Указ. соч. С. 83

[20] См.: *Агамагомедова С. А.* Профилактика нарушений обязательных требований при проведении таможенного контроля и надзора : теоретико-правовые аспекты // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2. С. 155–165.

[21] См.: *Фесько Д. С.* Указ. соч.

[22] См.: Об охране окружающей среды : федер. закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 2. Ст. 133.

контролируемыми лицами не только обязательных требований, устанавливаемых нормативными правовыми актами, но и иных требований, в том числе содержащихся в разрешительных документах и в иных документах, если их исполнение является необходимым в соответствии с законодательством РФ. Указанные требования, несмотря на то что устанавливаются не нормативными правовыми актами, а иными документами, не утрачивают своей обязательности[23].

Обязательные требования в децентрализованных сферах контрольно-надзорных правоотношений

Рассмотрим особенности использования понятия обязательных требований и понимание его содержания при регулировании и осуществлении таможенного контроля как типичного вида государственного контроля децентрализованной сферы контрольно-надзорных отношений.

Несмотря на то, что таможенный контроль выведен из сферы действия Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации», при его правовом обосновании может использоваться понятие обязательных требований, требования к осуществлению экономической и иной деятельности, подконтрольной таможенным органам, существовали всегда (таможенные правила).

Что касается Закона, то в его положениях просматривается некая двойственность позиции законодателя в отношении таможенного регулирования. С одной стороны, он не распространяется на отношения, связанные с установлением и оценкой применения обязательных требований в сфере действия законодательства РФ о таможенном регулировании и таможенном деле в Российской Федерации (п. 4 ч. 2 ст. 1 Закона). С другой стороны, обязательные требования устанавливаются не только федеральными законами, но и Договором о Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС) и актами, составляющими право ЕАЭС (ч. 1 ст. 2 Закона). С учетом того, что часто требования в таможенной сфере устанавливаются на уровне ЕАЭС, а в национальных правовых актах получают детализацию и конкретизацию, можно говорить об определенном противоречии в обозначении в Законе источников таможенного регулирования, содержащих в себе обязательные требования.

Выделенная двойственность позиции законодателя объясняется, на наш взгляд, двумя факторами. Во-первых, Закон охватывает отношения, связанные с установлением и оценкой применения не всех обязательных требований[24]. Во-вторых, таможенное регулирование сегодня осуществляется посредством международно-правовой (интеграционной) и нормативно-правовой (национальной) основы. Договор о ЕАЭС (специалисты отмечают, что сам он обязательных требований не содержит, хотя отдельные его положения могут устанавливать требования к утверждению нормативных правовых актов, устанавливающих обязательные требования; в то же время положения протоколов-приложений к нему могут содержать обязательные требования), Таможенный кодекс ЕАЭС (далее – ТК ЕАЭС), решения Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК), технические регламенты ЕАЭС и другие акты составляют право ЕАЭС. Специфика таможенного контроля заключается в том, что в его рамках осуществляется установление соответствия установленным требованиям не только предпринимательской и иной экономической деятельности, но и деятельности иного свойства, связанной с обеспечением безопасности. Всё это позволяет сделать вывод о том, что в актах ЕАЭС и национальном российском законодательстве о таможенном регулировании содержатся обязательные требования в традиционном их понимании (в понимании Закона), связанные с внешнеэкономической деятельностью как разновидностью деятельности экономической, а также иные требования для подконтрольной деятельности, не связанной с экономическим взаимодействием (трансграничное перемещение товаров физическими лицами для личных, семейных нужд; трансграничный оборот товаров, перемещаемых в качестве гуманитарной помощи, и др.)

В ТК ЕАЭС неоднократно используется понятие требований. Примером могут служить требования к пломбам как средствам идентификации

[23] См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (постатейный).

[24] См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (постатейный).

(подп. 6 п. 2 ст. 437 ТК ЕАЭС[25]), которые определяются ЕЭК[26]. Кроме того, в ТК ЕАЭС соблюдение требований рассматривается как условие получения определенного административно-правового статуса (например, статуса уполномоченного экономического оператора (подп. 10 п. 1 ст. 435 ТК ЕАЭС)). ТК ЕАЭС упоминает и типовые требования, например типовые требования к системе учета товаров, которые вправе определять ЕЭК (подп. 7 п. 1 ст. 433 ТК ЕАЭС). В рамках определения понятия «запреты и ограничения» на уровне ЕАЭС упоминаются радиационные требования (подп. 10 п. 1 ст. 2 ТК ЕАЭС).

Таким образом, специфика использования понятия обязательных требований в таможенной сфере обусловлена тем, что: 1) объектом таможенного контроля выступает не только экономическая, но и иная деятельность; 2) обязательные и иные требования в таможенной сфере устанавливаются не только нормативно-правовыми, но и договорно-правовыми актами; 3) таможенный контроль отнесен к децентрализованным видам государственного контроля (надзора), регулирование которого исторически сложилось как самостоятельное и основанное во многом на международных стандартах.

Таможенно-правовое регулирование в настоящее время представляет собой сложную, многоуровневую систему, в которой обязательные требования могут содержаться на различных уровнях: в актах права ЕАЭС, федеральных законах, подзаконных актах (нормативного и иного характера).

Таким образом, при наличии следующих трех вариантов соотношения понятия обязательных требований с регулированием отдельных видов государственного контроля (надзора): не использовать совсем; использовать в смысле, вкладываемом в него Законом; использовать в ином смысле, – целесообразным и предпочтительным нам видится последний вариант. На примере таможенного контроля можно сделать вывод о том, что понятие обязательных требований может использоваться при его регламентации и осуществлении с учетом того, что в рамках данного вида контрольно-надзорной деятельности проверяется соответствие реальной деятельности обязательным и иным требованиям (связанным не только с экономическими отношениями). Ученые справедливо отмечают, что по содержанию обязательные требования – это запреты, предписания, обязывания[27]. Подобные запреты и обязывания могут быть установлены не только в экономической, но и смежных с ней и иных областях общественных отношений. То есть понятие обязательных требований применимо для децентрализованных сфер государственного контроля (надзора), но с определенной оговоркой.

С учетом проведенного анализа можно, на наш взгляд, констатировать наличие проблемы научного обоснования места обязательных требований в современной системе государственного контроля (надзора) с учетом сложившегося ее деления на централизованную и децентрализованные сферы. Решение ее лежит в плоскости развития вопросов соотношения регулирования в этих сферах, важной частью которого призвана стать разработка понятийного аппарата теории государственного контроля и надзора или теории контрольно-надзорного правоотношения[28].

Понятие обязательных требований – важнейший элемент последней, он отражает свойства подконтрольной деятельности (обязательные требования как критерии, условия этой деятельности), а также самого контрольно-надзорного воздействия (определение соответствия обязательным требованиям – предмет контроля (надзора)). Этот институт неразрывно связан с гарантиями граждан и организаций при прохождении государственного контроля (надзора), с компетенцией органов-контролеров, а также

[25] См.: Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: http://www.eaeunion.org/ (дата обращения: 12.04.2017).

[26] См.: О Требованиях к пломбам, наложенным уполномоченным экономическим оператором на грузовые помещения (отсеки) транспортных средств или их части, для их признания таможенными органами в качестве средств идентификации : решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 20 октября 2020 г. № 127 // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL: http://www.eaeunion.org/ (дата обращения: 23.10.2020).

[27] См.: Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (постатейный).

[28] См.: *Агамагомедова С. А.* Теория контрольно-надзорного правоотношения : эволюция подходов и современное содержание // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 3. С. 105–116.

с принципами как подконтрольной деятельности, так и контрольно-надзорного внимания государства в целом.

Ведущие ученые, рассуждая о консерватизме права, обоснованно ставят вопрос о его требованиях, среди которых обозначено требование узаконивать в системе контрольно-надзорной деятельности выразительные и плодотворные современные принципы осуществления государственного контроля и надзора[29]. Реализация их связана в том числе и с понятием обязательных требований. Несмотря на легальное содержание данного понятия, связанное исключительно с экономической деятельностью, представляется возможным использовать его в правовом обосновании регулирования и осуществления контрольно-надзорного воздействия и в децентрализованных сферах государственного контроля (надзора) с учетом их специфики.

Библиографический список

Агамагомедова С. А. Профилактика нарушений обязательных требований при проведении таможенного контроля и надзора : теоретико-правовые аспекты // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 2. С. 155–165.

Агамагомедова С. А. Теория контрольно-надзорного правоотношения : эволюция подходов и современное содержание // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 3. С. 105–116.

Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (постатейный) / отв. ред. А. С. Емельянов, С. М. Зырянов, А. В. Калмыкова ; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. М. : КОНТРАКТ, 2024. 172 с.

Горшенев В. М., Шахов И. Б. Контроль как правовая форма деятельности. М. : Юрид. лит., 1987. 175 с.

Зубарев С. М. Система контроля в сфере государственного управления : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. 152 с.

Зырянов С. М. Государственный контроль (надзор) : монография. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ : КОНТРАКТ, 2023. 232 с.

Ноздрачев А. Ф. Обязательные требования как новационный институт административного права : идеи, содержание, принципы и уровни правового регулирования // Административное право и процесс. 2022. № 3. С. 19–24 ; № 5. С. 8–15.

Ноздрачев А. Ф., Стародубова О. Е. Обзор научно-практического семинара «“Регуляторная гильотина” как решающий фактор эффективности и результативности государственного контроля (надзора)» // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 1. С. 170-175.

Сморчкова Л. Н. Правовой режим обязательных требований как средства административно-правового регулирования экономических отношений // Право и практика. 2021. № 1. С. 49–53.

Старилов Ю. Н. Консерватизм правовой политики как гарантия прогресса в сфере административных и иных публичных правоотношений // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2023. № 1(52). С. 7-32.

Фесько Д. С. Административно-правовые гарантии обеспечения прав граждан и организаций при осуществлении государственного контроля (надзора) : теория и практика : монография / под науч. ред. В. В. Черникова. М. : Проспект, 2023. 224 с.

References

Agamagomedova S. A. Prevention of violations of mandatory requirements during customs control and supervision : theoretical and legal aspects // Actual problems of the state and law. 2024. Vol. 8. No. 2. P. 155–165.

Agamagomedova S. A. Theory of control and supervisory legal relations : the evolution of approaches and modern content // Journal of Russian Law. 2025. Vol. 29. No. 3. P. 105–116.

Scientific and Practical Commentary to Federal Law No. 247-FZ dated July 31, 2020 «On Mandatory Requirements in the Russian Federation» (article-by-article) / ed. by A. S. Yemelyanov, S. M. Zyryanov, A. V. Kalmykova ; Institute of Legislation and Comparative Law. Law Studies under the Government of the Russian Federation. Moscow : KONTRAKT, 2024. 172 p.

Gorshenev V. M., Shakhov I. B. Control as a legal form of activity. Moscow : Jurid. lit., 1987. 175 p.

Zubarev S. M. The control system in the field of public administration : a monograph. Moscow : Norm : INFRA-M, 2019. 152 p.

Zyryanov S. M. State control (supervision) : monograph. Moscow : Institute of Legislation and Comparative Law. Law Studies under the Government of the Russian Federation : CONTRACT, 2023. 232 p.

Nozdrachev A. F. Mandatory requirements as an innovative institute of administrative law : ideas, content, principles and levels of legal regulation // Administrative Law and Process. 2022. № 3. P. 19–24; № 5. P. 8–15.

Nozdrachev A. F., Starodubova O. E. Review of the scientific and practical seminar «The regulatory guillotine as a decisive factor in the effectiveness and ef-

[29] См.: *Старилов Ю. Н.* Указ соч. С. 9.

ficiency of state control (supervision)» // Journal of Russian Law. 2021. Vol. 25. No. 1. P. 170–175.

Smorchkova L. N. The legal regime of mandatory requirements as a means of administrative and legal regulation of economic relations // Law and Practice. 2021. No. 1. P. 49–53.

Starilov Yu. N. Conservatism of legal policy as a guarantee of progress in the sphere of administrative and other public legal relations // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2023. No. 1(52). P. 7–32.

Fesko D. S. Administrative and legal guarantees of ensuring the rights of citizens and organizations in the implementation of state control (supervision) : theory and practice : monograph / ed. by V. V. Chernikov. Moscow : Prospekt, 2023. 224 p.

Институт государства и права Российской академии наук

Агамагомедова С. А., кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора административного права и административного процесса

E-mail: saniyat_aga@mail.ru

Поступила в редакцию: 20.05.2025

Для цитирования:

Агамагомедова С. А. Обязательные требования: понятие, признаки и специфика использования в таможенном контроле // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 149–156. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/149-156

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

Agamagomedova S. A., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Senior Researcher in the Sector of Administrative Law and Administrative Procedure

E-mail: saniyat_aga@mail.ru

Received: 20.05.2025

For citation:

Agamagomedova S. A. Mandatory requirements: concept, characteristics and specificity of use in customs control // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 3 (62). P. 149–156. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/149-156

УДК 342.9
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/157-163

ДОКУМЕНТЫ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ

В. В. Гриценко
Воронежский государственный университет

О. А. Сазонова
Воронежский государственный аграрный университет имени Императора Петра I

DOCUMENTS OF STRATEGIC PLANNING IN PUBLIC LEGAL REGULATION IN MIGRATION SPHERE

V. V Gritsenko
Voronezh State University

O. A. Sazonova
Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I

Аннотация: рассматривается основное назначение документов стратегического планирования в сфере миграции в современных условиях. В ходе рассуждений анализируются взаимосвязи между различными типами документов стратегического планирования, исследующих миграционные вопросы в комплексе планирования общегосударственного развития. Изложенное позволяет утверждать об отсутствии необходимых законодательных актов, регулирующих порядок взаимодействия между федеральными, региональными и муниципальными уровнями власти. Сформулирован вывод о необходимости принятия нового документа стратегического планирования в сфере миграции для решения вопросов по реализации государственной миграционной политики на долгосрочный период.
Ключевые слова: стратегия, концепция, стратегическое планирование, документ стратегического планирования.

Abstract: the article deals with the main purpose and features strategic planning documents migration in contemporary conditions. The discussion analyzes the relationship between different types of strategic planning documents researching migration issues in the complex of planning of national development. This allows us to assert the absence of the necessary legislative acts regulating the order of interaction between the federal, regional and municipal levels of power. Conclusion on the need to adopt a new document Strategic planning in the field of migration to address issues related to the implementation of the state migration policy.
Key words: strategy, concept, strategic planning, strategic planning document.

Актуализация проблем, связанных с правовым регулированием миграции, как в мире, так и в России обусловливается многими факторами. Наиболее важным из них является обострение криминогенной ситуации. По мнению Д. И. Советова, в нашей стране это связано с различными резонансными событиями и противоправными деяниями, совершенными мигрантами на территории Российской Федерации[1]. К сожалению, как подчеркивает министр внутренних дел Российской Федерации, в последние годы отмечается рост криминальных проявлений со стороны иностранных граждан, где преимущественное большинство уголовно на-

© Гриценко В. В., Сазонова О. А., 2025

[1] См.: *Советов Д. И.* Направления совершенствования миграционного контроля в Российской Федерации // Миграционное право. 2025. № 1. С. 11.

казуемых деяний –незаконный оборот наркотических средств[2].

На неправомерное поведение мигрантов неоднократно указывал Президент РФ. Выступая на расширенном заседании коллегии МВД России 2 апреля 2024 г., Президент РФ В. В. Путин подчеркнул, что в Россию должны приезжать только те, кто уважает наши традиции, язык, культуру и историю[3]. В связи с этим необходимо формировать грамотную, стабильную государственную миграционную политику, готовую в любой момент отразить новые негативные вызовы, исходящие от недружественных стран.

Следует согласиться с мнением Д. К. Чиркова и А. А. Литвинова, которые, рассматривая миграцию в качестве «сложного явления», считают, что миграция крайне непредсказуема и неоднозначна по своим последствиям[4].

А. Г. Хабибулин и К. Р. Мурсалимов к важным направлениям миграционной политики относят «обеспечение гармоничного развития межэтнических отношений, противодействия идеологии экстремизма и терроризма, формирование уважительного отношения миграционного общества к традиционным духовно-нравственным ценностям российского общества, установление режима законности в сфере миграционных отношений»[5].

А. П. Солдатов, в свою очередь, заявляет об очевидных существенных несоответствиях теоретических установок с реалиями жизни россиян[6].

Основу публично-правового регулирования в сфере миграции составляют Основной закон РФ, федеральные законы, а также иные нормативные правовые акты, принятые в рассматриваемой сфере. При этом ключевые векторы развития миграционного законодательства вместе с приоритетными направлениями реализации государственной миграционной политики находят свое отражение в документах стратегического планирования, реализуемых на федеральном, региональном и муниципальном уровне.

Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации»[7] устанавливается иерархическая структура документов стратегического планирования, предусматривающая их распределение: «а) по степени разрабатываемости – утверждаемые в рамках целеполагания, целеполагания по отраслевому и территориальному принципу, прогнозирования, планирования и программирования; б) по уровню принятия – документы, реализуемые на федеральном, региональном и муниципальном уровнях; в) по сферам деятельности – принимаемые в сфере социально-экономического развития и в сфере обеспечения национальной безопасности; г) по времени действия – долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные; д) по значимости – системообразующие и второстепенные»[8].

Полагаем, что такой подход в целом отражает сложившуюся ранее систему документов стратегического планирования. Вместе с тем следует признать, что в должной мере не определены функциональное и целевое назначение, а также иерархические связи между различными типами документов стратегического планирования, к которым относятся стратегический прогноз, стратегия социально-экономического развития, стратегия пространственного развития, долгосрочный бюджетный прогноз и иные.

Среди документов федерального уровня, рассматривающих миграционные вопросы в комплексе планирования общегосударственного развития, можно назвать Стратегию национальной безопасности Российской Федерации[9], Концепцию общественной безопасности в Рос-

[2] См.: *Петров И.* Колокольцев констатировал рост криминальных проявлений со стороны мигрантов // Российская газета. 2022. 26 дек.

[3] См.: Официальный сайт Администрации Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73770 (дата обращения: 29.04.2025).

[4] См.: *Чирков Д. К., Литвинов А. А.* Миграция, политика и преступность в России : современные тенденции // Миграционное право. 2025. № 1. С. 18.

[5] *Хабибулин А. Г., Мурсалимов К. Р.* Современные тенденции государственной политики в сфере миграции : правообразующий аспект // Миграционное право. 2025 № 2. С. 2.

[6] См.: *Солдатов А. П.* Новая миграционная политика и ее административно-правовое обеспечение // Административное право и процесс. 2025. № 3. С. 27.

[7] См.: О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378 ; 2024. № 29 (ч. III). Ст. 4106.

[8] Там же.

[9] См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

сийской Федерации[10], Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 г. и на плановый период 2026 и 2027 гг.[11], Прогноз долгосрочного социально-экономического развития на период до 2030 г.[12], Прогноз социально-экономического развития на период до 2036 г.[13], Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации[14].

Данные документы стратегического планирования рассматривают вопросы реализации миграционных мероприятий в комплексе планирования общегосударственного развития, координации взаимодействия органов публичной власти в сфере стратегического планирования в целях реализации стратегических приоритетов и обеспечения национальных интересов России.

Среди документов стратегического планирования можно также выделить блок, посвященный планированию государственной деятельности в миграционной сфере, такие как: Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг.[15]; План мероприятий по реализации в 2024–2025 гг. Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг.[16]; Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом[17].

Основная задача данных документов – создание системы государственного планирования в миграционной сфере. Соответственно, все задачи, установленные документами стратегического планирования, должны образовывать комплексную систему стратегического планирования в сфере пространственного, демографического и социально-экономического развития государства, обеспечения безопасности страны, повышения качества жизни населения, защиты национального рынка труда, поддержания межрелигиозного и межнационального согласия в обществе, содействия в сохранении русского языка, культуры и историко-культурного наследия народов России, образующих основу ее культурного кода, выстроенную как единый эффективный взаимосвязанный комплекс.

1. *Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг.,* рассматривая ключевые направления совершенствования миграционной политики страны, делает акцент на проведение следующих мероприятий: а) совершенствование организационных, правовых и иных механизмов, регулирующих добровольное переселение соотечественников, проживающих за рубежом, в Россию на постоянное место жительства, а также иных лиц, способных успешно интегрироваться в российское общество; б) въезд в страну и пребывание на ее территории иностранных граждан, желающих развивать профессиональные, экономические, деловые, культурные, научные связи, изучать

[10] См.: Концепция общественной безопасности в Российской Федерации : утв. Президентом РФ 14 ноября 2013 г. № Пр-2685. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[11] См.: Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов : разработан Минэкономразвития России. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[12] См.: Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года : разработан Минэкономразвития России. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[13] См.: Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года : разработан Минэкономразвития России. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[14] См.: Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 8 ноября 2021 г. № 633 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 46. Ст. 7676.

[15] См.: О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 (ред. от 12.05.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 45. Ст. 6917 ; 2023. № 20. Ст. 3534.

[16] См.: О плане мероприятий по реализации в 2024–2025 годах Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : распоряжение Правительства РФ от 16 января 2024 г. № 30-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 4. Ст. 560.

[17] См.: О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (вместе с «Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом») : Указ Президента РФ от 22 июня 2006 г. № 637 (ред. от 18.09.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 26. Ст. 2820 ; 2024. № 39. Ст. 5796.

язык и историю страны, благодаря своему потенциалу содействующих социальному, экономическому и культурному развитию Российской Федерации; в) оказание в соответствии положениями отечественного законодательства и нормами международного права помощи иностранным гражданам, ищущим защиту на территории РФ.

2. *План мероприятий по реализации в 2024–2025 гг. Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 гг.*

В двухлетнем плане содержится более сорока различных мероприятий, сгруппированных по шести разделам, посвященным, в том числе порядку въезда иностранных граждан на территорию РФ, содействию их адаптации, свободному перемещению студентов, научных и педагогических работников, а также профилактике нарушений миграционного законодательства.

Одним из нововведений является создание цифрового профиля иностранного гражданина с помощью которого планируется обеспечить достоверный сбор и подтверждение личности иностранных граждан и лиц без гражданства посредством их аутентификации с использованием биометрических персональных данных, размещенных в единой биометрической системе. Данным лицам планируется предоставить доступ к соответствующим сведениям с использованием цифрового профиля в федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг».

С помощью цифрового профиля планируется организация мероприятий по формированию «портрета мигранта» и его цифрового профиля, позволяющих обеспечить агрегирование сопоставимых сведений миграционного учета в различных ведомственных системах по каждому лицу, совершенствование статистического инструментария мониторинга за миграционными процессами, решение задач по расширению практики оказания государственных услуг в сфере миграции в электронной форме, а также обеспечение эффективности принятия управленческих решений в миграционной сфере.

3. *Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом,* в рамках которой не только регламентируются вопросы оказания такого содействия, но и закрепляются права и обязанности добровольных переселенцев, являющихся участниками миграционных отношений в Российской Федерации. Этим актом, в сущности, реализован программно-целевой метод регулирования миграции в страну лиц, обладающих признаками общности (языковой, культурной, религиозной) с российскими гражданами. Важно отметить, что данная программа действует с 2006 г. и является единственной, финансируемой из средств федерального бюджета[18].

В настоящих условиях главным преимуществом для соотечественников, переселяющихся в Россию, является упрощенный порядок приобретения российского гражданства. В связи с принятием Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» «участники Государственной программы вправе обратиться с заявлением о приеме в гражданство в упрощенном порядке, минуя получение разрешения при условии владения русским языком, знания истории и основ законодательства РФ»[19].

Проанализировав указанный блок документов стратегического планирования, необходимо принимать во внимание то, что среди них практически нет долгосрочных документов (за исключением государственной программы по оказанию содействия переселению соотечественников), а краткосрочные концепция и план заканчиваются в самое ближайшее время и новые еще не приняты.

Анализируя в целом документы стратегического планирования в миграционной сфере, следует отметить, что они достаточно разнообразны, существуют как долгосрочные документы федерального уровня, предполагающие выполнение глобальных задач в сфере миграции во взаимосвязи с другими задачами государственного планирования, так и краткосрочные документы, планирующие проведение конкретных мероприятий по совершенствованию регулирования миграционных процессов в определенных областях.

[18] См.: О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов : федер. закон от 27 ноября 2023 г. № 540-ФЗ (ред. от 12.07.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023, № 49 (ч. I) . Ст. 8657 ; 2024. № 29 (ч. II) . Ст. 4104.

[19] См.: О гражданстве Российской Федерации : федер. закон от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2023. № 18. Ст. 3215 ; 2024. № 33 (ч. I) . Ст. 4977.

К сожалению, не удается избежать и их дублирующего характера. Так, современные ученые подчеркивают, что документы стратегического планирования часто дублируют друг друга, мало чем отличаются по своему содержанию и направлены в основном на решение одних и тех же задач[20].

Кроме того, имеются определенные «претензии» и к качеству миграционного законодательства, которое не в полной мере соответствует текущим и будущим потребностям экономического, социального и демографического развития российского общества и нуждается в его соответствии требованиям документов стратегического планирования.

А. Г. Хабибулин и К. Р. Мурсалимов указывают на значимость актов стратегического значения и их влияния на государственную политику в сфере миграции[21].

Исследуя проблемы правового регулирования в Законе о стратегическом планировании и иных документах, создающих систему такого регулирования в рассматриваемой сфере, Н. М. Чепурнова и А. А. Ищенко отмечают отдельные «пробелы» в системе документов стратегического планирования, к основным из них, по их мнению, «относятся:

– недостаточность четкой систематизации документов стратегического планирования, их взаимосвязи по этапам и срокам реализации;

– отсутствие установленных механизмов реализации документов, адекватной системы работы с большими объемами поступающих данных»[22].

Важно подчеркнуть, что в настоящее время на федеральном уровне отсутствуют необходимые законодательные акты, регулирующие порядок взаимодействия между федеральным, региональным и муниципальным уровнями власти, что приводит к трудностям в реализации национальных проектов.

Следует обратить внимание и на другую проблему – в условиях современных геополитических вызовов настала необходимость заменить, разработать и утвердить долгосрочную Стратегию миграционной политики, содержащую основные цели и задачи ее развития, пути совершенствования механизмов реализации государственного управления, эффективного нормативного обеспечения и финансирования с учетом тех проблем, современных вызовов, которые сложились в миграционной сфере.

Принятие Стратегии миграционной политики на долгосрочный период необходимо для более четкого понимания дальнейших путей совершенствования рассматриваемой сферы с учетом актуальных аспектов политического, экономического и социального характера.

Представляется, что эффективность проводимой реформы в сфере миграции в значительной мере определяется научно обоснованной единой стратегией, отражающей пути преодоления кризиса в данной сфере общественных отношений и выступающей основой для принятия управленческих решений на государственном уровне, а также для разработки и реализации документов стратегического планирования.

Сравнительно-правовой анализ документов стратегического планирования, принятых в России в сфере миграции и направленных на обеспечение миграционной безопасности, позволяет прийти к следующим выводам:

1) документы стратегического планирования, принятые в сфере миграции, достаточно разнообразны, действуют как долгосрочные документы только федерального уровня, предполагающие выполнение глобальных задач в сфере миграции во взаимосвязи с другими задачами государственного планирования, так и краткосрочные документы, планирующие проведение конкретных мероприятий по совершенствованию регулирования миграционных процессов в определенных областях;

2) общегосударственные документы стратегического планирования, как и блок документов стратегического планирования, посвященный планированию государственной деятельности в сфере миграции, содержат дублирующие друг друга положения и преимущественно направле-

[20] См., например: *Шпаковский Ю. Г., Евтушенко В. И.* Документы стратегического планирования в сфере регулирования миграционной деятельности Российской Федерации по экологическим причинам // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 10 (131). С. 47–57 ; *Сейфетдинова Е. И., Гулый А. А.* Вопросы миграционной стратегии Российской Федерации на ближнесрочную перспективу (2023–2025 гг.) // Международное публичное и частное право. 2023. № 2. С. 11 ; *Головина Ю. П.* Генезис института административного принуждения в России // Административное право и процесс. 2025. № 3. С. 50.

[21] См.: *Хабибулин А. Г., Мурсалимов К. Р.* Указ. соч. С. 3.

[22] *Чепурнова Н. М., Ищенко А. А.* Некоторые аспекты совершенствования административно-правового регулирования стратегического планирования в контексте конституционной реформы в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2022. № 1. С. 25.

ны на решение идентичных задач, недостаточно систематизированы и взаимосвязаны по этапам и срокам реализации, не содержат установленных механизмов реализации документов, а также эффективной системы по работе с большими объемами данных;

3) миграционное законодательство в недостаточной степени соответствует текущим потребностям развития российского общества, нуждается в совершенствовании и приведении его в соответствие требованиям документов стратегического планирования, а также необходимо принятие новых документов стратегического планирования, отвечающих современным угрозам и вызовам.

Библиографический список

Головина Ю. П. Генезис института административного принуждения в России // Административное право и процесс. 2025. № 3. С. 50–54.

Петров И. Колокольцев констатировал рост криминальных проявлений со стороны мигрантов // Российская газета. 2022. 26 дек.

Сейфетдинова Е. И., Гулый А. А. Вопросы миграционной стратегии Российской Федерации на ближнесрочную перспективу (2023–2025 гг.) // Международное публичное и частное право. 2023. № 2. С. 11–13.

Советов Д. И. Направления совершенствования миграционного контроля в Российской Федерации // Миграционное право. 2025. № 1. С. 11–14.

Солдатов А. П. Новая миграционная политика и ее административно-правовое обеспечение // Административное право и процесс. 2025. № 3. С. 27–30.

Хабибулин А. Г., Мурсалимов К. Р. Современные тенденции государственной политики в сфере миграции : правообразующий аспект // Миграционное право. 2025 № 2. С. 2–5.

Чепурнова Н. М., Ищенко А. А. Некоторые аспекты совершенствования административно-правового регулирования стратегического планирования в контексте конституционной реформы в Российской Федерации // Административное право и процесс. 2022. № 1. С. 22–27.

Чирков Д. К., Литвинов А. А. Миграция, политика и преступность в России : современные тенденции // Миграционное право. 2025. № 1. С. 18–22.

Шпаковский Ю. Г., Евтушенко В. И. Документы стратегического планирования в сфере регулирования миграционной деятельности Российской Федерации по экологическим причинам // Lex Russica (Русский закон). 2017. № 10 (131). С. 47–57.

References

Golovina Yu. P. The genesis of the institute of administrative coercion in Russia // Administrative law and process. 2025. № 3. P. 50–54.

Petrov I. Kolokoltsev stated the growth of criminal manifestations on the part of migrants // Rossiyskaya Gazeta. 2022. 26 Dec.

Seifetdinova E. I., Gulyi A. A. Issues of the migration strategy of the Russian Federation for the near term (2023–2025) // International public and private law. 2023. No. 2. P. 11–13.

Sovetov D. I. Directions of improving migration control in the Russian Federation // Migration law. 2025. No. 1. P. 11–14.

Soldatov A. P. New migration policy and its administrative and legal support // Administrative law and process. 2025. № 3. P. 27–30.

Khabibulin A. G., Mursalimov K. R. Current trends in state policy in the field of migration : a law-forming aspect // Migration law. 2025 No. 2. P. 2–5.

Chepurnova N. M., Ishchenko A. A. Some aspects of improving administrative and legal regulation of strategic planning in the context of constitutional reform in the Russian Federation // Administrative Law and Process. 2022. № 1. P. 22–27.

Chirkov D. K., Litvinov A. A. Migration, politics and crime in Russia : current trends // Migration law. 2025. No. 1. P. 18–22.

Shpakovsky Yu. G., Yevtushenko V. I. Strategic planning documents in the field of regulating migration activities of the Russian Federation for environmental reasons // Lex Russica (Russian Law). 2017. No. 10 (131). P. 47–57.

Воронежский государственный университет
Гриценко В. В., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и административного процессуального права
E-mail: vvgritsenko@mail.ru

Voronezh State University
Gritsenko V. V., Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Administrative and Administrative Procedural Law Department
E-mail: vvgritsenko@mail.ru

Воронежский государственный аграрный университет имени Императора Петра I
Сазонова О. А., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юридических дисциплин
E-mail: sazonova_oxana@list.ru

Поступила в редакцию: 28.05.2025
Для цитирования:
Гриценко В. В., Сазонова О. А. Документы стратегического планирования в публично-правовом регулировании в сфере миграции // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 157–163. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/157-163

Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter I
Sazonova O. A., Candidate of Law, Associate Professor at the Department of Legal Disciplines
E-mail: sazonova_oxana@list.ru

Received: 28.05.2025
For citation:
Gritsenko V. V., Sazonova O. A. Documents of strategic planning in public legal regulation in migration sphere // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 3 (62). P. 157–163. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/157-163

УДК 342.92
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/164-172

АДАПТАЦИЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ[1]

А. А. Ефремов
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ADAPTATION OF EXPERIMENTAL LEGAL REGULATION TO ACHIEVE NATIONAL GOALS OF DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

A. A. Yefremov
Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)

Аннотация: проведен анализ текущей ситуации с изменением нормативного правового регулирования и его инструментов, в том числе экспериментальных правовых режимов, под воздействием развития технологий. Обосновано, что в основе адаптации правового регулирования к технологическим и геополитическим вызовам должен быть антропоцентричный консервативный подход, а само целеполагание в сфере технологического развития, в том числе цифровых технологий и цифровой трансформации, должно быть основано на традиционных правовых ценностях. Разработаны элементы публично-правового механизма обеспечения достижения национальных целей развития России, включая согласование целей нормотворческих планов, целей иных нормативных правовых актов, а также ориентации на оценку достижения национальных целей традиционных процедур мониторинга правоприменения и оценки фактического воздействия. На основе данных элементов сформулирован комплекс предложений по совершенствованию действующего правового регулирования и практики применения экспериментальных правовых режимов для обеспечения достижения национальных целей развития России.
Ключевые слова: адаптация, государственное управление, национальные цели развития, правовое регулирование, правовые эксперименты, экспериментальные правовые режимы.

Abstract: it is analyzes the current situation with changes in normative legal regulation and its instruments, including experimental legal regimes, under the influence of technological development. It is substantiated that the adaptation of legal regulation to technological and geopolitical challenges should be based on an anthropocentric conservative approach, and the goal-setting itself in the field of technological development, including digital technologies and digital transformation, should be based on traditional legal values. Elements of a public-law mechanism for ensuring the achievement of national development goals of Russia have been developed, including the coordination of the goals of rule-making plans, the goals of other regulatory legal acts, as well as orientation towards assessing the achievement of national goals of traditional procedures for monitoring law enforcement and assessing the actual impact. Based on these elements, a set of proposals has been formulated to improve the current legal regulation and the practice of applying experimental legal regimes to ensure the achievement of national development goals of Russia.
Key words: adaptation, public administration, national development goals, legal regulation, legal experiments, experimental legal regimes.

[1] Статья подготовлена в рамках НИР госзадания «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер ЕГИСУ НИОКТР: 124012000079-6.

© Ефремов А. А., 2025

Динамика общественных отношений в современном мире оказывает серьезное влияние на правовое регулирование, в том числе формирование его новых институтов, механизмов и инструментов.

Стремительное внедрение цифровых технологий и осуществляемая на их основе цифровая трансформация[2] серьезным образом влияют на весь механизм правового регулирования[3] в различных отраслях права, формируя новые сферы реализации публично-правовых[4] и частно-правовых отношений, в том числе цифровые платформы[5], новые объекты гражданско-правового оборота[6], а также изменяя действовавшие ранее подходы к обеспечению и защите прав человека[7], расследованию преступлений[8] и их методики[9].

Указанные процессы ставят перед юридической наукой задачу осмысления не только изменения правового регулирования под влиянием технологий, а точнее технологизации[10] общественных отношений, фактически – технологической революции[11], но и определения ценностных ориентиров[12] для такого изменения, в основе которых должен лежать принцип антропоцентричности правового регулирования, что может быть обеспечено на основе разумного консерватизма правовой политики[13]. Такой разумный консерватизм должен быть реализован в том числе и в отношении новых инструментов правового регулирования, к числу которых относятся правовые эксперименты и экспериментальные правовые режимы (далее – ЭПР).

Целью настоящей статьи является выработка публично-правового подхода к механизму адаптации экспериментального правового регулирования для обеспечения его ориентации на достижение национальных целей развития России. Для этого использованы как формально-юридический (догматический) метод, так и методы сравнительно-правового анализа и правового моделирования.

Следует отметить, что указанная цель исследования является достаточно актуальной[14], поскольку, несмотря на относительную «мо-

[2] См.: Цифровая трансформация и государственное управление : науч.-практ. пособие / А. С. Емельянов, А. А. Ефремов, А. В. Калмыкова [и др.] ; ред. кол.: Л. К. Терещенко, А. С. Емельянов, Н. А. Поветкина. М. : Инфотропик Медиа, 2022. 224 с.

[3] См.: Адаптация и развитие информационного права в условиях цифровой трансформации : монография / под ред. А. В. Минбалеева. Саратов : Амирит, 2024. 190 с.

[4] См.: Государство, общество и личность : пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере : монография / Н. С. Волкова, А. А. Ефремов, С. М. Зырянов [и др.] ; отв. ред. Л. К. Терещенко ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М. : Инфотропик Медиа, 2024. 352 с.

[5] См.: Цифровые платформы – организационно-правовая форма взаимодействия в обществе : монография / Н. С. Волкова, А. С. Емельянов, А. А. Ефремов [и др.] ; отв. ред. Л. К. Терещенко. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. М. : Инфотропик Медиа, 2025. 244 с.

[6] См.: *Носова В. А.* Защита интеллектуальной собственности в интернете (аккаунты в социальных сетях) // Право в эпоху искусственного интеллекта : перспективные вызовы и современные задачи : сб. науч. статей по материалам Междунар. науч.-практ. форума. Тюмень, 2024. С. 104–106.

[7] См.: Права человека в информационной сфере в условиях цифровизации : науч.-практ. пособие / Н. С. Волкова, А. С. Емельянов, А. А. Ефремов [и др.] ; отв. ред. Л. К. Терещенко. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. М. : Инфотропик Медиа, 2023. 244 с.

[8] См.: *Тесленко А. А.* Особенности расследования коррупционных преступлений с использованием цифровых валют // Шикановские криминалистические чтения : криминалистическое и судебно-экспертное обеспечение расследования и раскрытия преступлений : материалы ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. молодых исследователей. Иркутск, 2025. С. 155–162.

[9] См.: *Тесленко А. А.* Методика расследования взяточничества и коммерческого подкупа с использованием цифровых валют // Цифровые технологии и право : сб. науч. трудов III Междунар. науч.-практ. конф. : в 6 т. Казань, 2024. Т. 4. С. 221–226.

[10] См.: *Хабриева Т. Я.* Современные юридические технологии в теории и практике правотворчества и правоприменения // Эффективность законодательства и современные юридические технологии : материалы заседания III Междунар. школы-практикума молодых ученых-юристов / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2009. С. 3–11.

[11] См.: *Хабриева Т. Я.* Право в реалиях технологической революции : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2025. 168 с. ; *Ее же.* Правовые очерки технологической революции. М. : Норма : Инфра-М : Российская академия наук, 2025. 144 с. ; *Ее же.* Технологические революции и их проекция в праве // Вопросы истории. 2022. № 2-2. С. 256–270.

[12] См.: *Старилов Ю. Н.* Сложный путь познания правового усмотрения : к чувству уверенности на основе ценностных ориентиров // Административное право и процесс. 2025. № 1. С. 15–25.

[13] См.: *Старилов Ю. Н.* Консерватизм правовой политики как гарантия прогресса в сфере административных и иных публичных правоотношений // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 7–32.

[14] См.: *Филатов К. С.* Адаптация экспериментальных правовых режимов европейского союза инновациям экономических отношений : на примере регулирования финансовых рынков // Юридическая наука. 2024. № 8. С. 226–230.

лодость» экспериментальных правовых режимов, практика их применения свидетельствует и о недостаточной востребованности, и о необходимости их ориентации не только на цифровые инновации.

К сожалению, новые инструменты правового регулирования часто попадают в фокус внимания ученых юристов только после их нормативной институционализации, а не в период разработки концепций и принятия соответствующих нормативных правовых актов.

Эта тенденция довольно легко может быть выявлена на основе наукометрического анализа. Для сравнения, в 2019 г., когда шла разработка федерального законодательства об ЭПР, по данным elibrary.ru, было опубликовано всего 8 научных статей с соответствующим названием (для упрощения поиска и анализа взято в качестве название именно словосочетание «экспериментальные правовые режимы») – работы А. А. Мохова[15], Е. А. Громовой[16], автора настоящей статьи[17], И. А. Черешневой[18], Е. Б. Завьяловой и др.[19]; в 2020 г. (год принятия федерального закона) таких статьей было 13 – работы Н. А. Дмитрика[20], В. Б. Наумова и др.[21]; в 2021 г. – 16; а в 2024 – уже 28.

Указанная динамика свидетельствует о недостаточном прогнозном характере современных правовых исследований, что, в свою очередь, приводит к тому, что традиционные правовые принципы и ценности при функционировании новых инструментов правового регулирования могут быть реализованы далеко не в полной мере. Научные исследования должны обеспечивать не только выявление негативных явлений в практике применения законодательства, но и служить основой уже на этапе разработке концепции соответствующего федерального закона, определения его цели (целей), принципов, а также цели и принципов в данном случае установления и реализации самих экспериментальных правовых режимов. Кроме того, важно правильно определить и содержание самого процесса адаптации правового регулирования. Часто такая адаптация в отдельных публикациях может свидетельствовать о некой «вторичности» правового регулирования, презюмируемой необходимости самому праву «приспосабливаться» к научно-технологическому развитию и его отдельным «достижениям»[22], новым формам экономических отношений[23].

Геополитические вызовы второго десятилетия XXI в. поставили перед Российской Федерацией задачу перехода к новым подходам в государственном управлении (одной из функций которого является и нормативное правовое регулирование общественных отношений). С 2018 г. одним из ключевых ориентиров публичного управления стали национальные цели развития, установленные в соответствующих «майских» указах Президента РФ.

Правовая природа национальных целей развития России, обеспечение ориентации или адаптации действующего правового регулирования на их достижение пока не стало предметом глубоких научных исследований. В научной юридической литературе единичные публикации посвящены либо отдельным националь-

[15] См.: *Мохов А. А.* Экспериментальный правовой режим как специальный правовой режим для драйверов инновационной экономики // Юрист. 2019. № 8. С. 19–25.

[16] См.: *Громова Е. А.* К вопросу об экспериментальных правовых режимах создания цифровых инноваций (регуляторных песочницах) // Вестник Южно-Урал. гос. ун-та. Серия: Право. 2019. Т. 19. № 3. С. 36–40.

[17] См.: *Ефремов А. А.* Экспериментальные правовые режимы для цифровых инноваций : зарубежный опыт и российские перспективы // Информационное право. 2019. № 3. С. 21–23.

[18] См.: *Черешнева И. А.* Экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций : в поисках направления // Modern Science. 2019. № 9-1. С. 158–162.

[19] См.: *Завьялова Е. Б., Крыканов Д. Д., Патрунина К. А.* Механизм регуляторных «песочниц» для внедрения цифровых инноваций : опыт внедрения экспериментальных правовых режимов на национальном и наднациональном уровне // Право и управление. XXI век. 2019. Т. 15. № 4 (53). С. 130–138.

[20] См.: *Дмитрик Н. А.* Экспериментальные правовые режимы : теоретико-правовой аспект // Закон. 2020. № 6. С. 64–72.

[21] См.: *Наумов В. Б., Бутримович Я. В., Котов А. А.* Обеспечение качества правового регулирования экспериментальных правовых режимов // Российское право : образование, практика, наука. 2020. № 3 (117). С. 40–49.

[22] См.: *Мун В. А.* Адаптация правового регулирования института отцовства к достижениям в области медицины : история и современность // Вестник Тюмен. гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. 2023. Т. 9. № 1 (33). С. 122–130.

[23] См.: *Миронова С. М., Кожемякин Д. В., Пономарченко А. Е.* Адаптация правового регулирования трудовых, гражданских, налоговых правоотношений к условиям гиг-экономики // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 4. С. 314–329.

ным целям[24], либо правовому регулированию отдельных сфер общественных отношений «*в контексте*» их достижения[25]. Между тем появление в государственном управлении новой категории делает актуальным осмысление не только правовой природы национальных целей развития но и их соотношения с такой категорией, как цели правового регулирования, места обоих категорий как элементов механизма правового регулирования. При этом очевидно, что данная задача носит междисциплинарный характер, поскольку национальные цели развития по своему содержанию гораздо объемнее, чем общая цель правового регулирования – упорядочение общественных отношений. В то же время, с точки зрения консервативного ценностного подхода важно, чтобы достижение конкретных национальных целей развития, в том числе (и прежде всего) цифровой трансформации не «подрывали» существующий правопорядок и его базовые ценности – в первую очередь антропоцентричный характер самого правового регулирования.

В связи с этим перед юридической наукой и практикой стоит задача формирования публично-правового механизма обеспечения достижения национальных целей развития России, ключевым элементом которого является ориентация или адаптация действующего правового регулирования для их достижения.

Такой публично-правовой механизм, по нашему мнению, может включать следующие ключевые элементы:

– согласование нормотворческих планов (а в перспективе и прогнозов правового регулирования как самостоятельного инструмента совершенствования нормотворчества) федеральных и региональных органов власти с соответствующими национальными целями развития, а также установленными для их достижения показателями и задачами;

– согласование целей (на этапе разработки концепций соответствующих нормативных правовых актов, прежде всего федеральных законов) иных нормативных правовых актов, разрабатываемых вне нормотворческих планов федеральных и региональных органов власти (например, проектов федеральных законов, вносимых в Государственную Думу Федерального Собрания РФ отдельными депутатами или сенаторами) с соответствующими национальными целями развития, а также установленными для их достижения показателями и задачами – такой элемент может быть организационно обеспечен путем установления соответствующих требований к пояснительным запискам к проектам нормативных правовых актов;

– оценка результативности и эффективности действующего нормативного правового регулирования с точки зрения достижения национальных целей развития, а также установленных для их достижения показателей и задач. Данный элемент может быть организационно обеспечен в рамках процедур мониторинга правоприменения, а также оценки применения обязательных требований и оценки фактического воздействия отдельных нормативных правовых актов.

Потребность в таком механизме отчетливо видна при анализе, например, результатов работы Счетной Палаты РФ, из которых следует, что по итогам большинства проводимых ею мероприятий выявленные нарушения, препятствующие как достижению национальных целей развития, так и целей, установленных иными документами стратегического планирования, в значительной мере связаны с неполнотой правового регулирования, препятствующей достижению соответствующих целей.

Обеспечение ориентации экспериментального правового регулирования на достижение национальных целей развития пока не стало предметом серьезного изучения в юридической науке и науке государственного управления, за исключением отдельных работ[26].

Состояние федерального законодательства об экспериментальных правовых режимах достаточно динамично. В Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ вносился уже целый ряд изменений: от 2 июля 2021 г. № 331-ФЗ, от 8 июля 2024 г. № 169-ФЗ, от 8 августа 2024 г. № 223-ФЗ. Отдельные изменения были связа-

[24] См.: *Мигеева Е. Е.* Национальная цель развития «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» // Традиции и новации в системе современного российского права : материалы Междунар. конгресса молодых ученых : в 3 т. М., 2024. С. 53–55.

[25] См.: *Молчанова Н. П., Мирзабеков Н. Р.* Правовое обеспечение цифровизации финансового сектора в контексте достижения национальных целей экономического развития России // Экономика. Налоги. Право. 2024. Т. 17. № 3. С. 29–37.

[26] См.: *Щунина Т. Е.* Экспериментальный правовой режим как механизм обеспечения достижения национальных целей развития Российской Федерации // Наукосфера. 2024. № 6-1. С. 182–188.

ны с совершенствованием оценки их результативности и эффективности, потребность в чем уже неоднократно нами отмечалась[27], в частности, введен новый институт государственного доклада о достижении целей ЭПР[28].

Кроме того, серьезным прогрессом в развитии института экспериментальных правовых режимов является его распространение, в соответствии с законодательством о технологической политике, на сферу технологических инноваций[29] (согласно Федеральному закону от 28 декабря 2024 г. № 523-ФЗ).

Вместе с тем указанное развитие законодательства пока не в полной мере отвечает задаче ориентации экспериментального правового регулирования на достижение национальных целей развития РФ.

Во-первых, данный инструмент пока остается недостаточно востребованным. По состоянию на 27 июня 2025 г. в Реестре экспериментальных правовых режимов отражены сведения о 18 установленных ЭПР, при том что количество поданных инициативных предложений составило 239. Несмотря на то что в рамках отдельных ЭПР в итоге объединено несколько инициативных предложений, общий порядковый разрыв достаточно показателен. В связи с этим для достижения национальной цели «Технологическое лидерство» целесообразно упрощение требований к установлению ЭПР при обеспечении их ориентации на достижение национальных целей и конституционных ценностей.

Во-вторых, необходимо обеспечить ориентацию целей ЭПР на достижение национальных целей развития России – что будет являться как раз практическим применением описанного выше публично-правового механизма обеспечения достижения данных целей. Реализация этого предложения потребует пересмотра подхода к целеполаганию ЭПР, отраженному в федеральном законе, который далее весьма формально воспроизводится и в отдельных постановлениях Правительства РФ об установлении ЭПР, когда их целями указываются не конкретные цели конкретного режима, а общие цели из федерального закона, что делает крайне формальной последующую оценку результативности и эффективности отдельных ЭПР, а также подготовку общего государственного доклада о достижении их целей, введенного в 2024 г.

В-третьих, целесообразно усиление процедур управления рисками при установлении, реализации ЭПР и принятии решения о перспективах специального регулирования. Такие процедуры должны предусматривать оценку рисков не только с точки зрения возможного причинения вреда жизни или здоровью людей, либо их имуществу или имуществу юридических лиц, но и риски недостижения как целей конкретного ЭПР, так и той национальной цели, на достижение которой он должен быть ориентирован.

В-четвертых, необходимо обеспечение системной взаимосвязи оценки результативности и эффективности ЭПР и оценки применения обязательных требований, изменяемых или отменяемых в рамках конкретного ЭПР, а также при принятии решения о возможности придания временному (экспериментальному) правовому регулированию постоянного (общего) характера.

Представляется, что реализация указанных предложений может способствовать адаптации ЭПР, как одного из инструментов правового регулирования, для достижения национальных целей развития России. Подход, изложенный в данной статье, может послужить основой для развития дальнейшей научной дискуссии о формировании публично-правового механизма обеспечения достижения национальных целей развития России, включающего такие инструменты, как эксперименты и экспериментальные правовые режимы.

---

[27] См. подробнее: *Ефремов А. А., Южаков В. Н.* Оценка результативности и эффективности экспериментального регулирования в сфере цифровых инноваций // Информационное общество. 2021. № 3. С. 41–50 ; *Южаков В. Н., Добролюбова Е. И., Ефремов А. А.* Подходы к оценке результативности и эффективности экспериментов в государственном управлении // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2021. № 3 (46). С. 8–26 ; *Ефремов А. А.* Эксперименты в сфере государственного управления : проблемы результативности и эффективности // Государственная служба. 2022. № 1. С. 19–28 ; *Ефремов А. А., Южаков В. Н.* Проблемы определения показателей результативности и эффективности экспериментальных правовых режимов в сфере цифрового развития // Информационное общество. 2022. № 3. С. 80–89.

[28] См.: *Ефремов А. А.* Государственный доклад о реализации экспериментальных правовых режимов как инструмент оценки эффективности экспериментального регулирования // Юридическая техника. 2025. № 19. С. 167–169.

[29] См.: *Ефремов А. А.* Перспективы развития экспериментального правового регулирования в сфере цифровых и технологических инноваций // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 10. С. 133–140.

Библиографический список

Адаптация и развитие информационного права в условиях цифровой трансформации : монография / под ред. А. В. Минбалеева. Саратов : Амирит, 2024. 190 с.

Государство, общество и личность : пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере : монография / Н. С. Волкова, А. А. Ефремов, С. М. Зырянов [и др.] ; отв. ред. Л. К. Терещенко ; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М. : Инфотропик Медиа, 2024. 352 с.

Громова Е. А. К вопросу об экспериментальных правовых режимах создания цифровых инноваций (регуляторных песочницах) // Вестник Южно-Урал. гос. ун-та. Серия: Право. 2019. Т. 19. № 3. С. 36–40.

Дмитрик Н. А. Экспериментальные правовые режимы : теоретико-правовой аспект // Закон. 2020. № 6. С. 64–72.

Завьялова Е. Б., Крыканов Д. Д., Патрунина К. А. Механизм регуляторных «песочниц» для внедрения цифровых инноваций : опыт внедрения экспериментальных правовых режимов на национальном и наднациональном уровне // Право и управление. XXI век. 2019. Т. 15. № 4 (53). С. 130–138.

Ефремов А. А. Государственный доклад о реализации экспериментальных правовых режимов как инструмент оценки эффективности экспериментального регулирования // Юридическая техника. 2025. № 19. С. 167–169.

Ефремов А. А. Перспективы развития экспериментального правового регулирования в сфере цифровых и технологических инноваций // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 10. С. 133–140.

Ефремов А. А. Экспериментальные правовые режимы для цифровых инноваций : зарубежный опыт и российские перспективы // Информационное право. 2019. № 3. С. 21–23.

Ефремов А. А. Эксперименты в сфере государственного управления : проблемы результативности и эффективности // Государственная служба. 2022. № 1. С. 19–28.

Ефремов А. А., Южаков В. Н. Оценка результативности и эффективности экспериментального регулирования в сфере цифровых инноваций // Информационное общество. 2021. № 3. С. 41–50.

Ефремов А. А., Южаков В. Н. Проблемы определения показателей результативности и эффективности экспериментальных правовых режимов в сфере цифрового развития // Информационное общество. 2022. № 3. С. 80–89.

Мигеева Е. Е. Национальная цель развития «Достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство» // Традиции и новации в системе современного российского права : материалы Междунар. конгресса молодых ученых : в 3 т. М., 2024. С. 53–55.

Миронова С. М., Кожемякин Д. В., Пономарченко А. Е. Адаптация правового регулирования трудовых, гражданских, налоговых правоотношений к условиям гиг-экономики // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 4. С. 314–329.

Молчанова Н. П., Мирзабеков Н. Р. Правовое обеспечение цифровизации финансового сектора в контексте достижения национальных целей экономического развития России // Экономика. Налоги. Право. 2024. Т. 17. № 3. С. 29–37.

Мохов А. А. Экспериментальный правовой режим как специальный правовой режим для драйверов инновационной экономики // Юрист. 2019. № 8. С. 19–25.

Мун В. А. Адаптация правового регулирования института отцовства к достижениям в области медицины : история и современность // Вестник Тюмен. гос. ун-та. Социально-экономические и правовые исследования. 2023. Т. 9. № 1 (33). С. 122–130.

Наумов В. Б., Бутримович Я. В., Котов А. А. Обеспечение качества правового регулирования экспериментальных правовых режимов // Российское право : образование, практика, наука. 2020. № 3 (117). С. 40–49.

Носова В. А. Защита интеллектуальной собственности в интернете (аккаунты в социальных сетях) // Право в эпоху искусственного интеллекта : перспективные вызовы и современные задачи : сб. науч. статей по материалам Междунар. науч.-практ. форума. Тюмень, 2024. С. 104–106.

Права человека в информационной сфере в условиях цифровизации : науч.-практ. пособие / Н. С. Волкова, А. С. Емельянов, А. А. Ефремов [и др.] ; отв. ред. Л. К. Терещенко. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ : Инфотропик Медиа, 2023. 244 с.

Старилов Ю. Н. Консерватизм правовой политики как гарантия прогресса в сфере административных и иных публичных правоотношений // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 7–32.

Старилов Ю. Н. Сложный путь познания правового усмотрения : к чувству уверенности на основе ценностных ориентиров // Административное право и процесс. 2025. № 1. С. 15–25.

Тесленко А. А. Методика расследования взяточничества и коммерческого подкупа с использова-

нием цифровых валют // Цифровые технологии и право : сб. науч. трудов III Междунар. науч.-практ. конф. : в 6 т. Казань, 2024. Т. 4. С. 221–226.

Тесленко А. А. Особенности расследования коррупционных преступлений с использованием цифровых валют // Шикановские криминалистические чтения : криминалистическое и судебно-экспертное обеспечение расследования и раскрытия преступлений : материалы ежегодной Всерос. науч.-практ. конф. молодых исследователей. Иркутск, 2025. С. 155–162.

Филатов К. С. Адаптация экспериментальных правовых режимов европейского союза инновациям экономических отношений : на примере регулирования финансовых рынков // Юридическая наука. 2024. № 8. С. 226–230.

Хабриева Т. Я. Право в реалиях технологической революции : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2025. 168 с.

Хабриева Т. Я. Правовые очерки технологической революции. М. : Норма : Инфра-М : Российская академия наук, 2025. 144 с.

Хабриева Т. Я. Современные юридические технологии в теории и практике правотворчества и правоприменения // Эффективность законодательства и современные юридические технологии : материалы заседания III Междунар. школы-практикума молодых ученых-юристов / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М., 2009. С. 3–11.

Хабриева Т. Я. Технологические революции и их проекция в праве // Вопросы истории. 2022. № 2-2. С. 256–270.

Цифровая трансформация и государственное управление : науч.-практ. пособие / А. С. Емельянов, А. А. Ефремов, А. В. Калмыкова [и др.] ; ред. кол.: Л. К. Терещенко, А. С. Емельянов, Н. А. Поветкина. М. : Инфотропик Медиа, 2022. 224 с.

Цифровые платформы – организационно-правовая форма взаимодействия в обществе : монография / Н. С. Волкова, А. С. Емельянов, А. А. Ефремов [и др.] ; отв. ред. Л. К. Терещенко. М. : Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ : Инфотропик Медиа, 2025. 244 с.

Черешнева И. А. Экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций : в поисках направления // Modern Science. 2019. № 9-1. С. 158–162.

Щунина Т. Е. Экспериментальный правовой режим как механизм обеспечения достижения национальных целей развития Российской Федерации // Наукосфера. 2024. № 6-1. С. 182–188.

Южаков В. Н., Добролюбова Е. И., Ефремов А. А. Подходы к оценке результативности и эффективности экспериментов в государственном управлении // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия: Право. 2021. № 3 (46). С. 8–26.

References

Adaptation and development of information law in the context of digital transformation : monograph / ed. by A. V. Minbaleev. Saratov : Amirit, 2024. 190 p.

State, society and individual : ways to overcome challenges and threats in the information sphere : monograph / N. S. Volkova, A. A. Efremov, S. M. Zyryanov [et al.] ; editor-in-chief L. K. Tereshchenko ; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow : Infotropic Media, 2024. 352 p.

Gromova E. A. On the issue of experimental legal regimes for creating digital innovations (regulatory sandboxes) // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2019. Vol. 19. No. 3. P. 36–40.

Dmitrik N. A. Experimental legal regimes : theoretical and legal aspect // Law. 2020. No. 6. P. 64–72.

Zavyalova E. B., Krykanov D. D., Patrunina K. A. The mechanism of regulatory «sandboxes» for the implementation of digital innovations : the experience of implementing experimental legal regimes at the national and supranational levels // Law and Management. XXI century. 2019. Vol. 15. No. 4 (53). P. 130–138.

Yefremov A. A. State report on the implementation of experimental legal regimes as a tool for assessing the effectiveness of experimental regulation // Legal technology. 2025. No. 19. P. 167–169.

Yefremov A. A. Prospects for the Development of Experimental Legal Regulation in the Sphere of Digital and Technological Innovations // Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSAL). 2024. No. 10. P. 133–140.

Yefremov A. A. Experimental Legal Regimes for Digital Innovations : Foreign Experience and Russian Prospects // Information Law. 2019. No. 3. P. 21–23.

Yefremov A. A. Experiments in the Sphere of Public Administration : Problems of Performance and Efficiency // Civil Service. 2022. No. 1. P. 19–28.

Yefremov A. A., Yuzhakov V. N. Assessment of the Performance and Efficiency of Experimental Regulation in the Sphere of Digital Innovations // Information Society. 2021. No. 3. P. 41–50.

Yefremov A. A., Yuzhakov V. N. Problems of determining the performance and effectiveness indicators of experimental legal regimes in the field of digital development // Information Society. 2022. No. 3. P. 80–89.

Migeeva E. E. National development goal «Decent, effective work and successful entrepreneurship» // Traditions and innovations in the system of modern Russian law. Proceedings of the International Congress

of Young Scientists : in 3 volumes. Moscow, 2024. P. 53–55.

Mironova S. M., Kozhemyakin D. V., Ponomarchenko A. E. Adaptation of legal regulation of labor, civil, tax relations to the conditions of the gig economy // Law enforcement. 2022. Vol. 6. No. 4. P. 314–329.

Molchanova N. P., Mirzabekov N. R. Legal support for the digitalization of the financial sector in the context of achieving national goals of economic development of Russia // Economy. Taxes. Law. 2024. Vol. 17. No. 3. P. 29–37.

Mokhov A. A. Experimental legal regime as a special legal regime for drivers of an innovative economy // Jurist. 2019. No. 8. P. 19–25.

Moon V. A. Adaptation of legal regulation of the institution of paternity to achievements in the field of medicine : history and modernity // Bulletin of the Tyumen State University. Social, economic and legal research. 2023. Vol. 9. No. 1 (33). P. 122–130.

Naumov V. B., Butrimovich Ya. V., Kotov A. A. Ensuring the Quality of Legal Regulation of Experimental Legal Regimes // Russian Law : Education, Practice, Science. 2020. No. 3 (117). P. 40–49.

Nosova V. A. Protection of Intellectual Property on the Internet (Accounts in Social Networks) // Law in the Era of Artificial Intelligence : Promising Challenges and Modern Tasks. Collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific and Practical Forum. Tyumen, 2024. P. 104–106.

Human Rights in the Information Sphere in the Context of Digitalization : Scientific and Practical Manual / N. S. Volkova, A. S. Emelyanov, A. A. Efremov [et al.] ; ed. by L. K. Tereshchenko. M. : Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Moscow : Infotropic Media, 2023. 244 p.

Starilov Yu. N. Conservatism of legal policy as a guarantee of progress in the field of administrative and other public legal relations // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2023. No. 1 (52). P. 7–32.

Starilov Yu. N. The difficult path of understanding legal discretion : towards a sense of confidence based on value guidelines // Administrative law and process. 2025. No. 1. P. 15–25.

Teslenko A. A. Methodology for investigating bribery and commercial bribery using digital currencies // Digital technologies and law. Collection of scientific papers of the III International scientific and practical conference : in 6 volumes. Kazan, 2024. Vol. 4. P. 221–226.

Teslenko A. A. Features of the investigation of corruption crimes using digital currencies // Shikanovsky forensic readings : forensic and forensic support for the investigation and solution of crimes. Proceedings of the annual All-Russian scientific and practical conference of young researchers. Irkutsk, 2025. P. 155–162.

Filatov K. S. Adaptation of experimental legal regimes of the European Union to innovations in economic relations : on the example of regulation of financial markets // Legal science. 2024. No. 8. P. 226–230.

Khabrieva T. Ya. Law in the Realities of the Technological Revolution : monograph. Moscow : Norma : INFRA-M, 2025. 168 p.

Khabrieva T. Ya. Legal essays on the technological revolution. Moscow : Norma : Infra-M : Russian Academy of Sciences, 2025. 144 p.

Khabrieva T. Ya. Modern legal technologies in the theory and practice of lawmaking and law enforcement // Effectiveness of legislation and modern legal technologies : Materials of the meeting of the III International School-Workshop of Young Lawyers / editor-in-chief T. Ya. Khabrieva. Moscow, 2009. P. 3–11.

Khabrieva T. Ya. Technological revolutions and their projection in law // Questions of History. 2022. No. 2-2. P. 256–270.

Digital transformation and public administration : scientific and practical manual / A. S. Emelianov, A. A. Efremov, A. V. Kalmykova [et al.] ; ed. staff: L. K. Tereshchenko, A. S. Emelianov, N. A. Povetkina. Moscow : Infotropic Media, 2022. 224 p.

Digital platforms – an organizational and legal form of interaction in society : monograph / N. S. Volkova, A. S. Emelianov, A. A. Efremov [et al.] ; ed. by L. K. Tereshchenko. Moscow : Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation : Infotropic Media, 2025. 244 p.

Chereshneva I. A. Experimental legal regime in the field of digital innovation : in search of direction // Modern Science. 2019. No. 9-1. P. 158–162.

Shchunina T. E. Experimental legal regime as a mechanism for ensuring the achievement of national development goals of the Russian Federation // Naukosphere. 2024. No. 6-1. P. 182–188.

Yuzhakov V. N., Dobrolyubova E. I., Efremov A. A. Approaches to assessing the effectiveness and efficiency of experiments in public administration // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2021. No. 3 (46). P. 8–26.

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)
Ефремов А. А., доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий
E-mail: aaefremov@msal.ru

Поступила в редакцию: 08.07.2025

Для цитирования:
Ефремов А. А. Адаптация экспериментального правового регулирования для достижения национальных целей развития Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 164–172. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/164-172

Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MSAL)
Yefremov A. A., Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies
E-mail: aaefremov@msal.ru

Received: 08.07.2025

For citation:
Yefremov A. A. Adaptation of experimental legal regulation to achieve national goals of development of the Russian Federation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 3 (62). P. 164–172. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/164-172

УДК 342.9
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/173-177

ПОРЯДОК ПРЕБЫВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

О. В. Катаева
Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина

THE ORDER OF STAY OF FOREIGN CITIZENS AND STATELESS PERSONS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PUBLIC LEGAL REGULATION OF MIGRATION PROCESSES

O. V. Kataeva
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin

Аннотация: исследуются вопросы публично-правового регулирования порядка пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации. Анализируются различные подходы к определению базовых дефиниций в исследуемой области. Рассматриваются современные научные взгляды на протекание миграционных процессов, предлагается их авторское определение. Обосновывается вывод о необходимости эффективного государственного управления указанными процессами для достижения баланса с национальными интересами и минимизации негативных последствий миграции.
Ключевые слова: порядок пребывания, иностранные граждане, публично-правовое регулирование, миграционные процессы.

Abstract: the article examines the issues of public law regulation of the order of stay of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation. Various approaches to defining basic definitions in the field under study are analyzed. Modern scientific views on the course of migration processes are considered, and their author's definition is proposed. The author substantiates the conclusion about the need for effective public administration of these processes in order to achieve a balance with national interests and minimize the negative consequences of migration.
Key words: the order of stay, foreign citizens, public law regulation, migration processes.

Выступая на коллегии МВД России 5 марта 2025 г., Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркнул необходимость пресечения каналов нелегальной миграции и активного использования современных инструментов миграционного контроля[1]. От решения данной задачи в контексте установления должного порядка пребывания в стране иностранных граждан сегодня напрямую зависит состояние обеспечения национальной безопасности государства. Поэтому вопрос о путях и средствах достижения такого порядка лежит в основе проводимых в последние годы научных исследований.

Понятием «порядок» в русском языке обозначаются благоустройство, налаженность, систематичность и правильность в расположении чего-либо[2] или правильное налаженное состояние, расположение чего-либо[3]. Таким образом, «порядок» – это определенное состояние.

[1] См.: Расширенное заседание коллегии МВД // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/76408 (дата обращения: 05.05.2025).

© Катаева О. В., 2025

[2] См.: Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1940. С. 789.

[3] См.: *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М., 1972. С. 567.

Проблема порядка в обществе является краеугольной, поскольку установление и поддержание порядка необходимы для обеспечения гармоничного функционирования государства, устойчивого роста благосостояния населения, и, напротив, «отсутствие в обществе порядка свидетельствует о структурном кризисе государства или об отсутствии самого государства»[4].

Порядок в обществе основывается на нормах и правилах, которые регулируют общественные отношения в определенной области, в связи с чем на законодательном уровне прежде всего должна быть создана прочная правовая основа регламентации такого порядка. Это в полной мере касается и порядка пребывания иностранных граждан в Российской Федерации, поскольку создание его эффективной нормативной правовой основы позволило бы упорядочить общественные отношения в данной области, исключив существующие в настоящее время проблемы и противоречия[5]. Вместе с тем научная разработка назревшей проблемы поддержания порядка пребывания иностранных граждан в Российской Федерации осложнена рядом обстоятельств, не позволяющих достичь единства научных позиций о путях ее разрешения.

Основной проблемой на сегодняшний день, как видится, является отсутствие четко определенной терминологии базовых дефиниций. Так, отсутствует законодательно определенное ключевое понятие «миграция», которого нет как в отечественной нормативной правовой базе, так и в доктрине международного права. Оно не упоминается ни в Уставе ООН, ни во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ни в доктрине международного права[6], основная причина этого заключается в сложности и многогранности данного феномена.

Сегодня считается, что термин «миграция» включает все случаи, когда решение о миграции человек принимает самостоятельно, без принудительного воздействия[7]. Однако эти определения лежат в плоскости научных исследований и пока не находят своего нормативного правового определения.

Некоторые отечественные ученые считают целесообразным законодательно закрепить такие основополагающие понятия, как «миграция», «мигрант», которые на сегодняшний день обозначены только в концептуальных документах[8]. Автором одного из наиболее широких теоретических определений миграции является отечественный ученый Л. Л. Рыбаковский, рассматривающий миграцию как территориальные перемещения, совершаемые между разными населенными пунктами или регионами, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности[9], т. е. любые формы перемещения. Однако в научной литературе встречается и более узкое определение понятия миграции, которое основывается на разграничении в рамках миграции двух ее возможных составляющих – перемещения и переселения. Согласно более узкому определению миграция представляет собой законченный вид территориального перемещения, т. е. переселение[10].

Современные исследователи в области миграции А. Н. Жеребцов и Е. А. Малышев связывают миграцию с приобретением, изменением, реализацией и прекращением правового статуса мигранта, подразумевая под этим социальным политико-правовым явлением, представляющим собой систему правоотношений, проявляющихся в процессе территориального изменения его места жительства или места нахождения, контролируемое государством[11].

Вместе с тем есть и иное мнение таких ученых, как Л. В. Андриченко, В. О. Елеонский, Т. Я. Хабриева[12], о том, что понятие «миграция»

[4] *Бельский К. С.* Полицейское право : лекцион. курс. М. : Дело и сервис, 2004. С. 17.

[5] См.: *Круглова Ю. Б., Мисякова О. В.* Правовые основы миграционной политики в Российской Федерации // Миграционное право. 2023. № 1. С. 12.

[6] См.: *Наумова Р. Л.* Труд иностранцев у российского работодателя : монография. М. : Дашков и К°, 2009. С. 5.

[7] См.: *Пархомова Ю. А.* Зарождение и формирование институтов миграционного права на примере соотношения понятий «беженец», «мигрант» и «иностранец» // Журнал международного права и международных отношений. 2007. № 3. С. 27.

[8] См.: Соответствие российского законодательства требованиям международной организации труда : аналитический обзор / отв. ред. Л. А. Чиканова. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[9] См.: *Рыбаковский Л. Л.* Миграция населения : прогнозы, факторы, политика : учеб. пособие. М., 1987. С. 12 ; *Его же.* Миграция населения (вопросы теории) : монография. М., 2003. С. 25.

[10] См.: *Андриченко Л. В., Плюгина И. В.* Миграционное законодательство Российской Федерации : тенденции развития и практика применения : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. С. 56.

[11] См.: *Жеребцов А. Н., Малышев Е. А.* Миграционное право России. М. : Юрайт, 2019. С. 20.

[12] См.: *Андриченко Л. В., Елеонский В. О., Хабриева Т. Я.* О концепции развития миграционного законодательства Российской Федерации // Журнал российского права. 2003. № 4. С. 3.

как достаточно широкое и многоаспектное может использоваться лишь в научных, а не в правовых документах.

Однако необходимо отметить, что исходя из имеющихся формулировок миграция в определенном смысле всегда представляет собой некий процесс, в связи с чем достаточно устоявшимся и широко используемым в научном и общественном лексиконе является термин «миграционные процессы», который при этом также не имеет ни нормативного, ни четкого научного определения. Вместе с тем отечественные ученые говорят о том, что миграционные процессы стали неотъемлемой частью социально-политической и экономической жизни страны[13].

Само толкование термина «процесс» также имеет различные подходы. Так, С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова трактуют его в самом широком смысле – как «ход, смену состояний чего-нибудь»[14]. В. Л. Доблаев дает определение процесса, предметно соотнося его с определенными пространственными и временными рамками, как «сколь угодно сложные последовательности действий, операций и процедур, которые приводят к определенным результатам»[15]. Ю. И. Прохоренко предлагает понимать под процессом «количественное либо качественное изменение характеристик социального объекта в течение определенного времени, как последовательное изменение его состояний»[16].

Таким образом, по своей сути процессы можно рассматривать как динамику состояний какого-либо объекта[17], в соответствии с чем основные подходы к сущности миграционного процесса основаны на концепции стадийности.

Так, Л. Л. Рыбаковский трактовал миграционный процесс как совокупность событий, приводящих к смене места жительства. Эту совокупность событий он представлял как смену трех последовательных стадий: исходной (формирование территориальной подвижности населения), основной (собственно переселение населения) и заключительной (приживаемость мигрантов на новом месте)[18]. Аналогичный подход предложен С. А. Прудниковой, которая определяет миграционный процесс как комплекс стадий, включающих выбор местности разными социальными группами, их переселение и проживание с учетом экономических, политических и социальных условий[19].

А. Н. Жеребцов и Е. А. Малышев связывают первую из таких стадий с возникновением потребности в территориальном перемещении, вторую же и третью – с волевыми действиями, непосредственно связанными с осуществлением территориального перемещения и последующей адаптацией мигранта по новому местонахождению[20].

Представляющие собой масштабные, глобальные и многоаспектные явления, миграционные процессы динамично меняют мировое пространство, оказывая влияние на иные социально-экономические процессы[21]. При этом такое влияние может быть как позитивным, выражающимся в смягчении демографических и экономических проблем[22], так и сказывающимся негативно на состоянии политической и социальной обстановки в обществе[23].

Следовательно, миграционный процесс предлагается определить как *динамику перемещений людей на определенной территории за определенный период времени, состоящих из последовательных стадий развития, представляющих единое движение, оказывающее влияние на демографическую, экономическую и социокультурную конъюнктуру таких территорий.*

---

[13] См.: *Чирков Д. К., Литвинов А. А.* Миграция, политика и преступность в России : современные тенденции // Миграционное право. 2025. № 1. С. 18.

[14] *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2001. С. 627.

[15] *Доблаев В. Л.* Организационное поведение : учеб. пособие. М., 2006. С. 36

[16] *Прохоренко Ю. И.* Социальные процессы : онтологические основания классификации // Социальные процессы : сб. науч. тр. / отв. ред. Е. С. Баразгова, И. Е. Левченко. Екатеринбург, 2005. Вып. 1. С. 7.

[17] См: *Сивиринов Б. С.* Процесс и детерминация социальной перспективы // Научные записки Сибирской академии государственной службы : сб. статей : в 3 т. Новосибирск, 2000. Т. 3. С. 37.

[18] См.: *Рыбаковский Л. Л.* Миграция населения : стадии миграционного процесса. М., 2001. Вып. 5. С. 25.

[19] См.: *Прудникова С. А.* Административно-правовое регулирование миграции населения в Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. С. 14.

[20] См.: *Жеребцов А. Н., Малышев Е. А.* Указ. соч. С. 14.

[21] См.: *Кодзокова Л. А.* Миграционные процессы : понятие, сущность, значение // Образование и право. 2022. № 2. С. 199.

[22] См.: *Сальников В. П., Воронков К. И., Исмагилов Р. Ф.* Некоторые проблемы внутренней миграции в Российской Федерации // Миграционное право. 2024. № 3. С. 6.

[23] См.: *Бабоян Л. М.* Миграция и экономическая безопасность России // Миграционное право. 2024. № 1. С. 28.

По мнению отечественных исследователей, миграционные процессы являются социальными, если они контролируются социумом, который задает им «определенную размерность, направление с целью получения закономерного результата»[24]. Именно для уменьшения негативных последствий миграции и достижения баланса с национальными интересами требуется эффективное управление этими процессами.

При этом необходимо всецело поддержать мнение А. Н. Жеребцова, который считает, что для организации публичного управления процессами миграции в Российской Федерации как в стране–реципиенте управленческое значение имеет прежде всего иммиграционное движение иностранных граждан на ее территорию[25].

Миграционные процессы являются в настоящее время одной из самых сложных и противоречивых сфер в системе публичного управления. Привлечение и использование иностранной рабочей силы стимулируют рост экономики страны, способствуют решению острых демографических проблем. В то же время неконтролируемая миграция представляет потенциальную угрозу национальной безопасности принимающих государств в части криминальной активности иностранных граждан, развития теневой экономики и, как следствие, социальной напряженности в обществе. В связи с этим думается, что управление процессами миграции, относящееся сегодня к наиболее важным задачам органов власти, входящих в единую систему публичной власти в стране, требует серьезного научного осмысления и последующей четкой правовой регламентации.

Библиографический список

Андриченко Л. В., Плюгина И. В. Миграционное законодательство Российской Федерации : тенденции развития и практика применения : монография. М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. 392 с.

Андриченко Л. В., Елеонский В. О., Хабриева Т. Я. О концепции развития миграционного законодательства Российской Федерации // Журнал российского права. 2003. № 4. С. 3–11.

Бабоян Л. М. Миграция и экономическая безопасность России // Миграционное право. 2024. № 1. С. 28–31.

Бельский К. С. Полицейское право : лекцион. курс. М. : Дело и сервис, 2004. 814 с.

Доблаев В. Л. Организационное поведение : учеб. пособие. М., 2006. 413 с.

Жеребцов А. Н., Малышев Е. А. Миграционное право России. М. : Юрайт, 2019. 437 с.

Жеребцов А. Н. Актуальные вопросы интеллектуальной миграции в Российской Федерации : административно-правовой аспект // Закон. 2024. № 3. С. 59–67.

Кодзокова Л. А. Миграционные процессы : понятие, сущность, значение // Образование и право. 2022. № 2. С. 198–202.

Круглова Ю. Б., Мисякова О. В. Правовые основы миграционной политики в Российской Федерации // Миграционное право. 2023. № 1. С. 12–15.

Наумова Р. Л. Труд иностранцев у российского работодателя : монография. М. : Дашков и К°, 2009. 182 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1972.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2001.

Пархомова Ю. А. Зарождение и формирование институтов миграционного права на примере соотношения понятий «беженец», «мигрант» и «иностранец» // Журнал международного права и международных отношений. 2007. № 3. С. 27–30.

Прохоренко Ю. И. Социальные процессы : онтологические основания классификации // Социальные процессы : сб. науч. тр. / отв. ред. Е. С. Баразгова, И. Е. Левченко. Екатеринбург, 2005. Вып. 1. 213 с.

Прудникова С. А. Административно-правовое регулирование миграции населения в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 34 с.

Рыбаковский Л. Л. Миграция населения (вопросы теории) : монография. М., 2003. 239 с.

Рыбаковский Л. Л. Миграция населения : прогнозы, факторы, политика : учеб. пособие. М., 1987. 199 с.

Рыбаковский Л. Л. Миграция населения : стадии миграционного процесса. М., 2001. Вып. 5. 158 с.

Сальников В. П., Воронков К. И., Исмагилов Р. Ф. Некоторые проблемы внутренней миграции в Российской Федерации // Миграционное право. 2024. № 3. С. 6–8.

Сивиринов Б. С. Процесс и детерминация социальной перспективы // Научные записки Сибирской академии государственной службы : сб. статей : в 3 т. Новосибирск, 2000. Т. 3. С. 37–48.

Соответствие российского законодательства требованиям международной организации труда : аналитический обзор / отв. ред. Л. А. Чиканова. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1940.

[24] *Прохоренко Ю. И.* Указ. соч. С. 23.

[25] См.: *Жеребцов А. Н.* Актуальные вопросы интеллектуальной миграции в Российской Федерации : административно-правовой аспект // Закон. 2024. № 3. С. 60.

Чирков Д. К., Литвинов А. А. Миграция, политика и преступность в России : современные тенденции // Миграционное право. 2025. № 1. С. 18–22.

References

Andrichenko L. V., Plyugina I. V. Migration legislation of the Russian Federation : development trends and application practice : monograph. Moscow : Norm : INFRA-M, 2019. 392 p.

Andrichenko L. V., Eleonsky V. O., Khabrieva T. Ya. On the concept of development of migration legislation of the Russian Federation // Journal of Russian Law. 2003. No. 4. P. 3–11.

Baboyan L. M. Migration and economic security of Russia // Migration law. 2024. No. 1. P. 28–31.

Belsky K. S. Police law : lectural course. Moscow : Business and service, 2004. 814 p.

Doblaev V. L. Organizational behavior : textbook. manual. Moscow, 2006. 413 p.

Zherebtsov A. N., Malyshev E. A. Migration law of Russia. Moscow : Yurayt, 2019. 437 p.

Zherebtsov A. N. Actual issues of intellectual migration in the Russian Federation : an administrative and legal aspect // Law. 2024. № 3. P. 59–67.

Kodzokova L. A. Migration processes : concept, essence, meaning // Education and Law. 2022. No. 2. P. 198–202.

Kruglova Yu. B., Misyakova O. V. The legal foundations of migration policy in the Russian Federation // Migration law. 2023. No. 1. P. 12–15.

Naumova R. L. The work of foreigners at the Russian employer : a monograph. Moscow : Dashkov and Co., 2009. 182 p.

Ozhegov S. I. Dictionary of the Russian language. Moscow, 1972.

Ozhegov S. I., Shvedova N. Y. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, 2001.

Parkhomova Yu. A. The origin and formation of migration law institutions on the example of the relationship between the concepts of «refugee», «migrant» and «foreigner» // Journal of International Law and International Relations. 2007. No. 3. P. 27–30.

Prokhorenko Yu. I. Social processes : ontological bases of classification // Social processes : collection of scientific works / ed. by E. S. Barazgova, I. E. Levchenko. Yekaterinburg, 2005. Issue 1. 213 p.

Prudnikova S. A. Administrative and legal regulation of population migration in the Russian Federation : cand. legal sci. dis. abstr. Moscow, 2003. 34 p.

Rybakovsky L. L. Population migration (issues of theory) : monograph. Moscow, 2003. 239 p.

Rybakovsky L. L. Population migration : forecasts, factors, policy : textbook. manual. Moscow, 1987.199 p.

Rybakovsky L. L. Migration of the population : stages of the migration process. Moscow, 2001. Issue 5. 158 p.

Salnikov V. P., Voronkov K. I., Ismagilov R. F. Some problems of internal migration in the Russian Federation // Migration law. 2024. No. 3. P. 6–8.

Sivirinov B. S. The process and determination of social perspective // Scientific notes of the Siberian Academy of Public Administration : collection of articles : in 3 volumes. Novosibirsk, 2000. Vol. 3. P. 37–48.

Compliance of Russian legislation with the requirements of the International Labor Organization : an analytical review / ed. by L. A. Chikanova. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

Explanatory Dictionary of the Russian language / ed. by D. N. Ushakov. Moscow, 1940.

Chirkov D. K., Litvinov A. A. Migration, politics and crime in Russia : modern trends // Migration law. 2025. No. 1. P. 18–22.

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина

Катаева О. В., кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел

E-mail: kataeva_70@mail.ru

Поступила в редакцию: 20.05.2025

Для цитирования:

Катаева О. В. Порядок пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации и публично-правовое регулирование миграционных процессов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 173–177. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/173-177

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin

Kataeva O. V., Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Management and Administrative Activities of Internal Affairs Bodies

E-mail: kataeva_70@mail.ru

Received: 20.05.2025

For citation:

Kataeva O. V. The order of stay of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation and the public legal regulation of migration processes // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 3 (62). P. 173–177. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/173-177

УДК 342.9
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/178-184

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ НАУЧНЫХ ИДЕЙ ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ГАЛАГАНА

А. Г. Коротких

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Воронежский филиал)

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION THROUGH THE PRISM OF SCIENTIFIC IDEAS OF IVAN ALEXANDROVICH GALAGAN

A. G. Korotkikh

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Voronezh branch)

Аннотация: на основе анализа основных научных трудов профессора Воронежского государственного университета Ивана Александровича Галагана раскрывается их роль и значимость для совершенствования современного административно-правового регулирования.
Ключевые слова: правовое регулирование, административно-правовое регулирование, административное правонарушение, административное правоотношение, административная ответственность, публичное управление, общественный порядок.

Abstract: based on the analysis of the main scientific works of Professor Ivan Aleksandrovich Galagan of the Voronezh State University, their role and significance for the improvement of modern administrative and legal regulation are revealed.
Key words: legal regulation, administrative and legal regulation, administrative offense, administrative legal relationship, administrative responsibility, public administration, public order.

Иван Александрович Галаган, 95-летний юбилей которого отметили в 2025 г. в стенах Воронежского государственного университета, в своих научных трудах особое внимание уделял проблемам правового регулирования как в целом в теории права и государства, так и в доктрине административного права, в частности административно-правовому регулированию как важнейшему виду общественного и правового регулирования.

Следует отметить, что термин «регулирование» всегда являлся и в настоящее время является основополагающим, базовым для правового регулирования, а также для административно-правового регулирования.

В то же время термин «регулировать» используется в различных интерпретациях, содержит неодинаковую содержательную нагрузку, но как бы «цементирует» общественные отношения и как один из основных видов правоотношения, в том числе и административно-правовые отношения.

В Толковом русском словаре «регулировать» означает «упорядочивать, налаживать взаимные отношения; направлять развитие, движение чего-либо с целью привести в порядок, в систему»[1].

С. М. Зырянов рассматривает термин «регулирование» применительно к правовому в широком аспекте, потому что «оно осуществляется широким кругом субъектов, наделенных со-

© Коротких А. Г., 2025

[1] *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1999. С. 571.

ответствующими полномочиями Конституцией РФ и принятыми в соответствии с ней правовыми актами»[2].

Рассуждения И. А. Галагана в отношении термина «правовое регулирование» приводят его к выводу о том, что «в самом предварительном значении – это прежде всего упорядочение общественных отношений, это сложный динамический процесс и явление, имеющие свою структуру, свой субъективный и объективный составы, свои методы осуществления»[3].

Современные ученые также придерживаются данной позиции.

Например, Б. В. Россинский считает, что «регулирование» как «определенное упорядочение какой-либо деятельности, разработка субъектами управления правил для объектов управления, обеспечивающих поддержание среди них и в системе управления в целом должного порядка, возможность решения поставленных задач и достижения необходимых целей, равновесие системы и ее устойчивость»[4].

И. А. Галаган кроме термина «упорядочение», рассматривал правовое регулирование с помощью такого термина, как «воздействие», которому, по его мнению, соответствует синоним «действие», в связи с чем основой понимании данной категории служит «деятельность субъектов»[5].

Поэтому правовое регулирование, по мнению И. А. Галагана, «точно так же, как и взаимодействие между государством и правом», представляет собой социальное явление[6].

Иной позиции придерживается Ю. А. Тихомиров, рассматривающий «регулирование» в качестве нормативного измерителя, который открывает «пути дальнейшей деятельности»[7].

Таким образом, прилагательное «правовое» к термину «регулирование» указывает на его нормативный характер, на взаимосвязь с правовыми нормами, на «деятельность государства и общества по подготовке и принятию нормативно-правовых актов»[8], т. е. на непосредственную взаимосвязь с правом, его нормами права и государством, а также обществом.

Вопрос об административно-правовом регулировании в доктрине административного права представляется в настоящее время дискуссионным.

Следует отметить, что административно-правовое регулирование является инструментом публично-правового регулирования. Несмотря на отсутствие единой концепции современных ученых к механизму правового регулирования, количеству и содержанию его элементов, Иван Александрович в своих работах подчеркивал значимость таких элементов, как административно-правовые нормы, административно-правовые отношения и механизм реализации этих норм в указанных правоотношениях.

Рассмотрим некоторые особенности современного административно-правового регулирования с учетом научных позиций Ивана Александровича.

Во-первых, административно-правовое регулирование является частью общественного регулирования, а значит, относится к общественным отношениям. И. А. Галаган отмечал, что «любые общественные отношения, если они связаны с государственной деятельностью, а также любые методы их государственного регулирования в конечном счете пронизаны властно-организационным содержанием»[9], поэтому применительно к современному периоду можно отметить усложненность общественных отношений, что связано также не только с субъективными, но и объективными факторами их формирования

[2] *Зырянов С. М.* Модернизация механизма административно-правового регулирования // Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России : в 12 т. Т. VIII: Административное право в системе современного российского права : монография / под ред. Р. Л. Хачатурова, А. П. Шергина. М. : Юрлитинформ, 2022. С. 165–166.

[3] *Галаган И. А.* О природе правового регулирования. Политические аспекты. Проблемы. Возможные решения // Правовая наука и реформа юридического образования : сб. науч. трудов. Вып. 4: Право и политика : современные проблемы соотношения и развития. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. С. 39.

[4] *Россинский Б. В.* О системе публичного управления // Административное право и процесс. 2024. № 6. С. 3–6.

[5] *Галаган И. А.* О природе правового регулирования. Политические аспекты. Проблемы. Возможные решения. С. 39.

[6] См.: Там же. С. 40.

[7] *Тихомиров Ю. А.* Правовое регулирование : теория и практика. М. : Формула права, 2019. С. 8.

[8] *Сырых В. М.* Механизм правового регулирования. Теория государства и права : учеб. для вузов. 6-е изд., перераб.и доп. М. : Юстицинформ, 2012. С. 148.

[9] *Галаган И. А.* Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование). Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1970. С. 5.

и развития. В связи с этим И. А. Галаган определял юридическую ответственность как «сложное правовое явление, характеризующееся объективными и субъективными сторонами своего содержания»[10].

Кроме того, И. А. Галаган четко отстаивал научную позицию о том, что любой вид юридической ответственности, в том числе и административной ответственности, – это «сложное правоотношение»[11], с конкретизацией на властный характер, т. е. «властеотношение».

Во-вторых, административно-правовое регулирование – это вид именно правового регулирования, так как общеизвестно, что право является одним из регуляторов общественных отношений, при этом правовому регулированию подвергаются не все общественные отношения, а только те, которые, во-первых, поддаются такому регулированию, во-вторых, наиболее важны для государства и общества. К таким отношениям относится административно-правовое регулирование.

В-третьих, системный характер административно-правового регулирования, по справедливому замечанию Ю. Н. Старилова, позволяет лишь в «комплексе увидеть материю административного права; понять логику административного правового воздействия на общественные отношения, выделить главные элементы организационно-правового воздействия и регулирования этих отношений»[12].

В-четвертых, превалирование в административно-правовом регулировании административно-правовых норм, несмотря на наличие других правовых норм. При этом И. А. Галаган отмечал, что предусмотренность административной (юридической) ответственности «нормами права, возможность применения и реальное применение ее мер к правонарушителям являются мощным позитивным дисциплинирующим фактором в организации и функционировании нормальных отношений на всех этапах управленческого цикла»[13]. Кроме того, И. А. Галаган подчеркивал, что административный проступок представляет собой «деяние, которое всегда предусмотрено только определенными административно-правовыми нормами, а не нормами других отраслей права. Поэтому административная ответственность может наступать за нарушение требований этих административно-правовых норм»[14].

В-пятых, использование форм принуждения. И. А. Галаган указывал, что диапазон административно-правового регулирования гораздо шире, так как включает не только санкции, но и другие меры государственного воздействия. При этом применение санкций означает, что другие меры не действуют[15]. Следует отметить, что И. А. Галаган подробно раскрывал семь признаков административного принуждения: является формой государственного принуждения; заключается во внешнем государственно-правовом психическом и физическом воздействии на поведение субъектов; сопряженность с причинением дополнительных лишений; нормативно-обоснованный характер; применяется лишь уполномоченными органами государственного управления и их должностными лицами; осуществляется в рамках охранительных правоотношений; реализуется во внесудебном порядке[16].

В-шестых, целенаправленностью государственного воздействия. Целью такого воздействия И. А. Галаган считал «добиться исправления лиц, совершивших правонарушения, воспитания у них добровольного и убежденного соблюдения требований … правовых норм и правил социалистического общежития»[17].

В-седьмых, раскрывая ответственность в качестве правового отношения, И. А. Галаган указывал, что ответственность в каждом своем конкретном проявлении «есть правоотношение, в котором четко обнаруживаются позиции его участников с их диаметрально противоположным кругом субъективных прав и обязанностей», так как, с одной стороны, это виновный в правонарушении и обязанный нести негативные последствия, с другой – государство и определенные должностные лица[18].

[10] *Галаган И. А.* Административная ответственность в СССР. С. 41.

[11] Там же.

[12] *Россинский Б. В., Старилов Ю. Н.* Административное право : учебник. 7-е изд., пересм. М. : Норма : ИНФРА-М. 2025. С. 143.

[13] *Галаган И. А.* Административная ответственность в СССР. С. 9.

[14] Там же. С. 43.

[15] См.: Там же.

[16] См.: Там же. С. 72.

[17] Там же. С. 25.

[18] См.: Там же. С. 57.

Следует также отметить, что с упорядочиванием, т. е. урегулированием административных правоотношений И. А. Галаган связывал и применение административной ответственности, подчеркивая, что «юридическая ответственность в качестве своей правовой возможности оказывает исключительное влияние на упорядочение организационных отношений в сфере … государственного управления, на укрепление государственной дисциплины»[19].

Применительно к правовой природе регулирования И. А. Галаган выделяет три вывода, которые можно использовать в современных научных исследованиях в контексте рассматриваемой тематики:

– обусловленность природы правового регулирования «государственной» природой права в целом, которое не может существовать без государственного опосредования;

– порожденность потребностями развития и обеспечения этих отношений, с одной стороны, в то время как, с другой стороны, оно служит юридической формой функционирования, укрепления и развития этих отношений;

– чрезвычайной важностью для познания природы правового регулирования использования социологического, деятельностного подходов к оценке содержания взаимосвязи воздействия государства на право и наоборот[20].

Безусловно, административно-правовое регулирование советского периода отличается от настоящего административно-правового регулирования, что обусловлено различными аспектами, в частности экономического, политического, нравственного, правового, ценностного характера.

Современные ученые подчеркивают, что наш «мир находится на пороге цифровой революции, которая затрагивает практически все области жизни людей»[21], в том числе и, наверное, в первую очередь административно-правовое регулирование, так как это непосредственно связано с публичным управлением, с применением цифровизации в различных административно-правовых институтах.

Всё это свидетельствует о комплексе современных проблем, в том числе связанных с административно-правовым регулированием.

Следует также отметить, что специальная военная операция породила новые виды административно-правового регулирования. В частности, возникает много споров об антисанкционном регулировании, является видом правового регулирования, выражается в правовых формах «при их закреплении в соответствующих нормах права»[22]. Е. Б. Лаутс справедливо первое место среди средств антисанкционного регулирования отдает административным и экономическим[23]. Большая часть этих средств выражается в управленческих решениях Президента РФ, который согласно ст. 89 Конституции РФ является главой государства, гарантом Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина, гарантом государственного суверенитета, независимости России, ее целостности, поддержании гражданского мира и согласия в стране, а также обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти[24].

Д. В. Шомесов считает очевидным явлением, «что искусственный интеллект изменит эффективность работы во всех отраслях развития как экономики, как и сферы правового регулирования»[25], и в настоящее время он постепенно меняет ее.

И в заключение хотелось бы привести слова Анатолия Павловича Шергина о том, что две монографии Ивана Александровича Галагана «Административная ответственность в СССР (государственное и материальноправовое исследование» (ВГУ, 1970) и «Административная ответственность в СССР: процессуальное регу-

[19] Там же. С. 123.

[20] См.: *Галаган И. А.* О природе правового регулирования. Политические аспекты. Проблемы. Возможные решения. С. 41.

[21] *Негодаева Е. Г., Суховенко А. В., Поляков В. А.* Цифровые технологии в нотариальной деятельности // Философия права. 2024. № 4. С. 22.

[22] *Лаутс Е. Б.* Антисанкционное регулирование рынка банковских услуг и антикризисный правовой режим банковской деятельности // Вестник Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 1 (101). С. 72.

[23] См.: Там же.

[24] См.: Статья 80. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31. Ст. 4398.

[25] *Шомесов Д. В.* К вопросу правового регулирования ответственности при инвестировании в условиях развития искусственного интеллекта // Право и экономика. 2024. № 12. С. 5.

лирование» (ВГУ, 1976) являются «непревзойденной классикой теории административной ответственности»[26].

И последнее, следует обратить внимание, что две крупные и по объему, и по содержанию монографии И. А. Галагана, соответственно по кандидатской и докторской диссертациям, были написаны с отрывом всего лишь в 6 лет! И это в те годы, когда не было таких объемных источников информации, какими мы обладаем сейчас.

Необходимо отметить, что для всех научных работ И. А. Галагана характерны, по справедливому замечанию В. В. Гриценко, такие аспекты, как системность, логичность, комплексность, объективность оценки ситуации, критичность и честность в оценке, дискуссионность положений, простота изложения, патриотичность[27].

Несмотря на огромное количество проблем, рассмотренных Иваном Александровичем Галаганом в сфере административно-правового регулирования, многие из них и по сей день остаются актуальными, не разрешенными, требующими дальнейшего эффективного административно-правового регулирования, при этом добавляются и новые проблемы.

В подтверждение этому можно привести позицию А. С. Емельянова, который считает, что такая важная категория, как «механизм административно-правового регулирования» и в настоящее время «не получила системного осмысления, не стала предметом действительного научного познания»[28].

Пророческими можно считать пожелания И. А. Галагана о том, что любые проблемы правового регулирования должны исследоваться с учетом «государственных» и «социологических» начал[29], что напрямую связано с повышением качества публичного управления, которому в настоящее время придается особе значение[30].

В частности, в своей кандидатской работе я использую труды И. А. Галагана в контексте регулирования охраны общественного порядка в качестве как государственного, так и социального аспектов.

Учитывая и другие научные публикации Ивана Александровича, в частности работу 1996 г. «О природе правового регулирования: Политические аспекты. Проблемы», хочется добавить, что они являются научной основой для административно-правового регулирования различных сфер административного права, для его административно-правовых институтов.

Следует согласиться с Ю. Н. Стариловым в том, что «практически всякому исследователю проблем административной ответственности нравятся точные, лаконичные и объемные, грамотные и понятные определения тех или иных понятий, сформулированных И. А. Галаганом в научных трудах»[31].

И именно поэтому представляется целесообразным включить в список экзаменационных вопросов по дисциплине «Административное право» и список кандидатских экзаменов на юридическом факультете Воронежского государственного университета вопрос о тенденциях развития научных идей И. А. Галагана в современных условиях (реалиях). Ведь научные труды Ивана Александровича – это своего рода «Энциклопедия по административному праву», без которой так легко потеряться в лабиринте административно-правового регулирования.

---

[26] *Шергин А. П.* Об ученом-административисте Галагане Иване Александровиче // Иван Александрович Галаган и его научное наследие / под ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010. С. 12.

[27] См.: *Гриценко В. В.* Научные идеи Ивана Александровича Галагана об административной ответственности в контексте современных российских реформ // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия Право. 2022. № 4 (51). С. 232–237.

[28] *Емельянов А. С.* Механизм административно-правового регулирования // Журнал российского права. 2024. Т. 8. № 8. С. 120.

[29] См.: *Галаган И. А.* О природе правового регулирования. Политические аспекты. Проблемы. Возможные решения. С. 42.

[30] См.: *Братченко С. А.* К вопросу о понятии качества государственного управления // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 1. С. 57–72 ; Инициативный проект закона об обеспечении качества государственного управления / В. Н. Южаков, Э. В. Талапина, Е. И. Добролюбова, Ю. А. Тихомиров. М. : Дело (РАНХиГС), 2020. 150 с. ; Качество российского государственного управления : проблемы и приоритеты : монография / В. Н. Южаков, Е. И. Добролюбова, Ю. А. Тихомиров, А. Н. Старостина. М. : Дело (РАНХиГС), 2022. 444 с. ; *Корепина А. В.* Качество экспертной деятельности в сфере государственного управления // Административное право и процесс. 2024. № 4. С. 60–63 ; и др.

[31] *Старилов Ю. Н.* Иван Александрович Галаган – выдающийся ученый-юрист и талантливый педагог с душой поэта // Иван Александрович Галаган и его научное наследие / под ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010. С. 67.

Библиографический список

Братченко С. А. К вопросу о понятии качества государственного управления // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 1. С. 57–72.

Галаган И. А. Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование). Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1970. 251 с.

Галаган И. А. О природе правового регулирования. Политические аспекты. Проблемы. Возможные решения // Правовая наука и реформа юридического образования : сб. науч. трудов. Вып. 4: Право и политика : современные проблемы соотношения и развития. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996. С. 21-43.

Гриценко В. В. Научные идеи Ивана Александровича Галагана об административной ответственности в контексте современных российских реформ // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Серия Право. 2022. № 4 (51). С. 230–242.

Емельянов А. С. Механизм административно-правового регулирования // Журнал российского права. 2024. Т. 8. № 8. С. 127-145.

Зырянов С. М. Модернизация механизма административно-правового регулирования // Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России : в 12 т. Т. VIII: Административное право в системе современного российского права : монография / под ред. Р. Л. Хачатурова, А. П. Шергина. М. : Юрлитинформ, 2022. 736 с.

Инициативный проект закона об обеспечении качества государственного управления / В. Н. Южаков, Э. В. Талапина, Е. И. Добролюбова, Ю. А. Тихомиров. М. : Дело (РАНХиГС), 2020. 150 с.

Качество российского государственного управления : проблемы и приоритеты : монография / В. Н. Южаков, Е. И. Добролюбова, Ю. А. Тихомиров, А. Н. Старостина. М. : Дело (РАНХиГС), 2022. 444 с.

Корепина А. В. Качество экспертной деятельности в сфере государственного управления // Административное право и процесс. 2024. № 4. С. 60–63.

Лаутс Е. Б. Антисанкционное регулирование рынка банковских услуг и антикризисный правовой режим банковской деятельности // Вестник Ун-та имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 1 (101). С. 70–79.

Негодаева Е. Г., Суховенко А. В., Поляков В. А. Цифровые технологии в нотариальной деятельности // Философия права. 2024. № 4. С. 21–26.

Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.

Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право : учебник. 7-е изд., пересм. М. : Норма : ИНФРА-М. 2025. 840 с.

Россинский Б.В. О системе публичного управления // Административное право и процесс. 2024. № 6. С. 3 - 6.

Старилов Ю. Н. Иван Александрович Галаган – выдающийся ученый-юрист и талантливый педагог с душой поэта // Иван Александрович Галаган и его научное наследие / под ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010. С. 67–92.

Сырых В. М. Механизм правового регулирования. Теория государства и права : учеб. для вузов. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Юстицинформ, 2012. 704 с.

Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование : теория и практика. М. : Формула права, 2019. 400 с.

Шергин А. П. Об ученом-административисте Галагане Иване Александровиче // Иван Александрович Галаган и его научное наследие / под ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2010. 544 с.

Шомесов Д. В. К вопросу правового регулирования ответственности при инвестировании в условиях развития искусственного интеллекта // Право и экономика. 2024. № 12. С. 5–10.

References

Bratchenko S. A. On the concept of quality of public administration // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2019. No. 1. P. 57–72.

Galagan I. A. Administrative responsibility in the USSR (state and material law research). Voronezh : Publishing House of Voronezh State University, 1970. 251 p.

Galagan I. A. On the nature of legal regulation. Political aspects. Problems. Possible solutions // Legal science and the reform of legal education : Collection of scientific articles. Works. Issue 4: Law and politics : Modern problems of correlation and development. Voronezh : Voronezh University Press, 1996. P. 21–43.

Gritsenko V. V. Scientific ideas of Ivan Alexandrovich Galagan on administrative responsibility in the context of modern Russian reforms // Bulletin of Voronezh State University. The Pravo series. 2022. No. 4 (51). P. 230–242.

Yemelyanov A. S. The mechanism of administrative and legal regulation // Journal of Russian Law. 2024. Vol. 8. No. 8. P. 127–145.

Zyryanov S. M. Modernization of the mechanism of administrative and legal regulation. Formation and development of branches of law in the historical and modern legal reality of Russia : in 12 vols. Vol. VIII.

Administrative law in the system of modern Russian law: a monograph / ed. jurid. PhD, Professor R. L. Khachaturova; PhD. jurid. sciences'. Prof. A. P. Shergina. Moscow : Yurlitinform, 2022. 736 p.

Initiative draft law on ensuring the quality of public administration / V. N. Yuzhakov, E. V. Talapina, E. I. Dobrolyubova, Yu. A. Tikhomirov. Moscow : Publishing House «Delo» RANH and GS, 2020. 150 p.

The quality of Russian public administration : problems and priorities : a monograph / V. N. Yuzhakov, E. I. Dobrolyubova, Yu. A. Tikhomirov, A. N. Starostina. Moscow : Delo (RANEPA), 2022. 444 p.

Korepina A. V. The quality of expert activity in the field of public administration // Administrative Law and Process. 2024. No. 4. P. 60–63.

Lauts E. B. Anti-sanctions regulation of the banking services market and anti-crisis legal regime of banking activities // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA). 2023. № 1 (101). P. 70–79.

Negodaeva E. G., Sukhovenko A. V., Polyakov V. A. Digital technologies in notary activity // Philosophy of law. 2024. No. 4. From 21–26.

Ozhegov S. I. Explanatory Dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences. V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language. 4th ed., supplement Moscow : ABC book, 1999. 944 p.

Rossinsky B. V. Administrative law : textbook / B. V. Rossinsky, Yu.N. Starilov. 7th ed., revised. Moscow : Norma : INFRA-M, 2025. 840 p.

Rossinsky B. V. On the system of public administration // Administrative law and process. 2024. No. 6. P. 3–6.

Starilov Yu. N. Ivan Aleksandrovich Galagan is an outstanding legal scholar and a talented teacher with the soul of a poet. Ivan Alexandrovich Galagan and his scientific legacy / ed. by Yu. N. Starilov. Voronezh : Voronezh State University Publishing House, 2010. P. 67–92.

Syrykh V. M. Mechanism of legal regulation. Theory of State and law : textbook for universities. 6th ed., revised and additional. Moscow : CJSC Justicinform, 2012. 704 p.

Tikhomirov Yu. A. Legal regulation : theory and practice. Moscow : Formula prava, 2019. 400 p.

Shergin A. P. About the administrative scientist Galagan Ivan Alexandrovich // Ivan Alexandrovich Galagan and his scientific legacy / ed. by Yu. N. Starilov. Voronezh : Voronezh State University Publishing House, 2010. 544 p.

Shomesov D. V. On the issue of legal regulation of responsibility in investing in the context of the development of artificial intelligence // Law and economics. 2024. No. 12. P. 5–10.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Воронежский филиал)

Коротких А. Г., старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин

E-mail: a-korotkih@bk.ru

Поступила в редакцию: 31.03.2025

Для цитирования:

Коротких А. Г. Административно-правовое регулирование через призму научных идей Ивана Александровича Галагана // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 178–184. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/178-184

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Voronezh branch)

Korotkikh A. G., Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines

E-mail: a-korotkih@bk.ru

Received: 31.03.2025

For citation:

Korotkikh A. G. Administrative and legal regulation through the prism of scientific ideas of Ivan Alexandrovich Galagan // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 3 (62). P. 178–184. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/178-184

УДК 342.9
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/185-192

МНОГООБРАЗИЕ ПОДХОДОВ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРОЦЕДУРЫ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

М. М. Курашова
Воронежский институт МВД России

THE VARIETY OF APPROACHES TO THE DEFINITION OF ADMINISTRATIVE PROCEDURE AND THEIR SIGNIFICANCE IN THE RUSSIAN LEGAL DOCTRINE

M. M. Kurashova
Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

Аннотация: актуальность настоящей статьи обусловлена необходимостью совершенствования государственного управления в условиях стремительно трансформирующегося общества. На сегодняшний день ряд проблем теоретико-правового института административных процедур так и остается нерешенным, в частности отсутствует универсальное определение административной процедуры. В статье приводятся результаты анализа основных подходов к юридической природе административных процедур, рассматриваются их достоинства и недостатки. Автором были выделены пять основных подходов к понимаю административных процедур, один из которых – универсальный – отмечен в качестве наиболее соответствующего современной правовой действительности.
Ключевые слова: государственное управление, публичная власть, административный процесс, административная процедура, административный регламент, юридический результат, административное производство.

Abstract: the relevance of this article is determined by the need to improve public administration in a rapidly transforming society. To date, a number of problems of the theoretical and legal institute of administrative procedures remain unresolved, in particular, there is no universal definition of administrative procedure. The article presents the results of an analysis of the main approaches to the legal nature of administrative procedures, discusses their advantages and disadvantages. The author has identified five main approaches to understanding administrative procedures, one of which is universal and is noted as the most relevant to modern legal reality.
Key words: public administration, public authority, administrative process, administrative procedure, administrative regulations, legal result, administrative proceedings.

Административный процесс как правовое явление не раз являлся объектом самых оживленных и масштабных научных «баталий». Ученые раз за разом предпринимали попытки его теоретического осмысления, обращаясь к практике отечественного государственного управления. Особенно в контексте постоянно развивающихся общественных отношений и так называемого цифрового общества, которое неминуемо становится нашей новой реальностью. Повсеместное использование информационных и коммуникационных технологий оказывает огромное влияние на все аспекты нашей жизни – от образования и здравоохранения до экономики, культуры и безопасности. В свою очередь, и влияние государства на эти сферы соответствующим образом модифицируется. Так, в мае 2024 г. Указом Президента РФ в качестве одной из национальных целей на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. была определена «цифро-

© Курашова М. М., 2025

вая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы», и в качестве одного из целевых показателей и задач ее выполнения установлено «увеличение к 2030 г. до 99 % доли предоставления массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронной форме»[1]. Отсюда следует, что и административные процедуры, посредством которых эти услуги оказываются, будут претерпевать изменения.

Цифровая среда становится частью жизненного пространства, влияя на государственные институты и механизмы реализации государством своих функций. Ю. А. Холоденко справедливо отмечает, что «цифровизация публичных услуг повышает их прозрачность, объективно ведет к снижению уровня коррупции в системе государственного управления, устраняя элемент субъективизма из процесса принятия управленческих решений»[2]. Однако достижение указанных результатов цифрового перехода невозможно без тщательно проработанной доктрины. Иными словами, совершенствование процесса предоставления государственных услуг органами публичной власти напрямую зависит от состояния разработанности теории административных процедур.

Не подлежит сомнению тот факт, что в процессе трансформации государственного управления административно-правовые процедуры неминуемо видоизменяются, охватывая новые сферы публичного управления, субъектов и формы реализации, обретая новые компоненты структуры. Вместе с тем сущностное наполнение, юридическая природа и принципы, которым следует административная процедура как самостоятельный элемент административного процесса, остаются неизменными. По-прежнему остается нерешенным и ряд проблем теоретико-правового института административных процедур, а именно: не выработано единого подхода к пониманию административных процедур, критериев их классификации, не определено место процедур в системе административного процесса, не выявлены объективные признаки (параметры, характеристики), отличающие их от юридически значимых действий и административных производств, и мн. др.[3]. В связи с этим мы считаем необходимым проанализировать ключевые существующие на сегодняшний день подходы к пониманию административных процедур и затем выбрать тот, который наилучшим образом соответствует складывающейся правоприменительной практике, правовой реальности и доктрине.

Отметим, что со второй половины XX в. и по сей день учеными ведется активная исследовательская работа в рамках административно-процедурной проблематики. Однако, несмотря на высокую степень разработанности темы, в административной доктрине так и не сложилось единого подхода к понятию и сущности административных процедур. В процессе ознакомления с дефинициями административной процедуры становится ясно: каждая из них имеет свои достоинства и недостатки, отличается по объему и содержанию, главным образом являясь экстраполяцией позиции автора относительно подхода к пониманию административного процесса в целом[4]. В целях систематизации существующих позиций нами был проведен анализ ряда исследований как общеправового характера, так и специальной административно-правовой направленности, в результате которого было вы-

[1] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] *Холоденко Ю. А.* Цифровая трансформация государственного управления : возможности и риски // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2022. № 3. С. 33.

[3] См.: *Попов Л. Л.* Административные процедуры : проблемы теории, законодательства и практики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. № 5 (21). С. 92–99 ; *Спиридонов П. Е.* Проблемы и перспективы развития административных процедур в административном процессе и системе государственного управления // Журнал административного судопроизводства. 2019. № 1. С. 5–9 ; *Старилов Ю. Н.* Административное усмотрение : нормативная правовая полноценность в контексте дискуссии об административных процедурах // Административное право и процесс. 2024. № 11. С. 54–61 ; и др.

[4] См., например: *Ноздрачев А. Ф.* Системная регламентация административной деятельности : отечественная доктрина и практика // Законодательство и экономика. 2011. № 8. С. 5–41 ; *Синюгин В. Ю.* Административная процедура : проблемы дефиниции // Административное право и процесс. 2014. № 10. С. 30–33 ; *Барциц И. Н.* Система государственного и муниципального управления : учеб. курс : в 2 т. М. : Изд-во РАГС, 2011. Т. 2. С. 140 ; *Филатова А. В.* Организационно-правовые основы регламентации деятельности административных процедур контрольно-надзорной деятельности в области экономики : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2010. С. 13 ; и др.

явлено несколько основных подходов к пониманию административной процедуры.

1. «Позитивный (управленческий)», предусматривающий в качестве административной процедуры установленный административно-процессуальными нормами порядок деятельности органов публичной власти по осуществлению государственного управления[5]. Представители указанного подхода М. А. Лапина и Г. Ф. Ручкина отмечают, что административными процедурами регламентируется сугубо позитивная правотворческая и правоприменительная деятельность органов исполнительной власти, направленная на реализацию прав и обязанностей как индивидуальных, так и коллективных субъектов[6].

Из приведенных выше ключевых положений рассматриваемого подхода становится ясно, что процедурная деятельность юрисдикционного характера из объема исследуемого понятия авторами указанного подхода исключается.

При этом процедурная деятельность юрисдикционного характера – это значительная часть административного процесса, содержание которой невозможно сосредоточить в одних лишь производствах и сопровождающих их юридически значимых действиях. Часто совокупность административно-процессуальных действий слишком мала, чтобы трансформироваться в административное производство, но при этом не является единичным юридически значимым действием[7].

Например, осуществление досмотра транспортных средств сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации[8] в качестве меры, применяемой при введении чрезвычайного положения (п. «з» ст. 11 Федерального конституционного закона от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»[9]). Проведем сравнительный анализ данной меры с аналогичной – досмотром транспортного средства в качестве меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях (ст. 27.9 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации[10]). В обеих случаях досмотр транспортного средства обладает такими общепринятыми признаками процедуры, как правовая (нормативная) урегулированность, стадийность (структурированность), реализация уполномоченным должностным лицом, юридическая содержательность.

При этом непосредственный алгоритм действий сотрудников ОВД будет аналогичным в обоих случаях: он предусмотрен ст. 27.9 КоАП РФ и нормами Порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения, утвержденного приказом МВД России от 2 мая 2023 г. № 264[11].

Однако цель и, соответственно, результат отличаются. В первом случае досмотр транспортного средства необходим для обеспечения прав, свобод и безопасности человека и гражданина на период введения чрезвычайного положения, а также для защиты конституционного строя Российской Федерации; во втором – в целях обнаружения орудий совершения либо предметов административного правонарушения. Досмотр транспортного средства при введении режима чрезвычайного положения – это самостоятельная административная юрисдикционная процедура, объем процессуальных действий в составе которой слишком велик, чтобы являться единичным юридически значимым действием, однако недостаточен для отнесения его в разряд самостоятельного производства.

2. «Внутриаппаратный», согласно которому административная процедура – это непосред-

[5] См.: Административные процедуры в экономике : проблемы совершенствования правового регулирования : коллективная монография / С. В. Васильева, Е. Г. Бабелюк, В. В. Полянский [и др.]. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2010. С. 21 ; Административные процедуры : монография / отв. ред. Л. Л. Попов, С. М. Зубарев ; Московский гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА). М. : Норма : Инфра-М, 2017. С. 27.

[6] См.: Административное право. Административный процесс : учебник / под. ред. М. А. Лапиной и Г. Ф. Ручкиной. М. : Юстиция, 2022. С. 247

[7] См.: *Махина С. Н.* Административный процесс : проблемы теории, перспективы правового регулирования. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. С. 31.

[8] Далее – ОВД.

[9] См.: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[10] См.: Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 159-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[11] См.: Об утверждении порядка осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения : приказ МВД России от 2 мая 2023 г. № 264. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ственно внутриорганизационная деятельность публичной администрации, тогда как административный процесс – деятельность исполнительных органов публичной власти и банка России, осуществляемая в процессуальной форме и регулируемая процессуальными нормами[12].

На наш взгляд, данный подход скорее является составной частью общей теории административных процедур, так как отрицать наличие внешнеуправленческих процедур, на наш взгляд, не совсем корректно.

3. «Расширительный», рассматривающий процедуру «как более широкое явление, как более общее понятие, а юридический процесс – как частный случай этого явления и понятия»[13]. Ярким представителем данного подхода является С. С. Алексеев, отмечавший, что понятие «"юридическая процедура" должно охватывать всякую длящуюся юридическую деятельность, иными словами, процессуальную»[14].

Думается, в этом случае мы имеем дело с подходом, согласно которому феномен административных процедур рассматривается скорее с философско-семантической точки зрения, нежели с формально-логической. Не пытаясь умалить значение сформулированной апологетом юридической науки концепции, мы всё же будем придерживаться мнения о соотношении процедуры и процесса как части и целого. Думается, юридический процесс – это более сложная правовая категория, суть которой состоит в развитии правоотношения, юридический результат которого посредством реализации процедуры достигнут не будет. Юридический процесс имеет место там, где юридической процедуры недостаточно. Юридический процесс предоставляет его участнику вариативность действий на случай возникновения, скажем, неординарных обстоятельств, тогда как юридическая процедура – это строгая последовательность действий, каждое из которых по завершению неминуемо ведет к началу нового, равно как невозможен и пропуск какого-либо действия.

4. «Универсальный», представители которого считают, что административные процедуры – это последовательность действий субъектов, охватывающих как регулятивные (позитивные), так и охранительные (юрисдикционные) правоотношения и непременно направленных на достижение юридического результата[15]. Сторонники данного подхода характеризуют административную процедуру в качестве первичного элемента административного производства, который в своем видовом многообразии образует единый административный процесс, понимаемый в широком смысле[16].

Новые горизонты для научного поиска открывает современная интеграционная теория административного процесса, которая с 2013 г. активно прорабатывается и по сей день. Ее авторы, в частности А. И. Стахов, утверждают, что административная процедура – это урегулированный регламентными административно-процессуальными нормами фрагмент разрешения внесудебного административного дела на отдельной стадии административного производства или фрагмент разрешения судебного административного дела на отдельной стадии административного судопроизводства[17].

На наш взгляд, усомниться в истинности данных воззрений не представляется возможным. При этом «интегративистами» подробнейшим образом проанализированы процедуры внешневластные, тогда как процедурам, упорядочивающим внутриаппаратную деятельность органов публичной администрации (судов), отведено гораздо меньше (на наш взгляд, незаслуженно) исследовательского внимания. Учитывая ключевые позиции интегративной теории админи-

[12] См.: *Панова И. В.* Административный процесс в Российской Федерации : понятие, принципы и виды // Правоведение. 2000. № 2. С. 125 ; *Тихий Р. С.* Проблемы правового регулирования административных процедур в Российской Федерации (региональный правовой аспект) : дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. С. 30.

[13] *Протасов В. Н.* Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991. С. 29.

[14] *Алексеев С. С.* Право в нашей жизни. Свердловск : Сред.-Урал. книж. изд-во, 1975. С. 120–121.

[15] См.: *Давыдов К. В.* Административные процедуры : концепция правового регулирования : дис. … канд. юрид. наук. Ниж. Новгород, 2020. С. 47.

[16] См.: Общее административное право : учебник / под. ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж : ВГУ, 2007. С. 600–601.

[17] См.: *Стахов А. И.* Административная процедура как структурный элемент интегративной теории административного процесса // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сб. статей по материалам междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 24 марта 2023 г.) / под общ. ред. А. И. Каплунова, сост.: А. И. Каплунов, А. О. Дрозд, Н. М. Крамаренко, Э. Х. Мамедов. СПб. : С.-Петерб. ун-т Мин-ва внутренних дел РФ, 2023. С. 453–468.

стративного процесса, полагаем, что отнести их следует к «универсальному» подходу.

5. «Технологический», выделяя который, Л. А. Мицкевич указывает на административные процедуры как на операции органов исполнительной власти при реализации публичных функций[18]. Отметим, что данного подхода скорее придерживается законодатель, нежели научное сообщество, сводя административные процедуры к отдельным действиям или этапам, содержащимся в принимаемых ведомствами административных регламентах. Так, согласно п. 18 Раздела II «Правил разработки и утверждения административных регламентов осуществления государственного контроля (надзора)», утвержденных в постановлении Правительства РФ от 16 мая 2011 г. № 373 «О разработке и утверждении административных регламентов осуществления государственного контроля (надзора) и административных регламентов предоставления государственных услуг»[19] под административными процедурами понимаются логически обособленные последовательности административных действий при осуществлении государственного контроля (надзора), имеющих конечный результат и выделяемых в рамках осуществления государственного контроля (надзора). Как уже говорилось ранее, данное определение свидетельствует о сведении административной процедуры к ее стадии или даже части, что, на наш взгляд, существенно ограничивает ее юридическую природу. Ведь главное назначение любой административной процедуры – достижение юридически значимого результата.

Важно отметить, что выделенные нами выше подходы к пониманию административной процедуры условны, их наименования являются результатом применения автором метода группировки однородных мнений и сформулированы на основе определений, представленных конкретными учеными. Несомненно, данный перечень подходов не является исчерпывающим, это лишь основные из них.

Учитывая всё многообразие точек зрения ученых относительно понимания административных процедур в системе административного процесса в Российской Федерации, считаем справедливой позицию К. В. Давыдова, согласно которой управленческий[20] и позитивный подходы наиболее перспективные[21]. На наш взгляд, максимально отвечающим современной правовой действительности является именно универсальный, т. е. широкий подход, который охватывает основные сущностные аспекты процедуры, при этом не перегружая рассматриваемую категорию дополнительными компонентами, назначением, признаками, но и не ограничивая ее. Полагаем, что придерживаться данного подхода было бы целесообразно и в случае нормативного закрепления конкретных административных процедур соответствующими органами власти, их реализующими, так как «технологический» подход, актуальный для законодательной практики сегодня, на наш взгляд, не в полной мере отвечает степени теоретической разработанности исследуемого правового феномена.

Перечисленные исследования внесли значительный вклад в развитие теории административного процесса в целом, и учение об административных процедурах в частности, и их анализ позволяет сформулировать нам следующие выводы.

1. Публичное управление в условиях стремительного развития «цифрового общества» должно соответствовать ряду требований, в числе которых гибкость, адаптивность и ориентированность на потребности граждан. И в этом смысле административные процедуры – это первичные элементы административно-правового регулирования, своевременная модернизация которых, на наш взгляд, является своего рода действенным инструментом государственного развития «со знаком плюс». Эффективная реализация процедур зависит от состояния их нормативно-пра-

[18] См.: *Мицкевич Л. А.* Очерки теории административного права : современное наполнение : монография. М. : Проспект, 2017. С. 235–236.

[19] См.: О разработке и утверждении административных регламентов осуществления государственного контроля (надзора) и административных регламентов предоставления государственных услуг (вместе с «Правилами разработки и утверждения административных регламентов осуществления государственного контроля (надзора)», «Правилами разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг», «Правилами проведения экспертизы проектов административных регламентов осуществления государственного контроля (надзора) и административных регламентов предоставления государственных услуг») : постановление Правительства РФ от 16 мая 2011 г. № 373. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[20] «Управленческому» подходу К. В. Давыдова соответствует «универсальный» подход автора настоящей статьи.

[21] См.: *Давыдов К. В.* Указ. соч. С. 50.

вового обеспечения, которое, в свою очередь, прямо пропорционально разработанности теории административных процедур.

2. Исследование феномена административных процедур неразрывно с усвоением их сущности. Сегодня в административно-правовой науке сформировалось несколько подходов к их определению. Так, в результате анализа существующих теоретических положений автором было выделено пять основных подходов: управленческий (позитивный), внутриаппаратный, расширительный, универсальный и технологический.

3. Полагаем, что на сегодняшний день наиболее приемлемым подходом, максимально точно характеризующим сущность административной процедуры, является универсальный. На наш взгляд, он аккумулирует в себе все необходимые «стороны» исследуемого понятия, включая в его круг и внутриаппаратные и внешневластные процедуры регулятивного (позитивного) и охранительного (юрисдикционного) характера. По нашему мнению, данный подход базируется на твердом теоретическом основании, в соответствии с которым «формулу» административного процесса можно представить следующим образом: «юридически значимое действие – процедура – производство – процесс». Думается, в этом случае взаимодействие между законодателем, придерживающимся данных тезисов в процессе совершенствования нормативно-правового обеспечения, и правоприменителем, реализующим закрепленные в законах и подзаконных актах административные процедуры, будет более продуктивным.

Библиографический список

Административное право. Административный процесс : учебник / под. ред. М. А. Лапиной и Г. Ф. Ручкиной. М. : Юстиция, 2022. 578 с.

Административные процедуры : монография / отв. ред. Л. Л. Попов, С. М. Зубарев ; Московский гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА). М. : Норма : Инфра-М, 2017. 239 с.

Административные процедуры в экономике : проблемы совершенствования правового регулирования : коллективная монография / С. В. Васильева, Е. Г. Бабелюк, В. В. Полянский [и др.]. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2010. 369 с.

Алексеев С. С. Право в нашей жизни. Свердловск : Сред.-Урал. книж. изд-во, 1975. 168 с.

Барциц И. Н. Система государственного и муниципального управления : учеб. курс : в 2 т. М. : Изд-во РАГС, 2011. Т. 2. 488 с.

Давыдов К. В. Административные процедуры : концепция правового регулирования : дис. … канд. юрид. наук. Ниж. Новгород, 2020. 655 с.

Махина С. Н. Административный процесс : проблемы теории, перспективы правового регулирования. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. 232 с.

Мицкевич Л. А. Очерки теории административного права : современное наполнение : монография. М. : Проспект, 2017. 293 с.

Ноздрачев А. Ф. Системная регламентация административной деятельности : отечественная доктрина и практика // Законодательство и экономика. 2011. № 8. С. 5–41.

Общее административное право : учебник / под. ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж : ВГУ, 2007. 847 с.

Панова И. В. Административный процесс в Российской Федерации : понятие, принципы и виды // Правоведение. 2000. № 2. С. 121–133.

Тихий Р. С. Проблемы правового регулирования административных процедур в Российской Федерации (региональный правовой аспект) : дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2005. 249 с.

Попов Л. Л. Административные процедуры : проблемы теории, законодательства и практики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2016. № 5 (21). С. 92–99.

Протасов В. Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991. 143 с.

Синюгин В. Ю. Административная процедура : проблемы дефиниции // Административное право и процесс. 2014. № 10. С. 30–33.

Спиридонов П. Е. Проблемы и перспективы развития административных процедур в административном процессе и системе государственного управления // Журнал административного судопроизводства. 2019. № 1. С. 5–9.

Старилов Ю. Н. Административное усмотрение : нормативная правовая полноценность в контексте дискуссии об административных процедурах // Административное право и процесс. 2024. № 11. С. 54–61.

Стахов А. И. Административная процедура как структурный элемент интегративной теории административного процесса // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : сб. статей по материалам междунар. науч.-практ. конф. (Санкт-Петербург, 24 марта 2023 г.) / под общ. ред. А. И. Каплунова, сост.: А. И. Каплунов, А. О. Дрозд,

Н. М. Крамаренко, Э. Х. Мамедов. СПб. : С.-Петерб. ун-т Мин-ва внутренних дел РФ, 2023. С. 453–468.

Филатова А. В. Организационно-правовые основы регламентации деятельности административных процедур контрольно-надзорной деятельности в области экономики : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2010. 40 с.

Холоденко Ю. А. Цифровая трансформация государственного управления : возможности и риски // Вестник Московского университета. Серия 18, Социология и политология. 2022. № 3. С. 28–53.

References

Administrative law. Administrative process : textbook / ed. by M. A. Lapina and G. F. Ruchkina. Moscow : Justitia, 2022. 578 p.

Administrative procedures : a monograph / ed. by L. L. Popov, S. M. Zubarev ; Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (MGUA). Moscow : Norma : Infra-M, 2017. 239 p.

Administrative procedures in economics : problems of improving legal regulation : a collective monograph / S. V. Vasilyeva, E. G. Babelyuk, V. V. Polyansky [et al.]. St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg State University, 2010. 369 p .

Alekseev S. S. Law in our lives. Sverdlovsk : Wednesday.-Ural. publishing house, 1975. 168 p.

Bartsits I. N. System of state and municipal administration : training course : in 2 volumes. Moscow : RAGS Publishing House, 2011. Vol. 2. 488 p.

Davydov K. V. Administrative procedures : the concept of legal regulation : dr. legal sci. dis. Nizhny Novgorod, 2020. 655 p.

Makhina S. N. Administrative process : problems of theory, prospects of legal regulation. Voronezh : Voronezh State University Press, 1999. 232 p.

Mickiewicz L. A. Essays on the theory of administrative law : modern content : monograph. Moscow : Prospekt Publ., 2017. 293 p.

Nozdrachev A. F. System regulation of administrative activity : domestic doctrine and practice // Legislation and economics. 2011. No. 8. P. 5–41.

General administrative law : textbook. / ed. by Yu. N. Starilov. Voronezh : VSU, 2007. 847 p.

Panova I. V. Administrative process in the Russian Federation : concept, principles and types // Jurisprudence. 2000. No. 2. P. 121–133.

Tikhy R. S. Problems of legal regulation of administrative procedures in the Russian Federation (regional legal aspect) : cand. legal sci. dis. Tyumen, 2005. 249 p.

Popov L. L. Administrative procedures : problems of theory, legislation and practice // Bulletin of the University named after O. E. Kutafin. 2016. No. 5 (21). P. 92–99.

Protasov V. N. Fundamentals of general legal procedural theory. Moscow : 1991. 143 p.

Sinyugin V. Yu. Administrative procedure : problems of definition // Administrative law and process. 2014. No. 10. P. 30–33.

Spiridonov P. E. Problems and prospects of development of administrative procedures in the administrative process and the system of public administration // Journal of Administrative Proceedings. 2019. No. 1. P. 5–9.

Starilov Yu. N. Administrative discretion : normative legal validity in the context of the discussion on administrative procedures // Administrative law and process. 2024. No. 11. P. 54–61.

Stakhov A. I. Administrative procedure as a structural element of the integrative theory of administrative process // Actual problems of administrative and administrative procedural law (Sorokin readings) : Collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, March 24, 2023 / Under the general editorship of A. I. Kaplunov, comp.: A. I. Kaplunov, A. O. Drozd, N. M. Kramarenko, E.H. Mammadov. Saint Petersburg : Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023. P. 453–468.

Filatova A. V. Organizational and legal bases for regulating the activities of administrative procedures for control and supervisory activities in the field of economics : dr. legal sci. dis. abstr. Saratov, 2010. 40 p.

Kholodenko Yu. A. Digital transformation of public administration : opportunities and risks // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2022. No. 3. P. 28–53.

Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации
Курашова М. М., адъюнкт
E-mail: km4498@yandex.ru

Поступила в редакцию: 13.01.2025

Voronezh Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
Kurashova M. M., Post-graduate
E-mail: km4498@yandex.ru

Received: 13.01.2025

Для цитирования:
Курашова М. М. Многообразие подходов к определению административной процедуры и их значение в российской правовой доктрине // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 185–192. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/185-192

For citation:
Kurashova M. M. The variety of approaches to the definition of administrative procedure and their significance in the russian legal doctrine // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 3 (62). P. 185–192. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/185-192

УДК 340
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/193-201

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ НАДЗОР В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

И. В. Селионов

Правовое управление Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации

ENFORCEMENT SUPERVISION IN ENFORCEMENT PROCEEDINGS

I. V. Selionov

Legal Department of the Office of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation

Аннотация: проводится исследование исполнительных действий, связанных с проведением проверок в отношении лиц, участвующих в исполнительном производстве. В процессе принудительного исполнения исполнительных документов судебный пристав-исполнитель осуществляет контроль и отдельные исполнительные действия по проверке исполнения исполнительных документов, которые по своей правовой природе близки к надзору. Автором обосновывается вывод, что в рамках исполнительного производства должностное лицо службы судебных приставов осуществляет «исполнительный надзор», позволяющий должностным лицам службы судебных приставов проверить законность действий (бездействия) лиц, участвующих в исполнительном производстве, в целях своевременного и полного исполнения требований, содержащихся в судебных актах, актах других органов и должностных лиц.
Ключевые слова: контроль, надзор, проверка, исполнительное производство, исполнительное действие, исполнительный надзор.

Abstract: this article examines some of the features and problems of legal regulation of control and supervision in the field of enforcement of executive documents. Within the framework of enforcement proceedings, the bailiff carries out control and separate enforcement actions to verify the execution of enforcement documents, which by their legal nature are close to supervision. The author substantiates that within the framework of enforcement proceedings, an official of the bailiff service carries out «executive supervision», which allows officials of the bailiff service to verify the legality of actions (inaction) of persons participating in enforcement proceedings in order to timely and fully comply with the requirements contained in judicial acts, acts of other bodies and officials.
Key words: control, supervision, verification, enforcement proceedings, enforcement action, executive supervision.

В течение последних лет законодательство Российской Федерации в сфере контроля и надзора подверглось существенной модернизации. Принят ряд нормативно-правовых актов в сфере контрольно-надзорной деятельности: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»[1], Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»[2] (далее – Федеральный закон о государственном контроле (надзоре) и др. При этом работа по совершенствованию действующего законодательства в сфере контрольной (надзорной) деятельности продолжается[3].

[1] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5006.

© Селионов И. В., 2025

[2] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

[3] См.: Об утверждении Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года : распоряжение Правительства РФ от 21 декабря 2023 г. № 3745-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 25.12.2023).

Государственный контроль (надзор), предусмотренный Федеральным законом о государственном контроле (надзоре), затрагивает деятельность Федеральной службы судебных приставов (далее – ФССП России) в части, касающейся осуществления ФССП России федерального государственного контроля (надзора) за деятельностью юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности, предметом которого является соблюдение данными лицами обязательных требований (см. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»[4], Указ Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1316 «Вопросы Федеральной службы судебных приставов[5]). Вместе с тем функция ФССП России по принудительному исполнению судебных актов, актов других органов и должностных лиц не относится к государственному контролю (надзору) для целей Федерального закона о государственном контроле (надзоре) (ч. 3 ст. 1).

Принимая во внимание указанное правовое регулирование, следует учитывать, что применительно к сфере исполнительного производства в настоящее время отсутствует научно обоснованная концепция контрольно-надзорной деятельности, осуществляемой непосредственно судебными приставами-исполнителями и иными должностными лицами органов принудительного исполнения в целях исполнения исполнительных документов. Например, Ю. А. Свирин еще в 2011 г. обратил внимание на проблему в действующем отраслевом исполнительном законодательстве, связанную с отсутствием правовой регламентации института контроля за соблюдением законодательства в области исполнительного права[6]. Вместе с тем каких-либо существенных изменений в правовом регулировании указанных вопросов не произошло. На наш взгляд, научное исследование исполнительных действий, связанных с осуществлением должностными лицами службы судебных приставов контроля (надзора) в исполнительном производстве, имеет немалое теоретическое и практическое значение для определения их места в общей системе государственного контроля (надзора), а также определения вектора дальнейшего развития ФССП России в указанном направлении.

В теории административного права существуют разные подходы к определению правовой природой контроля и надзора, в рамках которых указанные понятия рассматривают как равные понятия[7], как самостоятельные понятия[8] либо относят надзор к составной части контроля (вид контроля)[9]. К примеру, под понятием «контроль» понимают систему наблюдения и проверки процесса функционирования объекта с целью устранения отклонений от заданных параметров[10]; систему наблюдения за деятельностью и корректировки поведения подконтрольных объектов в целях соответствия их деятельности установленным нормам права и целям осуществляемой деятельности[11]; проверку исполнения принимаемых решений, которая позволяет выявить недостатки в управленческой деятельности и устранить их причины[12]; одну из

[4] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 27 (ч. I). Ст. 4163.

[5] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2004. № 42. Ст. 4111.

[6] См.: *Свирин Ю. А.* Теоретические положения о комплексной отрасли исполнительного законодательства и права. М., 2011. С. 250.

[7] См.: *Кудилинский М. Н.* Контроль как вид государственно-управленческой деятельности. Соотношение понятий «контроль» и «надзор» // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8. С. 47–53 ; *Овсянко Д. М.* Административное право : учеб. пособие / под ред. Г. А. Туманова. М. : Юристъ, 1997. С. 169.

[8] См.: *Воронов А. М.* Контроль и надзор в системе мер обеспечения законности государственного администрирования в сфере экономики // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2019. № 1. С. 83–88 ; Общее административное право : учебник : в 2 ч. / под ред. Ю. Н. Старилова ; Воронежский государственный университет. 2-е изд., пересм. и доп. Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2016. С. 695.

[9] См.: *Россинский Б. В., Старилов Ю. Н.* Административное право : учебник. М. : Норма, 2009. С. 76, 527, 528 ; *Бахрах Д. Н.* Административное право России : учеб. для вузов. М. : Норма, 2000. С. 609.

[10] См.: *Братановский С. Н.* Административное право. Общая часть : учебник. М. : Директ-Медиа, 2013. 921 с. ; *Лещина Э. Л., Магденко А. Д.* Административно-процессуальное право : курс лекций. М. : Рос. гос. ун-т правосудия, 2015. 310 с.

[11] См.: *Бабай А. Н., Пархоменко А. Г.* Административное право : лекции. М. : МПСУ ; Воронеж : МОДЭК, 2012. С. 297.

[12] См.: Виды государственного контроля в Российской Федерации / Гос. Дума Федер. Собр. Рос. Федерации. 2013. URL: http://www.duma.gov.ru/analytics/publication-of-legal-department/2013/Vidy_gos_kontrolya. pdf

неотъемлемых функций управления, позволяющий сопоставить фактический результат управленческой деятельности с желаемым, выявить недостатки и их причины[13] и т. д. При этом, например, в Федеральном законе о государственном контроле (надзоре), регулирующем сферу контрольно-надзорной деятельности, понятия «контроль» и «надзор» отождествляются. Вместе с тем в настоящей статье мы не ставим перед собой задачу полного и всестороннего рассмотрения всего многообразия подходов к правовой природе контроля и надзора, делая акценты лишь на некоторых из них, которые позволяют нам научно обосновать указанные понятия применительно к сфере принудительного исполнения исполнительных документов (исполнительное производство).

В исполнительном производстве предусмотрены различные виды контроля (надзора), например, судебный контроль, прокурорский надзор, контроль за принудительным исполнением судебных актов, актов других органов и должностных лиц, осуществляемый вышестоящими должностными лицами ФССП России (например, в Федеральном законе от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации»[14] предусмотрен контроль вышестоящих должностных лиц органов принудительного исполнения за принудительным исполнением исполнительных документов (п. 2 ст. 8, п. 2 ст. 9, п. 2 ст. 10). Кроме того, судебные приставы по отдельным исполнительным производствам осуществляют контроль. Например, в Федеральном законе от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»[15] (далее – Закон об исполнительном производстве) понятие «контроль» используется при ведении сводного исполнительного производства главным судебным приставом Российской Федерации (заместителем главного судебного пристава Российской Федерации), главным судебным приставом субъекта (заместителем главного судебного пристава субъекта) Российской Федерации или старшим судебным приставом по месту ведения сводного исполнительного производства (ч. 2 ст. 34), а также при исполнении судебным приставом-исполнителем исполнительных документов, содержащих отдельные требования в отношении должников (например, исполнение судебного штрафа, назначенного в качестве меры уголовно-правового характера (ч. 3 ст. 103^1); исполнение содержащегося в исполнительном документе требования об административном приостановлении деятельности должника (ст. 109); исполнение содержащегося в исполнительном документе требования об отбывании обязательных работ (ст. 109^2), а также вправе проводить проверки по исполнению исполнительных документов не только в случае принудительного исполнения ими исполнительных документов, но и их исполнения иными лицами. В этой связи возникает вопрос о правовой природе контроля и указанных проверок, осуществляемых в рамках исполнительного производства судебными приставами-исполнителями.

Как отмечено выше, деятельность по исполнению судебных актов, актов других органов и должностных лиц не подпадает под действие Федерального закона о государственном контроле (надзоре). Правоотношения, связанные с осуществлением судебным приставом-исполнителем контроля в процессе принудительного исполнения исполнительных документов, регламентируются нормами законодательства РФ об исполнительном производстве. Следует также учитывать, что в Законе об исполнительном производстве понятие «надзор» не используется. С учетом этого в настоящей статье объектом исследования будут не только правоотношения, возникающие в процессе осуществления должностными лицами органов принудительного исполнения контроля и исполнительных действий, связанных с проведением проверок в отношении лиц, участвующих в исполнительном производстве, но и соотношение указанных действий с надзором. Такой подход позволит обосновать необходимость введения в исполнительное производство контроля или прийти к выводу о том, что в исполнительном производстве следует использовать понятие «надзор».

В указанных целях обратимся к признакам контроля, к которым в юридической науке большинство юристов относят следующие: наличие отношений подчиненности между контролирующим и контролируемым лицом[16]; характе-

[13] См.: *Страшун Б. А.* Конституционное право зарубежных стран : учебник. М., 1996. С. 304.

[14] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 30. Ст. 3590.

[15] См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.

[16] См: Административное право : учебник / под ред. Ю. М. Козлова. М. : Юрид. лит., 1968. С. 289.

ризуется проверкой не только законности, но и обоснованности поведения подконтрольного объекта, в ходе которой допускается вмешательство в оперативно-хозяйственную деятельность подконтрольных объектов (органов, организаций и граждан)[17].

Представляется, что для полной и всесторонней оценки контрольно-надзорной деятельности в исполнительном производстве указанных признаков недостаточно. Следует также учитывать и другие признаки, на которые обращено внимание в юридической науке при исследовании правовой природы не только контроля, но и надзора. Например, при квалификации административного надзора юристы выделяют и такой признак, как возможность самостоятельного применения мер административного принуждения в случае обнаружения правонарушений или возникновения угроз безопасности различным объектам, а также строгое ограничение данных мер принуждения правовыми рамками, наличием юрисдикционных полномочий[18]. Так, Ю. М. Козлов указывал на юридические последствия контрольной и надзорной деятельности – для контроля характерно применение дисциплинарной ответственности и возможность отмены правовых актов подведомственных организаций (должностных лиц), а для надзора – применение мер административного принуждения (предупредительных, пресекательных, наказательных)[19].

Хотелось бы обратить внимание, что в исполнительном производстве используются меры административного принуждения, позволяющие в случае невыполнения законных требований судебного пристава-исполнителя, а также воспрепятствования осуществлению судебным приставом-исполнителем функций по исполнению исполнительных документов привлекать к ответственности, предусмотренной законодательством Российской Федерации.

В Законе об исполнительном производстве содержится комплекс различных проверочных действий, которые судебный пристав-исполнитель вправе осуществлять в целях полного, правильного и своевременного исполнения требований, содержащихся в исполнительном документе. Например, в процессе исполнения исполнительного документа судебный пристав-исполнитель проверяет полномочия представителей организации (ч. 2^1 ст. 54), проверяет документы, удостоверяющие личность гражданина, если имеются основания полагать, что он и (или) его имущество находятся в розыске или он удерживает ребенка, находящегося в розыске, осуществляет отождествление личности (ч. 10 ст. 65) и др. При этом наравне с указанными действиями в Законе об исполнительном производстве предусмотрены проверки по исполнению исполнительных документов, являющихся исполнительными действиями (п. 3 и 16 ч. 1 ст. 64). Например, в указанном перечне содержатся отдельные мероприятия, связанные с проведением проверки финансовых документов, по исполнению исполнительных документов (п. 3 ч. 1 ст. 64 Закона об исполнительном производстве), а также проверки правильности удержания и перечисления денежных средств по судебному акту, акту другого органа или должностного лица, а также правильности списания с лицевого счета должника в системе ведения реестра и счетах депо в депозитариях, открытых профессиональным участником рынка ценных бумаг, и зачисления на лицевой счет или счет депо взыскателя эмиссионных ценных бумаг по заявлению взыскателя или по собственной инициативе. Одновременно проверка также предусмотрена в ст. 12 Федерального закона № 118-ФЗ, согласно которой судебный пристав-исполнитель вправе проводить у работодателей проверку исполнения исполнительных документов на работающих у них должников и ведения финансовой документации по исполнению указанных документов.

При рассмотрении данных проверок следует учитывать, что в юридической литературе проверку рассматривают как самостоятельную административно-процессуальную форму государственного контроля и надзора (контрольно-надзорная проверка), которая представляет собой комплекс осуществляемых в отношении конкретного юридического лица, индивидуального предпринимателя, иной организации или иного физического лица действий и решений уполномоченных должностных лиц органов государственного контроля и надзора аккредитованных экспертов, экспертных организаций

[17] См.: *Россинский Б. В., Старилов Ю. Н.* Указ. соч. С. 527.

[18] См.: *Попов Л. Л., Мигачев Ю. И., Тихомиров С. В.* Административное право России : учебник. М. : Проспект, 2010. 752 с. С. 393 ; *Братановский С. Н.* Указ. соч.

[19] См.: *Козлов Ю. М.* Административное право. М. : Юристъ, 2005. С. 543–544.

по оценке соответствия осуществляемых проверяемыми организациями и физическими лицами деятельности или действий (бездействия) и (или) используемых ими производственных объектов, производимых или реализуемых ими товаров, иных результатов их деятельности обязательным требованиям[20]. В свою очередь, применительно к исполнительному производству указанные проверки нельзя рассматривать в отрыве от самого процесса исполнения судебным приставом-исполнителем исполнительных документов, и в совокупности с другими исполнительными действиями они позволяют решать задачи исполнительного производства – правильно и своевременно исполнить исполнительный документ.

На примере отдельных исполнительных производств, в которых в Законе об исполнительном производстве предусмотрен контроль, рассмотрим исполнительные действия, связанные с проверками. Так, например, при исполнении судебного штрафа, назначенного в качестве меры уголовно-правового характера, контроль за исполнением судебного штрафа лицом, которому эта мера назначена, возлагается на судебного пристава-исполнителя (ч. 3 ст. 103[1] Закона об исполнительном производстве). Однако данная функция по контролю фактически сводится к установлению судебным приставом-исполнителем только факта уплаты лицом, которому эта мера назначена, судебного штрафа в полном объеме в указанный в федеральном законе срок. При этом за пределами данной проверки остается вопрос о причинах неисполнения требований, содержащихся в исполнительном документе, указанным лицом в целях дальнейшего привлечения его к административной ответственности. В юридической литературе высказываются отрицательные взгляды на указанную функцию по осуществлению контроля судебным приставом-исполнителем. Например, О. В. Борисова указала на некорректное определение функции судебного пристава-исполнителя по контролю за исполнением судебного штрафа лицом, которому эта мера назначена, и терминологическую ошибку[21]. Данные выводы автор делает, основываясь на основных задачах органов принудительного исполнения, предусмотренных в законодательстве Российской Федерации об исполнительном производстве, – организация и осуществление принудительного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц. Кроме того, хотелось бы также отметить позицию М. Ю. Юсупова, согласно которой нет никакой необходимости в возложении на судебного пристава-исполнителя не свойственной ему функции контроля за исполнением условной меры, каковой является судебный штраф[22].

Можно согласиться с указанными выше позициями, поскольку, на наш взгляд, в рамках рассматриваемого исполнительного производства нивелируется функция по принудительному исполнению, осуществляемая непосредственно судебным приставом-исполнителем. В частности, после возбуждения исполнительного производства по исполнительному документу об уплате судебного штрафа, назначенного в качестве меры уголовно-правового характера, судебный пристав-исполнитель не вправе применять меры принудительного исполнения судебного штрафа и совершать какие-либо другие исполнительные действия в целях его исполнения. Вместо этого судебный пристав-исполнитель осуществляет контроль за его исполнением лицом, уплачивающим штраф, который заключается в том, что судебный пристав-исполнитель при поступлении от лица, уплачивающего судебный штраф, сведений о его выплате в полном объеме выносит постановление об окончании исполнительного производства и направляет его копию в суд. В свою очередь, в случае, если до истечения 10 календарных дней со дня окончания срока уплаты к судебному приставу-исполнителю не поступили указанные сведения, то он направляет в суд представление об отмене судебного штрафа.

Придерживаясь мнения о том, что контроль является системой наблюдения и проверки подконтрольных объектов (проверки исполнения принимаемых решений), проведение которых позволяет выявить недостатки в управленческой деятельности и устранить их причины, можно сделать вывод, что в действиях судебного пристава-исполнителя по контролю не находят сво-

[20] См.: Гармонизация судебной реформы с реформой государственного контроля и надзора : актуальные проблемы теории и практики : монография / А. И. Стахов [и др.]. М. : РГУП, 2019. С. 153.

[21] См.: *Борисова О. В.* Правовое регулирование исполнения штрафа // Lex russica. 2017. № 9. С. 86–92.

[22] См.: *Юсупов М. Ю.* Исполнение судебного штрафа : вопросы правового регулирования и правоприменительной практики // Администратор суда. 2019. № 3. С. 16–20.

его должного отражения рассматриваемые сущностные признаки контроля. Так, данная функция по контролю фактически сводится к установлению судебным приставом-исполнителем факта уплаты лицом, которому эта мера назначена, судебного штрафа в полном объеме в указанный в федеральном законе срок. При этом в Законе об исполнительном производстве не предусматривается проведение судебным приставом-исполнителем каких-либо проверочных действий, в том числе указанных в п. 3 ч. 1 ст. 64 Закона об исполнительном производстве, поскольку, как выше нами отмечено, в рамках рассматриваемого исполнительного производства не требуется создание условий для применения мер принудительного исполнения, а равно на понуждение должника к полному, правильному и своевременному исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе.

При исполнении указанного исполнительного документа судебный пристав-исполнитель не применяет меру административного принуждения – привлечение к административной ответственности лица за неисполнение судебного штрафа, а также не взыскивает исполнительский сбор, который является санкцией (мерой административной ответственности) за неисполнение исполнительного документа, выдаваемого судами и другими уполномоченными органами[23]. Данное положение объясняется тем, что срок для добровольного исполнения судебным приставом-исполнителем не устанавливается, поскольку срок для уплаты судебного штрафа устанавливается судом в постановлении о прекращении уголовного дела.

С учетом изложенного в рассматриваемом исполнительном производстве судебный пристав-исполнитель не осуществляет «контроль» за исполнением судебного штрафа лицом, которому эта мера назначена, а также не совершает исполнительных действий, входящих в этот контроль. По нашему мнению, в данном случае вместо контроля правильно вести речь об отдельном действии по проверке уплаты судебного штрафа в установленный срок, что следует учесть в ч. 3 ст. 103[1] Закона об исполнительном производстве.

При административном приостановлении деятельности временно прекращается деятельность юридических лиц, их филиалов, представительств, структурных подразделений, производственных участков, а также эксплуатация агрегатов, объектов, зданий или сооружений, отдельные виды деятельности (работ), оказание услуг. При этом меры по обеспечению исполнения указанных в постановлении суда мероприятий применяются судебными приставами-исполнителями и выбираются ими самостоятельно (например, наложение пломб, опечатывание помещений, мест хранения товаров и иных материальных ценностей и др.)[24].

В Законе об исполнительном производстве прямо не указывается на контроль или надзор. В отношении рассматриваемого вида исполнения в юридической литературе имеется позиция, что после принятия мер, направленных на фактическое приостановление деятельности, должностное лицо органов принудительного исполнения обязан осуществлять постоянный контроль исполнения должником возложенных на него ограничений, который выражается в том, чтобы проводить регулярные выходы по адресам объектов, деятельность которых приостановлена, с целью проверки сохранности наложенных ранее печатей и пломб для исключения случаев возобновления должником деятельности до окончания срока административного приостановления с процессуальным оформлением действий в виде акта о совершении исполнительных действий[25]. В целом, следует согласиться с высказанным в научной литературе мнением, поскольку применение судебным приставом-исполнителем постоянного контроля исполнения должником указанных требований, на наш взгляд, является единственно возможным способом проверки исполнения требований об административном приостановлении деятельно-

[23] См.: По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества «Разрез “Изыхский”» : постановление Конституционного Суда РФ от 30 июля 2001 г. № 13-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 32. Ст. 3412 ; Российская газета. 2001. 8 авг. ; Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 6.

[24] См.: О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 // Российская газета. 2005. 19 апр. ; Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.

[25] См.: Исполнительное производство : учебник / К. Л. Брановицкий, Д. В. Бурачевский, В. В. Долганичев [и др.] ; под общ. ред. В. В. Яркова. М. : Статут, 2020. 576 с.

сти должника. В то же время возникает вопрос о том, насколько правильно в рассматриваемом случае вести речь о постоянном контроле.

При исполнении указанных требований судебный пристав-исполнитель проводит проверку исполнения исполнительного документа в отношении лиц (должников), которые организационно не подчинены органам принудительного исполнения. Кроме того, одним из признаков административного надзора является связь его с административным принуждением. Принимая во внимание данный признак, следует учитывать, что при исполнении указанного исполнительного документа судебный пристав-исполнитель в случае возобновления должником деятельности до окончания срока ее административного приостановления вправе применить к должнику меры, предусмотренные Законом об исполнительном производстве, и составить в отношении должника протокол об административном правонарушении в соответствии с КоАП РФ (ч. 4 ст. 109 Закона об исполнительном производстве).

Судебный пристав-исполнитель, исполнив требование, содержащееся в исполнительном документе, по административному приостановлению деятельности путем наложения пломб, опечатывания помещений, мест хранения товаров и иных материальных ценностей и др., не оканчивает исполнительное производство. После применения мер, направленных на административное приостановление деятельности, судебный пристав-исполнитель вправе провести проверку, в ходе которой им могут быть совершены надзорные исполнительные действия (например, осмотр, получение письменных объяснений), проводимые с целью предупреждения (воспрепятствование возобновлению деятельности), выявления и пресечения правонарушений, восстановления установленного режима административного приостановления и привлечения виновных лиц к административной ответственности.

С учетом изложенного можно сделать вывод, что в процессе исполнения содержащегося в исполнительном документе требования об административном приостановлении деятельности должника судебный пристав-исполнитель совершает действия, которые в своей совокупности содержат признаки надзора, цель которого – исключить возможность возобновления должником деятельности до окончания срока административного приостановления.

При исполнении содержащегося в исполнительном документе требования об отбывании обязательных работ (ст. 109^2 Закона об исполнительном производстве) судебный пристав-исполнитель контролирует поведение должника при отбывании обязательных работ, соблюдение им трудовой дисциплины, количество часов, отработанных должником, путем посещения организации, в которую должник направлен для отбывания обязательных работ, или получения информации из такой организации. В рамках данного исполнительного производства судебный пристав-исполнитель проводит проверку, указанную в ст. 64 Закона об исполнительном производстве, – проверку по исполнению исполнительных документов, цель которой в рассматриваемом случае – понудить должника к полному, правильному и своевременному исполнению требований, содержащихся в исполнительном документе. В ходе данной проверки указанное должностное лицо вправе совершать действия, которые, по сути, являются надзорными действиями, позволяющими ему применять меры административного принуждения с целью привлечения должника к административной ответственности в случае уклонения должника от отбывания обязательных работ (ч. 4 ст. 20.25 КоАП). При этом судебный пристав-исполнитель вправе также привлечь к административной ответственности организацию, в которую должник направлен для отбывания обязательных работ (ч. 3 ст. 17.14, ч. 11 ст. 32.13 КоАП)[26].

По результатам рассмотрения указанных исполнительных производств выявлено, что исполнительные действия, направленные на проверку соблюдения требований законодательства Российской Федерации об исполнительном производстве должниками и иными лицами, участвующими в исполнительном производстве, являются по своей природе надзорными действиями. С учетом того, что указанные действия совершаются в рамках исполнительного производства, условно их можно объединить под общим понятием «исполнительный надзор», который, по нашему мнению, представляет собой совокупность исполнительных действий по про-

[26] Подробнее о юрисдикционных полномочиях судебного пристава-исполнителя и особенностях регулирования процедур исполнения административного наказания в виде обязательных работ см.: *Кирин А. В.* Административно-деликтное право : учебник. М. : Издат. дом Высшей школы экономики, 2023. С. 330, 481–483, 498–499.

верке законности действий (бездействия) лиц, участвующих в исполнительном производстве, совершаемых должностным лицом, ведущим исполнительное производство, в целях своевременного и полного исполнения требований, содержащихся в судебных актах, актах других органов и должностных лиц.

Библиографический список

Административное право : учебник / под ред. Ю. М. Козлова. М. : Юрид. лит., 1968. 576 с.

Бабай А. Н., Пархоменко А. Г. Административное право : лекции. М. : МПСУ ; Воронеж : МОДЭК, 2012. 456 с.

Бахрах Д. Н. Административное право России : учеб. для вузов. М. : Норма, 2000. 640 с.

Борисова О. В. Правовое регулирование исполнения штрафа // Lex russica. 2017. № 9. С. 86–92.

Братановский С. Н. Административное право. Общая часть : учебник. М. : Директ-Медиа, 2013. 921 с.

Виды государственного контроля в Российской Федерации / Гос. Дума Федер. Собр. Рос. Федерации. 2013. URL: http://www.duma.gov.ru/analytics/publication-of-legal-department/2013/Vidy_gos_kontrolya. pdf

Воронов А. М. Контроль и надзор в системе мер обеспечения законности государственного администрирования в сфере экономики // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2019. № 1. С. 83–88.

Гармонизация судебной реформы с реформой государственного контроля и надзора : актуальные проблемы теории и практики : монография / А. И. Стахов [и др.]. М. : РГУП, 2019. 282 с.

Исполнительное производство : учебник / К. Л. Брановицкий, Д. В. Бурачевский, В. В. Долганичев [и др.] ; под общ. ред. В. В. Яркова. М. : Статут, 2020. 576 с.

Кирин А. В. Административно-деликтное право : учебник. М. : Издат. дом Высшей школы экономики, 2023. 544 с.

Козлов Ю. М. Административное право. М. : Юристъ, 2005..

Кудилинский М. Н. Контроль как вид государственно-управленческой деятельности. Соотношение понятий «контроль» и «надзор» // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 8. С. 47–53

Лещина Э. Л., Магденко А. Д. Административно-процессуальное право : курс лекций. М. : Рос. гос. ун-т правосудия, 2015. 310 с.

Общее административное право : учебник : в 2 ч. / под ред. Ю. Н. Старилова ; Воронежский государственный университет. 2-е изд., пересм. и доп. Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2016. 760 с.

Овсянко Д. М. Административное право : учеб. пособие / под ред. Г. А. Туманова. М. : Юристъ, 1997.

Попов Л. Л., Мигачев Ю. И., Тихомиров С. В. Административное право России : учебник. М. : Проспект, 2010. 752 с.

Россинский Б. В., Старилов Ю. Н. Административное право : учебник. М. : Норма, 2009. 928 с.

Свирин Ю. А. Теоретические положения о комплексной отрасли исполнительного законодательства и права. М., 2011. 288 с.

Страшун Б. А. Конституционное право зарубежных стран : учебник. М., 1996.

Юсупов М. Ю. Исполнение судебного штрафа : вопросы правового регулирования и правоприменительной практики // Администратор суда. 2019. № 3. С. 16–20.

References

Administrative law : textbook / ed. by Yu. M. Kozlov. Moscow : Jurid. lit., 1968. 576 p.

Babai A. N., Parkhomenko A. G. Administrative law : lectures. Moscow : MPSU ; Voronezh : MODEK, 2012. 456 p.

Bakhrah D. N. Administrative law of Russia : textbook for universities. Moscow : Norma, 2000. 640 p.

Borisova O. V. Legal regulation of the execution of a fine // Lex russica. 2017. No. 9. P. 86–92.

Bratanovskiy S. N. Administrative law. General part : textbook. Moscow : Direct-Media, 2013. 921 p.

Types of State Control in the Russian Federation / State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation The collection grew. Federation. 2013. URL: http://www.duma.gov.ru/analytics/publication-of-legal-department/2013/Vidy_gos_kontrolya. pdf

Voronov A. M. Control and supervision in the system of measures to ensure the legality of public administration in the field of economics // Modern science : actual problems of theory and practice. Series: Economics and Law. 2019. No. 1. P. 83–88.

Harmonization of judicial reform with the reform of state control and supervision : actual problems of theory and practice : a monograph / A. I. Stakhov [et al.]. Moscow : RGUP, 2019. 282 p.

Enforcement proceedings : textbook / K. L. Branovitsky, D. V. Burachevsky, V. V. Dolganichev [and others] ; under the general editorship of V. V. Yarkov. Moscow : Statute, 2020. 576 p.

Kirin A. V. Administrative and tort law : textbook. Moscow : Publishing House of the Higher School of Economics, 2023. 544 p.

Kozlov Yu. M. Administrative law. Moscow : Jurist, 2005.

Kudilinsky M. N. Control as a type of state management activity. The relationship between the concepts of «control» and «supervision» // Actual problems of Russian law. 2015. No. 8. P. 47–53.

Leshchina E. L., Magdenko A. D. Administrative procedural law : a course of lectures. Moscow : Russian State University of Justice, 2015. 310 p.

General administrative law : textbook : in 2 hours / ed. by Yu. N. Starilov ; Voronezh State University. 2nd ed., revised. and add. Voronezh : VSU Publishing House, 2016. 760 p.

Ovsyanko D. M. Administrative law : textbook. the manual / ed. by G. A. Tumanov. Moscow : Jurist, 1997.

Popov L. L., Migachev Yu. I., Tikhomirov S. V. Administrative law of Russia : textbook. Moscow : Prospekt, 2010. 752 p.

Rossinsky B. V., Starilov Yu. N. Administrative law : textbook. Moscow : Norm, 2009. 928 p.

Svirin Yu. A. Theoretical provisions on the complex branch of executive legislation and law. Moscow, 2011. 288 p.

Strashun B. A. Constitutional law of foreign countries : textbook. Moscow, 1996.

Yusupov M. Y. Execution of a court fine : issues of legal regulation and law enforcement practice // Court administrator. 2019. No. 3. P. 16–20.

Правовое управление Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации

Селионов И. В., советник, государственный советник Российской Федерации 3 класса

E-mail: selionov-i@yandex.ru

Поступила в редакцию: 20.05.2025

Для цитирования:

Селионов И. В. Исполнительный надзор в исполнительном производстве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 193–201. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/193-201

Legal Department of the Office of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation

Selionov I. V., Counselor, State Counselor of the Russian Federation, 3rd class

E-mail: selionov-i@yandex.ru

Received: 20.05.2025

For citation:

Selionov I. V. Enforcement supervision in enforcement proceedings // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 3 (62). P. 193–201. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/193-201

УДК 342.9
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/202-207

ПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ БАЗЫ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Д. В. Гриценко
Воронежский государственный университет

ADMINISTRATIVE OFFENSES PROCEEDINGS AS A WAY OF FORMING THE EVIDENCE BASE IN A CRIMINAL CASE

D. V. Gritsenko
Voronezh State University

Аннотация: в связи с введением уголовной ответственности за преступления с административной преюдицией анализируется применение в рамках одного дела процессуальных норм, предусмотренных КоАП РФ и УПК РФ. Акцентируется внимание на пробелах в правовом регулировании данными кодексами вопроса, связанного с передачей материалов дела об административном правонарушении в следственный орган (орган дознания), предлагаются варианты устранения выявленных пробелов посредством внесения изменений в соответствующие нормативно-правовые акты.
Ключевые слова: производство по делам об административных правонарушениях, административные правонарушения, административная преюдиция, уголовные дела, итоговое решение, уголовно-процессуальный закон.

Abstract: the article analyzes, in connection with the introduction of criminal liability for crimes with administrative prejudice, the application of procedural norms provided for by the Administrative Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in a single case. Attention is focused on the gaps in the legal regulation by these Codes of the issue related to the transfer of materials of an administrative offense case to an investigative body (body of inquiry), and ways are proposed to eliminate the identified gaps by making changes to the relevant regulatory legal acts.
Key words: administrative offense proceedings, administrative offenses, administrative prejudice, criminal cases, final decision, criminal procedure law.

Определяя задачи производства по делам об административных правонарушениях, законодатель обозначил необходимость полного, объективного и всестороннего выяснения обстоятельств каждого дела и разрешения его в соответствии с законом (ст. 24.1 КоАП РФ)[1]. Исчерпывающий перечень решений, принимаемых по результатам рассмотрения дела об административном правонарушении, закреплен в ст. 29.9 КоАП РФ. По своему характеру и правовым последствиям указанные решения можно распределить на несколько групп.

Первая (и основная) группа – итоговые решения, которыми дело разрешается по существу и после вступления, в силу которых производство по делу считается оконченным.

К данной группе относятся решения:

1) о назначении административного наказания;

2) о прекращении производства по делу об административном правонарушении в связи с:

[1] См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.- правовой системы «КонсультантПлюс».

© Гриценко Д. В., 2025

– отсутствием состава или события административного правонарушения;

– крайней необходимостью;

– изданием акта амнистии;

– декриминализацией деяния;

– истечением сроков давности;

– освобождением от ответственности в соответствии с примечанием к статье Особенной части КоАП РФ;

– смертью физического лица или ликвидацией юридического лица, привлекаемых к ответственности.

Данные решения исключают дальнейшее производство по делу, которое может быть возобновлено только после их отмены в установленном законом порядке.

Ко второй группе можно отнести промежуточные решения, которые не разрешают дело по существу и после их принятия, производство по делу продолжается.

К таким решениям относятся:

1) передача дела судье, в орган, должностному лицу, уполномоченным назначать административные наказания иного вида или размера либо применять иные меры воздействия;

2) передача дела на рассмотрение по подведомственности, если выяснено, что рассмотрение дела не относится к компетенции рассмотревших его судьи, органа, должностного лица.

В результате принятия таких решений происходит лишь замена лица, рассматривающего дело.

Очевидно, учитывая правовые последствия данных решений, в первом случае они принимаются в форме постановления, во втором – определения.

Однако ст. 29.9 КоАП РФ предусмотрена возможность принятия решения, которое невозможно отнести ни к одной из вышеперечисленных групп. Так, в соответствии с п. 3 ч. 1.1 ст. 29.9 КоАП РФ производство по делу подлежит прекращению, материалы – передаче в орган предварительного следствия или в орган дознания в случае, если в действиях (бездействии) содержатся признаки преступления. Такое решение принимается в форме постановления, но при этом его сложно отнести к итоговым по следующим причинам.

1. Прекращение производства на основании п. 3 ч.1.1 ст. 29.9 КоАП РФ не разрешает дело по существу, а лишь меняет процедуру, в рамках которой будет дана правовая оценка действиям лица. Кроме того, наличие данного решения не исключает в дальнейшем возможности привлечения лица к административной ответственности.

Несмотря на то что возможность вынесения постановления о направлении в орган дознания материалов дела была закреплена в КоАП РФ достаточно давно, особую актуальность реализация данного полномочия получила после введения уголовной ответственности по ст. 264.1 УК РФ[2].

2. С момента вступления в силу соответствующих изменений управление транспортным средством (далее – ТС) лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутым административному наказанию за управление ТС в состоянии опьянения (за совершение административного правонарушения или преступления) или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения стало уголовно наказуемым деянием.

При этом, согласно примечанию к ст. 264.1 УК РФ, к лицам, находящимся в состоянии опьянения, относится в том числе водитель, отказавшийся от выполнения законных требований уполномоченного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения.

По мнению О. С. Капинус, указанный состав преступления имеет специфический статус субъекта преступления – его административную наказанность[3].

Л. А. Прохоров, Д. В. Собин и Е. А. Шаманова считают, что «созданный законодателем институт административно-криминообразующего рецидива выполняет, таким образом, криминообразующую роль: совершенное административное правонарушение при его рецидиве лежит в основе формирования соответствующего состава преступления, что при совершении последнего влечет уголовную ответственность»[4].

---

[2] См.: Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] См.: *Капинус О. С.* Административная преюдиция в уголовном праве : проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 5.

[4] *Прохоров Л. А., Собин Д. В., Шаманова Е. А.* Административно-правовой рецидив в ракурсе противодействия дорожно-транспортным преступлениям (статьи 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ) // Российский следователь. 2024. № 12. С. 34–38.

Таким образом, к уголовной ответственности по ст. 264.1 УК РФ привлекается лицо, ранее подвергавшееся наказанию за управление ТС в пьяном состоянии (или за отказ от медосвидетельствования), в случае если оно:

– управляло ТС в состоянии опьянения;

– отказалось от прохождения медицинского освидетельствования.

Сформировавшаяся правоприменительная практика ст. 264.1 УК РФ свидетельствует, что в подавляющем большинстве случаев факт управления ТС в состоянии опьянения лицом, подвергнутым наказанию по вышеуказанным основаниям, выявляется сотрудниками ГИБДД. Редким исключением из данного правила являются ситуации, когда такое лицо стало участником (но не виновником) ДТП, в результате которого наступили последствия, предусмотренные ст. 264 УК РФ. Выявление фактов отказа лиц, предусмотренных ст. 264.1 УК РФ, от прохождения медицинского освидетельствования возможно исключительно сотрудниками ГИБДД в рамках производства по делу об административном правонарушении, поскольку только указанные должностные лица вправе предъявить водителю требование о прохождении соответствующего освидетельствования.

Активизация применения положений п. 3 ч. 1.1 ст. 29.9 КоАП РФ выявила определенные пробелы в действующем законодательстве, существенно осложняющих процедуру передачи материалов дела об административном правонарушении в орган дознания.

Как уже было отмечено выше, вынесение постановления в порядке п. 3 ч. 1.1 ст. 29.9 КоАП РФ является итоговым решением и принимается по результатам рассмотрения дела. Соответственно, правом принятия такого решения обладает должностное лицо, орган или судья, уполномоченный на рассмотрение соответствующей категории дел. В силу требований ст. 23.1 КоАП РФ правом рассмотрения дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 12.8, 12.26 КоАП РФ, устанавливающих ответственность за управление ТС в состоянии алкогольного опьянения и за отказ от прохождения медицинского освидетельствования, наделены мировые судьи и судьи военных судов.

Прекращение дела об административном правонарушении до направления его на рассмотрение по существу, согласно ст. 28.9 КоАП РФ, возможного только при наличии обстоятельств, предусмотренных ст. 24.5 КоАП РФ, к числу которых обстоятельства, предусмотренные п. 3 ч. 1.1 ст. 29.9 КоАП РФ, не относятся.

По мнению О. В. Панковой «судья, рассматривающий дело об административном правонарушении, не вправе возбудить производство по уголовному делу в связи с выявленными им признаками преступления, так как это противоречит природе процессуальной функции судьи в административно-юрисдикционном процессе, которая не совместима ни с обвинением, ни с защитой. Судья должен прекратить производство по делу на основании п. 3 ч. 1.1 ст. 29.9 КоАП РФ и передать материалы дела прокурору, в орган предварительного следствия или в орган дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Только таким образом судья, действуя в рамках предоставленных ему полномочий, может реагировать на законный повод к возбуждению уголовного дела»[5].

Поэтому решение, предусмотренное п. 3 ч. 1.1 ст. 29.9 КоАП РФ в отношении лица, в действиях которого усматриваются признаки преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, исходя из буквального толкования положений КоАП РФ, должно быть принято судьей. Однако сведения о водителе (в том числе в части данных о привлечении к административной и уголовной ответственности), как правило, известны должностному лицу ГИБДД до момента составления протокола об административном правонарушении, в связи с чем в данном случае, на наш взгляд, производство по делу об административном правонарушении должно быть прекращено до направления дела на рассмотрение по существу. При этом действующее законодательство такой возможности прямо не предусматривает.

В связи с изложенным выше представляется целесообразным включение обстоятельств, предусмотренных п. 3 ч. 1.1 ст. 29.9 КоАП РФ, в перечень оснований, позволяющих должностному лицу прекратить производство по делу об административном правонарушении до его направления на рассмотрение по существу (ст. 24.5 КоАП РФ).

Практика применения положений ст. 264.1 УК РФ выявила несовершенство не только законодательства об административных право-

[5] *Панкова О. В.* Правосудие по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции : монография. М. : Статут, 2023. С. 301.

нарушениях, но и уголовного-процессуального закона.

В соответствии со ст. 140 УПК РФ поводами для возбуждения уголовного дела являются:

– заявление о преступлении;

– явка с повинной;

– сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников;

– постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Постановление должностного лица или судьи в число поводов для возбуждения уголовного дела не включено.

В то же время очевидно, что целью вынесения постановления в порядке п. 3 ч. 1.1 ст. 29.9 КоАП РФ является обеспечение принципа неотвратимости наказания посредством дальнейшего привлечения лица, допустившего нарушение закона, к уголовной ответственности, что без принятия решения о возбуждении уголовного дела невозможно. Постановление должностного лица (судьи), вынесенное в соответствии с п. 3 ч. 1.1 ст. 29.9 КоАП РФ, по своему правовому характеру идентично постановлению прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, которое отнесено законодателем к числу поводов для возбуждения уголовного дела.

Отмеченный пробел в уголовно-процессуальном законе устраняется должностными лицами органа дознания (в который поступили материалы дела об административном правонарушении, переданные в порядке п. 3 ч. 1.1 ст. 29.9 КоАП РФ) посредством написания рапорта об обнаружении признаков преступления. Однако подготовка соответствующего рапорта в силу требований ст. 143 УПК РФ возможна только в случае получения сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников (информация из медицинского учреждения об обращении за помощью лица с травмой, имеющей криминальный характер происхождения и т. д.). Применение положений ст. 143 УПК РФ к процессуальному документу: постановлению должностного лица (судьи), вынесенному в соответствии с п. 3 ч. 1.1 ст. 29.9 КоАП РФ, равно как и к постановлению прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, – уголовно-процессуальный закон не допускает.

В связи с этим представляется необходимым включение в перечень поводов к возбуждению уголовного дела (ст. 140 УПК РФ) постановления, вынесенного в порядке п. 3 ч. 1.1 ст. 29.9 КоАП РФ.

Проанализировав философские аспекты, программирования, а также положения юридической доктрины, М. А. Простосердов, выделяет два признака, характерных для дефектов в норме права: формальный и материальный. Первый «носит правовой характер, заключается в нарушении, неисправной работе какого-либо элемента правового регулирования и представляет собой выраженное в законе нарушение юридической техники», второй – «влечет либо способен повлечь негативные и нежелательные последствия, которые не были запроектированы при конструировании конкретной нормы»[6].

Следует отметить, что нормы Конституции РФ, с учетом конституционных новелл 2020 г., содержат огромный потенциал для формирования общих основ государственной политики, а также отдельных ее видов, в том числе административно-правовой и уголовной политики.

Раскрывая проблемы административного права и процесса, Ю. Н. Старилов выделяет главный аспект правовой политики в сфере административных и административных публичных правоотношений, направленный на проведение уравновешенной (сбалансированной) работы «по достижению целей и решению задач совершенствования механизма правового регулирования»[7].

Н. Г. Кадников справедливо указывает на целесообразность соответствия проводимой уголовной политики «новым задачам», при этом он особо подчеркивает, чтобы уголовная политика «не отражала бы пренебрежение к охране важнейших ценностей»[8].

---

[6] См.: *Простосердов М. А.* Понятие, признаки и причины возникновения дефектов в санкциях уголовно-правовых норм в УК РФ // Российское правосудие. 2023. № 6. С. 80.

[7] *Старилов Ю. Н.* Консерватизм правовой политики как гарантия прогресса в сфере административных и иных публичных правоотношений // Административное право и процесс. 2023. № 6. С. 16.

[8] *Кадников Н. Г.* К вопросу о конституционных основах современной уголовной политики // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 6. С. 91.

Представляется, что решение вопроса о передаче материалов дела об административном правонарушении в следственный орган (орган дознания) относится к сфере действия и административно-правовой и уголовной политике и в конечном счете является «новой» задачей.

Необходимость внесения изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовно-процессуальный кодекс РФ вытекает и из того, что в настоящее время на дорогах России достаточно много таких водителей, для которых штраф за нарушение правил дорожного движения является платой за проезд. Так, «водитель г. Каспийска был привлечен к уголовной ответственности по ст. 267.1 УК РФ за совершение из хулиганских побуждений действий, угрожающих безопасной эксплуатации ТС. В ходе следствия было установлено, что у данного водителя имелось 600 штрафов за год...»[9]. И таких водителей, имеющих средства для оплаты штрафов и считающих, что правила дорожного движения не для них, в России достаточное количество. Возможно, что в отношении них будут возбуждаться уголовные дела в дальнейшем за преступления с административной преюдицией, например за неуплату штрафов, т. е. когда у водителя имеется несколько неоплаченных штрафов, допустим, на сумму более 40 тысяч рублей, а правонарушитель уклоняется от уплаты штрафов.

Можно сделать вывод, что введение уголовной ответственности за преступления с административной преюдицией повлекло за собой необходимость применения в рамках одного дела процессуальных норм, предусмотренных КоАП РФ и УПК РФ, что позволило выявить пробелы в правовом регулировании данными кодексами вопроса, связанного с передачей материалов дела об административном правонарушении в следственный орган (орган дознания), требующие устранения посредством внесения изменений в соответствующие нормативно-правовые акты.

[9] *Баршев В.* Средство от лихачества // Российская газета. 2025. 15 янв. № 6 (9545). С. 5.

Библиографический список

Баршев В. Средство от лихачества // Российская газета. 2025. 15 янв. № 6 (9545). С. 5.

Кадников Н. Г. К вопросу о конституционных основах современной уголовной политики // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 6. С. 89–96.

Капинус О. С. Административная преюдиция в уголовном праве : проблемы теории и практики // Журнал российского права. 2019. № 6. С. 78–86.

Панкова О. В. Правосудие по делам об административных правонарушениях в судах общей юрисдикции : монография. М. : Статут, 2023. 450 с.

Простосердов М. А. Понятие, признаки и причины возникновения дефектов в санкциях уголовно-правовых норм в УК РФ // Российское правосудие. 2023. № 6. С. 77–83.

Прохоров Л. А., Собин Д. В., Шаманова Е. А. Административно-правовой рецидив в ракурсе противодействия дорожно-транспортным преступлениям (статьи 264.1, 264.2, 264.3 УК РФ) // Российский следователь. 2024. № 12. С. 34–38.

Старилов Ю. Н. Консерватизм правовой политики как гарантия прогресса в сфере административных и иных публичных правоотношений // Административное право и процесс. 2023. № 6. С. 15–33.

References

Barshev V. A remedy for daredevilism // Russian paper. 2025. January 15. No. 6 (9545). P. 5.

Kadnikov N. G. On the constitutional foundations of modern criminal policy // Journal of Russian Law. 2023. Vol. 27. No. 6. P. 89–96.

Kapinus O. S. Administrative prejudice in criminal law : problems of theory and practice // Journal of Russian Law. 2019. No. 6. P. 78–86.

Pankova O. V. Justice in cases of administrative offenses in courts of general jurisdiction : a monograph. Moscow : Statute, 2023. 450 p.

Prostoserdov M. A. The concept, signs and causes of defects in the sanctions of criminal law norms in the Criminal Code of the Russian Federation // Russian Justice. 2023. No. 6. P. 77–83.

Prokhorov L. A., Sobin D. V., Shamanova E. A. Administrative and legal recidivism in the context of countering road traffic crimes (Articles 264.1, 264.2, 264.3 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Russian Investigator. 2024. No. 12. P. 34–38.

Starilov Yu. N. Conservatism of legal policy as a guarantee of progress in the sphere of administrative and other public legal relations // Administrative law and process. 2023. № 6. P. 15–33.

Воронежский государственный университет
Гриценко Д. В., кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса

Поступила в редакцию: 03.04.2025

Для цитирования:
Гриценко Д. В. Производство по делам об административных правонарушениях как способ формирования доказательственной базы по уголовному делу // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 202–207. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/202-207

Voronezh State University
Gritsenko D. V., PhD in Law, Lecturer at the Department of Criminal Procedure

Received: 03.04.2025

For citation:
Gritsenko D. V. Administrative offenses proceedings as a way of forming the evidence base in a criminal case // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 3 (62). P. 202–207. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/202-207

УДК 347.73
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/208-214

ПРОГРЕССИВНОЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ В РОССИИ: ВИДЫ И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

А. В. Красюков
Воронежский государственный университет

PROGRESSIVE TAXATION IN RUSSIA: TYPES AND LEGAL CONSEQUENCES

A. V. Krasyukov
Voronezh State University

Аннотация: рассматривается прогрессивное налогообложение в России в контексте расширения его применения; дается развернутая классификация видов прогрессивного налогообложения в России с использованием различных классификационных критериев. Автор разделяет прогрессивное налогообложение путем взимания одного налога с прогрессивной налоговой ставкой и нескольких налогов, применяемых к одному предмету налогообложения. Анализировано прогрессивное налогообложение, реализуемое посредством использования налоговых льгот и вычетов, имеющих определенные ограничения. Сделан вывод, что последствием расширения применения прогрессивного налогообложения в России будет увеличение попыток налогоплательщиков уклониться от применения повышенных налоговых ставок и иных средств прогрессивного налогообложения.
Ключевые слова: прогрессивный налог, налоговая ставка, налоговая льгота, налоговый вычет, предмет налогообложения, объект налогообложения, уклонение от уплаты налога.

Abstract: progressive taxation in Russia is considered in the context of expanding its application; a detailed classification of types of progressive taxation in Russia using various classification criteria is given. The author distinguishes between progressive taxation by levying one tax with a progressive tax rate and several taxes applied to one subject of taxation. The article analyzes progressive taxation implemented through the use of tax benefits and deductions that have certain limitations. The author concludes that the consequence of the expansion of the application of progressive taxation in Russia will be an increase in attempts by taxpayers to evade the use of higher tax rates and other means of progressive taxation.
Key words: progressive tax, tax rate, tax benefit, tax deduction, taxable item, taxable object, tax evasion.

Прогрессивное налогообложение традиционно связывают с применением прогрессивной налоговой ставки, размер которой увеличивается с возрастанием размера налоговой базы. В связи с этим в самом общем виде прогрессивное налогообложение следует понимать как порядок взимания налога, при котором размер налога, подлежащего уплате, увеличивается при изменении определенной характеристики предмета налогообложения в большую сторону.

Представляется возможным говорить о прогрессивном характере налогообложения применительно к отдельному налогу или сбору либо к системе налогов, взимаемых с одного предмета налогообложения. В качестве примера можно привести систему налогов, взимаемых с доходов в России.

Так, в рамках общей системы налогообложения, как правило, уплачиваются в зависимости от налогоплательщика либо налог на прибыль организаций, либо налог на доходы физических лиц (далее – НДФЛ). При этом разнообразные специальные налоговые режимы, характерные для налоговой системы России, предусматривают освобождение от уплаты вышеуказанных налогов с заменой их на специальный налог на

© Красюков А. В., 2025

доход. Размер такого налога, как правило, меньше налогов на доход, взимаемых в рамках общей системы налогообложения. При этом утрата права на применение специального налогового режима среди прочего практически всегда связана с превышением какого-то уровня дохода.

Следовательно, налогообложение доходов предпринимателей в России очень часто строится именно как прогрессивное: начиная с применения специальных налоговых режимов, они по мере увеличения выручки переходят на общую систему налогообложения. Например, от уплаты налога, уплачиваемого в рамках упрощенной системы налогообложения (6 или 15 %), они вынуждены переходить к уплате налога на прибыль организаций (25 %).

Более того, прогрессивное налогообложение стало побочным эффектом от введения косвенных налогов в рамках специальных налоговых режимов. Так, для УСН и ЕСХН характерно освобождение хозяйственных операций от уплаты НДС только в пределах 60 млн рублей годового дохода. В случае превышения данного уровня дохода налогообложения налогоплательщик обязан уплачивать НДС с каждой реализации товара (работ, услуг), даже если договор был заключен до возникновения обязанности по уплате такого налога. При этом в силу принципа свободы договора контрагент налогоплательщика не обязан подписывать дополнительное соглашение об увеличении цены договора на сумму НДС. Налогоплательщик не освобождается от исполнения принятых на себя обязательств перед контрагентом и обязан заплатить НДС из согласованной ранее цены товара (работы, услуги), не содержащей в себе НДС.

При уплате НДС в рамках описанного выше переходного периода не соблюдается принцип нейтральности уплаты НДС, поскольку источником его уплаты являются средства самого налогоплательщика, а не его контрагента. Тем самым взимание такого НДС приводит к прогрессивному налогообложению доходов налогоплательщика, являющихся источником уплаты данного налога.

Если говорить о прогрессивном характере налогообложения применительно к отдельным налогам (сборам), то прежде всего мы ориентируемся на наличие дифференцированной налоговой ставки, размер которой увеличивается при возрастании налоговой базы. Однако помимо налоговой ставки прогрессивное налогообложение может быть реализовано и за счет иных элементов юридической конструкции налога. В юридической литературе отмечают, что налоговый вычет и налоговая льгота могут являться элементами прогрессивности налогообложения[1].

Действительно, в некоторых случаях законодатель использует налоговые льготы для дифференциации налогового бремени, но в сторону уменьшения. Предоставляя отдельным категориям налогоплательщиков возможность не платить тот или иной налог либо платить его в меньшем размере, закон, на первый взгляд, не ориентирован на повышение налогового бремени. Однако часто налоговые льготы имеют определенные объективные параметры, ограничивающие возможность их применения. Такими ограничителями могут быть:

– срок (например, п. 4 ст. 346.20 НК РФ предусмотрена возможность субъектов РФ установить для отдельных категорий ИП налоговую ставку в размере 0 % в первые два года с момента их первичной регистрации в качестве предпринимателей);

– сумма дохода (например, п. 17.2 и 17.2-1 ст. 217 НК РФ предусмотрено освобождение от налогообложения НДФЛ доходов от реализации принадлежащих налогоплательщику более пяти лет долей в уставном капитале организации, а также некоторых акций и облигаций в сумме не более 50 млн рублей);

– территория (например, ст. 346.20 НК РФ предусмотрена возможность субъектов РФ установить для отдельных категорий налогоплательщиков льготные налоговые ставки).

Если налогоплательщиком будут превышены (нарушены) пределы данного ограничителя, то размер его налогообложения возрастает от 0 % (или льготной налоговой ставки, например, 1 % по УСН) до общей налоговой ставки, установленной для всех налогоплательщиков. Такое повышение уровня налогообложения вполне может быть охарактеризовано как прогрессивное налогообложение.

Аналогичный механизм может быть реализован в процессе налогообложения доходов посредством налоговых вычетов, в отношении которых установлено ограничение их максимальной суммы.

[1] См.: *Морозов Д. В.* Актуальные вопросы прогрессивного налогообложения доходов // Налоги (газета). 2007. № 17. С. 31–32.

Налоговые вычеты по НДФЛ могут иметь ограничение максимальной суммы (например, стандартные или социальные) или не иметь (например, профессиональные). В тех ситуациях, когда законодатель вводит ограничение размера налогового вычета (например, налоговый вычет на долгосрочные сбережения граждан п. 3 ст. 219.2 НК РФ), можно утверждать о том, что в законодательстве предусмотрено прогрессивное налогообложение. Это обусловлено тем, что при превышении максимального размера налогового вычета произойдет увеличение налоговой базы и соразмерное этому увеличение налогообложения.

Следовательно, один лишь факт установления пропорциональной налоговой ставки не может свидетельствовать об отсутствии прогрессивного характера налогообложения тем или иным налогом. При наличии развитой системы налоговых льгот и вычетов, установленных в законодательстве, эффект прогрессивности налогообложения может быть и в отсутствии прогрессивной налоговой ставки.

В силу этого в юридической литературе справедливо отмечается, что справедливость налогообложения может быть достигнута не только при помощи перехода от пропорциональной к прогрессивной налоговой ставке. Справедливость пропорционального налогообложения может быть существенно повышена при помощи правильного применения налоговых вычетов и льгот[2]. Более того, установление прогрессивной налоговой ставки само по себе еще не гарантирует справедливость налогообложения[3]. Например, распространение прогрессивной налоговой ставки на доход налогоплательщика – физического лица в размере прожиточного минимума может свидетельствовать о несправедливости прогрессивного налогообложения дохода.

Исходя из изложенного перечень налогов, порядок взимания которых может быть охарактеризован как прогрессивный, не может быть сведен исключительно к НДФЛ, которому уделяется пристальное внимание в юридической литературе в контексте изучения данного явления.

Помимо НДФЛ к числу прогрессивных налогов могут быть отнесены:

1) транспортный налог, предусматривающий увеличение налоговой ставки при увеличении налоговой базы (например, мощности двигателя);

2) налог на имущество организаций в части налогообложения недвижимого имущества с кадастровой стоимостью более 300 млн рублей;

3) земельный налог в части налогообложения участков с кадастровой стоимостью более 300 млн рублей;

4) налог на имущество физических лиц в части налогообложения недвижимого имущества с кадастровой стоимостью более 300 млн рублей;

5) государственная пошлина в отношении постановки на кадастровый учет или сделок с недвижимостью, кадастровая стоимость которых превышает 20 или 22 млн рублей.

Несмотря на то что введение прогрессивного налогообложения на государственном уровне всегда обосновывается через повышение справедливости налогообложения, не вызывает сомнения, что непосредственной целью такого перехода является увеличение доходов бюджетов бюджетной системы. Не является исключением и Российская Федерация, поскольку в финансово-экономическом обосновании к проекту Федерального закона № 639663-8 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»[4] указано, что только в 2025 г. ожидаются дополнительные доходы в размере порядка 533 млрд рублей, а за 2025–2027 гг. общая сумма, с учетом изменения параметров стандартных налоговых вычетов, составит порядка 1,4 трлн рублей.

Однако ученые ставят под сомнение подобные экономические анализы[5], поскольку изменяются не только налоговые ставки, но и экономические условия взимания налога. Если в 2025 г. произойдет увеличение поступлений в бюджетную систему от НДФЛ, то такое увеличение может быть обусловлено не только и не

[2] См.: *Еременко Е. А.* К вопросу о совершенствовании системы налоговых вычетов по НДФЛ в контексте реализации справедливости в налогообложении // ЭТАП : экономическая теория, анализ, практика. 2017. № 2. С. 104–109.

[3] См.: *Трофимова Я. В.* Подоходный налог : аргументы против прогрессии // Налоги. 2024. № 2. С. 9–14.

[4] См.: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] См.: *Савицкий А. И.* Прогрессивное налогообложение доходов физических лиц : перспективы введения в России и зарубежный опыт // Закон. 2016. № 10. С. 44–62.

столько введением прогрессивной налоговой ставки, но и ростом заработных плат во многих отраслях экономики, а также общим курсом контролирующих органов на «обеление» заработных плат в стране.

Ставить рост поступлений от НДФЛ в прямую зависимость от перехода на развернутую шкалу прогрессивной налоговой ставки представляется не вполне верным, поскольку такой рост наблюдался уже в 2024 г. в силу объективных экономических причин. Более того, после введения в 2001 г. в действие НДФЛ с пропорциональной налоговой ставкой также наблюдался существенный рост собираемости налога, который связывали именно с переходом на пропорциональное подоходное налогообложение, игнорируя общий экономический рост экономики.

Кроме того, серьезным препятствием для увеличения объема налоговых доходов, поступающих в рамках прогрессивного налогообложения, является ожидаемое девиантное поведение налогоплательщиков по уклонению от уплаты таких налогов. В пояснительной записке к отклоненному законопроекту № 450126-8 2023 г. о введении прогрессивных налоговых ставок по НДФЛ указано: «Учитывая развитие в нашей стране технологий налогового администрирования, осознание многими представителями бизнеса рисков от уклонения налогов, доводы экспертов о том, что при прогрессивном налогообложении состоятельные налогоплательщики будут уходить от высоких налогов, не в полной мере состоятельны»[6].

В целом, разделяя точку зрения авторов законопроекта о повышении качества налогового администрирования и повышении уровня правосознания налогоплательщиков, считаем невозможным согласиться с оптимистическим настроем в отношении отказа крупных налогоплательщиков от возможности если не избежать прогрессивное налогообложение, то существенно его минимизировать. Такой подход обусловлен наличием в налоговом законодательстве возможностей уменьшить налогообложение доходов физических лиц без прямого нарушения закона, иными словами, «обойти закон».

Традиционное для налоговых юрисдикций с высоким уровнем прогрессивного налогообложения «бегство» налогоплательщиков в страны с более низким уровнем налогообложения не будет характерно для России в ближайшем будущем в силу ряда объективных причин. Прежде всего, налогообложение доходов в России не достигло достаточно высокого уровня, после которого изменение налогового резидентства может приобрести массовый характер. Кроме того, в силу сложившейся политической обстановки, выражающейся во введении санкций широким кругом иностранных государств в отношении российских граждан и организаций, приостановлении применения соглашений об устранении международного двойного налогообложения, налоговая миграция в глазах налогоплательщиков выглядит не очень привлекательной.

Однако действующее налоговое законодательство содержит достаточно предпосылок для искажения вида получаемого дохода или находящегося в собственности имущества в целях уменьшения налогообложения. Например, п. 1.1 ст. 224 НК РФ устанавливает усеченную налоговую прогрессию в размере от 13 до 15 % для доходов от долевого участия в уставном капитале, операций с цифровыми финансовыми активами, операциями РЕПО и другими. Представляется вполне очевидным, что данные доходы могут быть использованы налогоплательщиками для подмены тех доходов, которые облагаются полной налоговой ставкой, доходящей до 22 % (заработная плата, например). Более того, вышеуказанная норма является весомым поводом усомниться в справедливости прогрессивного налогообложения физических лиц и свидетельством некоторой произвольности выбора шага прогрессии в вышеописанном случае.

Переход к прогрессивному налогообложению имущества также вызывает некоторые вопросы. Исходя из действующей редакции налогового законодательства недвижимое имущество, налоговая база которого определяется как кадастровая стоимость, и земельные участки с кадастровой стоимостью более 300 млн рублей могут облагаться налогами на имущество организаций и физических лиц, а также земельным налогом по повышенным ставкам.

Вызывает много вопросов избрание единого шага прогрессивной налоговой ставки для всего имущества независимо от территории его расположения равного 300 млн рублей. Так, Воронежская городская Дума дисциплинированно воспроизвела данные нормы примени-

[6] URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/450126-8 (дата обращения: 29.03.2025.).

тельно к земельному налогу и установила ставку 0,3 % от кадастровой стоимости участка – в отношении земельных участков:

– занятых жилищным фондом и (или) объектами инженерной инфраструктуры жилищно-коммунального комплекса или приобретенных (предоставленных) для жилищного строительства, за исключением земельных участков, приобретенных (предоставленных) для индивидуального жилищного строительства, используемых в предпринимательской деятельности, и земельных участков, кадастровая стоимость каждого из которых превышает 300 млн рублей;

– не используемых в предпринимательской деятельности, приобретенных (предоставленных) для ведения личного подсобного хозяйства, садоводства или огородничества, а также земельных участков общего назначения садоводства и огородничества, за исключением земельных участков, кадастровая стоимость каждого из которых превышает 300 млн рублей[7].

В соответствии с Правилами землепользования и застройки городского округа город Воронеж[8] площадь земельного участка, предоставленного для индивидуального жилищного строительства, личного подсобного хозяйства, не может превышать восьми соток (800 м^2). Такие параметры земельного участка исключают саму возможность превышения его кадастровой стоимостью установленного предела – 300 млн рублей, по крайней мере в Воронеже.

Получается, что переход на прогрессивное налогообложение земельных участков не приведет к получению дополнительных доходов бюджетами муниципальных образований, поскольку в большинстве из них отсутствуют объекты налогообложения, имеющие требуемую кадастровую стоимость. Даже если в некоторых муниципальных образованиях и на федеральной территории «Сириус» имеются такие земельные участки, то обойти данную норму будет достаточно легко, разделив земельный участок на части. Аналогичным образом данная проблема, скорее всего, может быть решена и в отношении объектов недвижимости, облагаемых налогом на имущество организаций и физических лиц.

Исходя из изложенного, можно предположить, что наиболее известная форма обхода налогоплательщиком прогрессивного налогообложения доходов – «дробление бизнеса» – может быть применена в рамках прогрессивного налогообложения имущества и доходов, подлежащих обложению НДФЛ.

Дробление бизнеса представляет собой разделение единой предпринимательской деятельности между несколькими формально самостоятельными лицами (организациями, индивидуальными предпринимателями), в отношении которых осуществляется контроль одними и теми же лицами, направленное исключительно или преимущественно на занижение сумм налогов путем применения специальных налоговых режимов с превышением предусмотренных ст. 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации пределов осуществления прав по исчислению налоговой базы и (или) суммы налогов[9].

Приведенное выше легальное определение дробления бизнеса не совсем точно передает юридическую сущность данного явления. Представляется более верным охарактеризовать его как разделение дохода от единой предпринимательской деятельности между несколькими налогоплательщиками. Именно разделение дохода между налогоплательщиками позволяет искусственно создать ситуацию, когда каждый из них соответствует критериям применения УСН и получает освобождение от обязанности платить налог на прибыль организаций или НДФЛ.

Если проанализировать данную ситуацию с точки зрения элементов налогообложения, дробление дохода представляет собой искусственное разделение предмета налогообложения, обладание (получение) которым приводит к возникновению объекта налогообложения, порождающего обязанность по уплате соответствующего налога.

[7] См.: О введении в действие земельного налога на территории городского округа город Воронеж : решение Воронежской городской Думы от 7 октября 2005 г. № 162-II (ред. от 30.10.2024). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[8] См.: Об утверждении Правил землепользования и застройки городского округа город Воронеж : решение Воронежской городской Думы от 20 апреля 2022 г. № 466-V (ред. от 05.02.2025). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[9] См.: Статья 6 Федерального закона от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Будет вполне оправданным предположить, что дробление предмета налогообложения, получившее широкое распространение в сфере применения специальных налоговых режимов, будет весьма востребованным среди недобросовестных налогоплательщиков прогрессивных налогов.

Дробление предмета налогообложения в целях уклонения от уплаты прогрессивного налога может применяться путем разделения:

– дохода при взимании НДФЛ;

– земельного участка при исчислении земельного налога;

– здания (сооружения) при уплате налогов на имущество организаций и физических лиц.

В настоящее время данное явление еще не приобрело массового характера, поскольку прогрессивное налогообложение в расширенном масштабе только начинает применяться. Однако уже сейчас следует подумать над тем, каким образом выстроить систему антиуклонительных норм применительно к новым формам дробления предмета налогообложения.

В этих целях будет методически верным обратиться к выработанным в многолетней судебной практике критериям дробления бизнеса в целях анализа возможности их использования применительно к прогрессивному налогообложению.

В настоящее время сложившаяся правоприменительная практика[10] в данной сфере позволяет выделить следующие основные критерии дробления бизнеса:

1) единая предпринимательская деятельность как источник дохода:

– идентичность видов деятельности налогоплательщиков;

– общность материально-технической базы и персонала;

– единая клиентская база;

2) подконтрольность формально независимых налогоплательщиков одному лицу (группе лиц);

3) отсутствие деловой цели у разделения бизнеса.

Представляется возможным выделить следующие критерии дробления предмета налогообложения имущественных налогов в целях уклонения от применения повышенной налоговой ставки:

1) объекты налогообложения образованы путем разделения единого объекта недвижимого имущества;

2) отсутствие деловой цели у дробления объекта недвижимости на части;

3) разделение объекта налогообложения у одного налогоплательщика или между разными, но взаимозависимыми.

В качестве критериев дробления дохода в целях уклонения от применения повышенной налоговой ставки НДФЛ можно предложить следующие:

1) единый источник выплаты доходов (одно лицо или группа взаимозависимых лиц);

2) взаимозависимость налогоплательщиков – получателей разделенного дохода;

3) отсутствие у части налогоплательщиков реальных оснований для получения дохода либо несоразмерность выплачиваемого дохода имеющемуся основанию (наличие в группе формальных налогоплательщиков);

4) поступление всех доходов под контроль одного налогоплательщика.

Безусловно, данные критерии подлежат более детальной проработке и детализации для учета особенностей взимания каждого из прогрессивных налогов и особенности деятельности налогоплательщиков. Однако их применение даже в таком виде позволит в значительной части предотвратить уклонение от уплаты прогрессивных налогов и минимизировать потери бюджетной системы.

[10] См.: Обзор практики применения арбитражными судами положений законодательства о налогах и сборах, связанных с оценкой обоснованности налоговой выгоды (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13 декабря 2023 г.) ; письма ФНС России от 22 августа 2024 г. № ЗГ-2-2/12008@, от 9 августа 2024 г. № СД-4-7/9113 и др. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Библиографический список

Еременко Е. А. К вопросу о совершенствовании системы налоговых вычетов по НДФЛ в контексте реализации справедливости в налогообложении // ЭТАП : экономическая теория, анализ, практика. 2017. № 2. С. 104–109.

Морозов Д. В. Актуальные вопросы прогрессивного налогообложения доходов // Налоги (газета). 2007. № 17. С. 31–32.

Савицкий А. И. Прогрессивное налогообложение доходов физических лиц : перспективы введения в России и зарубежный опыт // Закон. 2016. № 10. С. 44–62.

Трофимова Я. В. Подоходный налог : аргументы против прогрессии // Налоги. 2024. № 2. С. 9–14.

References

Yeremenko E. A. On the issue of improving the system of personal income tax deductions in the context of the realization of equity in taxation // STAGE : economic theory, analysis, practice. 2017. No. 2. P. 104–109.

Morozov D. V. Actual issues of progressive income taxation // Taxes (gazeta). 2007. No. 17. P. 31–32.

Savitsky A. I. Progressive taxation of personal income : prospects for introduction in Russia and foreign experience // Law. 2016. No. 10. P. 44–62.

Trofimova Ya. V. Income tax : arguments against progression // Taxes. 2024. No. 2. P. 9–14.

Воронежский государственный университет
Красюков А. В., доктор юридических наук, профессор кафедры финансового права
E-mail: kav@law.vsu.ru

Поступила в редакцию: 11.03.2025

Для цитирования:
Красюков А. В. Прогрессивное налогообложение в России: виды и правовые последствия // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 208–214. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/208-214

Voronezh State University
Krasyukov A. V., Doctor of Law, Professor of the Financial Law Department
E-mail: kav@law.vsu.ru

Received: 11.03.2025

For citation:
Krasyukov A. V. Progressive taxation in Russia: types and legal consequences // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 3 (62). P. 208–214. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/208-214

УДК 340
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/215-223

ЭВОЛЮЦИЯ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ НА ПРАВОВУЮ ПРИРОДУ СТРАХОВЫХ ВЗНОСОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. В. Осипова
Воронежский государственный университет

THE EVOLUTION OF SCIENTIFIC VIEWS ON THE LEGAL NATURE OF INSURANCE PREMIUMS IN THE RUSSIAN FEDERATION

A. V. Osipova
Voronezh State University

Аннотация: рассматриваются вопросы эволюции научных взглядов на правовую природу страховых взносов в государственные внебюджетные фонды, начиная с 1990-х гг. до наших дней. Для этого периода характерны неоднократные принципиальные изменения подходов законодателя к регулированию в данной сфере: передача функций администрирования страховых взносов от государственных внебюджетных фондов налоговым органам и обратно; включение норм, регламентирующих этот вид обязательных платежей, то в Налоговый кодекс РФ, то в специальные федеральные законы. Научные дискуссии касались, в частности, вопросов о налоговом либо неналоговом характере страховых взносов, проявлениях такого признака страховых взносов, как индивидуальная возмездность, превалировании в правоотношениях по уплате страховых взносов публичного или частного интереса.
Ключевые слова: государственные внебюджетные фонды, обязательное социальное страхование, правовая природа страховых взносов.

Abstract: the article discusses the evolution of scientific views on the legal nature of insurance premiums to state extra-budgetary funds, from the 1990s to the present day. This period was characterized by repeated fundamental changes in the legislator's approaches to regulation in this area: the transfer of the functions of administering insurance premiums from state extra-budgetary funds to tax authorities and vice versa; the inclusion of norms regulating this type of mandatory payments in the Tax Code of the Russian Federation, then in special federal laws. Scientific discussions focused, in particular, on the tax or non-tax nature of insurance premiums, on the manifestations of such a feature of insurance premiums as individual compensation, and on the prevalence of public or private interest in legal relations regarding the payment of insurance premiums.
Key words: state extra-budgetary funds, compulsory social insurance, legal nature of insurance premiums.

Для того чтобы проследить эволюцию научных взглядов на правовую природу страховых взносов, необходимо выделить четыре этапа в развитии современного законодательства, регулирующего соответствующие правоотношения:

первый этап – с 01.01.1991 г. по 31.12.2000 г.;

второй этап – с 01.01.2001 г. по 31.12.2009 г.;

третий этап – с 01.01.2010 г. по 31.12.2016 г.;

четвертый этап – с 01.01.2017 г. по настоящее время.

Первый этап характеризуется созданием государственных внебюджетных фондов, изданием различных нормативных правовых актов, положивших начало регулирования в данной сфере.

В ранний период становления законодательства о страховых взносах была высказана точка зрения о том, что страховые взносы в Пенсионный фонд являются элементом не налоговых, а трудовых отношений, носят не фискальный, а компенсационный характер и являются, по сути, отложенной частью оплаты труда

© Осипова А. В. , 2025

при наступлении страхового случая (достижение пенсионного возраста, наступление инвалидности, смерть кормильца)[1].

В этот период было озвучено мнение, что страховые взносы относятся к неналоговым платежам, и предложено раскрыть их юридическую характеристику через ряд признаков: централизованность, обязательность, целевая направленность, возвратность, отсутствие «привязанности» страховых взносов к конкретным плательщикам. Централизованность определялась через два аспекта: во-первых, отнесение внебюджетных фондов к государственной форме собственности; во-вторых, урегулирование порядка их установления и уплаты исключительно федеральным законодательством. Применительно к признаку возвратности авторы обращали внимание на тот факт, что «возвратность страховых взносов не означает их адекватности уплаченным суммам». Данный довод объясняется социальной направленностью внебюджетных фондов: возвратность взносов предполагается по отношению к гражданам в целом, независимо от конкретных плательщиков[2].

В то же время Г. А. Гаджиев и С. Г. Пепеляев отмечали, что правоотношения, связанные с уплатой страховых взносов, хотя и близки к отношениям социального страхования, являются по существу и по форме налоговыми[3].

Несмотря на научные взгляды на правовую природу страховых взносов, Конституционный Суд РФ в постановлении от 24 февраля 1998 г. № 7-П[4] указал, что страховые взносы в Пенсионный фонд РФ представляют собой установленные законом особые обязательные платежи, являющиеся формой отчуждения денежных средств страхователей и застрахованных для обеспечения частных и публичных интересов по государственному пенсионному страхованию. При этом в своем постановлении Конституционный Суд выделил содержательные признаки страховых взносов в Пенсионный фонд: установление законом, обязательность, целевой характер. Отмечено, что уплатой взносов обеспечиваются не только частные интересы застрахованных, но и публичные интересы, связанные с реализацией принципа социальной солидарности поколений.

Конституционным Судом были сформулированы основные принципы, которыми должен руководствоваться законодатель при определении размера тарифов страховых взносов: принцип равенства плательщиков, принцип соразмерности (нечрезмерности) тарифов заработку (доходу) плательщика, соотносимости между тарифами и трудовыми пенсиями. Однако, как отмечает О. А. Ногина[5], до установления законодателем соотношения между размером уплачиваемого страхового взноса и размером соответствующего социального обеспечения указанные особенности страховых взносов фактически отсутствовали в условиях существовавшего в то время правового регулирования. Именно это могло приводить к признанию страховых взносов налогоподобными платежами. Воплощенный в принципе солидарности поколений публичный интерес доминировал над частными интересами.

Постепенно в связи с неопределенностью правовой природы страховых взносов ученые-финансисты стали высказывать предложения об объединении всех взносов в единый платеж.

С 1 января 2001 г. начинается второй этап в развитии законодательства о страховых взносах. В этот период страховые взносы были определены в законодательстве как ЕСН (единый социальный налог). Однако стоит обратить внимание на то, что в первоначальной редакции, введенной в действие с 1 января 2001 г., глава 24 Налогового кодекса звучала иначе – «единый социальный налог (взнос)». Слово «взнос», очевидно, свидетельствовало о том, что законодатель еще не сделал окончательный выбор в пользу

[1] См.: *Калинина Л.* Об уплате пени за несвоевременное перечисление страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации // Экономика и жизнь. 1995. № 28. С. 15.

[2] См.: Финансовое право : учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Бек, 1997. 739 с.

[3] См.: *Гаджиев Г. А., Пепеляев С. Г.* Предприниматель – налогоплательщик – государство. Правовые позиции Конституционного Суда РФ. М., 1998. 207 с.

[4] См.: По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 1 и 5 Федерального закона от 5 февраля 1997 г. «О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1997 год» в связи с жалобами ряда граждан и запросами судов : постановление Конституционного Суда РФ от 24 февраля 1998 г. № 7-П // Российская газета. 1998. № 46.

[5] См.: *Ногина О. А.* Государственные внебюджетные фонды в составе бюджетной системы России : проблемы правового регулирования. М. : Статут, 2012. 462 с.

налоговой природы ЕСН. Однако уже с 1 января 2002 г. в Налоговый кодекс были внесены изменения, и наименование данного платежа стало звучать короче – «единый социальный налог». Согласно ст. 234 Налогового кодекса этот налог являлся целевым.

Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. №167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации»[6] были введены страховые взносы на обязательное пенсионное страхование, которые направлялись непосредственно в Пенсионный фонд для финансирования страховой и накопительной частей трудовой пенсии застрахованных лиц. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в определениях от 5 февраля 2004 г. № 30-О[7] и 28-О[8], страховые взносы на обязательное пенсионное страхование не характеризуются свойственными налоговым платежам признаками индивидуальной безвозмездности и безвозвратности и не могут признаваться налогами.

Немногим ранее аналогичная оценка правовой природе данных взносов была дана и Высшим Арбитражным судом РФ[9]: так как страховые взносы на обязательное пенсионное страхование не являются составной частью единого социального налога, определены законодателем как индивидуально возмездные обязательные платежи, данные взносы не отвечают понятию налога, закрепленному в ст. 8 Налогового кодекса, – законом предусмотрена иная природа этих обязательных платежей.

Е. В. Покачалова, анализируя в период действия ЕСН правовую природу страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, поступавших в Пенсионный фонд[10], и взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний, перечислявшихся работодателями напрямую в Фонд социального страхования РФ[11], отмечала, что указанные обязательные платежи регулируется нормативно-правовыми актами, относящимися как к финансовому, так и к другим отраслям права[12].

В связи с этим Е. В. Покачалова анализирует положения Закона РФ «Об организации страхового дела в Российской Федерации»[13] и Гражданского кодекса РФ[14] (глава «Страхование»). Автор делает вывод, что страховые взносы в своей совокупности составляют страховую премию: если плата за страхование вносится единовременно, то она именуется страховой премией, а если по частям – то страховыми взносами. Однако страховые взносы не являются по своей природе собственно (т. е. в чистом виде) страховыми платежами.

В период действия ЕСН стали обнаруживаться недостатки этого вида обязательного платежа. В частности, не наблюдался ожидаемый эффект роста зарплат, связанный с установленной регрессивной шкалой ставок; существенно возросла нагрузка на налоговые органы, которым были переданы функции администрирования ЕСН; фонды утратили контроль за поступлением денежных средств.

---

[6] См.: Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации : федер. закон от 15 декабря 2001 г. №167-ФЗ // Российская газета. 2001. № 247.

[7] См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Тверской городской общественной организации инвалидов «РСК-инвест» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 3 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2004 г. № 30-О. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

[8] См.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общественной организации Тверской областной общественной организации Всероссийского общества инвалидов Заволжского района города Твери на нарушение конституционных прав и свобод статьями 3 и 34 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» и статьей 10 Федерального закона «О внесении дополнений и изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации и в некоторые законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах» : определение Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2004 г. № 28-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2004. № 5.

[9] См.: Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 апреля 2003 г. № 12355/02 // Вестник ВАС РФ. 2003. № 10.

[10] См.: Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации : федер. закон от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ // Российская газета. 2001. № 247.

[11] См.: Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний : федер. закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ // Российская газета. 1998. № 153–154.

[12] См.: Финансовое право : учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004. 749 с.

[13] См.: Об организации страхового дела в Российской Федерации : Закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-I // Российская газета. 1993. № 6.

[14] См.: Часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Российская газета. 1996. № 23–25.

С 1 января 2010 г. начался третий этап становления законодательства о страховых взносах. ЕСН был отменен. Вместо него вводились страховые взносы: в Пенсионный фонд РФ, в Фонд социального страхования РФ, в Фонд обязательного медицинского страхования. Эти платежи регулировались отдельным федеральным законом.

Важным принципиальным нововведением стала передача функции администрирования страховых взносов фондам: Пенсионному фонду РФ – в отношении страховых взносов на обязательное пенсионное страхование и обязательное медицинское страхование, и Фонду социального страхования РФ – в отношении страховых взносов на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством.

После отмены ЕСН и повторного введения в законодательство термина «страховые взносы» стало очевидно, что законодатель отказался от идеи налоговой природы таковых.

Однако стоит отметить, что ряд авторов продолжали придерживаться той позиции, что страховые взносы носят скорее налоговый характер.

Так, С. Г. Пепеляев, М. Ф. Ивлиева предлагали именовать платежи, направляемые на финансирование пенсионного обеспечения, социального и медицинского страхования, уплачиваемые в государственные внебюджетные фонды, социальными налогами. Авторы полагали, что налоговая природа данных платежей подтверждается рядом признаков: публичным характером обязанности по их уплате, идентичной налогу правовой конструкцией (плательщик, объект налогообложения, налоговая база, ставка), механизмом взыскания. С. Г. Пепеляев придерживается позиции, согласно которой социальные платежи следует относить к категории целевых налогов[15].

Обращает на себя внимание научный взгляд А. Ю. Долговой, предложившей относить страховые взносы к парафискалитетам. Это обязательные платежи неналогового характера, которые не перечисляются на бюджетные счета, а направляются в специальные фонды или на счета уполномоченных организаций и расходуются на определенные публичные цели[16].

Е. В. Березина полагала, что первоначальной является именно страховая природа публично-правовых отношений в сфере обязательного социального страхования. Автор обосновывает свою позицию следующим. Во-первых, налоговые правоотношения и правоотношения в сфере уплаты страховых взносов различны по субъектному составу. Правовой статус страхователя принципиально отличается от статуса налогоплательщика: его роль не ограничивается лишь уплатой взносов. Правовой статус внебюджетного фонда определяется главным образом его ролью страховщика и не ограничивается одной лишь функцией администрирования взносов. Во-вторых, специфичен правовой режим внебюджетных фондов: их средства не входят в состав бюджетов, не подлежат изъятию и имеют строго целевое назначение. В-третьих, обусловленность публичного интереса в отношениях по обязательному социальному страхованию существенно отличается от публичности в налоговых отношениях. Публичность страховых отношений в сфере обязательного социального страхования определяется высокой степенью вероятности наступления страхового случая. В-четвертых, страховые взносы не могут быть отнесены к налогам по признаку их индивидуальной возмездности. В-пятых, схожесть санкций за неуплату налогов и страховых взносов обусловлена не единством их правовой природы, а общностью характера возникающих и в том, и в другом случае охранительно-финансовых правоотношений в сфере публично-правового регулирования. И, наконец, в-шестых, в период после отмены ЕСН уплата страховых взносов регулировалась не законодательством о налогах и сборах, а особым публично-правовым институтом – законодательством о страховых взносах[17].

Е. В. Березина соглашается с В. В. Стрельниковым[18] в том, что в системе финансового права функционирует финансово-правовой институт страхования, регулирующий властные имущественные и связанные с ними неимущественные отношения по мобилизации, распределению и использованию страховых фондов в области обязательного социального страхова-

[15] См.: Налоговое право : учеб. для вузов / под ред. С. Г. Пепеляева. М. : Альпина Паблишер, 2017. 796 с.

[16] См.: *Долгова А. Ю.* Парафискальные сборы в России : монография. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2012. 196 с.

[17] См.: *Березина Е. В.* К вопросу о правовой природе страховых взносов // Налоги и налогообложение : науч.-практ. журнал. 2016. № 6 (144).

[18] См.: *Стрельников В. В.* Финансово-правовые отношения в сфере страхования // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 43.

ния, обязательного государственного страхования и страхования вкладов физических лиц. Основным началом данного института выступает его публичность, т. е. распределение в публичных интересах, в том числе на началах социальной справедливости, рисков несения возможных убытков и иных неблагоприятных последствий вследствие наступления социально значимых страховых случаев.

О. А. Ногина, анализируя правовую природу страховых взносов в период их действия после отмены ЕСН, определяла страховой взнос как обязательный публичный страховой платеж с особым правовым режимом. К характеристикам страхового взноса автор относит индивидуальную возмездность платежа и его персональное целевое назначение. Автор отмечает, что начиная с введения страховых взносов на обязательное пенсионное страхование наряду с ЕСН, законодатель постепенно стал устанавливать взаимосвязь между размером и периодом уплаты страховых взносов и размером последующего страхового возмещения. Первоначально это наблюдалось в системе обязательного пенсионного страхования, далее – и в законодательстве, регулирующем страхование на случай временной нетрудоспособности, с введением расчета страхового возмещения в зависимости от страхового стажа и периода уплаты страховых взносов. При этом размер страховых взносов на обязательное медицинское страхование неэквивалентен стоимости медицинских услуг, оказываемых конкретному застрахованному лицу при наступлении страхового случая. О. А. Ногина обосновывает указанное обстоятельство тем, что в рамках обязательного медицинского страхования застрахованное лицо получает не денежную выплату, а бесплатную медицинскую услугу[19].

Е. К. Широкова на основании сравнительного анализа таких правовых категорий, как налоги, неналоговые платежи и страховые взносы, делала вывод о том, что страховые взносы нельзя отнести ни к налогам, ни к неналоговым платежам.

По мнению автора, страховые взносы отличаются от налогов целями, функциями, наличием признака индивидуальной возмездности, субъектным составом: для страховых взносов он триединый (страховщик – страхователь – застрахованное лицо), для налогов – двуединый (налогоплательщик – налоговый орган).

Отграничивая страховые взносы от неналоговых доходов, Е. К. Широкова указывает, во-первых, на строго целевую природу страховых взносов и многоцелевую природу неналоговых платежей. Во-вторых, страховые взносы имеют исключительно страховую природу происхождения, не зависящую от вида взноса, в то время как правовая природа возникновения неналоговых платежей разнообразна и зависит от вида платежа. В-третьих, отношения в сфере обязательного социального страхования строятся на началах обязательности, тогда как возникновение обязанности уплаты неналогового платежа в некоторых случаях основано на свободе выбора. В-четвертых, страховые взносы являются обязательными платежами, а неналоговые доходы могут быть как обязательными, так и добровольными, зависящими от совершения лицом определенных действий. В-пятых, последствием неуплаты страхового взноса всегда является взыскание недоимки, а последствием неуплаты неналогового платежа может быть и отказ в предоставлении соответствующего блага. В-шестых, для страховых взносов характерен триединый субъектный состав (страховщик – страхователь – застрахованное лицо), тогда как для неналоговых платежей – двуединый (уполномоченный орган – плательщик)[20].

Среди авторов высказывались различные взгляды на вопрос о наличии такого признака страховых взносов, как возмездность. Это связано с тем, что далеко не во всех случаях выплата страхового возмещения осуществляется непосредственно лицу, осуществлявшему уплату страховых взносов. Это касается лишь тех плательщиков страховых взносов, которые платят страховые взносы «за себя» – предприниматели, адвокаты, нотариусы и т. д. В отношении плательщиков-организаций прямая имущественная возвратность платежей не просматривается. О. А. Ногина отмечала, что, тем не менее, в данном случае признак возмездности платежа опосредованно присутствует, так как у работодателя имеется, например, интерес к наиболее быстрому восстановлению трудоспособности работника, равно как и к предоставлению работникам социальных гарантий и привлечения тем самым квалифицированных кадров[21].

[19] См.: *Ногина О. А.* Указ. соч.

[20] См.: *Широкова Е. К.* Страховые взносы в государственные внебюджетные фонды Российской Федерации. М. : Волтерс Клувер, 2010. 176 с.

[21] См.: *Ногина О. А.* Указ. соч.

Т. А. Якубов в целом отрицал наличие у страховых взносов такой характеристики, как их возмездный характер. Автор указывает на то, что возмездность предполагает встречное предоставление со стороны другого субъекта правоотношения. Однако выполнение страхователем обязанности по уплате страховых взносов само по себе не влечет возникновения у страховщика встречной обязанности по предоставлению каких-либо материальных благ. Основанием для выплаты страхового возмещения является наступление страхового случая[22].

В рассматриваемом периоде постепенно вновь приобрел актуальность вопрос о передаче функции администрирования страховых взносов налоговым органам. Это связано с тем, что за период с 1 января 2010 г. и до конца 2016 г. задолженность по уплате страховых взносов существенно возросла и превысила 300 млрд рублей. Минфином РФ было внесено предложение включить правила исчисления и уплаты страховых взносов в Налоговый кодекс, а также вернуть налоговым органам функции администрирования этих платежей.

С 1 января 2017 г. начался четвертый тап развития законодательства о страховых взносах. Налоговый кодекс был дополнен главой 2.1 «Страховые взносы в Российской Федерации» и главой 34 «Страховые взносы».

Страховые взносы определяются как обязательные платежи на обязательное пенсионное страхование, обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, на обязательное медицинское страхование, взимаемые с организаций и физических лиц в целях финансового обеспечения реализации прав застрахованных лиц на получение страхового обеспечения по соответствующему виду обязательного социального страхования.

Несмотря на то что ст. 8 Налогового кодекса строго разграничивает понятия налога и страхового взноса, в науке продолжают высказываться различные мнения по поводу налоговой или неналоговой природы страховых взносов.

А. С. Михайлова, поднимая вопрос о том, является ли взимание страховых взносов замаскированным налогообложением или нет, полагает, что обязательное социальное страхование есть страхование в истинном смысле этого слова, отмечая ярко выраженную персонификацию возвратности страховых взносов: изъятые в форме налога денежные средства, исходя из общих целей государства, тоже имеют социальную направленность, однако очевидно, что при возвратности налога персонификация получателей отсутствует[23].

Д. В. Тютин предполагает, что государство стремится «замаскировать» фактическую безвозмездность страховых взносов, используя «удобное» обозначение, и задается вопросом: почему обязательные целевые платежи публично-правового характера, взыскиваемые на началах обязательности, безвозвратности и индивидуальной безвозмездности, не являются налогами? Автор называет страховые взносы «зарплатными» налогами[24].

Представляет собой интерес исследование Е. В. Рябовой, А. А. Копиной, З. К. Есымхановой, посвященное принципу эквивалентности страховых взносов сквозь призму теории выгоды[25].

В первую очередь авторы разумно замечают, что однозначно определить правовую природу страховых взносов в государственные внебюджетные фонды не представляется возможным в силу неоднородности этих взносов. Кроме того, если публично-правовые принципы установления данных платежей регулируются законодательством о налогах и сборах, то реализация страховой составляющей происходит вне этой сферы, в силу нормативно-правовых актов других отраслей права. На этом основании авторы рассматривают страховые взносы как разновидность налогов.

Суть теории выгоды (benefit theory) как одной из теорий налоговой справедливости выражается в том, что налогоплательщик уплачивает налоги в обмен на получаемые им блага. Наряду с теорией выгоды в науке рассматривается также теория платежеспособности (ability-to-pay theory), заключающаяся в необходимости учета

[22] См.: *Якубов Т. А.* Страховые взносы в государственные внебюджетные фонды в системе обязательных платежей // Вектор юридической науки. 2016. № 6.

[23] См.: *Михайлова А. С.* «Замаскированное налогообложение» или нет – к вопросу о создании Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации и сути его деятельности // Налоги. 2023. № 1.

[24] См.: *Тютин Д. В.* Налоговое право : курс лекций. 2020. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[25] См.: *Рябова Е. В., Копина А. А., Есымханова З. К.* Принцип эквивалентности страховых взносов в свете теории выгоды : правовое преломление // Финансовое право. 2022. № 12.

фактической способности налогоплательщика к уплате налога. Из теории выгоды следует, что налоговая обязанность должна формироваться исходя из фактически или потенциально потребляемых общественных благ, в то время как согласно теории платежеспособности потребляемые блага в расчет не берутся.

Авторы рассматривают принцип эквивалентности в правовом механизме страховых взносов, обусловленный положениями налоговой теории выгоды, как обязательный учет прямой связи между обязанностью по уплате взносов и потенциальными социальными выплатами в будущем.

Развивая концепцию страхового публичного права, С. С. Тропская делает вывод о существовании такового в виде комплексного правового образования – комплексного межотраслевого института, объединяющего нормы частного (гражданского) и публичного права, регулирующие общественные отношения, связанные с осуществлением страхования. Автор отмечает, что обязательное социальное страхование относится к финансово-правовым аспектам регулирования страховой деятельности. В данном виде страхования государственное вмешательство проникает в отношения по заключению сделок между страхователями и страховщиками[26].

Е. Ю. Князева, напротив, полагает, что социальное страхование является разновидностью финансовых правоотношений, поскольку страховые взносы выступают источниками формирования финансовых ресурсов государственных внебюджетных фондов, являющихся целевыми страховыми фондами, принадлежащими государству на праве собственности; кроме того, институт страховых взносов полностью регулируется именно финансовыми нормами. Анализируя правовую природу страховых взносов, автор утверждает, что она сродни правовой природе налогов по критерию публичности платежа, однако страховые взносы отличаются от налогов по целевому назначению и не подлежат перераспределению, являясь при этом индивидуально-возмездными платежами[27].

Проанализировав эволюцию научных взглядов на правовую природу страховых взносов с 1990-х гг. по настоящее время, можно сделать вывод о том, что единого подхода к существу этих платежей до сих пор не сформировалось.

К дискуссионным вопросам в первую очередь относится вопрос о налоговом либо неналоговом характере данных платежей. С изменением действующего законодательства, регулирующего страховые взносы то посредством отдельных федеральных законов, то нормами Налогового кодекса, высказывались различные точки зрения. На сегодняшний день ряд авторов придерживается позиции о том, что это всё же налоги – «социальные», «зарплатные». При этом преимущественно звучит мнение о том, что страховые взносы представляют собой особый вид обязательных платежей, имеющих страховую природу.

Не менее актуальным является вопрос о проявлениях такого признака страховых взносов, как индивидуальная возмездность (эквивалентность, возвратность). Именно эта характеристика главным образом позволяет отличать страховые взносы от налогов. На протяжении более чем тридцати лет развития законодательства о страховых взносах наблюдалась тенденция к тому, что принцип зависимости страхового возмещения от уплаты страховых взносов получил свое развитие сначала в отношении взносов на обязательное пенсионное страхование, затем – применительно к взносам на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством. Однако до сих не представляется возможным выявить наглядные проявления действия данного принципа в сфере обязательного медицинского страхования.

Кроме того, авторами неоднократно поднимался вопрос о том, какой интерес превалирует в правоотношениях по уплате страховых взносов – публичный или частный. Очевидно, что обязательное социальное страхование преследует цели гарантировать гражданам соблюдение их конституционных прав на социальное обеспечение и бесплатную медицинскую помощь, что свидетельствует о несомненном наличии публичного интереса в данных правоотношениях. В то же время необходимость учитывать принцип эквивалентности при регулировании отношений, в частности по обязательному пенсионному страхованию, на которую указы-

[26] См.: *Тропская С. С.* Страховое публичное право как институт финансового права // Финансовое право. 2022. № 2.

[27] См.: *Князева Е. Ю.* Место страховых взносов в налоговой системе Российской Федерации // Налоги. 2021. № 1.

вал Конституционный Суд РФ, свидетельствует о том, что частные интересы плательщиков страховых взносов и застрахованных лиц также имеют высокую значимость.

Библиографический список

Березина Е. В. К вопросу о правовой природе страховых взносов // Налоги и налогообложение : науч.-практ. журнал. 2016. № 6 (144).

Гаджиев Г. А., Пепеляев С. Г. Предприниматель – налогоплательщик – государство. Правовые позиции Конституционного Суда РФ. М., 1998. 207 с.

Долгова А. Ю. Парафискальные сборы в России : монография. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2012. 196 с.

Калинина Л. Об уплате пени за несвоевременное перечисление страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации // Экономика и жизнь. 1995. № 28. С. 15.

Князева Е. Ю. Место страховых взносов в налоговой системе Российской Федерации // Налоги. 2021. № 1.

Михайлова А. С. «Замаскированное налогообложение» или нет – к вопросу о создании Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации и сути его деятельности // Налоги. 2023. № 1.

Налоговое право : учеб. для вузов / под ред. С. Г. Пепеляева. М. :Альпина Паблишер, 2017. 796 с.

Ногина О. А. Государственные внебюджетные фонды в составе бюджетной системы России : проблемы правового регулирования. М. : Статут, 2012. 462 с.

Рябова Е. В., Копина А. А., Есымханова З. К. Принцип эквивалентности страховых взносов в свете теории выгоды : правовое преломление // Финансовое право. 2022. № 12.

Стрельников В. В. Финансово-правовые отношения в сфере страхования // Журнал российского права. 2006. № 2. С. 43.

Тропская С. С. Страховое публичное право как институт финансового права // Финансовое право. 2022. № 2.

Тютин Д. В. Налоговое право : курс лекций. 2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Финансовое право : учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Бек, 1997. 739 с.

Финансовое право : учебник / отв. ред. Н. И. Химичева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004. 749 с.

Широкова Е. К. Страховые взносы в государственные внебюджетные фонды Российской Федерации. М. : Волтерс Клувер, 2010. 176 с.

Якубов Т. А. Страховые взносы в государственные внебюджетные фонды в системе обязательных платежей // Вектор юридической науки. 2016. № 6.

References

Berezina E. V. On the issue of the legal nature of insurance premiums // Taxes and taxation : scientific and practical journal. 2016. No. 6 (144).

Gadzhiev G. A., Pepelyaev S. G. Entrepreneur – taxpayer – state. The legal positions of the Constitutio-nal Court of the Russian Federation. Moscow, 1998. 207 p.

Dolgova A. Y. Parafiscal fees in Russia : a monograph. Voronezh : Publishing House of Voronezh State University, 2012. 196 p.

Kalinina L. On the payment of penalties for late transfer of insurance contributions to the Pension Fund of the Russian Federation // Economics and life. 1995. No. 28. P. 15.

Knyazeva E. Y. The place of insurance premiums in the tax system of the Russian Federation // Taxes. 2021. No. 1.

Mikhailova A. S. «Disguised taxation» or not – on the issue of the creation of the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation and the essence of its activities // Taxes. 2023. No. 1.

Tax law : studies. for universities / ed. by S. G. Pepelyaev. Moscow : Alpina Publisher, 2017. 796 p.

Nogina O. A. State extra-budgetary funds as part of the Russian budget system : problems of legal regulation. Moscow : Statute, 2012. 462 p.

Ryabova E. V., Kopina A. A., Esymkhanova Z. K. The principle of equivalence of insurance premiums in the light of benefit theory : a legal refraction // Financial Law. 2022. No. 12.

Strelnikov V. V. Financial and legal relations in the insurance sector // Journal of Russian Law. 2006. No. 2. P. 43.

Tropskaya S. S. Insurance public law as an institution of financial law // Financial law. 2022. No. 2.

Tyutin D. V. Tax law : a course of lectures. 2020. Access from the help.-the legal system «ConsultantPlus».

Financial law : textbook / ed. by N. I. Khimichev. 3rd ed., revised and additional. Moscow : Bek, 1997. 739 p.

Financial law : textbook / ed. by N. I. Khimichev. 3rd ed., revised and additional. Moscow, 2004. 749 p.

Shirokova E. K. Insurance contributions to the state extra-budgetary funds of the Russian Federation. Moscow : Volters Kluwer, 2010. 176 p.

Yakubov T. A. Insurance contributions to state extra-budgetary funds in the system of mandatory payments // Vector of Legal science. 2016. No. 6.

Воронежский государственный университет
Осипова А. В., преподаватель кафедры связей с общественностью, рекламы и дизайна факультета журналистики
E-mail: anyastar111@yandex.ru

Поступила в редакцию: 20.05.2025

Для цитирования:
Осипова А. В. Эволюция научных взглядов на правовую природу страховых взносов в Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 215–223. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/215-223

Voronezh State University
Osipova A. V., Lecturer at the Department of Public Relations, Advertising and Design, Faculty of Journalism
E-mail: anyastar111@yandex.ru

Received: 20.05.2025

For citation:
Osipova A. V. The evolution of scientific views on the legal nature of insurance premiums in the Russian Federation // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 3 (62). P. 215–223. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/215-223

УДК 343.2/.7
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/224-230

КАТЕГОРИЯ «ОБЩЕСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК» В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РАННЕФЕОДАЛЬНОЙ РУСИ

А. С. Коробова
Нижегородская академия МВД России

THE CATEGORY OF «PUBLIC ORDER» IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF EARLY FEUDAL RUS'

A. S. Korobova
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Аннотация: представлены результаты исследования категории общественного порядка в раннефеодальном уголовном законодательстве с апеллированием к иным памятникам древнерусской письменности, в которых раскрыта содержательная сторона порядка в обществе того периода. Обосновывается вывод о влиянии христианско-нравственной морали на правила жития в сферах общественной жизни, включая брачно-семейные отношения, определяя отношения между сословиями и в сфере государственного управления в целях формирования нравственных отношений между членами общества.
Ключевые слова: Древняя Русь, «Русская правда», княжеские уставы, общественный порядок, христианство, правовые памятники, раннефеодальное общество.

Abstract: the article presents the results of the study of the category of public order in the early feudal domestic criminal legislation with an appeal to other monuments of ancient Russian literature, which present the substantive side of the order in the society of that period. A conclusion is made about the influence of Christian moral ethics on the rules of life in the spheres of public life, including marriage and family relations, determining the relations between classes and in the sphere of public administration in order to form moral relations between members of society.
Key words: Ancient Rus', «Russian Truth», princely statutes, public order, Christianity, legal monument, early feudal society.

На различных этапах становления российской государственности в числе основополагающих задач стояла проблема обеспечения общественного порядка. Это обстоятельство отразилось в памятниках права X–XII вв., в которых особое место занимал общественный порядок. По меткому замечанию А. А. Селифонова, «отсутствие самого понятия "общественный порядок" в словарном обиходе Древней Руси не значило, однако, отсутствия целенаправленной деятельности в отношении общества со стороны государства»[1]. Установление общественного порядка непосредственно связано с образованием государства и общества в Древней Руси. Рассмотрим вопрос подробнее.

В «Повести временных лет» летописца монаха Киево-Печерской лавры Нестора указано, что со времен царствования Михаила Русская земля приобретает свое название, однако порядка еще не существовало. Междоусобные войны тормозили формирование государственности, однако проживавший на данной территории народ стремился к упорядочению отношений и построению государства: *«(862) Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе:*

[1] *Селифонов А. А.* Общественный порядок : опыт исследования. СПб., 2011. С. 10.

© Коробова А. С., 2025

“Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”…»[2].

Древнерусская государственность формировалась из внутренних обстоятельств (образование социальной неоднородности, института частной собственности, необходимость подавлять межплеменные раздоры, осуществлять военно-организаторские функции и пр.), которые играли основополагающую роль, и внешней политики, выражающейся в завоеваниях, призвании, договорах, о чем свидетельствуют договоры Древней Руси с Византией 907, 911, 944 и 971 гг. Они служат источником не только международного права, но и права в Древнерусском государстве, которое к этому времени уже обладало первичными признаками государственности, такими как: единая территория, государственный язык, аппарат власти, устойчивая военная и финансовая организация.

Одними из первых правовых памятников отечественного уголовного законодательства являются «*Русская Правда*» и *княжеские уставы*. В их основе лежат нормы «обычного права». Значительное влияние на содержание первых законодательных актов оказали религиозные нормы, поскольку принятие христианства произвело переворот во многих сферах жизни древнерусского человека, определив необходимость регламентации новых общественных отношений с учетом христианской нормативно-этической системы, встраивающейся в ранее существовавшую раннефеодальную идеологию.

Появление новых правил, еще не имевших применения в древнерусском обществе, требовало со стороны княжеской власти законодательного закрепления, что и обусловило рецепцию византийских источников (**Свод Юстиниана**, Судебник царя Константина или «Закон судного людем»[3] и др.) в древнерусских памятниках права. Однако заметим, что заимствования приспособлены к древнерусским обычаям и менталитету народа, носили адаптационный характер.

Таким образом, самобытный правотворческий процесс представлял собой симбиоз, вытекающий из правового обычая и религиозных норм византийского генезиса, адаптированных к древнерусскому сознанию.

Рассмотрим зарождение категории общественного порядка в памятниках права Древней Руси, применяя расширенное толкование. Под общественным порядком понимается система отношений между людьми, правила поведения, общежития, устои, закрепленные в правовых памятниках в период формирования Древнерусского государства и общества.

Поскольку с принятием христианства религия являлась фундаментальным элементом в построении общественных отношений, в ходе исследования категории общественного порядка обратимся к летописным памятникам древнерусской письменности, а также регламентирующим деятельность церковной системы, во многом отражающим сущность общественного порядка.

А. В. Точка в диссертационном исследовании указал, что «крещение Руси создало основу для формирования нового общества, основанного не на родоплеменных взаимосвязях индивида, а на его принадлежности к более широкой общности людей – народности». Он констатировал, «что для российской государственности вера, письменность и общественный порядок – понятия неотделимые одно от другого»[4].

Согласно Словарю древнерусского языка современному слову «порядок» эквивалентно древнерусское «ПОРѦДЪ», которое мы находим в памятниках древнерусской письменности.

Так, в Лаврентьевской летописи по списку 1377 г.[5] в ходе описания летописного 1096 г. используется термин «ПОРѦДЪ». Под ним понимается *договор, соглашение*: *«поиду Кыѥву да порѧдъ положимъ ꙗ҃ Русьстьи земли», «а то е(с) волость ꙗ҃ца моѥго. да хочю ту сѣдѧ порѧдъ створити со ꙗ҃цемь твои(м)»*.

Со временем древнерусское «ПОРѦДЪ» приобретает новое значение. Так, в Летописи Новгородской (первой) по Синодальному спи-

[2] Повесть временных лет / пер. Д. С. Лихачева, О. В. Творогова ; коммент. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова при участии А. М. Введенского и Л. В. Войтовича ; 129 ил. Мюда Мечева. СПб. : Вита Нова, 2012. С. 507.

[3] См.: Закон Судный людем в краткой редакции / под ред. М. Н. Тихомирова, Л. В. Милова. М. : Академия наук СССР, 1961. 179 с.

[4] *Точка А. В.* Преступления против общественного порядка : криминализация, систематизация, уголовно-правовое содержание : дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. С. 16.

[5] См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т . / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. М. : Рус. яз., 1988. Т. 7. С. 236.

ску в ходе повествования о летописном 1166 г.[6] древнерусское «ПОРѦД|Ъ» применяется в значении *переговоры*: *«приде Ростиславъ, ис кыєва на лоукы. и позва новгородьце на порѧдъ»*.

Аналогичный смысл содержится в слове «ПОРѦДЪ» и в Лаврентьевской летописи[7] при описании 1217 летописного года: *«снемши(м)сѧ имъ всѣ(м) на Исадѣ(х) на порѧдъ. Изѧславъ. Кюръ Михаилъ. Ростиславъ. Отославъ. Глѣбъ. Романъ. Инъгваръ же не оуспѣ пришьхати к ни(м) не бѣ бо приспѣло еще времѧ єго»* (перевод: «Когда собрались они все на Исадах на съезд для переговоров, Изяслав, Кюр Михаил, Ростислав, Святослав, Глеб, Роман; Ингвар же не успел приехать к ним, ибо не приспело еще время его»).

В значении *порядок, устройства по порядку* слово «ПОРѦДЪ» встречается в Лаврентьевской летописи по списку 1377 г. в повествовании о летописном 1180 г.: *«…и порѧдъ створивъ всей братьи, роздавъ имъ волость ихъ. комуждо по старѣишиньству. возвратисѧ в Володимерь»* (перевод: «…и порядок установив во всей братии, раздав им волости их каждому по старшинству, возвратился во Владимир»)[8].

В свою очередь, слово «общественный» отсутствует в памятниках древнерусской письменности, поскольку понятие «общество» еще не сформировано: древнерусский народ начинает выстраивать связи, отношения между собой, социальными группами внутри оформившегося конгломерата, уже обладавшего признаками государственности.

Однако в древнерусских памятниках слово «общество» коррелирует с древнерусским «ЛЮДИЄ», под которым, например, согласно Житию Феодосия Печерского по Успенскому сборнику XII в.[9] понимаются *жители какого-либо места; население страны, княжества, города*: *«тъгда же великии никонъ оумьршю ростиславоу кнѧзю острова того оумоленъ бысть отъ людии тѣхъ, преити къ сѣславоу кнѧзю и молити и да пустить къ нимъ сѣна своіего. да сюдеть на столѣ томь»* (перевод: «Когда умер Ростислав, князь острова того, жители его умолили великого Никона отправиться к князю Святославу и просить его, чтобы он отпустил своего сына к ним, и тот бы занял княжеский стол»).

При этом древнерусское «ЛЮДЬСКЫИ», образованное от «ЛЮДИЄ», в Пандектах Никона Черногорца 1296 г.[10] используется в значении *общественный, публичный: «людьскоіе же мѣсто повелѣниіємь ц(с)рвомь не бываютъ сѣщно»*.

Следует отметить, что в Уставе студийском, относящемся к концу XII – началу XIII века и регламентирующем монастырское общежитие и церковную службу, *порядок, благоустройство* именуется как «БЛАГОЧИНЕНИ|іЄ»: *«Подобаютъ же прочеѥ намъ, въ соущею оучинениѥ нѣкыхъ инѣхъ главъ помѧноути. Къ цр(к)вноуму и къ тѣмъ невидимыимъ. бл҃гочинениѥ же и оустроѥнию»*[11].

В соответствии с Кормчей Ефремовской XII в. под БЛАГОЧИНЕНИ|іЄМ понимается *соблюдение правил, выдержка, послушание*: *«Самопрѣтыкателю … чьстьныя чьтоуть каноны, тѣмь же вънємлющая ep(с)пы. и застоупающемъ ꙗ(т)даю||ще. Сами паче строгать дѣлъмь. Вътѣхъ бл҃гочинѣниюємь паче чьтоуть»*[12]. Также в Кормчей употребляется существительное «БЛАГОЧИНИіЄ» в значении «*установлен-*

[6] См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т . / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 7. С. 48 ; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова ; отв. ред. чл.-кор. АН СССР М. Н. Тихомиров. М. ; Л. : Академия наук СССР, 1950. С. 32.

[7] См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т . / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 7. С. 236 ; Лаврентьевская летопись 1377 г. Нижний Новгород. Основной писец – монах Лаврентий. F.п.IV.2 Ф. 550. Основное собрание рукописной книги, инв. 219. Л. 150об.

[8] См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т . / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 7. С. 236 ; Лаврентьевская летопись 1377 г. Нижний Новгород. Основной писец - монах Лаврентий. F.п.IV.2 Ф. 550 - Основное собрание рукописной книги, инв. 219. Л. 131об.

[9] См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т . / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 4: (изживати – молениіе). С. 482 ; Библиотека литературы Древней Руси / РАН ; Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) ; под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 1997. Т. 1: XI–XII века. 542 с. ; Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон ; под ред. С. И. Коткова ; АН СССР ; Ин-т рус. яз. М. : Наука, 1971. 754 с.

[10] См.: Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т . / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 4: (изживати – молениіе). С. 484 ; Пандекты Никона Черногорца рукопись / Никон Черно-горец. [Б.м.], XVI в. I+490 [из них 1 чистый] л. : 1˚(21,0 х 30,6) см.

[11] Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. Т. 1: (а – възаконАтисА). С. 215.

[12] Там же. С. 215–216.

ный порядок, правила»: *«къ симъ же и о блг҃оч ни и цр҃кв҃ъ. гавлиєна правила повелѣхомъ; мнози ц҃рквьноє блгочиниє съмоуштати и развратити хотѧште»*[13].

В соответствии с Уставом студийским церковным и монастырским конца XII в. или начала XIII в. от древнерусского «БЛАГОЧИНИІЄ» образованы производные: во-первых, древнерусское существительное «БЛАГОЧИНЬСТВО», под которым понимается *следование установленным правилам, послушание*: *«толико опасениє, блг҃очиньства же и добропокорения. ѥже величьствиѥмь моучени боудоуть непокорѧщесѧ»*[14]; во-вторых, «БЛАГОЧИНЬСТИВИіЄ» в значении *«следование установленному порядку, правилам»*: *«О прѣбывании блг҃обоязнивыихъ мънихъ слово, и о вьсѧцѣмь обѣдании блг҃очиньствии. и о иньхъ ѥлико въ подобоу бѣ прѣдати. таковою коуплениє сътварѧющеѥ»*[15].

Исследование юридического термина «благочиние» проведено Ю. В. Сидоркиным, изучавшим полицейский надзор за благочинием в Российской империи, охватывая хронологические рамки с момента возникновения регулярной полиции в Российском государстве. Он связан с утверждением 25 мая 1718 г. Петром I «Пунктов» и длился до революции и упразднения Департамента полиции Министерства внутренних дел постановлением Временного правительства «Об упразднении Департамента полиции и об учреждении Временного управления по делам общественной полиции» от 10 марта 1917 г.[16] Он отмечал, что «термин “благочиние” употреблялся в XVI – первой половине XVII в. преимущественно в обиходе русской православной церкви и обозначал строгий порядок, соблюдение строгого порядка, благопристойное поведение»[17].

Вместе с тем в древнерусских памятниках термин «благочиние» используется в церковном обиходе гораздо раньше, начиная с XII в. Это, в свою очередь, свидетельствует о существовании уже в то время определенных правил поведения, которым древнерусский человек должен был следовать, за несоблюдение которых подразумевалось наказание.

Поскольку религия для древнерусского общества имела фундаментальное значение, каноны и тексты церковно-юридического характера, закрепленные в церковных памятниках, содержали обязательные для православных христиан правила. Они регламентировали общественные отношения в сфере государственного управления, а также дела, касающиеся церкви, и нашли свое отражение в правовых нормах в результате законодательной деятельности органов власти. Кроме того, данные обстоятельства подтверждают потребность развивающегося феодального государства в установлении правопорядка в обществе того времени.

Разумеется, мы не найдем в древних памятниках составы преступлений против общественного порядка, закрепленные в современном Уголовном кодексе РФ. Однако именно в них содержатся истоки признаков преступлений против общественного порядка. Так, И. В. Рехтина замечает: признаки современного хулиганства можно увидеть уже со времен Русской Правды[18].

Учитывая, что Русская Правда является первым писаным законодательным актом Древней Руси, рассмотрим подробнее *Краткую и Пространную редакцию Русской Правды*, а также *Уставы Владимира Мономаха* и *Ярослава Мудрого*. Указанные документы позволяют определить совокупность общественных интересов, устоев, правил поведения, за нарушения которых предусматривалось наказание.

В ст. 24 Устава князя Ярослава Владимировича регламентировано обязательное правило ношения бороды: *«Аже пострижеть голову или бороду, епископу 12 гривен, а князь казнить»*[19]. В этой норме отражен обычай ношения бороды мужским населением, выступая символом мужественности. С принятием крещения борода приобрела религиозное значение, в связи с чем обязательное ее ношение нашло отражение в памятниках древнерусского права.

[13] Там же. Т. 1: (а – възаконАтисА). С. 215.

[14] Там же.

[15] Там же. С. 216.

[16] См.: *Сидоркин Ю. В.* Полицейский надзор за благочинием в Российской империи : историко-правовое исследование : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020. 34 с.

[17] *Сидоркин Ю. В.* Возникновение и развитие понятия «благочиние» в правоохранительной сфере Российской империи // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 4А. С. 41.

[18] См.: *Рехтина И. В.* Предпосылки принципа правовой определенности (res judicata) в источниках права Древней Руси X–XVI вв. // История государства и права. 2014. № 15. С. 16–21.

[19] Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова ; сост. А. А. Зимин. М. : Госюриздат, 1952. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XII вв. С. 261.

Поэтому действия, направленные на лишение человека бороды, совершенные публично, считались унижающими человеческое достоинство, оскорблением религиозных чувств верующих, выражающими явное неуважение к обществу и потерпевшему.

В соответствии со ст. 67 Пространной редакции Русской правды за совершение данного деяния предусмотрен штраф в размере 12 гривен: *«А кто порветь бороду, а въньметь знамение, а вылезуть людие, то 12 гривен продаже; аже без людии, а в поклепе, то нету продаже* (перевод: «А (если) кто вырвет (у кого) клок бороды и останется знак (от этого), к тому же будут свидетели, то (платить) 12 гривен штрафа; если свидетелей не будет, а (будет) только (одна) жалоба, то князю штрафа не платить»)[20].

В Смоленском соглашении с Ригою 1230–1270 гг. также содержится норма, охраняющая данное правило, однако наказание было основано на социальной дифференциации. В соответствии со ст. 19 Соглашения 3 гривны серебра (12 гривен кун) полагались за повреждение бороды рядового смольнянина; за бороду боярина платилось 5 гривен серебра[21].

Помимо этого, Пространная редакция Русской Правды предусматривала за отсеченный палец штраф в четыре раза меньше, чем за вырванный ус или бороду. Покушение на честь и достоинство, а также религиозные чувства верующего человека каралось намного строже, чем за небольшое увечье.

Фиксация в Русской Правде наказания за действия, выражающие неуважение к личности и обществу, сопряженные с применением насилия, подтверждает идею стремления построения системы отношений в древнерусском обществе на принципах уважения, патриархальности, христианских морально-нравственных норм, формируя тем самым правила взаимодействия в обществе в целях обеспечения общественного спокойствия и безопасности.

В Древней Руси формируется порядок нравственного жития в семейно-брачных отношениях между мужчиной и женщиной, родственниками, детьми и родителями, поддерживая тем самым патриархальные устои и утверждая половую мораль. В свою очередь, данный процесс отражен в Восточно-Русской редакции Устава князя Ярослава Владимировича, отнесшего дела о нарушении нравственности к компетенции церковного суда. Во введении к Уставу указано: «..не подобаеть сих тяжь судити князю и бояром. Дал есмь митрополитом и епископом те суды, что писаны в правилех, в номоканоне, по всем городом и по всей области, где крестьянство есть»[22].

За несоблюдение установленных правил взаимоотношений в сфере семейно-брачных отношений и половой морали указанным нормативным актом предусмотрены штрафы. Так, в ст. 14 Устава предусмотрено наказание за прекращение мужем семейных отношений: *«Аже мужь с женою по своей воли роспуститься, епископу 12 гривен; а будет не венчалныи, епископу 6 гривен»*. Статьи 17–18 охраняют чистоту семейных отношений, выстраивая отношения между членами семьи на принципе правил нравственности. В частности, ст. 17 Устава гласит: *«Аже свекор [с] снохою блудить, епископу 100 гривен, а опитемья по закону»*; ст. 18: *«Аже кто с двема сестрома падется, епископу 30 гривен»*[23].

В процессе становления русского государства выстраивалась система отношений в обществе, устанавливались правила поведения. Они основывались на принципах уважения, нравственности, морали, в соответствии с христианскими нормами, направленными на обеспечение телесной и духовной защиты древнерусского человека от посягательств.

Кроме того, на законодательном уровне охранялась и христианская символика. Во Второй редакции Устава князя Владимира Мономаха 1113 г. в ст. 3 в числе противоправных деяний, отнесенных к компетенции церковного суда, содержатся сруб креста, стоящего на дороге, возвышении или на кладбище, и осквернение стен зданий (мы бы сказали – вандализм). По смыслу ст. 3 осквернение стен выражается в нанесении надписей или изображений острым предметом: *«…крест посекут или на стенах режут…»*[24]. На законодательном уровне прослеживается защита христианской идеологии в борьбе с идолопоклонством, языческим укладом жизни. Таким образом, княжеская власть стала осуществлять контроль за соблюдением норм общежития[25]. Подобное деяние совершено по мотивам рели-

[20] Памятники русского права / под ред. С. В. Юшкова. С. 115.

[21] См.: Там же. С. 89.

[22] Там же. С. 259.

[23] Там же. С. 260.

[24] Там же. С. 241.

[25] См.: *Горский А. А.* Русь : от славянского расселения до Московского царства. М., 2004. С. 126–127.

гиозной ненависти, с целью оскорбления чувств верующих и общественной нравственности.

Положения «Устава» охраняют тело человека и после смерти, запрещая «мертвеци сволочать», т. е. разрытие могилы из корыстных побуждений в целях снятия одежды и драгоценностей с умершего. Тем самым не допускалось совершение грехом виновного лица.

Таким образом, становление древнерусского государства предопределило появление правовых актов, соответствующих формирующемуся общественному порядку.

В заключение можно сделать следующие выводы.

1. Первоначально правила жития жителя Руси закреплялись в церковных памятниках, содержащих каноны и тексты церковно-юридического характера. Часто они заимствовались из византийских источников, приспособленных к древнерусской действительности и правосознанию населения.

2. Отнесение преступлений к компетенции церковного суда способствовало внедрению христианских религиозно-правовых идей в общественное правосознание[26]. Оно отражалось в порядке общества раннефеодального периода Руси, регламентировалось законодательно и наказывалось чаще всего штрафом.

3. Памятники права закрепляли основополагающие правила поведения населения не только в церковных делах, но и в иных сферах общественной жизни, включая брачно-семейные отношения. Нормы определяли взаимоотношения сословий и в сфере государственного управления в целях формирования уважительных отношений между членами общества. Их целевое назначение состояло в обеспечении общественного спокойствия и нормальной жизнедеятельности государства.

Библиографический список

Библиотека литературы Древней Руси / РАН ; Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом) ; под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб. : Наука, 1997. Т. 1: XI–XII века. 542 с.

Горский А. А. Русь : от славянского расселения до Московского царства. М., 2004.

Закон Судный людем в краткой редакции / под ред. М. Н. Тихомирова, Л. В. Милова. М. : Академия наук СССР, 1961. 179 с.

Лаврентьевская летопись 1377 г. Ниж. Новгород. Основной писец – монах Лаврентий. F.п.IV.2 Ф. 550. Основное собрание рукописной книги, инв. 219. Л. 150 об.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова ; отв. ред. чл.-кор. АН СССР М. Н. Тихомиров. М. ; Л. : Академия наук СССР, 1950. 565 с.

Памятники русского права / под ред. С.В. Юшкова ; сост. А. А. Зимин. М. : Госюриздат, 1952. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XII вв. 287 с.

Пандекты Никона Черногорца рукопись / Никон Черногорец. [Б.м.], XVI в. I+490 [из них 1 чистый] л. : 1˚(21,0 × 30,6) см.

Повесть временных лет / пер. Д. С. Лихачева, О. В. Творогова ; коммент. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова при участии А. М. Введенского и Л. В. Войтовича ; 129 ил. Мюда Мечева. СПб. : Вита Нова, 2012.

Рехтина И. В. Предпосылки принципа правовой определенности (res judicata) в источниках права Древней Руси X–XVI вв. // История государства и права. 2014. № 15. С. 16–21.

Савченко Д. А. Правовая система Древней Руси XI–XII вв. // Развитие территорий. 2015. № 3. С. 77–82.

Селифонов А. А. Общественный порядок : опыт исследования. СПб., 2011.

Сидоркин Ю. В. Полицейский надзор за благочинием в Российской империи : историко-правовое исследование : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2020. 34 с.

Сидоркин Ю. В. Возникновение и развитие понятия «благочиние» в правоохранительной сфере Российской империи // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 4А. С. 40–46.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. М. : Рус. яз., 1988. Т. 1: (а – възаконАтисА). 526 с.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. М. : Рус. яз., 1988. Т. 4: (изживати – молениіе). 559 с.

Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. / АН СССР ; Ин-т рус. яз. ; гл. ред. Р. И. Аванесов. М. : Рус. яз., 1988. Т. 7. 505 с.

Точка А. В. Преступления против общественного порядка : криминализация, систематизация, уголовно-правовое содержание : дис.… канд. юрид. наук. Краснодар, 2014. 210 с.

Успенский сборник XII–XIII вв. / изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон ; под ред. С. И. Коткова ; АН СССР ; Ин-т рус. яз. М. : Наука, 1971. 754 с.

[26] См.: *Савченко Д. А.* Правовая система Древней Руси XI–XII вв. // Развитие территорий. 2015. № 3. С. 77–82.

References

Library of Literature of Ancient Rus / RAS ; In-t rus. lit. (Pushkin House) ; ed. by D. S. Likhachev et al. St. Petersburg : Nauka, 1997. V. 1: XI–XII century. 542 p.

Gorsky A. A. Rus. From the Slavic settlement to the Muscovite kingdom. Moscow, 2004. P. 126–127.

Laurentian Chronicle of 1377 Nizhny Novgorod. Main scribe – monk Laurentiy. F.п. IV.2 F. 550 – Main collection of the manuscript book, inv. 219. L. 150 rev.

Novgorod First Chronicle of the Senior and Junior Editions / ed. and with preface by A. N. Nasonov ; ed. Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences M. N. Tikhomirov. Moscow ; Leningrad : USSR Academy of Sciences, 1950. 565 p.

Monuments of Russian law. Part 1: Monuments of the law of the Kievan state of the 10th–12th centuries / ed. by S. V. Yushkov ; compiled by A. A. Zimin. Moscow : Gosyurizdat, 1952. 287 p.

Pandects of Nikon the Chernogorsk manuscript / Nikon the Chernogorsk. [B.m.], 16th century. I+490 [of which 1 clean] p.: 1˚ (21.0 × 30.6) cm.

The Tale of Bygone Years / transl. by D. S. Likhachev, O. V. Tvorogov ; commentary by A. G. Bobrova, S. L. Nikolaev, A. Yu. Chernov with the participation of A. M. Vvedensky and L. V. Voitovich ; 129 ill. Myuda Mecheva. St. Petersburg : Vita Nova, 2012. 507 p.

Rekhtina I. V. Prerequisites for the principle of legal certainty (res judicata) in the sources of law of Ancient Rus' in the 10th–16th centuries // History of state and law. 2014. No. 15. P. 16–21.

Savchenko D. A. Legal system of Ancient Rus' of the 11th–12th centuries // Development of territories. 2015. No. 3. P. 77–82.

Selifonov A. A. Public order : research experience. St. Petersburg, 2011. P. 10.

Sidorkin Yu. V. Police supervision of decency in the Russian Empire : historical and legal research : cand. legal sci. dis. abstr. Nizhny Novgorod, 2020. 34 p.

Sidorkin Yu. V. The emergence and development of the concept of «decency» in the law enforcement sphere of the Russian Empire // Issues of Russian and International Law. 2017. Vol. 7. No. 4A. P. 40–46.

Dictionary of the Old Russian Language (11th-14th Centuries) : in 10 volumes / USSR Academy of Sciences ; Institute of Russian language ; ed. in chief R. I. Avanesov. Moscow : Russian language, 1988. Vol. 1. 526 p.

Dictionary of the Old Russian Language (11th-14th Centuries) : in 10 Volumes / USSR Academy of Sciences ; Institute of Russian Language ; ed. in chief R. I. Avanesov. Moscow : Rus. Language, 1988. Vol. 4. 559 p.

Dictionary of the Old Russian Language (11th-14th Centuries) : in 10 Volumes / USSR Academy of Sciences ; Institute of Russian Language ; ed. in chief R. I. Avanesov. Moscow : Rus. Language, 1988. Vol. 7. 505 p.

Tochka A. V. Crimes against public order : criminalization, systematization, criminal-legal content : cand. legal sci. dis. Krasnodar, 2014. 210 p.

Assumption collection of the 12th–13th centuries / ed. prepared by O. A. Knyazevskaya, V. G. Demyanov, M. V. Lyapon ; ed. by S. I. Kotkov ; USSR Academy of Sciences ; Institute of Russian Language. Moscow : Nauka, 1971. 754 p.

Нижегородская академия МВД России
Коробова А. С., редактор редакционно-издательского отдела, соискатель
E-mail: korobova07@list.ru

Поступила в редакцию: 04.04.2025

Для цитирования:
Коробова А. С. Категория «общественный порядок» в уголовном законодательстве раннефеодальной Руси // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 224–230. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/224-230

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Korobova A. S., editor of the editorial and publishing department, applicant for an academic degree
E-mail: korobova07@list.ru

Received: 04.04.2025

For citation:
Korobova A. S. The category of «public order» in the criminal legislation of early feudal Rus'// Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 3 (62). P. 224–230. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/224-230

УДК 343.36
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/231-239

КВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ ВИДЫ ПОБЕГА: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Е. А. Мельников
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

QUALIFIED TYPES OF ESCAPE: CURRENT ISSUES OF THEORY AND PRACTICE

E. A. Melnikov
Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Аннотация: исследуются актуальные вопросы, связанные с квалифицирующими признаками побега. Анализируются квалифицированные составы преступлений, предусмотренных ч. 2, 3 ст. 313 УК РФ. Рассматривается, в каких случаях совершение побега группой лиц по предварительному сговору или организованной группой и (или) с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, охватывается квалификацией по ч. 2 и 3 ст. 313 УК РФ, а в каких случаях требуется дополнительная квалификация по соответствующей статье Особенной части УК РФ по правилам о совокупности преступлений. Изучаются вопросы квалификации действий соучастников побега, а также вопрос о том, может ли в состав организованной группы (ч. 2 ст. 313 УК РФ) входить лицо, не обладающее признаками специального субъекта.
Ключевые слова: побег, квалифицированный состав преступления, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, преступления против правосудия.

Abstract: the current issues related to the qualifying signs of escape are investigated. The article analyzes the qualified elements of crimes provided for in Parts 2 and 3 of Articles 313 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article considers in which cases escape by a group of persons by prior agreement or by an organized group and (or) with the use of violence dangerous to life or health, or with the threat of such violence, with the use of weapons or objects used as weapons, is covered by the qualification under Parts 2 and 3 of art. 313 of the Criminal Code of the Russian Federation, and in what cases additional qualifications are required under the relevant article of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation according to the rules on the totality of crimes. The issues of qualifying the actions of accomplices in the escape are being studied, as well as the question of whether an organized group (Part 2 of Article 313 of the Criminal Code of the Russian Federation) may include a person who does not possess the characteristics of a special entity.
Key words: escape, qualified corpus delicti, group of persons by previous concert, organized group, crimes against justice.

Побег может совершаться самыми разнообразными способами[1]. В соответствии со ст. 313 УК РФ квалификация содеянного не зависит от того, каким способом совершается побег: путем подкопа с повреждением инженерно-технических средств охраны, распиливания решеток, пролома стены, нападения на охрану и т. д.

Однако такой подход не является универсальным. Например, в законодательстве отдельных постсоветских государств к квалифицирующим признакам побега отнесены следующие способы его совершения: совершение побега способом, опасным для жизни или здоровья других лиц, путем подкопа, а также с повреждением инженерно-технических средств охра-

[1] См. подробнее: *Грязева Н. В.* Способы совершенствования побегов из-под стражи // Уголовно-исполнительная система : право, экономика, управление. 2006. № 2. С. 17–22.

© Мельников Е. А., 2025

ны[2]. Частично указанные способы совершения побега были также закреплены в ч. 2 ст. 188 УК РСФСР 1960 г. Однако в большинстве случаев в уголовном законодательстве постсоветских государств в настоящее время указаны квалифицирующие признаки побега, аналогичные тем, которые закреплены в УК РФ (например, ст. 304 УК Азербайджана, ст. 413 УК Республики Беларусь, ст. 426 УК Казахстана, ст. 368 УК Республики Кыргызстан и др.).

Применительно к отечественному законодательству стоит согласиться с позицией, что побег, сопряженный с умышленным убийством (ст. 105 УК РФ), умышленным причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), захватом заложника (ст. 206 УК РФ)[3], незаконным приобретением, передачей, сбытом, хранением, перевозкой, пересылкой или ношением оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов (ст. 222 УК РФ)[4], хищением либо вымогательством оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (ст. 226 УК РФ)[5], подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 313 и соответствующими статьями УК РФ[6].

В ряде случаев такая совокупность преступлений будет и в случае побега, сопряженного с посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа или представителя власти (ст. 317 УК РФ), применением насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей (ч. 2 ст. 318 УК РФ) либо дезорганизацией деятельности учреждения, обеспечивающего изоляцию от общества (321 УК РФ)[7].

Стоит отметить, что если необходимость квалификации побега, сопряженного с умышленным убийством (ст. 105 УК РФ), умышленным причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ), захватом заложника (ст. 206 УК РФ), по совокупности преступлений в доктрине признается большинством специалистов[8], то по поводу наличия совокупности преступлений в случае совершения побега, соединенного с насилием в отношении сотрудника места лишения свободы, сотрудника места содержания под стражей, конвойного и др., мнения разнятся. Например, указывается, что в данном случае имеет место «конкуренция части и целого, где целое – ст. 313 УК РФ, а часть – ст. 321 УК РФ», следовательно, совокупность преступлений отсутствует[9]. В других источниках содержится прямо противоположная позиция[10]. Встречается мнение, что наличие совокупности рассматриваемых преступлений или ее отсутствие зависит от целей и обстоятельств, при которых насилие применялось в отношении перечисленных выше потерпевших: «Если насилие к иным осужденным и сотрудникам исправительного учреждения было средством преодоления препятствия на пути к самовольному освобождению, деяние лица содержит признаки ст. 313 УК и не требует дополнительной квалификации по ст. 318 или 321 УК»[11].

---

[2] См., например: Статья 393 УК Украины.

[3] См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 12 марта 2019 г. № 203-АПУ19-4 ; Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 31 августа 2017 г. № 203-АПУ17-22 ; Кассационное определение Верховного Суда РФ от 6 февраля 2012 г. № 91-О12-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] См.: Определение Верховного Суда РФ от 27 сентября 2006 г. № 80-006-40 ; Определение Санкт-Петербургского городского суда от 15 ноября 2010 г. № 22-7164/407. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[5] См.: Определение Верховного Суда РФ от 27 сентября 2006 г. № 80-006-40 ; Определение Верховного Суда РФ от 15 августа 2006 г. по делу № 16-006-29 ; Определение Санкт-Петербургского городского суда от 15 ноября 2010 г. № 22-7164/407. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[6] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. Особенная часть. Разделы X–XII (постатейный) / отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017.

[7] См.: Там же.

[8] См.: *Голубов И. И.* Квалификация применения насилия при совершении побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи // Российский судья. 2014. № 10 ; Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2015 ; Преступления против правосудия / под ред. А. В. Галаховой. М., 2005.

[9] См.: Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. М. : Статут, 2012 ; *Буркина О. А., Ситдикова В. А.* Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества : проблемы отграничения от смежных составов преступлений // Российский следователь. 2014. № 16.

[10] См.: Преступления против правосудия / под ред. А. В. Галаховой ; *Хромов Е. В.* Комментарий к отдельным положениям Уголовного кодекса Российской Федерации в решениях Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ (постатейный). 2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[11] Преступления против правосудия (гл. 31 УК РФ) : монография / под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2023. С. 472.

Анализ правоприменительной практики показал, что во многих случаях суды в рассматриваемой ситуации усматривали совокупность преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 313 и ч. 3 ст. 321 УК РФ[12]. Аналогично при совершении побега с применением насилия по отношению к представителям власти, не являющимся сотрудниками мест лишения свободы или сотрудниками мест содержания под стражей, например к сотрудникам полиции, осуществляющим конвоирование лиц, взятых под стражу, к месту назначения, действия виновных квалифицировались по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 313 и ч. 2 ст. 318 УК РФ[13]. В случае убийства таких лиц при наличии соответствующих признаков посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа деяние квалифицировалось по совокупности ч. 3 ст. 313 и ст. 317 УК РФ[14].

В некоторых случаях суды, по нашему мнению, ошибочно квалифицировали по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 313 и ч. 2 ст. 318 УК РФ, побег, сопряженный с насилием в отношении сотрудника места лишения свободы, сотрудника места содержания под стражей[15].

В одном из судебных решений суд обратил внимание, что преступления, предусмотренные ст. 313 и 318 УК РФ, различаются по объекту преступного посягательства: «Побег относится к преступлениям, направленным против правосудия, а применение насилия, опасного для жизни и здоровья, в отношении представителей власти направлено против порядка управления», в связи с чем квалифицировал преступление по совокупности преступлений[16]. Стоит также отметить, что в обоснование своего решения суд дополнительно указал, что потерпевшему был причинен тяжкий вред здоровью, что не охватывается ч. 3 ст. 313 УК РФ.

Хотелось бы остановиться на этом моменте подробнее. Преступления, предусмотренные ст. 313 и 318, 321 УК РФ, находятся в разных главах УК РФ. При совершении преступления, предусмотренного ст. 318 УК РФ, в качестве потерпевшего может выступать любой представитель власти, в том числе не связанный каким-либо образом с осуществлением правосудия либо с оказанием содействия в такой деятельности. Однако в отношении ст. 321 УК РФ ситуация несколько иная. Мы согласны с позицией некоторых авторов, которые указывают, что преступление, предусмотренное ст. 321 УК РФ, посягает на тот же видовой объект, что и побег (ст. 313 УК РФ), в связи с чем целесообразно ст. 321 УК РФ перенести в гл. 31 «Преступления против правосудия»[17].

Действительно, данное преступление непосредственным образом посягает на общественные отношения, характеризующие работу уголовно-исполнительных органов по надлежащему исполнению судебных решений, что уже находится в корреляции с общественными отношениями, характеризующими авторитет правосудия.

Если мы допускаем, что преступления, предусмотренные ст. 313 и 321 УК РФ, посягают на один и тот же видовой объект, то во всех ли случаях требуется квалифицировать побег, сопряженный с насилием в отношении сотрудника места лишения свободы или сотрудника места содержания под стражей, по совокупности преступлений? Ответ кажется очевидным – нет.

---

[12] См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 31 августа 2017 г. № 203-АПУ17-22 ; Кассационное определение Верховного Суда РФ от 30 июля 2007 г. № 89-О07-22. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Сборник постановлений Пленумов Президиума и определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР. 1961–1963 гг. М., 1964. С. 196–197.

[13] См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 18 апреля 2013 г. № 2-АПУ13-4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[14] См.: Определение Верховного Суда РФ от 27 сентября 2006 г. № 80-006-40.

[15] См.: Апелляционное определение Верховного Суда Республики Тыва от 6 июля 2021 г. № 22-976/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»

[16] См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 24 декабря 2014 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[17] См.: *Друзин А. И., Чучаев А. И.* Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (проблемы законодательного регулирования) // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2002. № 4 ; *Примак А. А.* Уголовная ответственность за преступления, посягающие на установленный порядок исполнения наказания в виде лишения свободы : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2003. С. 20–22 ; *Рудый Н. К.* Совершенствование уголовно-правовых норм об ответственности за преступления, посягающие на служебную деятельность и безопасность должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, сотрудников учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества // Российский следователь. 2008. № 13.

Кроме того, при совершении побега из мест лишения свободы или содержания под стражей, сопряженного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, сотрудники этих учреждений, а также конвойные являются наиболее вероятными потерпевшими.

Законом Российской Федерации от 18 февраля 1993 г. № 45-12-1 «О внесении изменений в Уголовный кодекс РСФСР» квалифицированный вид побега – «побег, соединенный с насилием над стражей» – был исключен из УК РСФСР 1960 г. Вместо него в УК РСФСР был введен укрупненный квалифицирующий признак «с применением насилия либо способом, создающим угрозу для жизни и здоровья других лиц» (п. «г» ч. 2 ст. 188 УК РСФСР 1960 г.). В УК РФ аналогичный квалифицирующий признак сформулирован несколько иным образом: «с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия…», который также носит общий «укрупненный» характер (если рассматривать данный признак в динамике изменений законодательства).

Логично предположить, что ч. 3 ст. 313 УК РФ всё же учитывает случаи применения насилия в отношении указанной категории лиц. Это, в свою очередь, говорит о том, что дополнительная квалификация по ст. 318 или ст. 321 УК РФ в подобных ситуациях может требоваться не всегда.

Вместе с этим необходимо отметить, что ч. 2 ст. 318 и ч. 3 ст. 321 УК РФ охватывают случаи причинения тяжкого, средней тяжести и легкого вреда здоровью, в то время как ч. 3 ст. 313 УК РФ охватывает исключительно применение легкого и средней тяжести вреда здоровью.

Именно в тех случаях, когда в результате побега, сопряженного с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, в отношении рассматриваемой категории потерпевших им причиняется тяжкий вред здоровью, деяние необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 313 и ч. 2 ст. 318 либо ч. 3 ст. 321 УК РФ. Иначе в случае угрозы применения насилия, опасного для жизни и здоровья, причинения средней тяжести и легкого вреда здоровью деяние должно быть квалифицировано лишь по ч. 3 ст. 313 УК РФ.

Подтверждением сказанному служит следующий пример из судебной практики: «…преступление совершено в одном месте, в одно время и в отношении одного и того же потерпевшего (конвоира – сотрудника милиции), в адрес которого высказывалась угроза подрыва, т. е. применения насилия, опасного для жизни и здоровья, президиум находит излишней квалификацию действий К. по ч. 1 ст. 318 УК РФ, поскольку все его действия полностью охватываются ч. 3 ст. 313 УК РФ»[18].

Совокупность преступлений, предусмотренных ст. 313 и 318 либо ст. 321 УК РФ, будет иметь место и в случае реальной совокупности таких преступлений. Например, если насилие применяется к сотрудникам правоохранительных органов, осуществляющих преследование преступника, после юридического окончания побега[19].

В ряде случаев побег может сопровождаться неправомерным завладением автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ), а также угоном судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (ст. 211 УК РФ). В указанных случаях действия преступника также надлежит квалифицировать по совокупности ст. 313 и 116 и/или 311 УК РФ[20].

В ч. 2 ст. 313 УК РФ в качестве квалифицирующих признаков побега указаны совершение данного деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. В некоторых работах отмечается, что эти два квалифицирующих признака несопоставимы по степени общественной опасности, в связи с чем их одновременное размещение в ч. 2 ст. 313 УК РФ является недоработкой законодателя[21]. Это утверждение представляется не вполне обоснованным. Действительно совершение побега организованной группой является более тяжким деянием, чем совершение побега группой лиц по предварительному сговору. Тем не менее эта разница в степени общественной опасности может быть учтена судом при назначении наказания. В этом плане более существенной недоработкой законодателя является отсутствие дифференциации

[18] Постановление Президиума Приморского краевого суда от 15 июня 2012 г. № 4У-2352/2012[44У-359/2012]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[19] См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 18 апреля 2013 г. № 2-АПУ13-4.

[20] См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 18 апреля 2013 г. № 2-АПУ13-4.

[21] См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 28: Преступления против правосудия – Издание профессора Малинина. СПб. : МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2017. С. 818 ; Преступления против правосудия (гл. 31 УК РФ) : монография / под ред. Н. А. Лопашенко. С. 469.

нижних границ санкций в ч. 1–3 ст. 313 УК РФ[22]. Кроме того, подобная законодательная техника применена законодателем, например, в п. «г» ч. 3 ст. 286, п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ и др.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание на позицию высшего судебного органа относительно правил квалификации в случаях получения взятки группой лиц по предварительному сговору или в составе организованной группы.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»[23] указано, что «взятку или предмет коммерческого подкупа надлежит считать полученными группой лиц по предварительному сговору, если в преступлении участвовали два и более должностных лица или два и более лица, выполняющие управленческие функции в коммерческой или иной организации, которые заранее договорились о совместном совершении данного преступления путем принятия незаконного вознаграждения за совершение каждым из них действий (бездействие) по службе в пользу передавшего такое вознаграждение лица или представляемых им лиц» (п. 15).

Применительно к организованной группе Верховный Суд РФ указал, что в нее, «помимо одного или нескольких должностных лиц или лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации, могут входить лица, не обладающие признаками специального субъекта получения взятки или коммерческого подкупа.

В случае признания получения взятки либо предмета коммерческого подкупа организованной группой действия всех ее членов, принимавших участие в подготовке и совершении этих преступлений, независимо от того, выполняли ли они функции исполнителя, организатора, подстрекателя или пособника, подлежат квалификации по соответствующей части статьи 290 или статьи 204 УК РФ без ссылки на статью 33 УК РФ» (п. 16).

Таким образом, Верховный Суд РФ констатировал, что в группу лиц должно входить минимум два должностных лица, а в организованную группу может входить только одно должностное лицо, при том что действия остальных лиц, не выполняющих объективную сторону получения взятки, следует квалифицировать без ссылки на ст. 33 УК РФ, вне зависимости от их роли.

Применительно к п. «г» ч. 3 ст. 286 УК РФ представляется правильным мнение, что в случае превышения должностных полномочий в составе организованной группы действия ее участников, не являющихся специальным субъектом (должностными лицами), должны рассматриваться так же, как соисполнительство, и быть квалифицированы по соответствующей части ст. 286 УК РФ без ссылки на ст. 33 УК РФ[24].

Аналогичный подход содержится в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем»[25].

Рассматривая проблематику совершения должностных преступлений в составе организованной группы, П. С. Яни указал, что если лицо входит в организованную группу, то оно является соисполнителем преступления в составе такой группы, и правило, предусмотренное для квалификации действий лиц, совершающих преступление со специальным субъектом (ч. 4 ст. 34 УК РФ), в данном случае не применяется[26].

Реализованный подход в п. «а» ч. 4 ст. 174, п. «г» ч. 3 ст. 286 и п. «а» ч. 5 ст. 290 УК РФ представляет интерес. В соответствии с ним лица, не выполняющие объективную сторону соответствующего преступления, могут быть привлечены к уголовной ответственности в качестве соисполнителей. Думаем, что это можно объяснить тем, что в современной теории уголовного права, которая находит подтверждение в правоприменительной практике, в ряде случаев совершение преступления рассматривается шире, нежели выполнение объективной стороны соответствующего деяния (ч. 2 ст. 33 УК РФ), в частности, таковыми могут признаваться умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на его совершение (ч. 3

[22] См.: *Кулешов Ю. И.* Проблемы оптимизации уголовно-правовой политики в сфере борьбы с преступлениями против правосудия // Юридический мир. 2014. № 8.

[23] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

[24] См.: *Борков В. Н.* Квалификация превышения должностных полномочий, совершенного организованной группой // Законность. 2022. № 10.

[25] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

[26] См.: *Яни П. С.* Новое постановление Пленума Верховного Суда о взяточничестве // Законность. 2013. № 11.

ст. 30 УК РФ). Однако применительно к рассматриваемому вопросу в доктрине имеется и иное мнение. В частности, В. Н. Борков указывает, что квалификация действий члена организованной группы, не являющегося специальным субъектом, как соисполнительство без ссылки на ст. 33 УК РФ объясняется тем, что он не способствовал организованной группе, а был ее членом. Кроме того, наличие такого отягчающего обстоятельства, как совершение преступления организованной группой, не только предполагает наличие хотя бы одного специального субъекта – члена такой группы, но и модифицирует объективную сторону посягательства, описанную в основном составе. В соответствии с ч. 5 ст. 35 УК РФ преступление в составе организованной группы может быть совершено не только путем непосредственного выполнения объективной стороны, но и в виде любого другого участия в преступлении. Участники организованной группы сами являются спецсубъектами, и при квалификации их действий, например, при получении взятки в составе организованной группы, нет необходимости уточнять роль каждого из них[27].

Преступление, предусмотренное ст. 313 УК РФ, является преступлением со специальным субъектом. С учетом изложенного выше мы не согласны с распространенным в доктрине мнением, что в случае совершения побега в составе организованной группы действия ее членов могут быть квалифицированы как соисполнительство, только в случае, если эти члены группы являются специальным субъектом (лицом, находящимся в предварительном заключении, отбывающим наказание в виде лишения свободы). В противном случае действия этих лиц, при наличии к тому оснований, следует квалифицировать по ч. 4 ст. 34 УК РФ[28]. По этим же причинам мы не согласны и с позицией, что организованная группа в принципе может состоять только из лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы либо находящихся в предварительном заключении[29].

Если рассматривать случаи простого соучастия, когда содействие в побеге оказывается лицами, не являющимися членами организованной группы, то такие лица могут быть привлечены к уголовной ответственности в качестве организатора или пособника, только если такое содействие было заранее обещано. Соучастие в совершении побега возможно лишь до момента его юридического окончания.

Должностные лица, военнослужащие, содействующие побегу, несут ответственность по совокупности преступлений: за соучастие в побеге и за соответствующее должностное преступление или преступление против военной службы[30].

В ч. 3 ст. 313 УК РФ в качестве квалифицирующего признака побега указано его совершение с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия, а равно с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

Угроза применением насилия, опасного для жизни или здоровья, охватывается ч. 3 ст. 313 УК РФ и дополнительной квалификации по ст. 119 УК РФ не требует[31].

Угроза применения насилия является формой психологического воздействия на потерпевшего. Угроза должна восприниматься потерпевшим как реальная[32].

Не могут рассматриваться как квалифицирующий признак побега угроза применить насилие в будущем, а также угрозы, не связанные с применением насилия (например, угрозы разгласить сведения, позорящие потерпевшего).

В доктрине распространено мнение, что ч. 3 ст. 313 УК РФ охватывает исключительно применение легкого и средней тяжести вреда здоровью. Причинение тяжкого вреда здоровью требует квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 111 УК РФ[33]. Выше нами были рассмотрены примеры из судебной практики, подтверждающие данную позицию.

Анализ ч. 3 ст. 313 УК РФ показал, что некоторые сложности в доктрине и правоприменении

[27] См.: *Борков В. Н.* Преступление, совершенное организованной группой, как посягательство со специальным субъектом // Современное право. 2017. № 10.

[28] См.: Преступления против правосудия (гл. 31 УК РФ) : монография / под ред. Н. А. Лопашенко. С. 469.

[29] См.: Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан ; Энциклопедия уголовного права. Т. 28: Преступления против правосудия. С. 820.

[30] См.: Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан.

[31] См.: Преступления против правосудия / под ред. А. В. Галаховой ; *Голубов И. И.* Указ. соч.

[32] См.: Определение Санкт-Петербургского городского суда от 15 ноября 2010 г. № 22-7164/407.

[33] См.: Энциклопедия уголовного права. Т. 28: Преступления против правосудия. С. 826–827 ; Преступления против правосудия (гл. 31 УК РФ) : монография / под ред. Н. А. Лопашенко. С. 466.

возникают при квалификации действий лица, совершившего побег с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

В доктрине распространено мнение, что под применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, при побеге следует понимать их умышленное использование лицом как для физического воздействия, так и для психического воздействия в виде угрозы применения насилия, опасного для жизни или здоровья[34]. Обычно в качестве обоснования данной позиции приводится п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»[35]. Стоит отметить, что аналогичное понимание применения оружия закреплено в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений»[36]. Однако высшая судебная инстанция не всегда занимает однозначную позицию в рассматриваемом вопросе. Так, в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»[37] применительно к ч. 3 ст. 286 УК РФ указано, что под применением оружия или специальных средств следует понимать «умышленные действия, связанные с использованием лицом поражающих свойств указанных предметов, или использование их по назначению». На практике это означает, что использование должностным лицом оружия в целях оказания психического воздействия в виде угрозы применения насилия, опасного для жизни или здоровья, следует квалифицировать не по п. «б» ч. 3 ст. 286 УК РФ (с применением оружия или специальных средств), а по п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ (с применением насилия или с угрозой его применения). Таким образом, вопрос о том, что следует понимать под применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, не столь однозначный.

Признак применения оружия устанавливается с учетом положений Федерального закона от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»[38] и на основании заключения эксперта.

Под предметом, используемым в качестве оружия, следует понимать предметы, которыми потерпевшему могли быть причинены телесные повреждения, опасные для жизни или здоровья, а также предметы, предназначенные для временного поражения цели[39].

По одному из дел таким предметом было признано полено, подобранное на месте происшествия и использовавшееся для нанесения ударов[40].

В другом деле к предмету, используемому в качестве оружия, был ошибочно отнесен мобильный телефон, который виновный держал в руке, утверждая, что это граната. При пересмотре дела суд исключил из обвинительного приговора по ч. 3 ст. 313 УК РФ указание о применении осужденным предмета, используемого в качестве оружия[41]. Квалификация деяния в указанной части изменена не была. Подобное решение обусловлено тем, что в рассматриваемом случае К. использовал телефон под видом гранаты в целях создания угрозы применения насилия, опасного для жизни или здоровья, что также охватывается ч. 3 ст. 313 УК РФ.

Аналогично должны быть квалифицированы действия виновного, когда им при побеге использовалось в целях создания угрозы применения насилия, опасного для жизни или здоровья, заведомо неисправное оружие.

Применение при побеге виновным огнестрельного или холодного оружия в ряде случаев требует дополнительной квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 222, ст. 223 и ст. 313 УК РФ[42].

---

[34] См.: *Голубов И. И.* Указ. соч.

[35] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

[36] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 1.

[37] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

[38] Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 51. Ст. 5681.

[39] См.: Преступления против правосудия (гл. 31 УК РФ) : монография / под ред. Н. А. Лопашенко. С. 466.

[40] См.: Обзор судебной практики. Приложение к письму Генеральной прокуратуры РФ от 5 марта 2004 г. № 12/12-04 «О некоторых решениях Президиума Верховного Суда Российской Федерации, принятых в 2003 году по уголовным делам». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[41] См.: Постановление Президиума Приморского краевого суда от 15 июня 2012 г. № 4У-2352/ 2012[44У-359/2012] ; Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. А. В. Бриллиантова.

[42] См.: Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан.

В некоторых работах указывается, что в случаях, когда лицо, использовавшее оружие при побеге, получило это оружие от соучастников в ходе совершения побега или непосредственно перед ним, квалификации по ст. 222 УК РФ не требуется. В качестве обоснования указывается, что обладание оружием непродолжительное время лишь формально попадает под признаки ношения оружия, что свидетельствует о малозначительности такого деяния[43].

Данная позиция выглядит рациональной, вместе с этим суды в подобных случаях, когда лицо обладает оружием лишь непродолжительное время, всё же усматривают совокупность преступлений, предусмотренных ст. 222, 223 и 313 УК РФ[44]. Однако иногда ст. 222 УК РФ при схожих обстоятельствах из квалификации действительно исключается[45].

Библиографический список

Борков В. Н. Квалификация превышения должностных полномочий, совершенного организованной группой // Законность. 2022. № 10.

Борков В. Н. Преступление, совершенное организованной группой, как посягательство со специальным субъектом // Современное право. 2017. № 10.

Буркина О. А., Ситдикова В. А. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества : проблемы отграничения от смежных составов преступлений // Российский следователь. 2014. № 16.

Голубов И. И. Квалификация применения насилия при совершении побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи // Российский судья. 2014. № 10.

Грязева Н. В. Способы совершенствования побегов из-под стражи // Уголовно-исполнительная система : право, экономика, управление. 2006. № 2. С. 17–22.

Друзин А. И., Чучаев А. И. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (проблемы законодательного регулирования) // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2002. № 4.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. Особенная часть. Разделы X–XII (постатейный) / отв. ред. В. М. Лебедев. М. : Юрайт, 2017.

Кулешов Ю. И. Проблемы оптимизации уголовно-правовой политики в сфере борьбы с преступлениями против правосудия // Юридический мир. 2014. № 8.

Малков В. П. Совокупность преступлений : вопросы квалификации и назначения наказания. Казань, 1974. 307 с.

Преступления против правосудия / под ред. А. В. Галаховой. М., 2005.

Преступления против правосудия (гл. 31 УК РФ) : монография / под ред. Н. А. Лопашенко. М., 2023. 560 с.

Примак А. А. Уголовная ответственность за преступления, посягающие на установленный порядок исполнения наказания в виде лишения свободы : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2003. 24 с.

Рудый Н. К. Совершенствование уголовно-правовых норм об ответственности за преступления, посягающие на служебную деятельность и безопасность должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, сотрудников учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества // Российский следователь. 2008. № 13.

Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. Ф. Р. Сундурова, М. В. Талан. М. : Статут, 2012.

Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник / под ред. А. В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2015.

Хромов Е. В. Комментарий к отдельным положениям Уголовного кодекса Российской Федерации в решениях Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ (постатейный). 2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Энциклопедия уголовного права. Т. 28: Преступления против правосудия – Издание профессора Малинина. СПб. : МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2017. 1124 с.

Яни П. С. Новое постановление Пленума Верховного Суда о взяточничестве // Законность. 2013. № 11.

References

Borkov B. N. Qualification of abuse of office committed by an organized group // Legality. 2022. No. 10.

Borkov V. N. A crime committed by an organized group as an encroachment with a special subject // Modern law. 2017. No. 10.

Burkin O. A., Sitdikova V. A. Disorganization of the activities of institutions providing isolation from so-

[43] См.: *Малков В. П.* Совокупность преступлений : вопросы квалификации и назначения наказания. Казань, 1974. С. 103–104.

[44] См.: Определение Верховного Суда РФ от 27 сентября 2006 г. № 80-006-40 ; Определение Санкт-Петербургского городского суда от 15 ноября 2010 г. № 22-7164/407.

[45] См.: Определение Верховного Суда РФ от 15 августа 2006 г. по делу № 16-006-29 ; Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 декабря 2019 г. № 4-АПУ19-43. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ciety : problems of differentiation from related crimes // Russian Investigator. 2014. No. 16.

Golubov I. I. Qualification of the use of violence when escaping from a place of deprivation of liberty, from arrest or from custody // Russian judge. 2014. No. 10.

Gryazeva N. V. Ways to improve escapes from custody // Penal enforcement system : law, economics, management. 2006. No. 2. P. 17–22.

Druzin A. I., Chuchaev A. I. Disorganization of the activities of institutions providing isolation from society (problems of legislative regulation) // «Black holes» in Russian legislation. 2002. No. 4.

Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation : in 4 volumes. The special part. Sections X–XII (article-by-article) / ed. by V. M. Lebedev. Moscow : Yurayt, 2017.

Kuleshov Yu. I. Problems of optimizing criminal law policy in the field of combating crimes against justice // Legal World. 2014. No. 8.

Malkov V. P. The totality of crimes : issues of qualification and sentencing. Kazan, 1974. 307 p. Crimes against justice / ed. by A.V. Galakhova. Moscow, 2005.

Crimes against justice (Chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation) : a monograph / ed. by N. A. Lopashenko. Moscow, 2023. 560 p.

Primak A. A. Criminal liability for crimes infringing on the established procedure for the execution of punishment in the form of imprisonment : cand. legal sci. dis. abstr. Krasnoyarsk, 2003. 24 p.

Rudy N. K. Improvement of criminal law norms on liability for crimes that infringe on the official activities and safety of law enforcement and regulatory officials, employees of institutions that ensure isolation from society // A Russian investigator. 2008. No. 13.

Russian criminal law. Special part : textbook / ed. by F. R. Sundurov, M. V. Talan. Moscow : Statute, 2012.

Russian criminal law. General and Special parts : a textbook / ed. by A. V. Brilliantov. 2nd ed., revised and additional Moscow : Prospect, 2015.

Khromov E. V. Commentary on certain provisions of the Criminal Code of the Russian Federation in the decisions of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation (article-by-article). 2023. Access from the legal reference system «ConsultantPlus».

Encyclopedia of Criminal Law. Vol. 28: Crimes against justice / ed. by Professor Malinin. St. Petersburg : MIEP at the IPA EurAsEC, 2017. 1124 p.

Yani P. S. New resolution of the Plenum of the Supreme Court on bribery // Legality. 2013. No. 11.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Мельников Е. А., кандидат юридических наук, доцент кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита

E-mail: evgmelnikov.1985@mail.ru

Поступила в редакцию: 20.05.2025

Для цитирования:

Мельников Е. А. Квалифицированные виды побега: актуальные вопросы теории и практики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 231–239. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/231-239

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Melnikov E. A., PhD in Law, Associate Professor of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of Public Audit of the

E-mail: evgmelnikov.1985@mail.ru

Received: 20.05.2025

For citation:

Melnikov E. A. Qualified types of escape: current issues of theory and practice // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 3 (62). P. 231–239. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/231-239

УДК 343.116
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/240-248

О НЕОБХОДИМОСТИ ИЗМЕНЕНИЯ НАИМЕНОВАНИЯ ГЛАВЫ 31 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВОСУДИЯ» И СОДЕРЖАНИЯ ЕЕ ОТДЕЛЬНЫХ НОРМ

В. В. Трухачев, Г. Г. Белоконь
Воронежский государственный университет

ON THE NEED TO AMEND CHAPTER 31 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION CRIMES AGAINST JUSTICE AND THE CONTENT OF ITS INDIVIDUAL PROVISIONS

V. V. Trukhachev, G. G. Belokon
Voronezh State University

Аннотация: обосновывается целесообразность изменения наименования главы 31 Уголовного кодекса РФ «Преступления против правосудия» путем его дополнения. Дается характеристика объекта данных преступлений и отдельных его составляющих. Предлагаются изменения в ряд составов преступлений указанной категории.
Ключевые слова: преступления против правосудия, содержание правосудия, досудебное производство, обеспечительная и исполнительная деятельность.

Abstract: the article substantiates the expediency of changing the name of Chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation «Crimes against justice» by adding to it. The article provides a description of the object of these crimes and its individual components. Changes are proposed in a number of the compositions of this category of crimes.
Key words: crimes against justice, content of justice, pretrial proceedings, security and enforcement activities.

Вопрос о корректировке наименования главы 31 Уголовного кодекса РФ является предметом обсуждения на протяжении значительного периода времени. Еще в советский период распространение получила позиция о понимании содержания правосудия в уголовно-процессуальном значении как деятельности судов и в уголовно-правовом, более широком смысле, включающем деятельность не только судов, но и других органов власти, способствующих отправлению правосудия, исходя из понимания видового объекта преступлений, включенных в главу 31 УК РФ[1]. Высказывались и предложения исключить из данной главы нормы о преступлениях, посягающих на иные органы власти[2].

Тем не менее в действующем Кодексе сохранено наименование указанной категории преступлений в том виде, в котором она была закреплена в УК РСФСР 1960 г., а именно «Преступления против правосудия».

Основным аргументом в защиту дополнения наименования указанной главы, по нашему мнению, является ее неполнота. Согласно ст. 118 Конституции Российской Федерации правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом.

[1] См.: *Власов И. С., Тяжкова И. М.* Ответственность за преступления против правосудия. М., 1968. С. 31.

© Трухачев В. В., Белоконь Г. Г., 2025

[2] См.: *Кузнецов А.* Совершенствование уголовно-правовых гарантий конституционных прав обвиняемого // Советская юстиция. 1980. № 13. С. 4.

Иные виды деятельности государственных органов в сфере уголовного судопроизводства не совпадают по своему характеру и содержанию с правосудием, но, безусловно, должны подлежать и подлежат уголовно-правовой охране.

Прежде всего, на наш взгляд, следует учитывать, что в содержании указанной главы содержится ряд составов преступлений, посягающих не только на правосудие, но и на иные виды деятельности в сфере уголовного судопроизводства. Это получило отражение в наименовании статей УК РФ, входящих в содержание данной главы. Достаточно упомянуть, что ст. 294 УК РФ, с которой начинается рассматриваемая глава, именуется «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования». Далее следуют ст. 295 УК РФ «Посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование»; ст. 310 УК РФ «Разглашение данных предварительного расследования».

На наш взгляд, вызывает возражение утверждение Л. В. Лобановой о том, что ни производство предварительного расследования, ни исполнение процессуальных решений не происходят во имя самих себя. Подобная деятельность есть обеспечение правосудия[3]. Поддерживает эту позицию А. С. Горелик, относя к объекту уголовно-правовой охраны гл. 31 УК РФ также общественные отношения, обеспечивающие предпосылки для надлежащего осуществления деятельности по отправлению правосудия, а также деятельности органов и лиц, призванных содействовать суду в осуществлении стоящих перед ним задач и деятельности по реализации результатов правосудия[4]. О включении в понятие преступлений против правосудия общественно опасных деяний, посягающих не только на деятельность суда по осуществлению судебной власти в форме отправления правосудия, но и на деятельность правоохранительных органов, содействующих отправлению правосудия, говорит Т. К. Агузаров[5].

По нашему мнению, производство предварительного расследования является самостоятельным видом деятельности в уголовном судопроизводстве и выполняет ряд смежных с правосудием, но не тождественных задач. Прежде всего это касается задач в сфере обеспечения уголовно-правовой политики борьбы с преступностью, раскрытием и расследованием преступлений. То же самое относится и к исполнению процессуальных решений, принятых уполномоченными на то лицами в ходе судопроизводства.

Кроме того, следует отметить, что ни органы предварительного следствия, ни органы принудительного исполнения Российской Федерации не осуществляют судебную власть. Согласно ст. 1 Федерального конституционного закона РФ «О судебной системе Российской Федерации»[6] судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных и арбитражных заседателей. Никакие другие органы и лица не вправе принимать на себя осуществление правосудия. В связи с этим нельзя согласиться с утверждением С. В. Максимова о том, что преступления против правосудия во всех случаях посягают и на судебную власть[7].

Указанные органы также не входят в судебную систему Российской Федерации. Согласно ч. 3 ст. 118 Конституции РФ эту систему составляют Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, мировые судьи субъектов РФ.

Трудно согласиться и с утверждением о том, что правосудие следует понимать в узком смысле (как исключительно судебную деятельность) и в широком, при котором в правосудие включаются иные виды юрисдикционной деятельности, непосредственно связанные с работой судов[8].

Отметим, что в ряде случаев досудебное производство может быть завершено и до начала правосудия. При этом оно осуществлялось без непосредственной связи с судебной деятельно-

[3] См.: *Лобанова Л. В.* Преступления против правосудия : проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности : дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2000. С. 46.

[4] См.: *Горелик А. С., Лобанова Л. В.* Преступления против правосудия. СПб. : Юрид. центр пресс, 2005. С. 30.

[5] См.: *Агузаров Т. К.* Преступные посягательства на независимость и неприкосновенность судей : монография. М. : ТК Велби : Проспект, 2004. С. 24.

[6] См.: О судебной системе Российской Федерации : федер. конституц. закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 23.07.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 1. Ст. 1.

[7] См.: *Максимов С. В.* Правосудие как объект уголовно-правовой охраны // Журнал российского права. 2013. № 4. С. 65.

[8] См.: *Максимов С. В.* Указ. соч. С. 68 ; Курс уголовного права. Особенная часть Т5 / под ред. Г. И. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002. С. 145.

стью. Так, в главе 4 УПК РФ приведен достаточно широкий круг оснований отказа в возбуждении уголовного дела, прекращения уголовного дела и уголовного преследования. Вряд ли можно рассматривать вынесение следователем постановления об отказе в возбуждении уголовного дела ввиду отсутствия события преступления как правосудие «в широком смысле».

Рассмотрим предложения об изменении наименования главы 31 УК РФ.

В целом обоснованным, хотя и нуждающимся в корректировке, на наш взгляд, является предложение об изложении наименования главы 31 УК РФ в следующей редакции: «Преступления против судебной власти и процессуальной деятельности органов предварительного расследования и органов, призванных исполнять приговоры и иные судебные акты»[9]. В данных предложениях позитивным моментом является то, что в наименование рассматриваемой главы включены и основные виды деятельности, которые непосредственно связаны с осуществлением правосудия. В то же время следует отметить, что, на наш взгляд, судебная власть не является видом деятельности, а представляет собой термин, отражающий основные направления и полномочия судов.

Как верно отмечают С. А. Шейфер и В. А. Яблоков, под судебной властью понимается «принадлежащее судам, составляющим единую судебную систему государства, исключительное полномочие по разрешению возникающих в правовой сфере жизни общества социальных конфликтов с использованием установленной законом процедуры, реализуемое в формах конституционного, гражданского, уголовного и административного судопроизводства»[10].

Кроме того, с включением в ст. 303 УК РФ ч. 4, устанавливающей ответственность за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности лицом, уполномоченным на проведение оперативно-розыскных мероприятий, указание на только процессуальную деятельность органов предварительного расследования и дознания является недостаточным.

Некоторые авторы предлагают не использовать в названии главы 31 УК РФ термин «правосудие», а именовать данную главу «Преступления в сфере судопроизводства». При обосновании этого предложения указывается следующий аргумент. Понятие «судопроизводство» по содержанию шире понятия правосудия за счет того, что включает в себя как деятельность судов по рассмотрению и разрешению дел, отнесенных к их ведению (собственно правосудие), так и действия других субъектов, которые реализуют свои права и обязанности, вступая в процессуальные отношения с судом[11].

На наш взгляд, данное предложение не заслуживает поддержки в силу следующих факторов.

Во-первых, исключение термина «правосудие» из наименования данной главы вольно или невольно принижает особую и ведущую роль правосудия в правоприменительной деятельности в целом. Отметим, что особая роль правосудия предусмотрена в конституционных положениях. Так, согласно ст. 18 Конституции РФ права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяющими смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Отметим также, что законодатель выделил в отдельную главу 7 Конституции РФ «Судебная власть и прокуратура» положения, закрепляющие правовое регулирование деятельности судебных органов. При этом подавляющее большинство статей в указанной главе посвящено именно правовым основам судебной системы в Российской Федерации. Так, в ст. 120 Конституции РФ закреплен принцип независимости судей и подчинения их только Конституции РФ и федеральному закону; в ст. 122 – принцип неприкосновенности судей; в ст. 123 – принцип осуществления судопроизводства на основе состязательности равноправия сторон.

Во-вторых, в главе 31 УК РФ содержится ряд составов, предусматривающих уголовную ответственность за действия лиц, в ходе которых они не вступали в процессуальные отношения с су-

[9] *Калашникова А. А.* Судопроизводство как объект уголовно-правовой охраны // Труды юрид. ф-та СевКав ГТУ. Ставрополь, 2004. Вып. 2. С. 128.

[10] *Шейфер С. А., Яблоков В. А.* Понятие судебной власти и ее функции // Проблемы судебно-правовой реформы в России : история и современность : сборник трудов. Самара, 1999. С. 192.

[11] См.: *Кулешов Ю. Н.* Преступления против правосудия : проблемы теории, законотворчества и правоприменения : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2007. С. 11.

дом (например, разглашение данных предварительного расследования).

Отметим, что дополнение наименования главы 31 УК РФ указанием на то, что преступления, содержащиеся в данной главе, посягают и на другие виды уголовно-правовой деятельности, не принижает значение, ведущую роль и самостоятельность правосудия. Уголовно-правовой защите обоснованно подлежат взаимосвязанные с правосудием виды уголовно-правовой деятельности, эффективное осуществление которых напрямую связано с созданием условий для оперативности, высокого качества и эффективности правосудия.

На наш взгляд, при формулировке наименования главы 31 УК РФ необходимо учитывать следующие положения. Прежде всего следует исходить из объекта данной группы преступлений. По мнению Л. В. Иногамовой-Хегай, видовой объект преступных посягательств данной главы – совокупность общественных отношений, обеспечивающих правильное функционирование специфического вида государственной деятельности органов следствия, дознания, прокуратуры, суда и органов, исполняющих судебные акты, по реализации целей и задач правосудия[12]. Данная позиция не позволяет акцентировать внимание на самостоятельных объектах уголовно-правовой охраны от преступных посягательств, закрепленных в главе 31 УК РФ.

По нашему мнению, объектом преступлений, включенных в главу 31 УК РФ, являются общественные отношения в следующих видах деятельности: 1) правосудие; 2) виды деятельности, связанные с правосудием, которые подразделяются на: а) досудебное производство; б) обеспечительная деятельность государственных органов по реализации правосудия и досудебного производства; в) исполнительная деятельность государственных органов по реализации правосудия и досудебного производства.

Рассмотрим указанные виды деятельности более подробно.

Правосудие. Прежде всего, необходимо определиться с понятием правосудия. Обусловлено это тем, что содержание правосудия трактуется в юридической науке неоднозначно. Так, по мнению В. М Лебедева, правосудие должно рассматриваться как особый вид государственной деятельности, содержанием которой являются рассмотрение и разрешение судами различных социальных конфликтов, связанных с действительным или предполагаемым нарушением норм права[13].

На наш взгляд, в данном случае выделение в качестве основного признака правосудия разрешения различных социальных конфликтов вызывает сомнение. Социальные конфликты разрешаются не только в ходе судебной деятельности, но и в ходе иных видов государственной деятельности, осуществляемой иными органами власти (прокуратурой, органами предварительного расследования, органами принудительного исполнения РФ и др.).

Большей поддержки заслуживает определение правосудия, предложенное А. Т. Боннером, по мнению которого, правосудие представляет собой рассмотрение и разрешение судами в установленном законом процессуальном порядке конкретных судебных дел с вынесением по ним законных, обоснованных и справедливых судебных решений[14].

Тем не менее отметим, что при конструировании понятия правосудия необходимо было бы указать в качестве результата правосудия не только вынесение судебного решения, но также приговора или иного судебного акта. Отметим, что такой перечень содержится в ст. 305 УК РФ «Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта» и ст. 315 УК РФ. С учетом изложенного правосудие представляет собой рассмотрение и разрешение судами в установленном законом процессуальном порядке конкретных судебных дел с вынесением по ним приговора, решения или иного судебного акта.

Досудебное производство. В содержание данной деятельности входят действия по применению норм конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного законодательства.

Особая роль принадлежит досудебному производству в уголовно-правовой сфере, которая в соответствии со ст. 5 УПК РФ начинается с момента получения сообщения о преступлении и заканчивается направлением прокурором уго-

[12] См.: Преступления против правосудия / под ред. канд. юрид. наук А. В. Галаховой. М. : Норма, 2005. С. 22–23.

[13] См.: Судебная власть и правосудие в Российской Федерации : курс лекций / под ред. В. В. Ершова. М., 2011. С. 446.

[14] См.: Гражданское процессуальное право : учебник / под ред. М. С. Шакарян. М., 2004. С. 38.

ловного дела в суд для его рассмотрения по существу. Данный вид деятельности можно рассматривать как инициативно-подготовительную деятельность к осуществлению правосудия. В нее, в свою очередь, входят такие виды деятельности, как оперативно-розыскная деятельность, предварительное расследование в форме предварительного следствия либо дознания. Думается, неотъемлемой частью досудебного производства является и прокурорский надзор за законностью указанных видов деятельности.

Особая роль досудебного судопроизводства в уголовно-правовой сфере обусловлена важностью задач, обусловленных необходимостью борьбы с преступностью, объемом полномочий органов и должностных лиц, его осуществляющих, тяжестью последствий в случае его ненадлежащего исполнения для государства в целом и для отдельных его участников.

Как отмечалось ранее, задачи, решаемые в ходе досудебного производства, не тождественны задачам, стоящим перед правосудием. В связи с этим указанные виды деятельности не должны отождествляться даже частично. Широкая трактовка «досудебного производства» как формы правосудия не обоснована прежде всего именно несовпадением задач, стоящих перед указанными видами деятельности. На наш взгляд, достаточно наглядным примером является здесь перечень задач, стоящих перед оперативно-розыскной деятельностью. Так, согласно ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»[15] к числу указанных задач относится, например, добывание информации о событии или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической или информационной безопасности Российской Федерации. Очевидно, что перед судом такого рода задача не поставлена. Более того, указанный вид деятельности основан и на таких принципах, не свойственных правосудию, как конспирация, сочетание гласных и негласных методов и средств, закрепленных в ст. 3 упомянутого закона.

Также недопустимо отождествление правосудия с прокурорским надзором, осуществляемым в досудебном производстве. Предметом надзора, как это следует из ст. 29 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»[16], является соблюдение прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, выполнения оперативно-розыскных мероприятий и проведения расследования. В предмет надзора также включена законность решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

Обеспечительная деятельность государственных органов по реализации правосудия и досудебного производства. Безусловно, в ходе судопроизводства должны быть обеспечены основные законные права и интересы его участников. Прежде всего речь идет об обеспечении личной безопасности указанных участников. Так, согласно ст. 295 УК РФ максимальные виды наказания предусмотрены за посягательства на жизнь лиц, наделенных соответствующим процессуально-профессиональным статусом.

В перечень указанных лиц входят судьи и присяжные заседатели и иные лица, участвующие в отправлении правосудия, прокуроры, защитники, следователи, лица, производящие дознание, защитники, эксперты, специалисты, сотрудники органов принудительного исполнения РФ, а равно их близкие. Причем ответственность за посягательство на жизнь указанных субъектов должна быть связана с рассмотрением дел или материалов в суде, производством предварительного расследования либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта. При этом целью такого посягательства должно являться воспрепятствование законной деятельности указанных лиц либо месть за такую деятельность.

Думается, в целях оптимизации уголовного закона наименование указанной нормы также нуждается в корректировке, поскольку действующая редакция носит ограничительный характер. Она именуется «Посягательства на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование», но в диспозиции

[15] См.: Об оперативно-розыскной деятельности : федер. закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 01.04.2025 № 41-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.

[16] См.: О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (в ред. от 03.02.2025 № 5-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 47. Ст. 4472.

нормы предусмотрены не только эти лица, а в том числе и сотрудники органов принудительного исполнения РФ.

На обеспечение личной безопасности указанных лиц направлены и другие статьи уголовного закона. Речь, в частности, идет о ст. 296 УК РФ «Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования»; ст. 311 УК РФ «Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса».

Другой основной разновидностью деятельности государственных органов, направленной на обеспечение эффективности и справедливости уголовного судопроизводства, обеспечение независимости профессиональных участников уголовного судопроизводства, является реализация уголовной ответственности за воспрепятствование правосудию, досудебному производству и исполнению приговора, решения суда или иного судебного акта. Такая ответственность, в частности, установлена в ст. 294 УК РФ «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования»; ст. 298-1 УК РФ «Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудников органов принудительного исполнения РФ».

Подчеркнем, что обеспечительные меры уголовно-правого воздействия должны в полной мере соответствовать принципам уголовного судопроизводства. В связи с этим, по нашему мнению, перечень лиц, воспрепятствование законной деятельности которых в уголовно-правовой сфере влечет уголовную ответственность, должен быть дополнен процессуальными фигурами защитника и эксперта, так как это сделано в ст. 295 и 296 УК РФ.

На наш взгляд, действующие редакции ст. 294 и 298-1 УК РФ не в полной мере согласуются с таким принципом уголовного судопроизводства, как назначение уголовного судопроизводства. Согласно п. 2 ч. 1 ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением, в том числе, защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Отсутствие процессуальной фигуры защитника в ст. 294 и 298-1 УК РФ также не в полной мере соответствует и принципу состязательности сторон, согласно которому стороны обвинения и защиты равноправны перед судом (ст. 15 УПК РФ).

Отметим, что в последние годы на наличие данного упущения было обращено достаточно активное внимание[17], что послужило разработкой Министерством юстиции законопроекта о внесении дополнения в главу 31 УК РФ отдельной статьи, а именно ст. 294.1, в которой, по мнению разработчиков, следовало бы закрепить уголовную ответственность за воспрепятствование законной деятельности адвоката. Однако данный законопроект законодательной поддержки не получил.

На наш взгляд, не следует вводить специальную норму об уголовной ответственности за воспрепятствование законной деятельности адвоката, ибо это противоречит указанному ранее принципу состязательности и равноправия сторон пред судом. Достаточно введения процессуальной фигуры защитника в диспозицию ст. 294 и 298-1 УК РФ.

Попутно отметим, что санкции в ст. 298-1 УК РФ не в полной мере отвечают уголовно-правовому принципу справедливости наказания. Согласно ст. 6 УК РФ наказание, применяемое к лицу, совершившему преступление, должно быть справедливым, т. е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного.

Так, максимальное наказание за клевету в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, и сотрудников органов принудительного исполнения РФ, соединенное с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, влечет наказание в виде штрафа до 5 млн рублей либо в размере зарплаты или доходов осужденного за период до трех лет либо в виде обязательных работ на срок до 480 часов. Между тем клевета в отношении иных лиц, соединенная с обвинением в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, максимально наказывается лишением свободы на срок

[17] См.: *Лобанова Л. В., Висков Н. В.* Нужны дополнительные уголовно-правовые гарантии реализации адвокатом процессуального статуса защитника обвиняемого // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 4. С. 142–145 ; *Роженцев Н. С.* Установление ответственности за воспрепятствование законной деятельности адвоката : тенденции и перспективы // Правопорядок : история, теория, практика. 2024. № 3 (42). С. 183–187.

до 5 лет (ч. 5 ст. 128-1 УК РФ). Таким образом, имеет место более низкий уголовно-правовой уровень защиты интересов лиц, осуществляющих правосудие, досудебное производство, исполнение приговоров, что ввиду их повышенной государственной и общественной значимости является нелогичным.

Важной формой обеспечительной деятельности, направленной на защиту государственных интересов, а именно интересов предварительного расследования, является деятельность по охране данных предварительного расследования. В качестве субъектов такой охраны в ст. 310 УК РФ названы следователь или лицо, производящее дознание. Согласно данной норме уголовно-наказуемым является разглашение данных предварительного расследования лицом, предупрежденным о недопустимости их разглашения, если оно совершено без согласия следователя или лица, производящего дознание. Процессуальная фигура судьи в данном случае не указана. Это является еще один аргумент в пользу недопустимости рассмотрения предварительного расследования как правосудия «в широком понимании».

Исполнительная деятельность государственных органов по реализации правосудия и досудебного производства. Уголовная ответственность за противодействие указанному виду деятельности предусмотрена в ряде составов, содержащихся в главе 31 УК РФ. Прежде всего, имеются в виду следующие статьи:

– ст. 314 «Уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера»;

– ст. 314-1 «Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений»;

– ст. 315 «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта».

В рамках тематики данной статьи первоочередной интерес представляют положения, закрепленные в ч. 1 ст. 315 УК РФ, устанавливающие уголовную ответственность за злостное неисполнение вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствование их исполнению лицом, подвергнутым административному наказанию за деяния, предусмотренные ч. 4 ст. 17.15 Кодекса РФ об административных правонарушениях, совершенные в отношении того же судебного акта. Напомним, что в ст. 17.15 КоАП РФ установлена административная ответственность за неисполнение содержащихся в исполнительном документе требований неимущественного характера.

Думается, что закрепление в данной норме такого обязательного признака преступности деяния, как «злостность», является излишним. Как неоднократно отмечалось в литературе, указанный термин является оценочным. В свою очередь, это обстоятельство допускает его разностороннюю трактовку правоприменителем, что негативно сказывается на достижении общих целей правосудия или досудебного производства. По обоснованному, на наш взгляд, утверждению В. Н. Зырянова и А. Р. Саруханяна, правоприменитель, получая слишком широкие рамки усмотрения, создает своей деятельностью постоянную и реальную угрозу ошибочного применения нормы. При этом ошибки не обязательно могут быть связаны (и, как правило, не связаны) с произволом и злоупотреблениями правоприменителя, а прежде всего имеют причиной своего происхождения огромные трудности процесса интерпретации этого оценочного признака[18].

Следует учитывать, что субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом виновного лица. На это обстоятельство обратила внимание Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу П., осужденному судом первой инстанции по ст. 315 УК РФ. Уголовное дело в отношении П. было прекращено ввиду отсутствия в его действиях состава преступления, так как он не имел прямого умысла на уклонение от исполнения решения суда[19]. Обязательность прямого умысла само по себе свидетельствует о повышенной общественной опасности уклонения, предусмотренного ст. 315 УК РФ, его «злостности».

Кроме того, по-нашему мнению, привлечение к административной ответственности за подобное правонарушение и его повторное совершение, также само по себе свидетельствует

[18] См.: *Зырянов В. Н., Саруханян А. Р.* Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 1. С. 130–134.

[19] См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 5 апреля 2023 г. № 51-УД23-2-КВ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

о злостности неисполнения. В связи с этим термин «злостность» следовало бы исключить из диспозиции рассматриваемой нормы.

Такая же аргументация применима и к ч. 2 указанной нормы, согласно которой уголовная ответственность наступает за злостное неисполнение представителем власти, государственным служащим, муниципальным служащим, а также служащим государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствование их исполнению. На наш взгляд, в качестве критерия, разграничивающего преступление от сходного административного правонарушения или дисциплинарного проступка, в данном случае обоснованным было бы указание на характер последствий, которые вызвало указанное деяние. Думается, вполне уместным было бы использование законодательного опыта при конструировании ст. 285 УК РФ, где в качестве такого разграничительного критерия указаны последствия в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

С учетом изложенного, по нашему мнению, обоснованным является предложение о наименовании главы 31 УК РФ в следующей редакции: «**Преступления против правосудия и досудебного производства, а также деятельности по их обеспечению и исполнению принятых актов».**

Библиографический список

Агузаров Т. К. Преступные посягательства на независимость и неприкосновенность судей : монография. М. : ТК Велби : Проспект, 2004. 128 с.

Власов И. С., Тяжкова И. М. Ответственность за преступления против правосудия. М., 1968. 134 с.

Горелик А. С., Лобанова Л. В. Преступления против правосудия. СПб. : Юрид. центр пресс, 2005. 491 с.

Гражданское процессуальное право : учебник / под ред. М. С. Шакарян. М., 2004. 580 с.

Зырянов В. Н., Саруханян А. Р. Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 1. С. 130–134.

Калашникова А. А. Судопроизводство как объект уголовно-правовой охраны // Труды юрид. ф-та СевКавГТУ. Ставрополь, 2004. Вып. 2. С. 122–131.

Кузнецов А. Совершенствование уголовно-правовых гарантий конституционных прав обвиняемого // Советская юстиция. 1980. № 13. С. 4–8.

Кулешов Ю. Н. Преступления против правосудия : проблемы теории, законотворчества и правоприменения : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2007. 54 с.

Курс уголовного права. Особенная часть Т5 / под ред. Г. И. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002. 512 с.

Лобанова Л. В. Преступления против правосудия : проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности : дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2000. 305 с.

Лобанова Л. В., Висков Н. В. Нужны дополнительные уголовно-правовые гарантии реализации адвокатом процессуального статуса защитника обвиняемого // Вестник экономики, права и социологии. 2018. № 4. С. 142–145.

Максимов С. В. Правосудие как объект уголовно-правовой охраны // Журнал российского права. 2013. № 4. С. 65–71.

Преступления против правосудия / под ред. канд. юрид. наук А. В. Галаховой. М. : Норма, 2005. 416 с.

Роженцев Н. С. Установление ответственности за воспрепятствование законной деятельности адвоката : тенденции и перспективы // Правопорядок : история, теория, практика. 2024. № 3 (42). С. 183–187.

Судебная власть и правосудие в Российской Федерации : курс лекций / под ред. В. В. Ершова. М., 2011. 902 с.

Шейфер С. А., Яблоков В. А. Понятие судебной власти и ее функции // Проблемы судебно-правовой реформы в России : история и современность : сборник трудов. Самара, 1999. С. 184–199.

References

Aguzarov T. K. Criminal encroachments on the independence and inviolability of judges : a monograph. Moscow : TK Velbi, Prospekt Publishing House, 2004. 128 p.

Vlasov I. S., Tyazhkova I. M. Responsibility for crimes against justice. Moscow, 1968. 134 p.

Gorelik A. S., Lobanova L. V. Crimes against justice // St. Petersburg : Legal Center press, 2005. 491 p.

Civil procedural law : textbook / ed. by M. S. Shakaryan. Moscow, 2004. 580 p.

Zyryanov V. N., Sarukhanyan A. R. Non-execution of a court verdict, court decision or other judicial act. Gaps in Russian legislation. Law journal. 2010. No. 1. P. 130–134.

Kalashnikova A. A. Legal proceedings as an object of criminal law protection // Proceedings of the Jurid. SevKavGTU Faculty. Stavropol, 2004. Issue 2. P. 122–131.

Kuznetsov A. Improvement of criminal law guarantees of constitutional rights of the accused // Soviet justice. 1980. No. 13. P. 4–8.

Kuleshov Yu. N. Crimes against justice : problems of theory, lawmaking and law enforcement : cand. legal sci. dis. abstr. Vladivostok, 2007. 54 p.

Criminal law course. Special part T5 / ed. by G. I. Borzenkov, V. S. Komissarov. Moscow, 2002. 512 p.

Lobanova L. V. Crimes against justice : problems of classification of encroachments, regulation and differentiation of responsibility : dr. legal sci. dis. Kazan, 2000. 305 p.

Lobanova L. V., Viskov N. V. Additional criminal law guarantees are needed for a lawyer to exercise the procedural status of a defender of the accused // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2018. No. 4. P. 142–145.

Maksimov S. V. Justice as an object of criminal law protection // Journal of Russian Law. 2013. No. 4. P. 65–71.

Crimes against justice / ed. by A. V. Galakhova. Moscow : Norma, 2005. 416 p.

Rozhentsev N. S. Establishing responsibility for obstructing the legitimate activities of a lawyer : trends and prospects // Law and order : history, theory, practice. 2024. No. 3 (42). P. 183–187.

Judicial power and justice in the Russian Federation : a course of lectures / ed. by V. V. Yershov. Moscow, 2011. 902 p.

Shafer S. A., Yablokov V. A. The concept of judicial power and its functions / Problems of judicial and legal reform in Russia : history and modernity : proceedings. Samara, 1999. P. 184–199.

Воронежский государственный университет
Трухачев В. В., доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права
E-mail: vadviktor116@gmail.com
Белоконь Г. Г., старший преподаватель кафедры уголовного права
E-mail: belokon@law.vsu.ru

Поступила в редакцию: 08.09.2025

Для цитирования:
Трухачев В. В., Белоконь Г. Г. О необходимости изменения наименования главы 31 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против правосудия» и содержания ее отдельных норм // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 240–248. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/240-248

Voronezh State University
Trukhachev V. V., Doctor of Legal Sciences, Professor of the Criminal Law Department
E-mail: vadviktor116@gmail.com
Belokon G. G., Senior Lecturer of the Criminal Law Department
E-mail: belokon@law.vsu.ru

Received: 08.09.2025

For citation:
Trukhachev V. V., Belokon G. G. On the need to amend Chapter 31 of the Criminal Code of the Russian Federation «Crimes against justice» and the content of its individual provisions // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 3 (62). P. 240–248. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/240-248

УДК 341
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/249-254

СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ШВЕЙЦАРСКОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ДИСКУРС

В. П. Бирюкова
Воронежский государственный университет

THE FORMATION OF THE STATEHOOD OF THE SWISS CONFEDERATION: INTERNATIONAL LEGAL DISCOURSE

V. P. Biriukova
Voronezh State University

Аннотация: раскрываются международно-правовые аспекты формирования Швейцарской Конфедерации. Выделяются два этапа развития швейцарской государственности, выявляются ключевые преобразования, вызванные историческими событиями. Исследуются особенности правового регулирования международно-правового статуса Конфедерации. Обосновывается вывод о правовых традициях Швейцарии в международно-правовом аспекте: плюрализме, нейтралитете, демократизме и международном сотрудничестве.
Ключевые слова: Швейцарская Конфедерация, кантоны, международное сотрудничество, Конституция Швейцарии.

Abstract: this article reveals the international legal aspects of the formation of the Swiss Confederation. Two stages of the development of Swiss statehood are distinguished, revealing the key transformations caused by historical events. The features of legal regulation of the international legal status of the Confederation are studied. The author substantiates the conclusion about the legal traditions of Switzerland in the international legal aspect: pluralism, neutrality, democracy and international cooperation.
Key words: Swiss Confederation, cantons, international cooperation, Swiss Constitution.

Становление швейцарской государственности представляет особый интерес для юридической науки. В первую очередь, стоит отметить необычный характер возникновения Швейцарии как единого территориального образования; значительную роль в этом процессе сыграли нормы международного права.

Как известно, Швейцария имеет четыре официальных языка: немецкий, французский, итальянский и романшский (ст. 4 Конституции Швейцарской Конфедерации[1]). Тем не менее именно немецкое слово *Eidgenossenschaft* (Конфедерация) в большей мере отражает историю появления Швейцарии как единого государства, поскольку оно составлено из слов *Eid* (клятва) и *Genossenschaft* (товарищество).

С точки зрения формирования Швейцарской конфедерации и ее правовой системы отчетливо выделяются два этапа:

1) период Швейцарского союза (1291–1798 гг.);

2) период современной Швейцарской Конфедерации (1798 г. – настоящее время).

Рассмотрим подробнее формирование Швейцарии.

Первый этап – Швейцарский союз («Старая Конфедерация»).

Известно, что с 1231 г. область Ури уже обладала правовым статусом, предусматривающим

[1] См.: Constitution fédérale de la Confédération suisse du 18 avril 1999. URL: https://www.fedlex.admin.ch/eli/cc/1999/404/fr

© Бирюкова В. П., 2025

непосредственную подчиненность императору Священной Римской империи Фридриху II. Спорной ситуация была лишь в кантоне Швиц, где в 1240 г. жителям выдали императорскую грамоту о свободе; несмотря на это, фактически кантон находился под юрисдикцией Габсбургов.

Что касается долинных местностей Нидвальдена и Обвальдена, которые в соответствии с Хартией были объединены в территориальную единицу Унтервальден, они никогда не пользовались привилегиями, аналогичными предоставленным жителям Швица.

Датой создания Швейцарского союза традиционно считается 1291 г., когда кантоны Ури, Швиц и Унтервальден (также именуемые «лесные кантоны») сформировали альянс, заключив Союзный договор (также известный как «Федеративная хартия» или «Союзная грамота»). Данный договор является старейшим документом Швейцарии конституционного характера. В настоящее время полный текст Федеративной хартии[2] выставлен в Музее союзной грамоты в г. Швиц, столице одноименного кантона.

Согласно Федеративной хартии, население указанных кантонов «поклялось поддерживать друг друга помощью, любым советом и содействием, имуществом и жизнью, как внутри долин, так и во вне их, со всей властью и силой, против групп или отдельных лиц, стремящихся им или кому-то из них учинить насилие, причинить беспокойство или неправду, или сотворить зло против их жизни и имущества»[3].

Таким образом, путем заключения фактически международного договора кантоны объединились для борьбы против внешнего врага – династии Габсбургов, захватывавшей власть в Европе. При этом Федеративная хартия лишь юридически оформила ранее существовавший союз, а не создала новый. Кантоны «дали друг другу братскую (кровную) клятву исполнять этот договор без всяких задних мыслей, возобновив тем самым посредством нынешнего союза содержание более раннего, клятвенно заверенного соглашения»[4]. Очевидно, в действительности соглашение было достигнуто ранее, чем оно получило документальное закрепление.

Историк Ф. Райнхардт подчеркивает, что договор был заключен между правящими слоями указанных кантонов, поскольку именно их власть на данных территориях оказалась под угрозой со стороны дома Габсбургов[5]. При этом воля к региональному самоопределению властей лесных кантонов также совпала с интересами жителей этих кантонов и со сложившимися на этих территориях местными традициями. Лишь обладающее достаточным правосознанием и самосознанием население стремится к объединению и формированию взаимовыгодного союза. Профессор Университета Цюриха М. Томмен характеризовал Союз 1291 г. как «публичный мирный договор» *(*англ. *public peace)*[6].

Таким образом, Союз 1291 г. положил начало швейцарской государственности, имеющей ***смешанную международно-федеративную основу.*** Впоследствии плюралистическая природа швейцарской государственности красной нитью проходит через всю историю Конфедерации.

В Унтервальдене власть Габсбургов официально не оспаривалась, однако родовитые семьи стремились побудить королей выдать им грамоту о свободе. Это произошло в 1309 г. при правлении Генриха VII, а после его смерти, в 1316 г., – при Людвиге IV Баварском, поскольку оба этих правителя составляли конкуренцию Габсбургам.

15 ноября 1315 г. в битве у горы Моргартен, предпосылкой к которой стал конфликт жителей кантона Швиц с аббатством Айнзидельн, ополчение Швица, Ури и Унтервальдена победило войско Габсбургов. 9 декабря 1315 г. был заключен союз, который реципировал положения о Союзе 1291 г. По его условиям, кантоны обязуются не признавать никакого сюзерена, не заключать договоры с другими государствами без одобрения других членов союза.

В 1332 г. лесные кантоны заключили союз с Люцерном; в 1351 г. к нему присоединился Цюрих, позднее – Берн, Гларус, Золотурн, Цуг. Таким образом, территория Швейцарии посте-

[2] См.: The Bundesbrief museum : History. URL: https://www.bundesbrief.ch/en/history.html/7 (дата обращения: 03.03.2024).

[3] The Federal Council – The portal of Swiss government : The federal charter of 1291. URL: https://www.admin.ch/gov/en/start/federal-council/history-of-the-federal-council/federal-charter-of-1291.html (дата обращения: 04.03.2025).

[4] Bundesbrief 1291. URL: https://eume.upf.org/images/switzerland/Bundesbrief.pdf (дата обращения: 04.03.2025).

[5] См.: *Райнхардт Ф.* История Швейцарии / пер. с нем. В. А. Брун-Цеховского. М. : Весь Мир, 2013. С. 14–15.

[6] См.: Introduction to Swiss Law / ed. by Marc Thommen. Berlin/Bern : Carl Grossman Verlag, 2018. P. 46.

пенно увеличивалась на основании международных соглашений.

Вместе с тем в стране длительное время не формировалась единая централизованная система государственного управления. Один лишь образ «общего врага» в лице династии Габсбургов не мог сплотить столь разнородные кантоны. Впоследствии решающим для дальнейшего укрепления Конфедерации стал такой фактор, как совместное завоевание зависимых территорий, поскольку оно предполагало и совместное управление ими.

Новым шагом к становлению государственного аппарата растущей Конфедерации стало подписание ее субъектами «Хартии Священников» 1370 г.[7] Хартия получила свое название вследствие того, что ее положения подчиняли иностранных священнослужителей швейцарской юрисдикции. Помимо прочего, в ней закреплялись некоторые положения обязательственного права, разграничение компетенции в военных делах, а также запрет междоусобиц.

В 1393 г. был подписан еще один важный документ в швейцарской истории – Земпахская грамота[8]. Грамота, во многом опиравшаяся на положения Хартии 1370 г., запрещала любое применение силы одним кантоном в отношении к другому, обязывала кантональные власти преследовать по закону мародерство и дезертирство. Это способствовало укреплению «клятвенного союза» и расширяло его территорию. Таким образом, постепенно Швейцария как единое государство, хотя и конфедеративное, принимала участие в международных отношениях, складывавшихся на европейском континенте.

Следующим этапом в развитии Конфедерации стало Станское соглашение 1481 г.[9] Оно установило принцип невмешательства кантонов во внутренние дела друг друга, запрет несанкционированных военных походов, а также взаимные обязанности кантонов по оказанию поддержки в подавлении внутренних беспорядков или в войне с иностранным государством.

Параллельно с заключением важнейших соглашений, определявших права и обязанности кантонов, Конфедерация формировала свой государственный аппарат и систему управления. Так, к середине XV в. в Швейцарии действовал Тагзатцунг (нем. *Tagsatzung*) – единый орган исполнительной и законодательной власти, призванный обеспечивать общие интересы кантональных властей[10]. Тагзатцунг, главным образом, регулировал вопросы внешней политики, экономики, а также совместного управления подконтрольными землями.

В XVI–XVII вв. в Швейцарию, владеющую множественными разнородными территориями, пришла европейская Реформация. Власти кантонов стали объединяться на основании критерия религии, формируя внутри страны два противопоставленных друг другу «альянса» – католического и протестантского. Этот период в швейцарской истории характеризуется поляризацией власти. Тагзатцунг, более двух столетий служивший общешвейцарским форумом, потерял значительный объем своей власти. Он определял направления государственной политики в меньшей степени, чем собрания кантональных властей по конфессиональному признаку. Тем не менее во избежание внутренних столкновений ни католические, ни реформатские кантоны не вмешивались ни в какие внешние конфликты религиозного характера.

Представляется, что именно этот принцип невмешательства во внешние конфликты, зародившийся в результате споров на религиозной почве, стал фундаментом для формирования государственного нейтралитета Швейцарии. В 1674 г. Тагзатцунг впервые официально провозгласил нейтралитет Конфедерации[11].

В начале XVIII в., помимо внутренних противоречий, обострились и ухудшились также отношения между представителями светской и религиозной властей. В 1725 г. состоялся легендарный Удлигенсвильский процесс. В одноименной деревне было решено провести вечер танцев в честь престольного праздника; местный ландфогт разрешил его, а священник – запретил. Данный вопрос породил спор о компетенции государственных и церковных судов, о под-

[7] См.: Dictionnaire historique de la Suisse : Charte des prêtres. URL: https://hls-dhs-dss.ch/fr/articles/009803/2010-09-27/ (дата обращения: 05.03.2025).

[8] См.: Dictionnaire historique de la Suisse : Convenant de Sempach. URL: https://hls-dhs-dss.ch/fr/articles/009804/2011-11-22/ (дата обращения: 05.03.2025).

[9] См.: Dictionnaire historique de la Suisse : Convenant de Stans. URL : https://hls-dhs-dss.ch/fr/articles/009805/2013-01-24/ (дата обращения: 05.03.2025).

[10] См.: Introduction to Swiss Law / ed. by Marc Thommen. Berlin/Bern : Carl Grossman Verlag, 2018. P. 47.

[11] См.: Dictionnaire historique de la Suisse : Neutralité. URL: https://hls-dhs-dss.ch/fr/articles/016572/2010-11-09/ (дата обращения: 05.03.2025).

сущности им различных категорий дел. В конечном итоге запрет священника был снят, а самого священника направили в другую местность. Правда, из исторических источников осталось неясным, был в конечном итоге проведен вечер танцев или нет[12].

Локальные конфликты, политические дебаты, влияние эпохи Просвещения и размышления о сущности швейцарской власти стали причиной коренных преобразований в государственном устройстве Конфедерации. Кроме того, вспыхнувшая в соседней Франции революция также спровоцировала события, приведшие в итоге к началу новой эры в швейцарской истории и становлению ее современной государственности.

Второй период – становление современной швейцарской государственности («Новая Конфедерация»). 12 апреля 1798 г. в результате французской оккупации Швейцарская Конфедерация, «земля 13 кантонов» была преобразована в Гельветическую республику, и была принята первая в истории Швейцарии единая конституция. Несмотря на то что ее модель была навязана Францией, некоторые положения отличались самостоятельностью и предопределили будущие конституции Швейцарии. Так, гл. 2 Конституции Гельветической республики закрепила разделение территории Гельвеции на кантоны и провозгласила их равными[13]. Потеряв власть, принадлежащую субъектам федеративного государства, и став лишь административными единицами унитарного государства, кантоны обрели равенство, отразившееся впоследствии в других конституционных документах. Однако такие революционные изменения, к тому же навязанные извне, не могли быть приняты ни правителями, ни населением. Более того, они породили идеологическое противостояние «унитариев» и «федералистов», несколько государственных переворотов на уровне высших органов власти и даже гражданскую войну[14].

В 1803 г. масштабные конституционные преобразования происходили при «благородном посредничестве» Наполеона I Бонапарта[15]. Принятый по его итогам 19 февраля 1803 г. Акт посредничества (фр. *Acte de Médiation*)[16] вновь провозгласил Швейцарскую Конфедерацию, положив конец недолгому существованию унитарного государства – Гельветической республики. Акт посредничества, выполнявший роль конституции вновь образованного государства, предусматривал принятие кантонами своих конституций и впервые ввел в действие многоуровневую систему власти, основные начала которой сохранились по сей день: власть принадлежит кантонам, а полномочия конфедерации распространяются лишь на сферы, не урегулированные кантонами.

Режим посредничества завершился с прекращением наполеоновской гегемонии путем тяжелых переговоров на Венском конгрессе 1813–1815 гг. В результате кантоны, количество которых увеличилось до 22, включая спорные кантоны Валлис, Женева и Невшатель, вновь заключили Союзный договор. Кроме того, швейцарские делегаты настояли на включении в Парижский мирный договор от 20 ноября 1815 г. официальных положений о нейтралитете[17], что предопределило дальнейшую внешнюю политику Швейцарии и признание ее постоянного нейтралитета другими государствами.

Так начался процесс, именуемый историками Реставрацией (или Регенерацией[18]) старого конфедеративного государства. Он осложнялся, однако, внутренними противоречиями и столкновениями всех со всеми: либералов – с консерваторами, католиков – с протестантами, сельских кантонов – с городскими. Непродолжительный, но динамично развивавшийся конфликт между сторонниками конфедерации (протестантскими кантонами) и Зондербундом (альянсом католических кантонов) закончился в 1847 г. победой Конфедерации.

В 1848 г. была принята Конституция[19], поручившая полномочия в сфере международных

[12] См.: Dictionnaire historique de la Suisse : Affaire d'Udligenswil. URL : https://hls-dhs-dss.ch/fr/articles/017203/2014-01-14/ (дата обращения: 06.03.2025).

[13] См.: Constitution Hélvetique du 12 avril 1798. URL: http://histoire-suisse.geschichte-schweiz.ch/republique-helvetique-1798.html

[14] См.: История XIX века : в 8 т. 1800-1815 годы / под ред. Э. Лависса, А. Рамбо. М. : Изд. Тов-ва «Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и Ко», 1905. Т. 1. С. 278.

[15] См.: Dictionnaire historique de la Suisse: Acte de Médiation. URL: https://hls-dhs-dss.ch/fr/articles/009808/2009-12-08/ (дата обращения: 06.04.2025).

[16] См.: Acte de Médiation du 19 février 1803. URL: https://mjp.univ-perp.fr/constit/ch1803.htm (дата обращения: 06.04.2025).

[17] См.: Traité de paix de Paris du 20 novembre 1815.

[18] См.: Dictionnaire historique de la Suisse : Régénération. URL: https://hls-dhs-dss.ch/fr/articles/009800/2010-08-23/ (дата обращения: 06.03.2025).

[19] См.: Constitution fédérale de la Confédération Suisse du 12 Septembre 1848.

отношений высшему исполнительному органу Конфедерации – Федеральному совету (ч. 8 ст. 90 Конституции Швейцарии 1848 г.). Таким образом, кантонам были отрезаны пути к поиску покровительства у более влиятельных европейских держав по соседству – Италии, Франции, Австрии. Кроме того, на новую систему органов власти Конфедерации были возложены обязанности по принятию мер к защите независимости и нейтралитета государства (ч. 6 ст. 74 Конституции 1848 г.).

Реципировав ее положения, в 1874 г. была принята новая Конституция[20], которая впоследствии оставалась в силе почти полтора столетия. Впервые в истории Конфедерации конституционным актом предусматривалось применение международных договоров – в частности, в отношении иностранцев, проживающих на территории Швейцарии, в случае рассмотрения индивидуальных споров с их участием (ст. 59 Конституции 1874 г.). Стоит отметить, что поле для применения международных договоров и соглашений у органов власти было обширным – незадолго до Первой мировой войны каждый седьмой житель Швейцарии являлся иностранцем[21].

В Конституцию 1874 г. за весь длительный период ее действия вносились многочисленные поправки. Некоторые из них представляют значительный интерес в международно-правовом аспекте.

В частности, в 1891 г. по итогам всенародного голосования[22] в ст. 120 было закреплено право граждан, обладающих активным избирательным правом, инициировать пересмотр конституции на референдуме. Кроме того, в соответствии с поправками от 1977 г. на референдум также мог быть вынесен вопрос о ратификации международного договора, если международный договор:

– имеет неопределенный срок действия и не подлежит денонсации (п. «a» ч. 3 ст. 89 Конституции 1874 г. в редакции от 1977 г.);

– предусматривает присоединение Швейцарии к международной организации (п. «b» ч. 3 ст. 89 Конституции 1874 г. в редакции от 1977 г.);

– направлен на многостороннюю унификацию права (п. «c» ч. 3 ст. 89 Конституции 1874 г. в редакции от 1977 г.).

В XX в., пережив две мировые войны и сохранив свой нейтралитет, Швейцария столкнулась с вызовами нового времени. В частности, речь идет о позиции Конфедерации в международных организациях.

Проведенные в 1945 г. переговоры о вступлении Швейцарии в ООН не привели к ожидаемому результату, что, однако, не умаляет роли отдельных швейцарских городов (например, Женевы) как территории для переговоров великих держав в эпоху Холодной войны. Лишь в 2002 г. по итогам референдума, в ходе которого 56,4 % швейцарцев проголосовали «за», Швейцарии удалось присоединиться к ООН[23].

Не меньшими противоречиями сопровождалось решение вопроса о вступлении Конфедерации в Европейский союз (ЕС): перевес голосов «против» составил менее 24 тыс. чел.[24] В настоящее время Швейцария, не являясь членом ЕС, активно сотрудничает с данной организацией как в рамках двусторонних соглашений, так и в составе Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ)[25].

Политико-правовой анализ истории Швейцарии позволяет выявить традиции, ставшие основными началами правовой системы Конфедерации:

1. *Принцип плюрализма*. Духом плюрализма пронизана вся швейцарская правовая система, в первую очередь в силу федеративного устройства государства. Социокультурные различия кантонов (языковые, конфессиональные и т. д.) во многом определяют положения федерального законодательства, обеспечивающие равенство всех перед законом, а также требуют широкой компетенции кантональной власти.

2. *Международная направленность*. В течение всей своей истории Швейцария оставалась активным субъектом международного права, стремясь при этом не вмешиваться в политические интриги окружающих ее европейских держав.

[20] См.: Constitution fédérale de la Confédération Suisse du 29 Mai 1874.

[21] См.: *Райнхардт Ф.* Указ. соч. С. 112.

[22] См.: Message du Conseil Fédéral à l'Assemblée Fédérale au sujet de la votation populaire du 5 juillet 1891.

[23] См.: La Chancellerie fédérale : Votation populaire du 03.03.2002. URL: https://www.bk.admin.ch/ch/f/pore/va/20020303/index.html (дата обращения: 07.03.2025).

[24] См.: La Chancellerie fédérale : Votation populaire du 09.10.1992. URL: https://www.bk.admin.ch/ch/f/pore/va/19921206/index.html (дата обращения: 07.03.2025).

[25] См.: European Free Trade Association : the EFTA States. URL: https://www.efta.int/about-efta/the-efta-states (дата обращения: 07.03.2025).

3. *Нейтралитет*. Принцип нейтралитета находится в тесной взаимосвязи с ранее указанной позицией Швейцарии в международных отношениях и в настоящее время является «визитной карточкой» Конфедерации.

4. *Значительная роль демократических процедур*. Право разрешения важнейших вопросов государства и права принадлежит кантонам и населению Швейцарии, будь то вопрос о вступлении в международную организацию или о принятии новой конституции.

Таковы исторически сложившиеся традиции швейцарского права, существенно повлиявшие на правовую систему и предопределившие ее актуальное состояние. Современная Конституция Швейцарии была принята 18 апреля 1999 г. по итогам референдума.

Библиографический список

История XIX века : в 8 т. / под ред. Э. Лависса, А. Рамбо. М. : Изд. Тов-ва «Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и Ко», 1905. Т. 1: 1800–1815 гг. 361 с.

Райнхардт Ф. История Швейцарии / пер. с нем. В. А. Брун-Цеховского. М. : Весь Мир, 2013. 144 с.

Introduction to Swiss Law / ed. by Marc Thommen. Berlin/Bern : Carl Grossman Verlag, 2018. 452 p.

References

The history of the XIX century : in 8 volumes / ed. by L. Laviss, A. Frame. Moscow : Publishing house «Br. A. I. Granatov and Co.», 1905. Vol. 1: 1800–1815. 361 p.

Reinhardt F. The history of Switzerland / transl. from German by V. A. Brun-Tsekhovsky. Moscow : The Whole World, 2013. 144 p.

Introduction to Swiss Law / ed. by Marc Thommen. Berlin/Bern : Carl Grossman Verlag, 2018. 452 p.

Воронежский государственный университет
Бирюкова В. П., преподаватель кафедры международного и евразийского права
E-mail: biriuckova.valerya@yandex.ru

Поступила в редакцию: 17.04.2025

Для цитирования:
Бирюкова В. П. Становление государственности Швейцарской Конфедерации: международно-правовой дискурс // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 3 (62). С. 249–254. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/249-254

Voronezh State University
Biriukova V. P., Lecturer of the Department of International and Eurasian Law
E-mail: biriuckova.valerya@yandex.ru

Received: 17.04.2025

For citation:
Biriukova V. P. The formation of the statehood of the Swiss Confederation: international legal discourse // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. № 3 (62). P. 249–254. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/249-254

УДК 343.01
DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/255-257

ВСПОМИНАЯ ЮРИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА АСТАФЬЕВА

А. Ю. Астафьев
Воронежский государственный университет

REMEMBERING YURI VASILIEVICH ASTAFYEV

A. Yu. Astafiev
Voronezh State University

1 ноября 2024 г. в конференц-зале главного корпуса Воронежского государственного университета состоялся всероссийский круглый стол «Юридическое познание: уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные аспекты», посвященный 60-летию со дня рождения Юрия Васильевича Астафьева.

Ю. В. Астафьев… Ученый, яркий представитель воронежской школы процессуалистов, автор более ста научных и учебно-методических работ, в своих трудах последовательно изучавший вопросы взаимосвязи уголовного судопроизводства и оперативно-розыскной деятельности, учитель и наставник, которого с благодарностью помнит не одно поколение студентов. Университетский человек[1], чья научная и педагогическая деятельность является частью истории юридического факультета ВГУ, где он, без сомнения, оставил о себе светлую память, незабвенную для его коллег и учеников.

Каким вспоминается мне Юрий Васильевич? Вспоминается прежде всего как преподаватель. Удивительный педагог, лектор, который для многих всегда оставался непревзойденным примером преподавательского мастерства. Все, кому доводилось слышать его публичные выступления, будь то лекция или доклад на конференции, поражались его ораторскому таланту: как ясно подавался им материал, даже самый сложный, как стилистически безупречно звучала его речь, как прекрасно была она выстроена композиционно, наконец, как сочетались в ней красота слога и глубина содержания. Сейчас остается только жалеть, что в свое время не было подготовлено курса его видеолекций. Безусловно, они могли бы служить прекрасным наглядным руководством как по методике преподавания предмета, так и по искусству красноречия.

Сколько бы ни рассуждать о том, какими качествами должен обладать «идеальный» педагог, всё же следует признать, что только личное восприятие по-настоящему способно сформировать образ такого педагога. В этом смысле тем, кто присутствовал на лекциях Ю. В. Астафьева, несомненно, повезло – у них был вдохновляющий пример. Как человек, учившийся у Ю. В. Астафьева, а затем работавший вместе с ним, под его началом, могу с уверенностью утверждать, что всей своей деятельностью Ю. В. Астафьев прививал нам представление об идеальном педагоге. В этом, вероятно, и состоят подлинная ценность преподавания и его реальные достижения, которые не измеряются в конкретных показателях, но при этом, в отличие от научных трудов, не могут и «устареть», потому что имеют непреходящее значение – они формируют профессиональную культуру, в том числе культуру будущих университетских работников.

Пожалуй, стоит отметить несколько важных аспектов, характеризующих преподавательский стиль и метод Ю. В. Астафьева.

1. Абсолютно свободная речь, лекция как рассказ, отсутствие каких-либо конспектов перед глазами, что особенно подкупало слушателей, позволяло держать внимание аудитории, контакт с которой устанавливался, казалось, уже с первых фраз лектора.

[1] Едва ли возможно подобрать лучшую характеристику Ю. В. Астафьеву. В свое время, размышляя над названием книги, посвященной ему, именно такое ее заглавие мы сочли наиболее подходящим. См.: Университетский человек : памяти Ю. В. Астафьева / под ред. А. Ю. Астафьева. Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2018.

© Астафьев А. Ю., 2025

2. Очень стройная структура лекции, четкая формулировка тезисов, периодическое возвращение к основным идеям. (Как парадоксально сочеталось это с видимой импровизационностью его речи!)

3. Умение объяснить конкретные процессуальные проблемы на понятных и убедительных примерах реальных уголовных дел, в значительной мере из его собственной адвокатской практики. Известно, как важно добиться того, чтобы у слушателей информация оставалась на уровне образов. Ю. В. Астафьев, надо признать, неизменно добивался этого.

4. Безупречный академизм, интеллектуальная насыщенность материала и в то же время умение к месту и небанально пошутить на юридическую тему, эффектно привести запоминающуюся цитату – всё это позволяло не допускать ни малейшего утомления слушателей, создавало ощущение полного погружения в тему.

Не берусь судить о том, формулировал ли както для себя Ю. В. Астафьев цели преподавательской деятельности, но как бы то ни было я отчетливо видел ее результаты. Видел неизменно заполненные аудитории, куда приходили даже не самые прилежные студенты, традиционно пропускавшие занятия. Видел, как почти после каждой лекции студенты окружали его, что-то увлеченно спрашивали, а потом обсуждали друг с другом услышанное. Каждый преподаватель знает, насколько важно получать такую обратную связь, понимать, что удалось дать стимул к размышлению. Почему Ю. В. Астафьеву удавалось это? Вероятно, потому, что он умел говорить не просто о нормах, но и о смыслах. Без лишней дидактики, эмоционально, выразительно, ярко. И вообще был очень органичен за преподавательской кафедрой, излучая энергию, которая передавалась слушателям.

Говоря о Ю. В. Астафьеве как о педагоге, конечно, надо отдельно упомянуть и о его внеучебной работе со студентами, которой уделялось большее внимание: организация выступлений практиков в рамках научного кружка; постоянное проведение модельных процессов со студентами, посещение с ними судебных заседаний. Во всё это Юрий Васильевич вкладывал поистине много сил в стремлении разнообразить учебный процесс, усилить его прикладную составляющую. Следует отметить, что на кафедре уголовного процесса, которую Ю. В. Астафьев возглавлял с 2004 по 2017 г., все его начинания до сих пор поддерживаются и развиваются.

Студенты всегда ценили общение с Юрием Васильевичем, были рады работе с ним и, хочется верить, перенимали от него самое важное. То, что во многом благодаря преподавателю, его профессиональным и личным качествам появляется любовь к конкретному предмету, – довольно очевидная и непреложная истина. Увы, далеко не все наделены силой и даром воплощать ее. У Ю. В. Астафьева же, напротив, получалось максимально возможное: не просто передавать сумму знаний, что-то объяснять и истолковывать, а по-настоящему заинтересовывать уголовным процессом, подчас настолько, что для многих это определяло выбор будущей сферы деятельности.

Бесспорно, для Ю. В. Астафьева его профессия была призванием. И вспоминая его сейчас как блестящего лектора, вдумчивого наставника, доброжелательного руководителя, отчетливо понимаешь, к чему следует стремиться и на кого ровняться.

…Удивительная способность, которая была присуща Юрию Васильевичу, – умение объединять вокруг себя людей. Не оттого ли память о нем до сих пор так объединяет нас?..

К слову, сам Ю. В. Астафьев, будучи носителем и хранителем подлинной университетской культуры, очень трепетно относился к памяти коллег и учителей, с особой теплотой вспоминая своего главного наставника Льва Дмитриевича Кокорева, имя которого ныне носит кафедра уголовного процесса ВГУ. В статье, посвященной Л. Д. Кокореву, Ю. В. Астафьев замечательно, проникновенно и точно написал: «Активной человеческой личности присуще стремление добиваться поставленных целей. Одни, достигнув желаемого, довольствуются им; другие могут потратить жизни в погоне за химерами; жизненный путь третьих – это осмысленный поиск, неуспокоенность на достигнутом, покорение новых рубежей»[2]. Именно в этом – осмысленном и неустанном поиске, стремлении достигать новые рубежи – и должна заключаться жизнь настоящего *университетского человека*, каким был Юрий Васильевич Астафьев.

[2] *Астафьев Ю. В., Панюшкин В. А.* Неустанность поиска // Служение истине : научное наследие Л. Д. Кокорева. Воронеж, 1997. С. 7.

Библиографический список

Университетский человек : памяти Ю. В. Астафьева / под ред. А. Ю. Астафьева. Воронеж : Издат. дом ВГУ, 2018.

Астафьев Ю. В., Панюшкин В. А. Неустанность поиска // Служение истине : научное наследие Л. Д. Кокорева. Воронеж, 1997.

References

University man : in memory of Yu. V. Astafiev / ed. by A. Yu. Astafiev. Voronezh : VSU Publishing House, 2018.

Astafyev Yu. V., Panyushkin V. A. The relentlessness of the search // Service to the truth : the scientific legacy of L. D. Kokorev. Voronezh, 1997.

Воронежский государственный университет

Астафьев А. Ю., кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса

E-mail: woltgam@rambler.ru

Поступила в редакцию 28.08.2025

Для цитирования:

Астафьев А. Ю. Вспоминая Юрия Васильевича Астафьева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2024. № 3 (58). С. 255–257. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/255-257

Voronezh State University

Astafiev A. Y., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure

E-mail: woltgam@rambler.ru

Received: 28.08.2025

For citation:

Astafiev A. Y. Remembering Yuri Vasilievich Astafyev // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2025. No 3 (62). P. 255– 257. DOI: https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2025/3/255-257

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Общие положения

1.1. К публикации принимаются материалы, содержащие результаты научных исследований, оформленные в виде полных статей, кратких сообщений, обзоров. В журнале могут быть опубликованы рецензии и материалы-обзоры проведенных научных конференций (форумов, семинаров).

1.2. Содержание присылаемых в редакционную коллегию журнала материалов и их оформление должно соответствовать установленным требованиям (см. сайт журнала: http://www.vestnik.vsu.ru/content/pravo/; http://www.law.vsu.ru/science/publications/vestnik.html).

1.3. Материалы необходимо представлять в редакционную коллегию по электронной почте или через личный кабинет пользователя на сайте журнала (https://journals.vsu.ru/law).

1.4. Подписанный автором (соавторами) текст публикации оформляется одним файлом, который содержит следующую информацию и структуру:

– индекс УДК;

– название статьи на русском и английском языках;

– инициалы и фамилию(-и) автора (соавторов);

– наименование образовательной, научной или иной организации, в которой автор (соавторы) работает (или занимает соответствующую должность);

– дату направления материала в редакцию журнала;

– аннотацию статьи на русском и английском языках;

– ключевые слова на русском и английском языках;

– текст статьи;

– библиографический список на русском и английском языках, который составляется в порядке алфавита из научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи;

– сведения об авторе (соавторах) на русском и английском языках с полным указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени, ученого звания, основного места работы, занимаемой должности, адреса электронной почты.

1.5. Для аспирантов и соискателей дополнительно необходимо прислать в редакцию журнала выписку из протокола заседания кафедры (сектора, подразделения организации) о рекомендации присланного материала к опубликованию в журнале или краткий отзыв научного руководителя с рекомендацией опубликования статьи.

1.6. Статьи, направляемые в редакцию, подлежат рецензированию и в случае положительной рецензии – научному и контрольному редактированию.

1.7. Решение о публикации статьи принимается редакционной коллегией журнала.

1.8. Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

2. Требования к оформлению материалов, направляемых в редакционную коллегию журнала для опубликования

2.1. Текст печатается в текстовом редакторе WinWord шрифтом Times New Roman 14-го кегля (размера) через 1,5 интервала.

2.2. Все поля на листе составляют по 2 сантиметра.

2.3. Объем статьи не должен превышать 16–18 страниц (к сведению: 22 страницы, или 40 000 знаков, включая пробелы и знаки препинания, составляют один печатный лист).

2.4. Сноски оформляются постранично. Нумерация сквозная.

2.5. Правила оформления сносок – в соответствии с ГОСТом 7.0.5 – 2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Во избежание ошибок редакционная коллегия рекомендует авторам самостоятельно не сокращать сноски, всякий раз приводя полные сведения о цитируемом источнике.

2.6. Все страницы рукописи следует пронумеровать.

2.7. Наименования организаций, органов государственной власти, учреждений, международных организаций не сокращаются. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

2.8. Все таблицы должны быть упомянуты в тексте. Каждая таблица печатается на отдельной странице и нумеруется соответственно первому упоминанию ее в тексте. Каждый столбец (колонка) должен иметь короткий заголовок (в нем

могут быть использованы сокращения, аббревиатуры). Разъяснения терминов, аббревиатур помещаются в сноске (примечаниях), а не в названии таблиц. Для сноски применяется символ – *. Если используются данные из другого опубликованного или неопубликованного источника, то приводится полностью его название.

2.9. Схемы и диаграммы должны быть пронумерованы и представлены в виде отдельных файлов.

2.10. Иллюстрации (фотографии) могут быть черно-белыми и цветными, отсканированы с разрешением 300 точек на дюйм и сохранены в отдельном файле в формате tif или jpg.

3. Рецензирование материалов, поступающих в редакцию

3.1. Все материалы, поступающие в редакцию журнала, соответствующие его тематике, подвергаются рецензированию с целью их экспертной оценки.

3.2. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов.

3.3. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции журнала в течение 5 лет.

3.4. Редакция журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий или мотивированный отказ.

4. Решение о публикации и отказ в публикации

4.1. Автор, направляя в журнал текст статьи, обязуется до принятия решения о публикации не представлять идентичный материал другим печатным изданиям.

4.2. В случае если для принятия решения о публикации необходимы познания в узкой области юриспруденции, редакционная коллегия направляет статью для заключения специалистам или экспертам.

4.3. В отдельных случаях возможна доработка (улучшение качества) статьи автором по рекомендации редакционной коллегии. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде вместе с ее первоначальным вариантом в максимально короткие сроки. К переработанной рукописи автору (соавторам) необходимо приложить письмо, содержащее ответы на сделанные редакцией замечания и поясняющее все произведенные в статье изменения.

4.4. Отказ в публикации возможен в случаях:

– несоответствия статьи профилю и специфике журнала;

– грубых нарушений, допущенных при цитировании, в том числе при ссылках на нормы права;

– несоответствия статьи критериям научного уровня и практической полезности;

– отрицательного заключения редакционной коллегии;

– опубликования статьи в иных изданиях или представления статьи для опубликования идентичных материалов в другие издания;

– несоответствия статьи предъявляемым требованиям к оформлению материалов.

4.5. Рукописи, представленные для публикации, не возвращаются.

4.6. Мнение редакционной коллегии не всегда может совпадать с точкой зрения автора.-

REQUIREMENTS FOR THE SUBMISSION, REVIEW AND PUBLICATION OF SCIENTIFIC ARTICLES

1. General provisions

1.1. To the publication the materials containing the results of scientific researches issued in the form of full articles, short messages, reviews are accepted. Reviews and materials reviews of the held scientific conferences (forums, seminars) can be published in the journal.

1.2. The content of the materials sent to the editorial board of the journal and their arrangement must conform to the established requirements (see website: http://www.vestnik.vsu.ru/content/pravo/; http://www.law.vsu.ru/science/publications/vestnik.html).

1.3. Materials should be sent to the editorial board by e-mail or through the user's personal account on the journal's website (https://journals.vsu.ru/law).

1.4. The text of the publication signed by the author (coauthors) should be made out by one file which contains the following information and structure:

– UDC identifier;

– article heading in Russian and in English;

– author's (coauthors') initials and surnames;

– name of educational, scientific or other organization where the author (coauthors) works (or holds any appointment);

– date of directing materials to the editorial board of the journal;

– summary of the article in Russian and in English;

– key words in Russian and in English;

– text of article;

– list of bibliography (this list shall be prepared in alphabetical order and contain names of scientific sources mentioned in footnotes);

– data on the author (coauthors) in Russian and in English with the full indication of a surname, name, middle name, academic degree, academic status, primary place of employment, post, e-mail.

1.5. For postgraduate students and degree-seeking students it is also necessary to send an extract from the minutes of chair (sector, division of the organization) about the recommendation of the sent material to publication in the journal or a short response of the research supervisor with the recommendation of publication of article to editorial board of the journal.

1.6. Articles sent to the editorial board shall be reviewed, and in case of the positive review – scientific and control correcting.

1.7. The decision on the publication of the article is made by the editorial board of the journal.

1.8. The publication of articles is free of charge.

2. Requirements to arrangement of the materials directed to the editorial board of the journal for publication

2.1. The text is printed in a text editor of WinWord; font – Times New Roman; size – 14th; interval – 1,5.

2.2. All page-sides shall be 2 centimeters.

2.3. The volume of article shouldn't exceed 16–18 pages (note: 22 pages, or 40 000 symbols, including gaps and punctuation marks, make one printed page).

2.4. References are made out page by page. Numbering goes through.

2.5. References are arranged according to state standard specification 7.0.5 – 2008 "The bibliographic references. General requirements and rules of drawing up". In order to avoid mistakes the editorial board recommends not to reduce references independently, each time pointing out full data on the citing source.

2.6. All pages of the manuscript should be numbered.

2.7. Names of the organizations, public authorities, institutions, international organizations aren't reduced. All abbreviations and reductions, except for well-known, shall be deciphered at the first use in the text.

2.8. All tables shall be mentioned in the text. Each table is printed on the separate page and numbered according to its first mention in the text. Each column must have short heading (reductions and abbreviations can be used there). Explanations of terms, abbreviations are located in references (notes), but not in the table headings. The symbol – * is applied for references. If data from other published or unpublished source are used, its heading has to be named completely.

2.9. Schemes and charts shall be numbered and submitted in separate files.

2.10. Illustrations (photos) can be black-and-white or colored, scanned with the dimension of 300 dots per inch and kept in the separate file in the tif or jpg format.

3. Reviewing of the materials coming to edition

3.1. All materials sent to editorial office of the magazine, corresponding to its subject are exposed to reviewing for the purpose of their expert assessment.

3.2. All reviewers are recognized specialists in subject of the reviewed materials.

3.3. Reviews are stored in the publishing house and in editorial office of the magazine within 5 years.

3.4. Editorial office of the magazine sends the copy of reviews or motivated refusal to authors of the presented materials.

4. The decision to publish and to refuse publication

4.1. Sending the article to the journal, the author is obliged not to represent identical material to other publishers before decision on the publication is made.

4.2. The editorial board sends articles for the conclusion to specialists or experts in case if knowledge of narrow area of law is necessary to make decision on the publication.

4.3. According to the recommendation of the editorial board completion (quality improvement) of article by the author is in some cases possible. Article sent to the author to completion has to be returned in the corrected form together with its initial version in the shortest terms. The author (co-authors) needs to attach the letter containing answers to the remarks made by edition and explaining all changes made in article to the processed manuscript.

4.4. Refusal in the publication is possible in cases:

– article's discrepancy to a profile and specifics of the journal;

– the rough violations in citing including references to statute rules;

– article's discrepancy to scientific level and practical usefulness criteria;

– negative conclusion of the editorial board;

– the article (or identical materials) is published or submitted for publication in other printed editions;

– non-compliance of the article with the requirements for the design of materials.

4.5. Manuscripts submitted for publication are not returned.

4.6. The opinion of the editorial board does not always coincide with the author's point of view.

ВЕСТНИК
ВОРОНЕЖСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ПРАВО. 2025. № 3 (62)

Дата выхода в свет 05.12.2025

Ведущий редактор *Ю. С. Гудкова*
Компьютерная верстка *Л. О. Мещеряковой*

Формат 60×84/8.
Уч.-изд. л. 31,2. Усл. п. л. 30,5. Тираж 40 экз. Заказ 431

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3